Багровая заря

Елена Грушковская

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Время действия — примерно наши дни. Имя героини — Аврора. Что ей удалось? Став одной из крылатых хищников, при этом остаться человеком. Став главой их сообщества, остаться кошкой, гуляющей сама по себе. Не имея детей, удостоиться звания "мама". Став узницей, не утратить свободы внутри себя. Подняв меч, не разить им невинных. Найти себя… Может, ей это удастся. "Вы спрашиваете, кто я? Всё началось с того, что я увидела существо на дереве. Её звали Эйне, она была хищником. Я почувствовала вкус крови и больше не могла есть человеческую пищу. Меня сочли наркоманкой. Меня арестовали за убийство, которого я не совершала. Мне было некуда идти. Дорогу обратно к людям мне — живой! — закрыла моя собственная могила и свидетельство о смерти. Моя природа необратимо изменилась. Я не боюсь солнца, распятия, чеснока, святой воды, серебра. Мне доводилось убивать себе подобных. И они тоже пытались убить меня. Война, предательство, насилие, боль. Ярость, одиночество, отчаяние. Единственное существо на свете, которое я люблю — моя младшая сестрёнка, которая называет меня мамой. Она человек, а я хищник. Когда на старом каирском кладбище меня пригвоздили к телу Эйне, по железной пуповине от неё ко мне перешло что-то. Она заразила своим вечным поиском. Она сказала: "Может, тебе это удастся". Что? Я не знаю. Здесь нет гламура и глянца. Я далека от этого. Драконов, ведьм, единорогов, эльфов тоже нет. Я ничего не приукрасила, но и не скрыла. Если местами получилось жёстко — значит, так оно и было. А если местами ком в горле — значит, так было тоже. Я — Аврора Магнус, и вы, скорее всего, побоялись бы сблизиться со мной и стать мне другом. Вы спрашиваете, кто я? Я — хищник, а вы — человек".

- Грушковская Елена
- — Глава 1. Эйне
- — Глава 2. Оскар
- — Глава 3. Хищница
- — Глава 4. Юля
- — Глава 5. Кэльдбеорг
- — Глава 6. Общество "Аврора"
- — Глава 7. Война
- — Глава 8. "Чёрные волки"
- — Глава 9. Октавиан
- — Глава 10. Мир

- — Глава 11. Может быть, мне это удастся

Грушковская Елена
Багровая заря

Вы спрашиваете, кто я?

Всё началось с того, что я увидела существо на дереве. Её звали Эйне. Она была хищником.

Я почувствовала вкус крови и больше не могла есть человеческую пищу.

Меня сочли наркоманкой.

Меня арестовали за убийство, которого я не совершала.

Мне было некуда идти. Дорогу обратно к людям мне закрыла моя собственная могила и свидетельство о смерти.

Моя природа необратимо изменилась.

Я не боюсь солнца, распятия, чеснока, святой воды, серебра. Мне доводилось убивать себе подобных. И они тоже пытались убить меня. Война, предательство, насилие, боль. Ярость, одиночество, отчаяние.

Единственное существо на свете, которое я люблю — моя младшая сестрёнка, которая называет меня мамой. Она человек, а я хищник.

Когда на старом каирском кладбище меня пригвоздили к телу Эйне, по железной пуповине от неё ко мне перешло что-то.

Она заразила своим вечным поиском. Она сказала: "Может, тебе это удастся". Что? Я не знаю.

Здесь нет гламура и глянца. Я далека от этого. Драконов, ведьм, единорогов, эльфов тоже нет. Я ничего не приукрасила, но и не скрыла. Если местами получилось жёстко — значит, так оно и было. А если местами ком в горле — значит, так было тоже.

Я — Аврора Магнус, и вы вряд ли захотели бы стать мне другом. Вы спрашиваете, кто я?

Я — хищник, а вы — человек.

— Глава 1. Эйне

1.1 Существо на дереве

Итак, кажется, вы спросили, кто я?

У меня под окном растёт клён. Он невысок, достигает верхушкой только до четвёртого этажа, а моё окно — на втором.

Зачем я рассказываю о клёне у себя под окном?

Потому что на ветке именно этого дерева я впервые увидела Эйне. Тогда я, конечно, не знала, что её зовут Эйне, она была для меня просто странным существом, забравшимся на клён и подглядывавшим за мной через окно.

Представьте себе: вечер, голубые летние сумерки, запад розовеет последним отблеском заката. В наушниках надрывается агрессивный вой и раскатистый скрежет гитар и пульсирует мощный бит "Rammstein".

Впрочем, это детали.

Главное вот что: вы случайно бросаете взгляд в окно, но в привычном пейзаже, открывающемся из него, с лёгким холодком в сердце замечаете кое-что новое. А именно, странное существо на ветке клёна, о котором рассказывалось выше. Это не птица и не кошка, а человек — точнее, худенькая девушка в чёрном кожаном костюме. Она с кошачьей грацией и обезьяньей ловкостью висит на ветках, в одну упираясь острыми носками сапогов, а за другую, повыше, цепляясь одной рукой. Лицо у неё смертельно бледное, с высокими азиатскими скулами и маленьким изящным носом, на нём резко выступают чёрные провалы глазниц, на дне которых мерцают колючие и холодные искорки. Неряшливая грива её волос чрезвычайно жёсткая и цвет имеет весьма неодинаковый: местами чёрный, местами зеленовато-серый, переходящий в серебристый, кое-где сизый, и вся эта масса, доходя длиной до плеч, щетинится дыбом, как мех дикобраза, и имеет весьма непокорный и взъерошенный вид. Но одна прядь в этой гриве, с правой стороны лба, выделяется своей серебристой белизной.

И эта странная и страшноватая особа всем телом тянется к вашему окну, целенаправленно заглядывая именно в него. Губы её так бледны, что их почти не заметно на лице, и рот чернеет узкой щелью, концы которой чуть приподняты кверху. За музыкальное сопровождение особая благодарность группе "Rammstein".

Представили? Вот такой была наша первая встреча.

1.2. Самые красивые уши

Конечно, я испугалась. Так испугалась, что уронила наушники и тут же присела, спрятавшись за батареей. Этим летом стояла палящая жара, и окно было постоянно открыто, но я так испугалась, что не сообразила его тут же закрыть.

— А я тебя всё равно вижу, — послышался глуховатый, замогильный голос, который по тембру можно было отнести и к низкому женскому, и к высокому мужскому. Словом, он был какой-то неопределённый.

Я посмотрела вверх и обмерла: жутковатая взъерошенная особа с седой прядью в волосах уже залезла на ветку повыше и висела на ней, обхватив её ногами и руками. С этой новой позиции я была видна ей даже за батареей. Я окинула взглядом комнату в поисках чего-нибудь, что можно было бы использовать как оружие.

— Советую взять табуретку для ближнего боя, — сказала она, словно прочтя мои мысли, — или швабру, если хочешь меня достать здесь, на ветке. Но я тебе ничего плохого не сделаю, тебе не понадобится от меня отбиваться. Не бойся.

Я немного высунулась из-за подоконника.

— Вы… Вы кто?

— Эйне, — ответила она. И пояснила, как будто я могла не понять: — Меня так зовут — Эйне.

Я пробормотала:

— Очень п-приятно… А зачем вы залезли на дерево?

Её серые губы растянулись в улыбку.

— Чтобы посмотреть на тебя. Ты очень милая. У тебя самые красивые ушки в этом доме.

Как ни была я напугана и поражена всем происходящим, я не удержалась от смеха.

— Мне ещё никто не говорил, что у меня красивые уши, — сказала я. — Оригинальный комплимент.

— Это не комплимент, — возразила Эйне. — Это правда. Форма твоих ушей мне очень нравится. Поверь, я кое-что смыслю в ушах. Уши — зеркало души, как и глаза.

Я немного осмелела и села на подоконник.

— Вы что, уши у всех жильцов рассматривали?

Эйне отпустила руки и повисла на ветке вниз головой, держась одними ногами, отчего её волосы свесились вниз. Присмотревшись, я разглядела, что серебристая прядь в её растрёпанной шевелюре была действительно седая, а не крашеная. И было похоже, что она уже очень давно не пользовалась расчёской.

— Да, у меня было свободное время, — сказала она, скрещивая руки на груди.

— Вы во все окна заглядываете? — спросила я. — Вообще-то, это не очень хорошо — подсматривать за людьми.

Она засмеялась глуховатым смехом, от звука которого у меня пробежал по телу холодок. Она вновь ухватилась за ветку руками и переползла на прежнюю позицию, причём спустилась она так, как висела — вниз головой. Обычный человек стал бы спускаться по дереву головой вверх, а Эйне сделала это, как муха, которая, как известно, никогда не пятится. Устроившись на ветке сидя, она улыбнулась чёрной щелью рта.

— Ничего себе, — вырвалось у меня. — Вы как будто родились на дереве и всю жизнь провели на них.

— Случается иногда и лазать, — сказала Эйне. — Но я чаще летаю.

Я решила, что она пошутила, но под взглядом тёмных провалов, из глубины которых поблёскивали две искорки, мне становилось очень не по себе. И вдруг она, оттолкнувшись от ветки, сделала длинный прыжок и приземлилась носками сапогов на подоконник. От неожиданности я отпрянула, а она протянула ко мне руку и сказала:

— Не бойся.

Рука у неё была бледная, с длинными желтоватыми ногтями, и холодная, как у покойника. Она сидела на подоконнике на корточках, упираясь в него пальцами одной руки и одним коленом, а мне, глядя на её каблуки, вдруг подумалось: как она на таких лазает по деревьям? Она же, притянув меня к себе, стала меня обнюхивать. Это было жутковато и вместе с тем забавно и щекотно, и я засмеялась. Она тоже улыбнулась чёрной щелью рта.

— Скажу правду: не уши твои привлекли меня сюда, а запах, — сказала она. И добавила: — С твоей стороны очень неосмотрительно оставлять окно открытым.

— Почему? — спросила я.

Она смотрела на меня своими тёмными впадинами глаз.

— Могут залететь кровососы, — сказала она.

— Комары? У меня есть от них жидкость, — сказала я.

А она жутковато усмехнулась.

— Нет, от кровососов, о которых я говорю, эта жидкость не спасёт тебя.

1.3. Адреналин

Смысл этого странного высказывания я поняла позже, а пока сочла её слегка чокнутой: разве нормальный человек станет

лазать по деревьям и заглядывать в окна? Её лицо было близко: она рассматривала меня со странными, птичьими движениями головы. Эти повадки наводили на мысль о том, что у неё, мягко говоря, не все дома, но уж очень жутко она выглядела — как восставший из могилы мертвец. Теперь, когда близко видела её лицо, я смогла рассмотреть форму её глаз: они были раскосые, азиатские, а чёрными провалами они мне показались, потому что их окружали тёмные тени. В них было что-то кошачье. Пальцем с длинным жёлтым ногтем она провела по моему подбородку, приблизила раскрытые губы к моей щеке и чуть коснулась ими моей кожи. От холодного прикосновения я вздрогнула.

— Я страшная? — усмехнулась она.

— Да нет, что вы, — пробормотала я. Признаться, я побоялась сказать правду.

— За вежливость спасибо, но она меня не обманет, — проговорила Эйне глухо. — От тебя пахнет страхом, это нельзя скрыть.

Её тонкие ноздри чутко вздрагивали, когда она меня обнюхивала.

— Ты восхитительно пахнешь.

Я смутилась, а она бесшумно спрыгнула с подоконника на пол. Присев на корточки — её кожаные брюки на коленях натянулись и заблестели, — она раздвинула полы моего халата и потянулась лицом к моему животу. Меня передёрнуло, я отступила от неё. Она засмеялась и вскочила — так резко, что это выглядело как смена кадра: только что она сидела на корточках, а в следующую секунду уже стояла — худая, в облегающем кожаном костюме, коротенькая жакетка которого не скрывала пупка и застёгивалась на одну пуговицу. А ещё через секунду она уже схватила меня, и я увидела оскал её жёлтых зубов: у меня на глазах её клыки удлинились и стали похожими на вампирские. Они и были вампирскими. Она зарылась лицом в мою шею, и я почувствовала её запах — затхлый, как в ящике с отсыревшими тряпками. Из моего сжавшегося от ужаса горла не вырвалось ни звука, колени подкосились, но она стиснула меня железной хваткой и не дала упасть.

— Нет, — тихонько засмеялась она, ероша мои волосы. — Нет. Я не трону тебя. Тебе повезло: я сегодня уже поужинала. Если бы я намеревалась убить тебя, я бы сделала это сразу и без лишних разговоров.

Она отпустила меня, и я плюхнулась на стул: ноги меня не держали, я их почти не чувствовала. В висках постукивало, по телу бежал холодок, а сердце трепыхалось, как пойманная в силки пташка. Уф! Вот так адреналин! Я глянула на себя в

настольное зеркальце: нет, кажется, я не поседела от ужаса, только выглядела бледноватой, а глаза — как два блюдца.

1.4. Невоспитанная гостья

Эйне между тем расхаживала по комнате. Ковёр приглушал её шаги.

— Уютненько у тебя тут.

Она рассматривала книги, заглядывала в ящики, всё трогала руками и ничего не клала на место, но мне не хватало духу сказать ей, что она ведёт себя не очень-то культурно, а ей было, как видно, плевать на приличия. Распахнув дверцы шкафа, Эйне разглядывала и перебирала мою одежду. Это был уже верх наглости, но я воспользовалась тем, что она повернулась ко мне спиной, и положила на неё крестное знамение. Я ожидала, что это если не испепелит её, то хотя бы прогонит, но она только хмыкнула.

— Это на меня не действует, — бросила она, не оборачиваясь.

У неё не было глаз на затылке, но каким-то образом она узнала, что я её перекрестила. Преспокойно перебирая мою одежду, она даже что-то насвистывала себе под нос; ей приглянулся тонкий сиреневый трикотажный джемпер, и она сказала:

— Я примерю, если не возражаешь.

Не дожидаясь моих возражений, она быстро скинула свою тесную кожаную жакетку, и под ней не оказалось ничего — даже белья. Округлостями фигуры она похвастаться явно не могла: она была костлява, виднелись позвонки и проглядывали рёбра, а лопатки выпирали так, что, казалось, готовы были прорвать кожу. Натянув мой джемпер, она повернулась ко мне лицом и спросила:

— Ну, как мне это?

Осипшим от жути голосом я сказала:

— Знаете, не очень. Не гармонирует с вашим цветом лица.

— Чёрт, — прошипела она, явно раздосадованная. — Я знаю, мне идёт только чёрный.

Скинув джемпер, она бросила его на пол, как ненужную тряпку. Её небольшие груди были мраморно-серыми, соски отливали мертвенно-сиреневым. Ещё порывшись в шкафу, она облюбовала чёрный лифчик, приложила к своей груди.

— Мой размер. — Надев его, она накинула сверху свою жакетку и улыбнулась. — Ладно, будет с меня. Мне, знаешь ли, одежда не так уж нужна, я вообще не мёрзну. Просто нужно чем-то себя прикрывать.

1.5. Два дня

— Одна живёшь?

Эйне развалилась на диване и щёлкала кнопками пульта, переключая с программы на программу, время от времени затягиваясь сигаретой. Как видно, не было надобности говорить ей, чтобы она чувствовала себя как дома.

— Нет, с отцом и мачехой, — ответила я. — Они на даче.

Телевизор Эйне быстро надоел, она бросила пульт и встала. Обойдя всю комнату и не задерживаясь взглядом ни на чём конкретном, она вдруг остановилась напротив тумбочки и резко повернулась к ней, как будто обнаружила то, что очень долго искала. Я даже вздрогнула, удивившись: что её могло там привлечь? Распахнув дверцы тумбочки, она достала фотоальбом. Я уже смирилась с тем, что она не привыкла спрашивать разрешения, и не без опаски присела рядом. Но не слишком близко. Даже на расстоянии я чувствовала от неё затхлый запах. Её палец с жёлтым ногтем потрогал фотографию моей сестры.

— Она мертва, — проговорила Эйне. — Её нашли семь лет назад на детской площадке. Зверски избитой, задушенной и изнасилованной. Убийца не был найден. Твоя мама умерла спустя два года. От горя. А отец снова женился.

Старая боль всколыхнулась на дне моей души, Эйне достала её оттуда своей холодной рукой и рассматривала со всех сторон, как какую-то диковинку. Ей было известно всё! Холод разлился по моей спине.

— Откуда вы это знаете?

Эйне не ответила. Положив мою боль на место — это была единственная вещь, с которой она обращалась бережно, — она приблизила ко мне чёрную щель рта и, дыша на меня холодом, сказала:

— Я могу найти его. Два дня.

Комья земли стучали о крышку гроба, моросил дождь. Двое крепких мужчин ставили оградку. Цветы, венки. Рыдания мамы в чёрном платке, скрывавшем почти седые волосы. Того, кто был во всём этом виноват, не нашли до сих пор. А Эйне сказала: "Два дня".

— Два дня. Два дня. Я найду.

Она повторяла это, как заклинание, глядя мне в глаза. Я тонула в чёрной бездне её глаз, онемевшая, скованная ужасом, с обледеневшей душой.

— Люди не смогли его найти, а я смогу. Два дня.

— За два дня? — Мой голос был хрипл.

— Да. Два дня. Я уже вижу. Я знаю. Хочешь, чтобы я сделала это?

— Я не знаю…

Её рот покривился в усмешке.

— Не веришь.

Я смогла только качнуть головой.

— Через два дня приходи в полночь на то место, где её нашли. Он будет там.

1.6. На подоконнике

Эйне сидела на корточках на подоконнике, упираясь в него одним коленом и костяшками пальцев. Её нечёсаные волосы падали ей на лицо, седая прядь странно выделялась.

— Проникать в сердце теней — так это называется, — сказала она.

Трудно сказать, что это значило. По-птичьи склонив голову набок, она смотрела на меня — то ли с усмешкой, то ли серьёзно. Склонив голову в другую сторону — что за нелепая, птичья манера! — она молчала, а её губы были приоткрыты, как у слабоумной. Могу заверить: лицо у неё в этот момент было совершенно чокнутое.

— Придёшь? — спросила она.

— В полночь? — спросила я.

— В полночь, — повторила она.

Её губы раздвинулись, зубы желтовато заблестели: она улыбалась. Клыки выступали только чуть-чуть, но мне в жизни не забыть, как они в один момент выросли.

— Не придёшь — принесу его голову прямо сюда.

В окно веяло прохладой. Странно было видеть на фоне привычного пейзажа это жутковатое существо. Что ему было от меня нужно?

— Я не смогу вам заплатить, — сказала я.

Она глуховато засмеялась, и от этого звука меня пробрал по коже мороз.

— Мне не нужны деньги. Я обхожусь без них.

1.7. Сказки

— Лучше закрой окно. И занавески тоже.

Она сказала это, перед тем как исчезнуть. Она просто прыгнула с подоконника куда-то вверх, в темнеющее небо, и исчезла. Мне почудился при этом звук, похожий на хлопанье очень больших крыльев, но я сомневалась, что именно крылья произвели его: никаких крыльев я не увидела. Эйне просто прыгнула и исчезла.

Я ещё очень долго не могла прийти в себя. Длинные жёлтые

зубы чуть не вонзились мне в шею, дверцы шкафа были распахнуты, мой любимый чёрный лифчик у меня утащили, а сиреневый джемпер весь пропах этим вызывающим содрогание и холодок в сердце затхлым запахом. На диване лежал раскрытый альбом с фотографиями. Я сидела и долго, долго думала над всем этим.

А я-то полагала, что всё это — сказки!

1.8. Правосудие

— Зря ты не поехала с нами на дачу, — сказала Алла. — Там так хорошо! Столько вишни поспело!

Они привезли десятилитровое ведро вишни. Весь день был посвящён варке варенья, а я не могла думать ни о чём: всюду мне чудился этот запах. Хоть я и выстирала сиреневый джемпер, но, как мне казалось, он всё ещё пахнул ею. Странный, мертвенный, могильный запах. Запах серых кладбищенских теней.

Было вполне логично, что я не пошла в полночь на детскую площадку: ужас проник в меня, пронизывая до мозга костей, и я не могла высунуть носа из дома. Приоткрытое окно дышало сырой шелестящей прохладой, шуршало холодящим спину шёпотом, пульсирующий мрак предупреждал о неведомой опасности, таящейся в глубине ночи, и привычное уютное тепло одеяла не могло спасти меня от страха. Мне стало совсем страшно, и я включила ночник. Забравшись в постель, я натянула одеяло до самого носа.

Сон не шёл ко мне. Какой тут мог быть сон! Дождливый мрак, шелестящий, шепчущий, трогал чёрными пальцами край подоконника, заглядывая в комнату с любопытством серой нежити, выползающей из-под земли на живое тепло и свет человеческих жилищ. Я, маленькая и беззащитная перед тёмными силами ночи, дрожала под одеялом — столь ничтожной защитой от мертвящего дыхания этой жуткой полночи. Сердце во мне боялось биться и дрожало в груди маленьким испуганным комочком, а моя душа спряталась под кровать. Только бы дожить до утра!

В час ночи сильный порыв ветра распахнул окно, и на подоконник прыгнуло из мрака бледноликое существо с седой прядью в длинных мокрых волосах. Вцепившись одной рукой в оконную раму, в другой оно держало какой-то круглый предмет, обёрнутый тряпицей. Ткань пропиталась чем-то тёмным.

— Так и знала, что ты не придёшь, — сказало существо глухо.

Я почувствовала знакомый затхлый запах. Дрожа, я натягивала на себя одеяло, ледяные иголочки страха кололи мне тело. Эйне — это была, конечно, она — по-кошачьи бесшумно

спрыгнула на ковёр, нимало не заботясь о том, что её обувь оставила на нём мокрые грязные пятна. В приглушённом свете ночника её лицо казалось зеленоватым. Поблёскивая капельками дождя на плечах кожаного жакета, она одним прыжком оказалась рядом со мной.

— Зря боялась, глупенькая. А я тебе кое-что принесла.

Развернув покрытую тёмными пятнами тряпицу, она протянула мне свой ужасный подарок — человеческую голову, оторванную от тела. Кожа на шее свисала неровными клочками, в центре запёкшейся разорванной плоти подрагивал толстый серый шнур спинного мозга, а что до лица, то черт его разглядеть было невозможно: так оно было изуродовано, покрыто ссадинами и потёками крови. В полуоткрытом рту белели зубы, один глаз заплыл фиолетовой опухолью, другой остекленело поблёскивал из-под полуопущенного века.

— Я выполнила, что обещала, — сказала Эйне. — Это он. Можешь убедиться в этом сама.

Холодной рукой она взяла мою руку и, с силой притянув к себе, положила на изуродованное лицо мёртвой головы.

Яркая вспышка, грохот. И чёткая картинка: вечерние сумерки, детская площадка. "Пожалуйста, не надо…" — это стонет Таня, из последних сил отползая по песку. Её лицо в крови, в глазах — страдание, страх и мольба. В потемневшем от кровоподтёков рту поблёскивают зубы, блестит белок глаза, скошенного в сторону надвигающейся смерти, взгляд — как у затравленного зверя, обречённого, умирающего. Это лицо моей весёлой, смешливой сестрёнки, искажённое предсмертным ужасом. Такой она была за несколько мгновений до…

До стука комьев земли в крышку гроба, цветов и венков, чёрного платка мамы, оградки и памятника. И зашедшего в тупик расследования.

Отдёрнув руку, я свесилась с кровати. Меня тошнило на ковёр. Сердце мучительно захлёбывалось кровью.

— Ты увидела, что видел он, — сказал глухой голос. — Его глазами. Я сдержала своё слово, честно выполнила то, что обещала. Это он, ты сама в этом убедилась.

К грязным следам на ковре добавилась лужица блевотины. Зеленоватый свет ночника тускло поблёскивал на странном украшении большого пальца правой руки Эйне — в виде кольца с длинным крючковатым когтем, надетым на первый сустав.

— Правосудие свершилось. А ты не верила, что за два дня я сделаю то, что люди не смогли сделать за семь лет.

1.9. Баскетбол

— Заберите это, — попросила я, с содроганием покосившись на голову, лежавшую на пропитанной кровью тряпке на моём письменном столе.

Отец и Алла спали в соседней комнате, дождь стих. Эйне, взгромоздившись на подоконник, ждала, когда я успокоюсь. А успокоиться было трудно — после всего, что я увидела и почувствовала. К горлу подкатывали волны дурноты, и всё, на чём зиждилась моя картина мира, дало здоровую трещину. Всё, что я считала невозможным, на моих глазах происходило, и всё, над чем я только усмехалась, встало передо мной во весь рост. Я соприкоснулась с чем-то ужасным, невообразимым; оно протянуло холодную руку из тьмы и дотронулось до меня: почувствуй меня, вот я, я есть. И неважно, веришь ты в меня или нет, я всё равно существую.

Странное кольцо-коготь поблёскивало на большом пальце Эйне: она подпирала рукой подбородок, и ночник отбрасывал на её высокие и бледные, без тени румянца, скулы мертвенно-зелёный отсвет. Она смотрела в темноту за окном.

— Прекрасная ночь, — сказала она. — Погуляем?

— Нет… Не могу.

— Почему?

Я сжалась под одеялом в клубок.

— Уйдите, оставьте меня… Мне плохо.

— Тебе нужно на свежий воздух, — сказала она.

— Спасибо… В другой раз, — пробормотала я.

Эйне очень ловким и гибким движением привела своё тело в позу готового к старту спринтера.

— В другой раз так в другой раз. Я ещё приду. — И, кивнув на голову, усмехнулась: — Оставляю его тебе. Вам нужно о многом поговорить.

И она прыгнула в темноту.

О чём я могла говорить с мёртвой головой? Странные слова Эйне были похожи или на бред, или на издёвку. Зачем она притащила сюда эту гадость? Что мне с ней делать? Как от неё избавиться? Я даже дотронуться-то до неё боюсь.

— Сделай из меня кубок.

Это сказала мёртвая голова. Её глаза, точнее, один не заплывший опухолью глаз насмешливо поглядывал на меня, окровавленный и распухший рот скалился в улыбке. Бред, скажете вы, мёртвые головы не могут говорить. Я тоже так думала — до этого момента. Я ничего не нюхаю и не колюсь, а следовательно, глюков у меня быть не может; но что же это, если не глюк?

— Кубок или вазу для искусственных фруктов, — сказала

голова. — Вари меня несколько часов, пока плоть не начнёт легко отделяться от костей, очисти череп, сделай круговой распил и вытащи мозги. Верхушку черепа советую не выбрасывать, её можно прикрепить в виде откидывающейся крышки. Таким образом, я могу стать оригинальной деталью интерьера твоей комнаты.

Наверно, я просто рехнулась, и у меня бред, решила я. С моей психикой что-то неладное. Эта ночь перевернула всю мою жизнь, через неё пролегла граница, и всё, что осталось за нею, казалось райским сном, а всё, что было впереди, лежало передо мной страшной, одинокой и тёмной дорогой.

— Можешь поступить и иначе, — продолжала разговорчивая голова. — Сделай из меня препарат. Вынь мозг, положи в банку и залей формалином или спиртом. Ты сможешь хвастаться своим друзьям, что у тебя хранятся мозги одного извращенца, который убивал девушек и, уже мёртвых, трахал их. Это будет круто. Ну вот, ты хотела знать, что со мной делать — пожалуйста. Можешь выбрать любой из вариантов. — И, внезапно сменив тему, голова спросила: — Слушай, у тебя закурить не найдётся? А это эта дрянь не дала мне даже подымить перед смертью. Впрочем, с тем же успехом это можно сделать и после смерти. Так не найдётся сигаретки?

Сползая на ковёр, я говорила себе: я сплю, это сон, только сон, ужасный кошмар. Самый ужасный кошмар в моей жизни.

— Я к тебе обращаюсь, красавица, — сказала голова. — Если не найдётся сигареты, так и скажи. Что молчишь? Язык проглотила?

Раз десять я повторила, что это сон, но не просыпалась. Я ущипнула себя, но кошмар продолжался.

— Эй, ты где там? Что хочешь сделать? — беспокоилась голова. — Только не вздумай играть мной в футбол, из меня выйдет плохой мяч. И зубы мне повыбиваешь.

Я подползла на четвереньках к столу и сантиметр за сантиметром выпрямлялась… Когда мои глаза поднялись над уровнем стола, голова сказала:

— Гав! — и засмеялась.

Я шлёпнулась на ковёр, а голова хрипловато похохатывала. Нет, пора заканчивать эту ерунду. Глюк это или нет, но я положу этому конец.

— В футбол я играть не буду, — сказала я, поднимаясь.

Я обернула голову окровавленной тряпкой и завязала концы, а голова из-под неё возмущалась:

— Эй! Эй! Мне ничего не видно! Что за грубые шутки?

— В футбол я играть не буду, — повторила я, беря голову в руки и подходя к окну. — А вот в баскетбол — с удовольствием.

С этими словами я забросила воображаемый мяч в воображаемую корзину — это был трёхочковый! — а потом с чувством глубокого морального удовлетворения упала в обморок.

1.10. Солнце, уборка и заботливость

Солнце, щедро щедро лившее в окно яркий поток своих лучей, почти прогнало мой страх и отогрело мне сердце. В такой дивный денёк трудно было даже помыслить о вурдалаках, разговаривающих головах и тому подобной нечисти; запах шампуня для ковров в какой-то мере сумел заглушить затхлый запах ужаса, а жизнерадостное птичье чириканье действовало успокоительно.

И всё же, втирая в ковёр щёткой приятно пахнущую пену, я не могла не думать о том, что всё это мне всё-таки не померещилось. Была Эйне, была голова, был затравленный, обречённый взгляд Тани. Как назвать то, что я увидела? Означало ли это, что Эйне принесла голову именно того подонка? Судя по лужице блевотины, которую я отчищала сейчас, то, что я увидела, было страшной правдой.

Лучше бы я этого не видела.

— Уборкой занимаешься? Правильно, молодец.

Это заглянула Алла. Не могу сказать о ней ничего плохого; отец женился на ней, потому что боялся одиночества. Женщина, хозяйка в доме создавала у него ощущение благополучия и приглушала чувство утраты после смерти мамы. Может быть, Алла была по-своему и неплохой человек, и всё в ней было как будто гладко и пристойно, за исключением хитреньких глазок, тёмных, мышиных, суетливо бегающих. Она не уставала намекать мне на то, чтобы я поскорее нашла себе мужа и — хоть она не говорила этого вслух, но подразумевала — освободила жилплощадь. Излюбленным её аргументом было: "Не успеешь оглянуться, а ты уже старая". Я не спорю, может быть, она была в чём-то и права, но уж слишком настойчивы были её намёки. Открытой враждебности она, однако, не проявляла, но подсознательно я ощущала себя обузой, нежелательным жильцом, слишком надолго задержавшимся и задолжавшим квартплату.

Шампунь высох, я пропылесосила ковёр. Но если с ковра грязь мне удалось отчистить, то ужасную картинку — Таню, ползущую по песку — из памяти стереть не получалось никакими средствами. Вынося мусор, я на всякий случай прошлась по заросшему травой дворику, но головы нигде не обнаружила. Я уже была готова с облегчением вздохнуть, но тут вдруг увидела

дерущихся собак. Они не поделили какой-то окровавленный ошмёток мяса или большую кость; близко к рычащим дворнягам я подойти, понятное дело, не решилась, но увидела в траве нечто похожее на слипшиеся от крови волосы.

За углом меня стошнило.

— Слушай, на тебе просто лица нет, — заметила Алла, когда я вернулась. — Бледная — просто ужас!

Она не стала возражать против того, чтобы я прилегла, даже дала мне какую-то таблетку, а уборку…

— Я сама управлюсь, ты не беспокойся. Лежи, лежи. Если что-то понадобится — зови.

В общем, она была сама заботливость. Солнце сияло, птички щебетали, всё жило и радовалось.

1.11. Диско на крыше

— Кто ты?

Да, я всё-таки спросила её, хотя уже и сама догадывалась. Солнце уже село за крышу соседнего дома, вечернее небо было чистым, как вздох ангела, когда мной был замечен некий праздно прогуливающийся тёмный силуэт — на той самой крыше, за которую спряталось солнце. Встав на коньке крыши в позе манекенщицы, демонстрирующей непонятно какой — отсюда не видно — наряд, странная особа помахала рукой. Глаза могли меня обманывать, но ёкнувшее сердце сообщило мне абсолютно точно: это была моя жутковатая знакомая. Помахав сначала одной рукой, а потом другой, она начала делать движения, по общему стилю напоминавшие диско, и это — на каблуках, на высоте пяти этажей, на узком пространстве конька крыши! Каждое её па отзывалось у меня щекочущей слабостью в коленях: а если упадёт? Диско между тем приняло кое-какие черты индийского танца, упражнений на бревне и обезьяньих ужимок, и я не могла удержаться от смеха. Но всё это было так головокружительно, что каждую секунду моё сердце сжималось от страха за неё. Делая крутой поворот на сто восемьдесят градусов, Эйне вдруг пошатнулась и взмахнула руками, стараясь удержать равновесие… Я обеими ладонями зажала крик. Съехав на ногах по скату крыши, она на какой-то миг удерживалась на краю, балансируя руками, а потом… Потом произошло нечто непонятное. Она не упала вниз, а превратилась в чёрный вихрь; не успела я сказать "мама", как она была уже передо мной, на подоконнике: одной рукой она обнимала меня за талию, в другой между пальцами у неё дымилась сигарета. В ушах у неё торчали наушники, провода которых тянулись вниз, к маленькому MP3-плееру на поясе её брюк.

— Привет, крошка.

Как она сделала этот фокус? Не могу сказать. Не иначе, она умела летать. Затянувшись и выпустив мне в лицо круглое плотное облачко какого-то на редкость вонючего дыма, она обнажила в улыбке свои длинные жёлтые зубы и сказала:

— Я соскучилась. Как насчёт небольшой прогулки?

1.12. Стихийное бедствие

Я не успела не только ничего ответить, но и даже сообразить. Опишу свои ощущения: меня подхватил чёрный вихрь, поднял в воздух, и в один миг моё окно и дом остались далеко позади. Я оказалась на коньке крыши, обдуваемая ветром. Так как раньше я никогда не забиралась так высоко, у меня сразу же закружилась голова, и я заорала, но рука Эйне крепко обнимала меня за талию, а потому я не упала. Моё тело, вмиг ставшее на высоте ужасно неуклюжим, никак не могло перейти в сидячее положение, и со стороны, вероятно, моя поза на полусогнутых ногах, с далеко отставленным задом и скрюченными от ужаса пальцами выглядела очень смешно. Эйне расхохоталась, а я простонала плачущим голосом:

— Какого хрена!

В конце концов с помощью Эйне мне удалось сесть на конёк. Шифер был тёплый, а вокруг раскинулась довольно однообразная картина: крыши домов, жёлтые прямоугольники окон, верхушки деревьев. Странно было видеть издалека собственное окно: там меня уже не было, потому что я была здесь. Эйне совершенно спокойно расхаживала на высоких каблуках по коньку крыши, а я цеплялась обеими руками, чтобы не упасть.

— Отсюда совсем другой вид, — сказала она. — Людишки — там, внизу — суетятся, думают о том, как бы побольше заработать, трахаются, одурманивают себя телевидением. А я — здесь. Я спокойно наблюдаю за всеми и выбираю. — И, глянув на меня сверху вниз, усмехнулась: — Ну, чего трясёшься? Ты не упадёшь, я не позволю.

В моих обалдевших мозгах созрел вопрос:

— Как это вообще… Что это всё? Как мы тут оказались?

Эйне рассмеялась, даже слегка подавшись корпусом назад.

— Да проще простого.

Она пружинисто подпрыгнула вверх и вмиг преобразилась: за её спиной раскинулась пара огромных, серебристо-серых крыльев. От их взмахов шевелились мои волосы, а глаза Эйне тлели красными угольками. Порхая надо мной, она сделала несколько

больших кругов над крышей. Если вы когда-нибудь видели тёмных ангелов, то вы бы наверняка признали в ней все черты такового. Её крылья были очень красивыми, как у лебедя, и когда она летела прямо на меня, они тускло серебрились в летних сумерках. Я замерла в столбняке, а она летела на меня грозной тенью, ужасающая и прекрасная. Она была всё ближе и ближе, два красных уголька её глаз летели на меня с бешеной скоростью, а объятия были раскрыты мне навстречу. Закрывшись руками, я зажмурилась…

— Ну, чего ты, глупенькая?

Она обнимала меня двумя парами конечностей — руками и крыльями. Красный адский огонь в её глазах угас, она смеялась.

— Не надо меня бояться, крошка. Я никогда не трону тебя, не причиню зла. Ну, успокойся. На, возьми… — Она протянула мне зажжённую сигарету. — Сделай затяжку, несколько секунд держи в себе, а потом выдыхай.

Не знаю, зачем я сделала это. Наверно, я была слишком потрясена, чтобы сопротивляться. От нескольких затяжек у меня запершило в горле, а мозги получили мягкий удар надувной кувалдой — так, по крайней мере, мне показалось. Страх улетел в темнеющее небо, как воздушный шарик, а во всём теле настала блаженная лёгкость. Меня переполняло пузырящееся, шипучее веселье, и когда Эйне встала и протянула мне руки, я ухватилась за них и вскочила. Боязни высоты больше не было, я стояла на коньке крыши так же уверенно, как Эйне.

— Ну, как? — спросила она.

— Отлично, — ответила я.

И это было правдой. Она всунула мне в уши наушники и включила на полную громкость какой-то дикий рок-н-ролл, сверкнула глазами и зубами — и понеслось. Мы стали огромными и со смехом давили нашими танцующими ногами дома, как муравьёв, и от нашей дьявольской пляски ломались деревья и тряслась земля, падали телебашни и рвались линии электропередач. Наш бедный город постигло настоящее стихийное бедствие, а нам было очень весело, и мы крушили всё, что попадалось нам под ноги. Выли сирены, стрекотали вертолёты МЧС, но это было не землетрясение, не наводнение и не извержение вулкана, это мы обрушились на город сокрушительной, испепеляющей лавиной танца.

Мы были ветром, мы были водопадами.

Мы были грозой, мы были валькириями.

Мы были всеми карами, который могли постигнуть этот чёртов грешный мир.

А потом настала опустошённость.

1.13. Трансцендентная сущность грёбаной эманации

Я лежала на тёплой крыше двенадцатиэтажного дома, глядя в звёздную бездну, а она сидела на парапете, обхватив руками колени, и курила. Итак, я спросила:

— Кто ты?

— Ты, наверно, и сама догадываешься, — ответила она.

— А зачем я тебе понадобилась?

Прежде чем ответить, она щелчком отбросила вниз окурок, встала и подошла ко мне. Стоя надо мной и глядя на меня сверху вниз, она сказала:

— Твоя трансцендентная сущность лежит в области экзистенциальных эманаций ортодоксального понимания хрен её знает какой задвинутой грёбаной инь твою в ян, по методу иррационального бессознательного трахания мозгов, и всё в таком духе.

Я хохотнула, приподнявшись на локте.

— Прости, что?! Я что-то не совсем въезжаю…

— Вот и не парься. — Она присела возле меня, провела рукой по моим волосам — так прохладный ветер коснулся бы их. — Если я попытаюсь объяснить, тебе это покажется такой вот невразумительной белибердой.

— Проще уж сказать, что тебе захотелось мной перекусить, — сказала я, отодвигаясь. — Ты поиграешь со мной, как кошка с мышью, а потом…

Её лицевые мускулы дёрнулись.

— Нет! — рявкнула она, оскалив зубы.

Её жёсткая грива ощетинилась, кошачьи глаза вспыхнули. Я отползла и сжалась в комочек. Мной овладела подавленность, в горле пересохло так, что я выпила бы сейчас целую цистерну воды. Это были последствия рок-н-ролла. Пустота в душе и сушняк во рту. А также трансцендентная сущность грёбаной эманации.

— Нет, — повторила Эйне уже мягко, спрятав клыки и позволив своей гриве улечься. — Поверь мне.

— Мне трудно тебе поверить.

— И всё же попробуй. Ты ничем не рискуешь.

Я усмехнулась.

— Не рискую? А если ты проголодаешься?

Она опять обхватила руками колени и стала какой-то печальной и очень усталой. Сидя в нескольких шагах от меня, она смотрела куда-то вдаль, на гаснущие огни города. Рассеянный в

воздухе свет от всех этих огней странно притягивался к ней, и изящный овал её бледного лица серебристо светился в полумраке.

— Ты боишься меня… Я понимаю. Тебя пугают мои глаза, мои зубы, моя холодная кожа. И то, что я могу делать вещи, которых люди не умеют. Я сделала всё, чтобы ты мне поверила, то ты всё равно не веришь. Я нашла и наказала того, кто убил твою сестру. Я уничтожу всех, кто чем-либо тебе неугоден! Только назови этого человека, и его не станет.

— Что ты, мне этого не нужно, — содрогнулась я.

— А что тебе нужно?

Я подумала.

— В данный момент мне хотелось бы хоть глоточек воды. После этого курева у меня жуткий сушняк. Что это вообще была за глюковина? Травка?

Она засмеялась.

— Подожди, я скоро.

Я осталась одна на крыше, а через пять минут передо мной упруго встала пятилитровая бутыль воды. И я утолила жажду.

1.14. Возвращение

Со мной на руках она ловко приземлилась на подоконник. Самого полёта я не успела почувствовать: он длился не больше секунды. Её крылья сложились и исчезли, и с бесшумностью кошки она спрыгнула на ковёр — на вычищенный мною ковёр! Грязными сапогами! Могу поклясться, что в этот момент мне было всё равно, кто она такая и что она может при желании со мной сделать. Я зарычала и стукнула её по плечу кулаком.

— Что? — удивилась она.

— Ты ужасная, невоспитанная, немыслимая грязнуля! Я два часа чистила ковёр после твоего последнего визита, и пожалуйста — опять следы!

Она смутилась, посмотрела на свою обувь.

— Прости меня… Я уже отвыкла думать о таких вещах.

— У тебя дома разве нет ковра?

Она улыбнулась.

— У меня нет дома.

— Как это? — поразилась я. — А где же ты спишь?

— Где настигнет усталость, там и сплю.

— Значит, ты бродяга?

— Что-то вроде того.

— И давно ты так живёшь?

— Уже и не помню. Чертовски давно. Я привыкла.

— А на что ты покупаешь одежду?

— Я уже давно обхожусь без денег. Я просто беру то, что мне

нужно.

— Берёшь? И не платишь?

— Да.

— То есть, ты… воруешь?

— Нет, детка, я просто беру.

Мои мозги были сейчас слишком усталыми и перегруженными свалившейся на меня массой впечатлений, чтобы я могла уяснить тонкую разницу между "воровать" и "брать"; отец и Алла, по-видимому, спали, и мне очень хотелось последовать их примеру. Казалось бы, всё, что случилось со мной в последние дни, не могло способствовать крепкому сну, но вот странное дело: стоило мне увидеть мою постель, как меня тут же потянуло в неё упасть.

— Эйне, прости, я жутко, жутко устала… — У меня вырвался долгий, душевный зевок.

Забравшись под одеяло, я свернулась клубочком. Меня не беспокоил ни затхлый запах, ни пятна на ковре, которые мне снова придётся отчищать; безумный рок-н-ролл на крышах был тысячу лет назад, а Эйне была нарисована чокнутым художником на моём окне. И вся трансцендентная фигация иррационального шизоидного изохренизма. Спать…

1.15. Капля крови

Был день, была жара. Я чистила картошку на кухне, а в открытое окно доносился шум улицы. На плите в кастрюле булькала вода, в которой плавала бледная куриная плоть, когда я вдруг услышала хлопанье больших крыльев, и на кухонный подоконник прямо из сияющего голубого неба спрыгнула Эйне.

— Ты разве не боишься дневного света? — удивилась я.

— Дневной свет? Чепуха, — сказала она. — Мы его не боимся, никогда не боялись. Вы, люди, заблуждаетесь насчёт нас. Те существа, которых вы описываете в легендах, не имеют почти ничего общего с нами. А ночной образ жизни — дело привычки.

И тут нож, как будто нарочно, соскользнул с картофелины и возился мне в палец. На стол закапала кровь. Спиной почуяв неладное, я обернулась и увидела красноглазое и клыкастое существо. Затхлым ужасом и смертью дохнуло мне в лицо, я попятилась, но позади был стол. Вот и всё, подумалось мне. Я зажмурилась.

Секунда, две — ничего не происходило. Я открыла глаза. Эйне, уже погасив в глазах плотоядный огонь, протягивала ко мне руки.

— Нет… Я тебя не трону, ты же знаешь.

Я судорожно нащупала позади на столе нож, готовясь обороняться, но Эйне покачала головой.

— Он тебе не понадобится. Всё хорошо. Обними меня.

Я не трогалась с места. Тогда она сама шагнула ко мне, взяла из моей ослабевшей от страха руки нож и положила его на стол. Я оказалась в её холодных объятиях и обмерла, ожидая, что её зубы вонзятся мне в шею; они не вонзились, и я ослабела. Табуретка была очень кстати.

— Послушай, ну, перестань. Я ведь сказала, что не причиню тебе зла. Неужели ты всё ещё боишься?

Я уронила голову на руки. Она помолчала — быть может, обиделась. И вдруг сказала:

— Если не возражаешь, я тут у тебя немного вздремну. Что-то я устала.

Я подняла голову, чтобы сказать, что моя кровать к её услугам, но она уже свернулась клубком на подоконнике. Всё, что я могла сделать для её комфорта — это подложить ей подушку.

1.16. С высоты птичьего

— Сегодня ты узнаешь смысл жизни, детка, — сказала она.

Это громкое заявление, не спорю. Но она именно так и сказала, прежде чем схватить меня и взмыть со мной в тёмное небо. Прохладной и звёздной августовской ночью, едва позволив мне накинуть кое-что из одежды, она утащила меня из моей тёплой постели, чтобы показать мне весь мир.

Мы летели над городом, над его ночными огнями, мерцающими под нами, как океан звёзд. Мы летели выше самых высоких крыш, намного выше. До земли, наверно, было не меньше километра. От мощных взмахов крыльев мы летели не совсем по прямой, а немного отклоняясь то вверх, то вниз, а иногда она переставала махать ими и просто планировала. Сказать, что это было захватывающе, значит ничего не сказать. Город остался уже позади, мы летели над лугами и лесами, над оврагами и холмами, и под нами то и дело зеркально взблёскивала серебряная от луны гладь озёр и озёрец, вились блестящими лентами реки и речушки. В ложбинах лежал седой туман, дышали сыростью болота, на пожарищах торчали чёрные остовы деревьев, мелькали песчаные пляжи и раскидывались блестящие от росы поля. В лунном свете её крылья серебрились и переливались, встречный ветер откинул назад её волосы, и она была одновременно жуткой и завораживающей.

1.17. Крутое пике

— Ну, как тебе это? — спросила она.

Я смогла ответить только:

— Обалдеть…

Она сказала:

— А я ещё вот как могу.

И она, сложив крылья, начала пикировать вниз. В ушах у меня стоял свист, лёгкие не могли одолеть слишком мощный поток встречного воздуха, сердце замерло, а расстояние до земли стремительно сокращалось.

Нет, мы не разбились. Когда до земли оставалось буквально несколько метров, она вышла из пике, пролетела в бреющем полёте над высокой травой, а потом опять начала набирать высоту, мощно взмахивая крыльями.

— Я могу подняться выше облаков, — сказала она. — Но там тебе будет трудно дышать, и ты замёрзнешь.

1.18. Вокруг света за одну ночь

Она показала ещё и не такие фокусы. Она продемонстрировала такие скорости, какие не снились разработчикам сверхзвуковых самолётов. Не шевельнув и крылом, она перенесла меня за тысячи километров на запад, и под нами раскинулся в голубых сумерках древний город — Рим. Отдохнув на куполе собора, мы полетели дальше, и буквально через минуту оказались в Париже, на Эйфелевой башне. Потом был Лондон, Нью-Йорк, Вашингтон, Лос-Анджелес, Токио. В мгновение ока мы пересекали океаны, перед глазами у нас мелькали рассветы и закаты; только что я видела звёзды над Иерусалимом, а уже в следующий миг — жёлтый рассвет в Пекине, и всё — за одну ночь.

1.19. Рассвет у моря

А потом мы приземлились на суровых скандинавских скалах у моря. Было холодно, из моего рта при дыхании вырывался пар, тая на фоне розовеющего неба. Это был рассвет — наверно, самый красивый, который мне когда-либо доводилось видеть. Холодный, свежий воздух наполнял мои лёгкие, а её крылья отливали перламутровым блеском. В розовых утренних лучах она была не страшная, даже красивая, только очень бледная. Я впервые разглядела её глаза: они были бездонные, и их цвет было невозможно понять. Они были то карие, то серые, то отливали морской волной, а временами в них разверзалась чёрная бездна.

— Устала? — спросила я.

Она улыбнулась.

— Нет… Просто хочется посидеть здесь. Мне нравятся эти

берега, я люблю здесь бывать.

Прибой шумел, разбиваясь у подножия скал, а я озябла, и она обнимала меня крылом. Не скажу, что под крылышком у неё было теплее, но так меня хотя бы не пронизывал холодный бриз. Я ворошила пальцами маленькие мягкие пёрышки верхнего края её крыла.

— До сих пор я встречала здесь рассвет одна, а теперь хочу подарить его кому-то… Тебе. Я хочу лететь в ночном небе не в одиночестве, а чтобы к моей щеке прижималась твоя, как сегодня… Хочу слышать твой голос в песне ветра. Хочу видеть, как серебрятся под луной твои волосы. Как отражаются звёзды в твоих глазах. Как дрожит иней на твоих ресницах. Хочу, чтобы отныне так было всегда.

1.20. Жертва

— На свете есть только две касты: хищники и жертвы.

Мысль о том, каково это — быть такой, как Эйне, подкралась ко мне, яко тать в нощи, ужасная, как Франкенштейн. Она подкарауливала меня за каждым углом, выглядывала из шкафа, таращилась на меня из окон маршруток жуткими мёртвыми глазами упыря, дышала мне в спину холодом в тёмной прихожей, выскакивала из канализационных люков и гладила мне волосы ледяным прикосновением ужаса. От этой мысли, как от протухшей рыбы, подступало к горлу, и лежать с ней в постели было так же уютно, как в одном гробу с покойником. Мысль эта родилась, наверно, где-то глубоко под землёй, куда ни одно нефтедобывающее предприятие не доставало своими бурами, выползла на поверхность, бледная, как выцветшая кожа заспиртованного уродца, с одной лишь целью — преследовать меня днём и ночью, не давать мне покоя ни в постели, ни за столом, ни на лекции, ни дома, ни на улице. Эта серая холоднокожая нежить играла своими ледяными пальцами на моих нервах, как на струнах арфы, с каждым аккордом натягивая их всё сильнее.

Мысль эта, неотступно следовавшая за мной по пятам и сверлившая мне спину пристальным и острым, как скальпель, рассекающим душу взглядом, показывала мне то один свой уродливый сустав, то другое противоестественное сочленение, зааркканивая меня петлёй из своей кишки, и всё же было что-то жутковато интригующее в переплетении её сосудов, что-то, что притягивало взгляд и заставляло завороженно всматриваться в тёмные закоулки нарисованного ею мира — не только с содроганием, с ужасом и гадливостью, но и со странным, непреодолимым любопытством. Выкатившись чёрным

шерстистым клубочком из-под моей кровати ночью, эта мысль растягивала себя надо мною кожаной перепонкой, покачиваясь, как парус, и вздрагивая, как мембрана, распластавшись под потолком, как оторванное крыло летучей мыши. И я спросила однажды:

— Тебе нравится быть такой, Эйне?

Сентябрьский дождь скучно шелестел на улице, блестела грязь, мокрое золото листьев хрупко и ненадёжно держалось на деревьях, осыпаясь с каждым днём. Эйне с мокрой гривой сидела на подоконнике, на плечах её кожаного жакета блестели капельки дождя. Серая, будто выцветшая кожа её рук туго натягивалась на остов из костей, длинные жёлтые ногти были чуть загнуты внутрь, на груди в вырезе жакета просматривались рёбра. Но за её внешней костлявостью и худобой крылась нечеловеческая, огромная сила.

— На свете есть только две касты: хищники и жертвы.

Теперь я понимала, почему она сказала, чтобы я держала окно закрытым, и каких кровососов она имела в виду. Она сказала, что они могут проникнуть куда угодно и при закрытых окнах и дверях, но избегают вторгаться в жилища: такой закон. Кроме того, это выдало бы их. Я открывала ей окно на условный стук, а через дверь она никогда не приходила.

— Ты можешь быть либо хищником, либо жертвой — что тебе больше по вкусу. Третьего не дано. Хищником можно родиться: таких хищников большинство. Можно родиться жертвой и стать хищником. Это трудно, но возможно. Став однажды хищником, жертвой не будешь уже никогда. Я родилась жертвой, как и ты. Мне повезло, и я стала хищником, и теперь я не боюсь ничего. Жертва, даже если она сделает успешную карьеру, разбогатеет и приобретёт власть над другими жертвами, всё равно остаётся жертвой и в любой момент может стать добычей хищника. Ей не позавидуешь. Поэтому гораздо предпочтительнее быть хищником. Нас меньшинство, очень незначительное в перенаселённом мире жертв, но настоящая власть принадлежит нам. Жертвы её не замечают и не должны замечать. Мы скрытны. Мы живём среди вас, маскируемся под вас, и вы нас не распознаете. Более того, вы в нас не верите. Но мы есть, и мы будем вас есть.

Глаза Эйне тускло тлели из-под мокрых прядей волос, падавших ей на лоб. Прислонившись спиной к оконной раме и согнув ноги в коленях, она сидела на подоконнике, чтобы не пачкать грязными сапогами мой ковёр. Она вообще любила сидеть, куда-нибудь взобравшись: стулья и кресла она презирала. Подоконник, шкаф, стол, холодильник — вот её излюбленные

места.

— Ты жертва, но в тебе есть задатки хищника. В тебе есть это, хотя ты сама этого ещё не знаешь. Оно дремлет, но может проснуться. Это можно разбудить. Я могла бы помочь тебе перестать быть жертвой. Это единственный для тебя способ спастись. Ты не представляешь себе, как тебе повезло, что я увидела твои хорошенькие ушки и учуяла твой пленительный запах, но была в это время сытой. Ты могла бы быть прекрасным хищником — совсем как я или даже лучше меня.

Клён под окном совсем пожелтел, и с каждым порывом ветра листья слетали с него, устилая заросший травой дворик. Крыша дома напротив мокро блестела — скучная серая крыша обычного скучного дома, в котором жили жертвы. А на моём подоконнике сидела хищница.

— Я понимаю, тебе страшно. Ты так привыкла быть жертвой, что какие-либо радикальные перемены пугают тебя. Это психология всех жертв. Пока я рядом и охраняю тебя, ты можешь ничего не менять в своей жизни, но я предлагаю подумать: а не стоит ли перейти на другую ступень? Не быть жертвой, не дрожать от страха, не зависеть от более сильных и успешных жертв, не подвергаться унижениям и насилию со стороны жертв извращённых, не быть привязанной к одному месту, не измерять свои возможности количеством бумажек с цифрами, которые на самом деле, вопреки поговорке, пахнут отвратительно? Но самое главное, конечно, — это возможность перестать быть потенциальной добычей. Каждый раз, когда ты выходишь из дома, ты подвергаешь себя опасности. Она невидима твоему глазу, тебе не дано её почувствовать; солнце светит — и ты полагаешь, что с тобой ничего не может случиться. Это заблуждение. Ты постоянно в опасности, каждую минуту. Если хищник положил на тебя глаз, у тебя нет шансов… Ну, как? Здорово я тебя напугала? Теперь думай, детка.

В замке повернулся ключ.

1.21. Почему я не приготовила ужин

Ключ повернулся в замке, дверь открылась, зашуршал пакет: это пришла с работы Алла. Она поставила пакет и сумочку на тумбочку, раскрыла и поставила в угол зонтик, сняла платок, плащ, сапоги. Всунула ноги в тапочки, шурша пакетом, прошла на кухню.

— Лёлечка, зая, ты дома? Иди-ка сюда, солнце.

"Зая" и "солнце" означало, что Алла мной недовольна. У неё была своеобразная манера употреблять по отношению ко мне

ласкательные слова лишь в ситуациях со знаком "минус". Чем же я ей не угодила сегодня?

Она доставала из пакета кефир, колбасу, творог, яйца. Не оборачиваясь, она спросила:

— Что же ты даже поесть ничего не приготовила, лапа моя? Мы с твоим отцом весь день на работе вкалываем, зарабатываем денежки — неужели ты не можешь взять на себя хоть что-нибудь? Тот же ужин, например. Ну, про уборку я не говорю. Вот сейчас мне придётся что-нибудь на скорую руку соображать, чтобы успеть к приходу отца. Но я-то была на работе, а ты — дома, у тебя было время сходить за продуктами и что-нибудь сделать на ужин.

Я сказала:

— У меня было сегодня четыре пары. А после универа ещё в библиотеку пришлось ехать. Я не успела.

Я терпеть не могу оправдываться, а перед ней — тем более. Кто она мне? Мать? Тётя? Нет, чужой человек. Да, она жена моего отца, но это не даёт ей права меня воспитывать. Да и поздно меня уже воспитывать. Про библиотеку я, сознаюсь, приврала: сразу после моего прихода домой ко мне явилась Эйне, потому я и не успела ничего приготовить. Она рассказала мне такие вещи, от которых у меня кровь застыла в жилах и перевернулось всё моё мировоззрение, а Алла мне — про ужин!.. Она же не знает, что она всего-навсего жертва, что однажды она может не вернуться с работы — просто пропасть по дороге домой, исчезнуть, испариться, и никто никогда её не найдёт.

— Ну, ладно, ничего не поделаешь, — сказала Алла сухо. — Придётся сейчас впопыхах готовить. Не знаю, успею ли я.

Мне бы её заботы!

Когда я вернулась к себе в комнату, Эйне на подоконнике уже не было. Закрыв окно, я села на стул. Хорошую историю она рассказала мне про хищников и жертв! Тут есть отчего потерять покой. Вот так живёшь, живёшь и ни сном ни духом не ведаешь о том, что за тобой следит пара хищных глаз, а пара острых клыков истекает голодной слюной, примеряясь, как бы тебя цапнуть. Вот вам и сказки про Дракулу!..

— Слушай, у нас, оказывается, сахар кончился!

В дверях комнаты стояла Алла в фартуке. Она вдруг начала принюхиваться, и я, подняв глаза, к своему ужасу увидела взгромоздившуюся на шкаф Эйне, похожую на чёрного грифа. От ухмылки, с которой она поглядывала на принюхивающуюся Аллу, у меня волосы встали дыбом. А ещё она игриво пошевелила бровями и помахала мне рукой, как бы говоря: "А я тут!" Похоже, вся эта ситуация её чрезвычайно забавляла. Мне, впрочем, было

не до смеха.

— Чем тут у тебя пахнет? — спросила Алла, поморщив нос. — Ты что, куришь, что ли?

— А хотя бы и курю, так что же? — изо всех сил стараясь говорить как ни в чём не бывало, ответила я. — Восемнадцать мне уже давно стукнуло.

Алла покачала головой с видом глубокого порицания и сказала:

— Ну, если тебе угодно портить себе смолоду здоровье — пожалуйста. А сейчас не могла бы ты быстренько сбегать за сахаром? Я бы сама сходила, но у меня там на плите оладьи.

— Ладно, сейчас схожу, — сказала я.

1.22. Как я сходила за сахаром

Эйне пружинисто и почти бесшумно спрыгнула со шкафа. Это её запах Алла приняла за запах табака.

— Мне нужно за сахаром, — сказала я.

Эйне безо всякого разбега перепрыгнула через всю комнату и снова оказалась на подоконнике, а окно каким-то невероятным образом было уже открыто, и в него лился зябкий сырой воздух и запах дождя.

— Я принесу тебе сахар, — сказала она. — А ты подумай над тем, что я тебе сказала.

И она прыгнула в дождливое осеннее пространство за окном.

Не успела я сесть и над всем этим основательно подумать, как из дождя в комнату спрыгнула Эйне с мешком сахара на плече. Мешок был в пятьдесят килограммов, а она держала его легко, как будто он был набит стружками и опилками. Опустив его на пол, она сказала:

— Можешь подумать до завтра. Мы ещё поговорим. Закрой за мной окно.

Стоя над пятьюдесятью килограммами совершенно бесплатного сахара, я гадала, как мне теперь быть. За этим меня и застала Алла, заглянувшая, чтобы меня поторопить.

— Так ты пойдёшь за сахаром?

Я взглянула на неё, потом на мешок и пробормотала:

— А я уже… сходила. Вот.

1.23. Быть или не быть

Легко ли объяснить появление мешка сахара, когда никто его не заказывал, не ждал, когда его доставят, не видел потного отдувающегося грузчика, не платил денег? Пожалуй, не легче, чем приземление НЛО перед вашими окнами или постройку целого дворца за одну ночь. Излишне говорить, что Алла

удивилась, а я решила никогда не обращаться к Эйне за помощью в бытовых делах: она явно была склонна перебарщивать с помощью. Впрочем, лавина вопросов, обрушившаяся на меня из-за этого мешка, по тяжести не шла ни в какое сравнение с тем выбором, который предлагала мне сделать Эйне.

Алла и отец осаждали меня, требуя объяснения, откуда взялось столько сахара, где и когда я успела его купить и на какие деньги, а надо мной висел грозный вопрос: быть или не быть? Мне так и хотелось крикнуть: "Да отстаньте вы от меня со своим сахаром!" С грехом пополам я состряпала такое объяснение: я написала курсовую за одного студента, у которого отец занимается сбытом сахара, вот он и расплатился со мной натурой — объяснение слегка натянутое и малоправдоподобное, но лёгкость, с которой в него поверили, изумила меня. Впрочем, у меня было не слишком много времени, чтобы изумляться: в пять утра раздался условный стук в окно.

Было ещё темно, на мокром от дождя стекле покачивались тени деревьев, а мои глаза горели и слипались после бессонной ночи: после всего, что я узнала, ни о каком сне не могло быть и речи. Вопрос "быть или не быть?" остался мною не решённым. Все мои человеческие чувства восставали против предложения Эйне, душа негодовала, а сердце содрогалось от ужаса. Стать чудовищем, проклятым Богом и людьми? Нет, нет, нет! Что угодно, только не это.

Но это означало бы, что я смиряюсь со своим статусом жертвы и буду жить в постоянном ожидании и постоянном страхе. Смогу ли я противостоять хищнику, если он на меня нападёт? Если он не боится креста, то не возьмёт его, наверно, и святая вода, а если ему нипочём солнечный свет, то, наверно, и чеснок — просто сказка, не имеющая ничего общего с действительностью. Как же этого гада можно одолеть?

— Я хочу помочь тебе, а ты думаешь о том, как меня убить? Вот она, человеческая благодарность!..

Сидящая на подоконнике тёмная фигура со взъерошенной гривой и мерцающими в кошачьих глазах красными искорками — не самое приятное видение в пять часов осенним дождливым утром. В темноте она дотронулась до моей руки холодной рукой.

— Вижу, ты не можешь решиться.

Ветер врывался в окно, и меня обдавало холодной, пронзительной и горьковатой осенней сыростью. Эйне, воплощённая тьма, с шевелящимися жёсткими космами и тускло белеющим во мраке лицом, протянула руку и коснулась моей щеки холодной ладонью. От её прикосновения вся моя кровь как будто превратилась в лёд.

— Не бойся… Чтобы принять решение, ты должна познать, что это такое, должна вкусить этого и понять, что значит быть хищником. И я помогу тебе в этом.

Она текуче сползла с подоконника, и её руки обвились вокруг меня, как ледяные лианы. Глядя в чёрную мерцающую бездну её глаз, я чувствовала, что каменею; из чёрной щели её рта веяло могильным холодом, её лицо приближалось и приближалось, пока я не ощутила на своих губах прикосновение — мягкое, холодное. Ощущение было такое, будто я взяла в рот кусок холодного сырого мяса. Всё моё нутро заледенело, от сердца до кишок, колени подкашивались, но она не давала мне упасть, держа меня железной хваткой. Я превратилась в комок застывшей от ужаса плоти, душа растворилась где-то в сыром дождливом мраке, мои губы были в ледяном плену, и это длилось нескончаемо долго — наверно, за это время я успела состариться и поседеть. Когда это наконец прекратилось, мне казалось, что у меня в мозгу выросли ледяные кристаллы.

— Ну, всё… Теперь ложись в постель. Ты почувствуешь небольшое недомогание и расстройство вкуса, но бояться не нужно, это временное состояние. Так сказать, пробная версия, а не настоящее обращение. Сейчас я тебя оставляю, но скоро вернусь. Не волнуйся, я буду поблизости. Если почувствуешь себя плохо, просто позови меня, я услышу и приду.

1.24. Странный вкус

И я познала, каково это. У представителя косметической фирмы вы можете купить пробник духов, чтобы понять, хотите ли вы купить целый флакон, а я получила от Эйне "пробник" жажды крови.

В университет мне нужно было ко второй паре, поэтому я встала в восемь. Отец и Алла уже ушли на работу. Меня знобило, одеяло не могло отогреть меня, и я заварила чай и налила грелку. Странный вкус был у чая, какой-то гадкий, маслянисто-бензиновый. Я не смогла удержать во рту эту пакость, выплюнула его. У молока был вкус ещё хуже — затхло-болотный, отдающий тиной. Прокисшее, что ли? Да нет, не может быть: оно только вчера куплено.

И колбаса, и сыр были отвратительными, меня чуть не стошнило, едва я взяла в рот бутерброд. Я попробовала пожевать просто хлеб, но он был как резиновый, будто я ела автомобильную покрышку. Я перепробовала всю еду в холодильнике: у супа был вкус и запах прокисших отходов, яблочный сок был как моча, гречка воняла, как отхожее место на

вокзале, яйца казались тухлыми, а про творог и говорить неприлично, на что он был похож. Я пошла в магазин и купила там шоколадный батончик, йогурт, пачку чипсов и минеральную воду.

Тщетно. Шоколад был как резиновый клей, йогурт был горький и вонял грязными ногами, чипсы были как штукатурка, и только минеральную воду можно было с горем пополам пить: она хоть и немного горчила, но ничем особенно мерзким не воняла. Отчаявшись, я попробовала съесть яблоко, но у него был непереносимый вкус гнили, хотя на вид оно казалось вполне хорошим.

Кофе был как помои. Макароны были как дохлые черви. Картошка воняла, как грязная подмышка. Беляш, купленный в буфете, пахнул мертвечиной. Сосиски воняли протухшей рыбой. О самой рыбе и говорить нечего: она была мерзкая, склизкая и несъедобная, как задница Горлума. Солёные огурцы имели до того непотребный вкус и запах, что их и в рот невозможно было взять.

Вся еда будто в одно мгновение испортилась. Я смотрела, как люди в буфете жевали беляши с мертвечиной, ели хот-доги с тухлыми сосисками, поглощали резиновые булочки и уплетали салаты из прокисших и полусгнивших продуктов, но при этом на их лицах было написано удовольствие. Меня же тошнило от одного вида человека, который ел пирожок с трупным запахом.

Но при всём этом в моём животе разгорался пожар голода. Я была согласна съесть что угодно, если бы хоть какую-нибудь еду было можно взять в рот. Я пила только воду, которая попахивала болотом, но была более или менее сносной.

Голод гнал меня к холодильнику, но там был прокисший суп и трупная колбаса. Я попробовала через силу съесть кусок хлеба, я даже разжевала его, но проглотить не смогла: он застрял у меня в горле. Я попробовала запить его молоком, но оно тут же выплеснулось у меня изо рта.

— Что это с тобой? — спросил отец. — Ты у нас не заболела, а?

Я не могла ничего сказать, потому что сама хотела бы знать, что со мной творилось. Алла поглядывала на меня со значительным и понимающим видом, но скажите на милость, что она могла понимать? Мне поставили градусник, но температура была не повышена, как предполагал отец, а даже понижена — тридцать пять и восемь. Грелка не помогала, руки и ноги у меня были всё время холодные. От голода я ослабела, у меня кружилась голова и дрожали колени, но я не могла заставить себя съесть хоть кусок человеческой еды, потому что она воняла

разлагающейся мертвечиной и на вкус была такой же.

Конечно, голод не тётка, но я ещё не настолько опустилась, чтобы питаться падалью.

На следующий день я обнаружила на своём столе плоскую продолговатую коробочку. Это был тест на беременность. Наверно, это было дело рук Аллы, догадалась я. Какая проницательность с её стороны! Отцу такое даже в голову не пришло, а женская интуиция Аллы навела её на такие подозрения. Но тут она попала пальцем в небо: я была совершенно уверена, что беременности взяться было неоткуда — разве что только ветром надуло. Однако на всякий случай, а также для того чтобы разубедить Аллу, я всё-таки сделала тест. Как я и предполагала, результат был отрицательным.

Самочувствие моё было неважным, в желудке периодически возникала резь, а от слабости шумело в ушах.

— Ну, что? — спросила Алла вечером.

По её тону и взгляду было ясно, что она намекала на тест.

— Отрицательный, — сказала я и показала ей результат.

— Гм, странно, — сказала она. — Может, тест плохой?

— А может, я просто не беременна? — усмехнулась я.

Алла полезла в сумочку и достала другой тест.

— Вот, попробуй ещё этот. Если и он покажет отрицательный результат, то будем считать, что так оно и есть.

И так было ясно, что я не беременна, но тест я сделала ещё раз. И говорить нечего, что он показал отрицательный результат.

— Странно, странно, — сказала Алла озадаченно. — Слушай, сходи-ка в женскую консультацию и сдай анализы, чтобы уж наверняка убедиться. Кто их знает, эти домашние тесты? Вероятность ошибки у них всё же есть.

Ни в какую женскую консультацию я, конечно, не пошла: во-первых, неважно себя чувствовала, а во-вторых, не видела в этом надобности. И чего Алла так уцепилась за эту версию?

Однако мне становилось хуже. Съесть я не могла ни кусочка, мой желудок соглашался принимать только воду, да и та уже начала застревать в горле. Только случай помог мне понять, что со мной.

1.25. Желанная пища

Алла чистила картошку и порезалась, капелька крови упала на край кухонной мойки. Досадливо поморщившись и сунув пораненный палец в рот, она пошла в комнату за пластырем, а я как вкопанная стояла и смотрела на алый выпуклый кружочек.

У меня вдруг бешено подскочил пульс, резь в желудке усилилась, а рот наполнился слюной; все предметы как будто

отдалились за мутную пелену, мой застывший взгляд был сфокусирован на капельке, которая уже потекла вниз по стенке мойки под действием своей тяжести;

она ползла, ползла, удлиняясь, уже достигла изгиба мойки и поползла к стоку — медленнее, медленнее, почти совсем замерла;

красные кровяные клетки хаотически плавали в пространстве плазмы гуськом, как стопки монет, уцепившись друг за друга;

моя диафрагма вздрагивала, желудок пульсировал, кишки содрогались;

всё во мне пришло в крайнее волнение и в едином порыве устремлялось к этой капельке, жаждало её, и эта жажда была невыносима, как любовная мука на пике своего проявления;

всё моё существо хотело эту капельку, и под упругий и тяжкий ритм сердцебиения, отдававшийся во всём моём теле глуховатым, низким и мягким звуком, как удары по подушке, я сделала шаг к кухонной мойке, потом ещё один, не видя ничего, кроме алого потёка на серебристом фоне

Мой палец, скользя вверх, к краю мойки, подобрал алый потёк, поднёс ко рту, и я вдруг почувствовала такой дивный, сладкий густой запах,

что каждая моя клеточка восторженно запела, желудок и кишки слаженно отозвались длинной перистальтической волной

Горло сжалось от неистового желания глотать,

губы открылись навстречу желанной пище,

и язык всеми его радостно дрожащими

вкусовыми сосочками

ощутил наконец

это блаженное

невыразимое

сладкое

пьянящее

животворное

исцеляющее

чёртпоберикакэтопрекрасно!!!

яз кап пья жел глот

сер ел зим клет

в а э

о м

т

ВАленрлуась ла. Еёп леац б зылакелен ласпыртем.

Вернулась Алла. Её палец был заклеен пластырем. Но я чувствовала кожей, всеми порами, капиллярами, волосками ток ток токающий пульс в её ранке, нарушенная целостность кожных покровов издавала, излучала, источала ток ток то количество биоэнергии, чтобы всё моё раздразнённое, раздражённое, раздраконенное нутро сразу устремилось, разевая, раздвигая, размыкая своё входное отверстие, для того чтобы поглотить, проглотить, глоткой глотнуть то, что могло быть проглочено, переварено, усвоено, преобразовано в ток ток то качественно новое состояние, на основе которого во мне бы заструился моей собственной энергии ток!

— Ты что на меня так смотришь?

Алла надела на руку с пораненным пальцем резиновую перчатку для защиты и продолжила чистить картошку. На плите в кастрюле что-то булькало — что-то, чего моё нутро принимать в качестве пищи уже не желало. Ещё подрагивая диафрагмой и чувствуя в кишках голодные спазмы, я бросилась к себе в комнату.

Боже мой, что же это такое?..

1.26. Глоток

Прижимая к ток ток токающим вискам холодные пальцы, я сидела на своей кровати, забившись в угол. Что она сделала со мной? Как она сделала это?

Пять утра, дождь, ледяные лианы рук, холодный мягкий плен губ, "сырое мясо". Мраморный овал её лица, взъерошенные космы и искорки в чёрной бездне глазниц. Ничего другого просто не приходило в голову, это было её единственное проникновение внутрь меня, после которого всё и началось. Я больше не могу есть человеческую пищу, мне нужна кровь!..

Во мне всё ещё властно вздрагивало пульсирующее, томительное желание, стенки кишок недовольно сокращались: их только раздразнили и ничего не дали. Закрыв глаза, я попыталась вспомнить это ощущение, которое вызвала во мне малая толика крови, уместившаяся на пальце. Если эта капелька довела мой желудок до оргазма, то что сделает со мной целый глоток? Или больше?

Подумать страшно.

Но где и как мне добыть этот глоток?

1.27. Первая охота

— Ну что, детка, ты готова испытать самый крутой кайф на свете?

Слабая, измученная голодом, замёрзшая до костей, я сидела на парапете крыши двенадцатиэтажного дома, над головой темнело холодное осеннее небо, а внизу тихо шелестел деревьями ветер, тоже слабый и больной, будто на что-то жалуясь. Эйне, стоя на том же парапете, вглядывалась в темноту, и ветер трепал её и без того спутанные и встрёпанные жёсткие волосы с седой прядью над лбом. Что она видела там, во мраке? Что можно было отсюда разглядеть в тёмном лабиринте пустых улиц? Я тихонько и жалобно застонала.

— Мне так паршиво…

— Потерпи, — ласково отозвалась она. — Совсем чуть-чуть.

Расставив ноги и скрестив на груди руки, она продолжала всматриваться в тёмные крыши и редкие жёлтые квадраты окон. Вдруг она пружинисто присела, напряжённо вытянув шею, и в её глазах зажглись красные угольки. Упираясь пальцами в край парапета, как готовый к старту спринтер, она улыбнулась.

— Ну что, детка, ты готова испытать самый крутой кайф на свете? Кажется, я нашла для тебя лакомый кусочек. Полетели.

Я подняла голову, ещё не вполне хорошо соображавшую от голода и слабости.

— Зачем?..

Она улыбнулась ещё шире, блеснув всеми зубами.

— Кушать.

Меня подхватил знакомый чёрный ураган, и мы оказались посреди тёмной улицы. Вокруг не было ни души, только свет фонаря поодаль отражался в луже. Эйне велела мне сесть прямо на тротуар. Ветер с шуршанием гнал опавшие листья по асфальту, где-то лаяла собака. Пульс постукивал в моих висках, ноги озябли, руки в карманах куртки закоченели: ночной осенний холод пронизывал насквозь. Шорох, шорох, бесконечный шорох гонимых ветром листьев наполнял мои уши.

Не прошло и минуты, как Эйне вернулась, но не одна: рядом с ней шагала круглоголовая мужская фигура. По мере того как они приближались, я расслышала их слова.

— Вон она, видите? — сказал приглушённый голос Эйне. — Она очень слаба, не может идти, а у меня не хватит сил, чтобы её нести.

Низкий мужской голос спросил:

— Пьяная, что ли?

Эйне ответила почти с возмущением:

— Нет, нет, что вы! Моя подруга совсем не пьёт, она просто плохо себя почувствовала. У меня в мобильном аккумулятор сел, никуда не позвонить… Я понимаю, у вас, конечно, свои дела, но как нам быть? Ведь ей плохо, она даже встать не может. Пожалуйста, помогите! Вы сильный, вам это ничего не будет стоить!

Эйне совершенно преобразилась: откуда-то взялась женственная походка, выразительные жесты и убедительные интонации, даже какое-то кокетство. Можно сказать, она вела себя вполне по-человечески.

— Вообще-то уже поздно, я домой тороплюсь, — сказал мужчина.

Это прозвучало как-то не слишком уверенно. Эйне, слегка прижимаясь к нему плечом, уговаривала:

— Это не займёт много времени, она живёт тут, поблизости, всего-то в пяти минутах ходьбы. Ох, ну, я просто не знаю, что и делать! Все отмахиваются, все боятся… А человеку плохо! — В голосе Эйне прозвучало весьма натуральное отчаяние, она нервно прикусила ноготь и откинула со лба волосы.

— Ну, хорошо, — согласился мужчина.

Актёрские способности Эйне можно было бы оценить на пять баллов из пяти. В её глуховатом голосе слышалось беспокойство, как будто и впрямь она переживала за свою подругу и не знала, что делать: час поздний, прохожих мало, а сплошь и рядом такое равнодушие, никому нет дела! Одна надежда на отзывчивость этого припозднившегося человека, который, по всему видно, был настоящий мужчина и не привык проходить мимо девушки в беде, а отговорки были так — для виду. Когда он выразил согласие, Эйне вся просияла и воскликнула:

— Ой, молодой человек, спасибо вам! Я прямо как чувствовала, что вы мимо не пройдёте.

У мужчины был в руке пакет. Она протянула к нему руки:

— Давайте, я пока ваш пакетик понесу.

Он отдал ей пакет, и они подошли ко мне. Мужчина был высок и хорошо сложён, под его курткой была форма охранника.

В свете далёкого фонаря тускло заблестел короткий ёжик волос на его голове. На вид ему было лет тридцать. Обыкновенное, ничем не примечательное лицо, однако фигура хорошая, спортивная. Когда он присел возле меня, от него повеяло мужественным ароматом — запахом пота и сильного мужского тела.

— Слушайте, да тут "скорую" вызывать надо! — озабоченно заметил он, взглянув на меня.

— Уже не надо, — проговорила Эйне.

В один момент исчезла вся её человеческая и женская растерянность, её изящно очерченное, словно высеченное из белого мрамора лицо стало жестоким и страшным, а голос прозвучал на октаву ниже. Мужчина видел её истинную сущность всего секунду: она откинула ему голову назад и сдавила цепкими пальцами шею. Его глаза закатились, он обмяк и осел на асфальт рядом со мной.

— Ну вот, детка, всё очень просто, — сказала она, обращаясь уже ко мне. — Немного женского обаяния — и дело в шляпе.

Сильным рывком разорвав воротник мужчины, она открыла его сильную шею и чуть откинула ему голову набок. Прижав большим пальцем артерию — палец глубоко вдавился в тело, — она чуть сдвинула свой перстень-коготь и вонзила его чуть выше по ходу сосуда. Из небольшой ранки сразу потекла струйка крови.

— Кушать подано, — усмехнулась Эйне. — Давай скорее, пока тёплая.

В ноздри мне ударил запах, и тут же мой желудок скрутил жестокий голодный спазм. Снова как зачарованная я смотрела на алую струйку, и во мне поднималось желание

глотать
глотать
пить
это восхитительное, воскрешающее из мёртвых ЧУДО!

— Ну же, давай, — подбодрила Эйне.

Она убрала палец, и фонтанчик ударил мне в рот.
По моему пищеводу,
лаская мою грудную клетку,
согревая мне сердце
и наполняя тёплой тяжестью желудок,
потекла
живительная густая сладкая амброзия.

Как чудодейственный бальзам, она мгновенно потушила голодный пожар у меня внутри, и моя утроба отозвалась восторженным урчанием. Кишки возрадовались, а по моим жилам

заструился огонь, достиг сердца, и оно вспыхнуло. Я стала лёгкой, свободной и сильной, за спиной у меня как будто выросли крылья и подняли меня на вершину блаженства, которой не могло достигнуть ни одно смертное существо из мира жертв.

На плечо мне опустилась рука.

— Всё, детка, на первый раз хватит, — услышала я голос Эйне. — Оставь и мне капельку — ведь это я его для тебя поймала.

Лёжа на асфальте (холодном, влажном, грязном, но мне было всё равно) и глядя в небо, я улыбалась окровавленным ртом. Небо раскинулось над городом, тёмное и холодное, как кошачьи глаза Эйне, и равнодушно взирало на распластанную на асфальте, блаженно потягивающуюся и выгибающуюся фигуру, которая принадлежала, должно быть, мне. Рядом насыщалась Эйне, стискивая безжизненно висящее тело в объятиях и высасывая из жертвы то, что в ней ещё осталось. Бросив жертву, она по-кошачьи оскалилась, обнажив окровавленные клыки, и рявкнула. Потом она засмеялась и похлопала меня по животу.

— Ну как, девочка наелась?

Ответом ей был мой долгий стон блаженства.

— Ну, вот и славно.

На глаза мне попался пакет мужчины, лежавший на асфальте. В нём была булка хлеба, пачка макарон, пакет молока, ещё какие-то продукты. На безымянном пальце тускло блестело обручальное кольцо. Ещё затуманенным от сытости и удовольствия взглядом я обводила всё это, но к моему сердцу подкатывался ком смутного тоскливого чувства. Я взглянула в лицо того, кто, попавшись на удочку Эйне, поверил, что мне нужна помощь, и собирался её оказать, и на меня накатила растерянность и скорбное недоумение. Но сытость, уютно наполнявшая моё чрево, окутала и моё сердце байковой мягкостью, а потому я послушно встала, ухватившись за руку Эйне. Мой живот был тугой, как барабан. Я перевела растерянный взгляд на Эйне.

— Это только жертва, — сказала она. — Не думай о нём и не расстраивайся. Не ты, так кто-то другой съел бы его.

Какие-то чёрные тени показались в переулках и дворах; на человеческие фигуры они были непохожи — слишком приземистые и горбатые, уродливые, с тускло-жёлтыми огоньками глаз. Они выглядывали отовсюду, но почему-то к нам не приближались, будто выжидали, не сводя с нас своих холодных, мерцающих в темноте глаз. В том, что это были не люди, убеждало и то, что передвигались они на четырёх конечностях. По моей спине пробежал холодок.

— Шакалы, — сказала Эйне. — Они падальщики, следуют за хищниками, чтобы подобрать остатки их трапезы. Это примитивные и трусливые существа, сами они никогда на живых не охотятся.

— Я даже не подозревала, что у нас в городе водится такая нечисть, — пробормотала я.

— Днём они прячутся по подвалам и в канализации, а также в других вонючих тёмных дырах. Правда, иногда бомжи и диггеры их шугают… Был случай, когда они всем гуртом навалились на одного бомжа и загрызли. Но это исключение, обычно они не охотятся сами, только ждут подачки от нас. Они всё за нами приберут, не оставят ни клочка плоти, ни одной косточки. Хорошие санитары. Они уничтожают все следы. Ну, пошли. Нам пора.

1.28. Возвращение

Мы приземлились на крышу моего дома. Эйне сказала:

— Подожди, я сейчас.

Я осталась на крыше одна. Начал накрапывать дождь, и я подставила ему лицо. Мне было уже не холодно, и физически я чувствовала себя отлично. Мучительного голода больше не было, моя сытая утроба не причиняла мне никакого беспокойства. Я сидела на крыше, ничего не делала и ждала Эйне. Почти все окна в округе погасли.

Её посадка была, как всегда, точной — прямо на конёк крыши. Я всегда поражалась, как фантастически она держала равновесие, и у меня поджилки вздрагивали, когда она преспокойно расхаживала по самому краешку на большой высоте. В руках у неё был целый ворох роз.

— На, возьми.

Я с удивлением приняла цветы. Эйне пояснила:

— Это для отмазки, если дома будут спрашивать, где ты была. Сочинишь что-нибудь. Типа, свидание. Ну, в общем, сама придумаешь.

Так как ушла я сегодня через дверь, то и возвращаться следовало тем же способом. На крыльце горел свет. Эйне сказала:

— Постой-ка. Ты испачкалась, надо тебя немножко умыть.

Она принялась вылизывать меня вокруг рта. Это было щекотно. Поднимаясь по ступенькам, я рассматривала букет. Роскошные, кроваво-алые розы поблёскивали капельками дождя на бархатных лепестках, и стоить такой букетик мог… Впрочем, Эйне не пользовалась деньгами, она брала всё даром.

— Ты знаешь, который час? — встретил меня отец.

Был уже час ночи. Отец хмуро поглядел и на меня, и на розы,

зато Алла была от букета в восторге. Выяснив количество цветов и что-то подсчитав в уме, она вздохнула, улыбнулась и сказала:

— Ой, я тебе прямо завидую!

Она решила, что у меня появился богатый поклонник.

В ванной я столкнулась лицом к лицу с бледной особой, глаза которой плотоядно горели. Я шарахнулась от неё, но уже в следующий миг поняла, что это было зеркало.

1.29. Я задвигаю универ

Проснулась я золотым осенним утром. Окно отпотело, грустное солнце горело в капельках воды. Я взглянула на часы: мама дорогая! Пол-одиннадцатого. На пары опоздала! Ладно, к чёрту. Задвину сегодня универ.

Чувствовала я себя отлично. По привычке я поставила чайник, сварила яйцо, достала майонез. Но, откусив от половинки яйца, покрытой толстым слоем майонеза, я почувствовала гнусный вкус тухлых рыбьих потрохов. Меня передёрнуло от омерзения, и я выплюнула всё в мойку. Прополоскав рот водой, я опустилась на табуретку.

Фонтанчик крови. Вкус блаженства.

Блюдце разлетелось вдребезги, нетронутая половинка яйца шлёпнулась на пол майонезом вниз.

Он возвращался поздно вечером с работы, дома его ждала семья. Он зашёл в круглосуточный магазин и купил продукты, как, наверное, делал всегда или часто. Но домой он в тот вечер не вернулся, потому что она сказала, что мне плохо, и нужна его помощь, и он поверил.

Метнувшись к зеркалу, я увидела там себя. Не особо бледная, и клыков нет. Кто же я? Упырь или ещё человек? Ничего себе "пробная версия"!

Что мне теперь делать?

Задвинув универ, я целый день то плакала, то металась по квартире, а иногда то и другое одновременно. На моём столе стоял шикарный букет алых, как кровь, роз, напоминая. Я опять не приготовила ужин, и Алла, укоризненно качая головой, сама стояла у плиты. Впрочем, её, наверно, утешала мысль о том, что скоро я наконец выйду замуж, и моя комната освободится.

Сидя в постели без сна, я прислушивалась к своему нутру. Вчерашней кровавой трапезы хватило на целый день, но в животе уже начал шевелиться голодный червячок. Это пока не был пожар, но под ложечкой посасывало.

1.30. Ужин

Я вытерпела без еды в общей сложности часов сорок пять —

сорок шесть, а к вечеру вторых суток мой живот уже основательно подвело.

Я открыла холодильник. Попытаюсь всё-таки что-нибудь съесть, хоть и противно. Так, что наименее отвратительно? Кажется, хлеб не очень гадкий, хотя у него резиновый вкус. Но резина всё-таки не так омерзительна, как тухлые рыбьи кишки. Вода тоже ничего. Итак, хлеб с водой. Что ж, лучше так, чем…

Я отрезала ломтик хлеба и налила стакан воды. Хлеб для улучшения вкуса я ещё и посолила. Солёная резина. Я жевала её. Жевать было ещё ничего, но вот проглотить — гораздо труднее. Вы когда-нибудь ели солёную резину? Нет? И не пробуйте!

Страшным усилием я всё-таки отправила хлеб в желудок, запила глотком воды. Вода отдавала болотом гораздо сильнее, чем раньше, но я её тоже проглотила. В животе стало как-то нехорошо, но я опять откусила от ломтика хлеба и принялась героически жевать, перемалывать челюстями солёную резину. Ну и гадость. Но есть надо, иначе я умру с голоду. А пить кровь?

Перед моими глазами стояла рука с обручальным кольцом и вывалившиеся из пакета на асфальт продукты. Нет, нет, ни за что больше!.. Я познала, каково это, и с меня довольно. Я не хочу покупать целый флакон. Пусть я буду жертвой, но из-за моего голода больше никто не должен умирать.

Ломтик наконец-то закончился, была выпита и вода, а в животе нарастали неприятные ощущения. Я пошла в комнату и прилегла. Может, уляжется?

Нет, оно не только не улеглось, но и стало ещё хуже. В животе начались рези, да такие страшные, что я сгибалась пополам. Сердце колотилось, в горле стоял ком.

В туалете я сунула пальцы в рот и исторгла ещё не успевший перевариться хлеб. От него исходил отвратительный болотный запах. Когда я выпрямилась, у меня застучало в висках, туалет поплыл вокруг меня, дверь ударила меня по лбу, а пол прихожей в заключение дал мне пощёчину.

1.31. Меня колбасит

— Лёлечка, что с тобой?

Меня хлопали по щекам, обрызгивали водой. Надо мной склонились встревоженные отец с Аллой. Попытавшись подняться, я опять упала: слабость.

— Господи, да что с ней такое?

Меня сильно шатало — хуже, чем с похмелья, а от звона в ушах я не слышала даже собственных шагов. Ещё никогда меня так не колбасило. Как будто я отравилась, хотя это был всего лишь хлеб! Я доползла до кровати. Хотя я прочистила желудок,

мне было всё ещё очень плохо. Меня тошнило, тянуло на рвоту, но желудок был пуст. В висках стучали маленькие молоточки, а в голове звенели будильнички. Пальцы тряслись, комната плыла куда-то. Отец с Аллой вызвали "скорую". На вопрос, что я ела сегодня, я ответила правду: хлеб с водой.

— И больше ничего?
— Ничего…
— А вчера что ели?
— Не помню…
Меня увезли в больницу.

1.32. В палате

Я не помню, как меня везли и что со мной делали. Очнулась я на железной койке под капельницей, в зарешеченное окно скрёбся дождь, во рту было сухо, как в пустыне, и у меня было такое чувство, будто из меня доставали все органы, а потом обратно в меня зашили, но всё перепутали. Я хотела пошевелить руками, но не знала, где они. Ног тоже не было. Я чувствовала себя обрубком, да и то, что от меня осталось, было перекроено, перепутано, наспех смётано чьей-то небрежной рукой.

Была ночь.

В палате были ещё три кровати, из них заняты были только две. Моя стояла у окна, соседняя, у противоположной стены, пустовала, а кто лежал на двух кроватях по обе стороны двери, в темноте нельзя было понять. Да мне это было и не особенно интересно: гораздо больше меня занимал вопрос, где мои руки и ноги. Судя по всему, они были где-то здесь, поблизости, но объявили забастовку и не реагировали на команды мозга.

Что же это такое? Неужели я отравилась хлебом?

— Да, именно хлебом ты и отравилась. Мы не можем есть человеческую пищу, она для нас — яд.

На подоконнике, озарённая тусклым светом фонарей, проникавшим в окно, сидела Эйне, и тень от решётки разделяла её лицо на три неравные части. Её кошачьи глаза поблёскивали, устремлённые на меня. Как она пробралась сюда? Впрочем, удивляться не приходилось: она могла проникнуть куда угодно. Мои соседи по палате лежали смирно, как будто ничего не слышали.

— Хорошо, что ты догадалась сразу прочистить желудок. Если бы ты этого не сделала, было бы гораздо хуже.

Хуже? Куда уж хуже!

— Всё не так плохо, детка. Но лекарства, которыми здешние доктора тебя пичкают, бесполезны. — Эйне соскользнула с

подоконника и выдернула трубку капельницы из моей руки, которой я, впрочем, не чувствовала — для меня это было всё равно что из матраса или подушки. — Я принесла лекарство, которое тебе поможет.

Она приподняла мне голову и поднесла к моему рту горлышко какого-то сосуда — кажется, большой бутылки. От одного запаха мне стало лучше: это была кровь!

— Да, детка, свежайшая артериальная кровь. Самое лучшее и единственное лекарство для хищника.

Уже только запах приободрил меня, и я смогла держать голову. От благодатной струи, лившейся через горло в желудок, я начала чувствовать и руки, и ноги, и все мои органы встали на место, жизнь возвращалась в моё несчастное тело. Ожили и расправились лёгкие, наполнилось кровью сердце, запульсировали кишки, и каждая моя клеточка радовалась и воскресала. Эйне поддерживала меня под затылок, но в этом уже не было надобности: я приподнялась, опираясь на локти, и поглощала, поглощала спасительное лекарство, и по моему телу бежали маленькие радостные конвульсии. Всё содержимое бутылки перелилось в меня, и я упала на подушку, чувствуя струящееся в теле тепло. Абсолютное физическое блаженство, формула которого течёт в жилах каждой жертвы.

— Вот так, всё хорошо. Теперь ты пойдёшь на поправку, и никакие людские лекарства тебе не нужны…

Постарайся привыкнуть к мысли, что всё, чем живут жертвы, что они любят и ценят, чем они дорожат и восторгаются — не для тебя.

Всё, что связывало тебя с людьми, нужно оставить в прошлом. Забудь друзей, родных, всех тех, с кем ты была близка: ты уже не имеешь с ними ничего общего.

Они никто тебе. Они жертвы.

Ты другая.

Не жалей их. Ведь ты не рыдала над котлетой и не думала о бедной свинке, которую пришлось убить, чтобы перед тобой на тарелке появилась эта котлета? С какой стати ты должна проливать слёзы о жертве? Это всего лишь твоя пища.

Ты должна уйти из их мира. Их законы для тебя ничто. Ведь не стала бы ты жить по правилам, принятым в стаде свиней, раз уж я привела в пример это животное?

Хищника отличает от жертвы свобода. Впрочем, некоторые жертвы тоже считают себя свободными, но они заблуждаются. Свободны только хищники, а жертва обречена на то, чтобы стать их пищей. "Свобода" жертвы не имеет ничего общего со свободой, которой обладает хищник.

Ни одна жертва не может тебе указывать, что тебе делать. Ты сама решаешь, что тебе делать, как делать и когда. Ты сама себе хозяйка. Ни одно слово из уст жертвы не может быть для тебя авторитетным. Их нельзя уважать, нельзя им подчиняться, нельзя слушать их моралистов, проповедующих добро и любовь. Всё это бредни, потому что они сами не делают того, что проповедуют. Они грызутся меж собой, убивают друг друга. Их общество прогнило насквозь. Их мораль уже давно стала пустой болтовнёй. И самое горькое то, что, оставшись среди них, ты можешь стать не только жертвой хищника. Ты можешь стать жертвой другой жертвы.

Беги от них!

1.33. День в городе

Так проповедовала Эйне, склонившись надо мной в тёмной палате с убогими голыми стенами и забранным решёткой окном. Может быть, она говорила вслух, а может, и передавала мне свои слова телепатически — не берусь судить. Но то, что она говорила, было страшно.

Лекарство, которое она мне дала, исцелило меня полностью. Утром врач с удивлением обнаружил пациентку в полном здравии, и после осмотра ему не оставалось ничего другого, как только её выписать.

Я не стала дожидаться, когда за мной придут. Физически я чувствовала себя хорошо, но душа моя походила на город после бомбёжки. Выйдя на улицу, я подставила лицо нежаркому, грустному осеннему солнцу, слушая голос города. Во внутреннем кармане куртки завалялось двадцать рублей. Я купила в киоске сигареты.

Ключей у меня не было: видимо, предполагалось, что за мной придут вечером, после работы. Бродя по улицам, я смотрела на людей и думала: неужели всё то, что говорила ночью Эйне — правда? Если так, то плохи мои дела.

Погрузившись в городскую уличную суету, я бродила без цели, сворачивая то налево, то направо, и за мной по пятам с шуршанием бежали стайки опавших листьев. Как там у Пушкина? "Унылая пора, очей очарованье"? Господи, Александр Сергеевич, знали бы вы, какую шутку сыграла со мной воспетая вами пора!..

Сидя на скамеечке в маленьком сквере, я пускала по ветру сигаретный дым и смотрела, как мимо идут мужчины, женщины, дети. Старики и подростки. Идут и не знают, что они жертвы.

Нет, нет, не может этого быть. Так нельзя. Всё это неправда. Ведь есть же Пушкин, Толстой, Леонардо, Боттичелли, Бетховен,

Гёте, Эль Греко, Диккенс, Рафаэль, Моэм, Шекспир. Есть Цветаева и Есенин. Говорят, что был Христос.

Но был ещё и Наполеон, Чингисхан, Сталин, Гитлер, скинхеды, террористы, болтуны, мошенники, маньяки и воры. Оборотни в погонах и оборотни в кабинетах с флагами и портретами президента. Наркотраффик. Торговля оружием и торговля органами.

Есть ещё Достоевский. "Тварь ли я дрожащая или право имею?" Тоже мне, Раскольников. Я сплюнула себе под ноги и бросила окурок в урну. В сквере устроились мамаши с колясками, из которых на мир смотрели несмышлёными глазёнками будущие жертвы. Я встала со скамейки и пошла по улице, сунув руки в карманы. Я прошла мимо лотка с мороженым, которого больше не могла есть. Девочки-школьницы прыгали по нарисованным мелом на асфальте клеткам. Ветер гнал листья.

1.34. Терпеть

Я попала домой только вечером. Отец спросил:

— С тобой точно всё нормально?

Я ответила:

— Да.

Но ничего не было нормально. Я твёрдо решила: лучше я умру с голоду, но хищником не буду. Кажется, Эйне сказала, что это временное состояние. Угостив меня "сырым мясом", она сделала так, что я, оставаясь человеком, пью кровь, а человеческую пищу есть не могу. Может быть, это пройдёт? Нужно только потерпеть.

И я решила терпеть.

1.35. Ломка

Я опять проспала и забила на пары. Шёл дождь, было холодно, никуда выходить не хотелось, и я весь день просидела дома с унылыми мыслями.

В кого или во что я превращаюсь?

Неужели для того чтобы жить самой, я должна отнимать жизни у других?

Может быть, чем превращаться в чудовище, мне лучше умереть?

И всё в таком роде.

Я была в жёстком депрессняке. Человеческая еда не лезла в горло, более того — была опасна, и только кровь могла меня насытить и восстановить мои силы. Я смотрела в окно, на тусклый осенний день, и всё казалось мне подёрнутым серой дымкой. Хотелось спать.

Но стоило мне закрыть глаза, как передо мной вставала рука с обручальным кольцом и рассыпавшиеся из пакета продукты. Что же я за чудовище!

И неужели каждую ночь будут новые жертвы?

Муки длились целый день, пока вечером у меня не засосало под ложечкой: мой голод проснулся. Я с тоской и брезгливостью смотрела, как Алла с отцом ужинали. Сесть с ними за стол я отказалась, солгав, что уже ела. Может быть, мне и хотелось бы поесть того же самого, но я не могла: стоило мне только сунуть нос в кастрюлю, как к горлу подступила тошнота. От голода я ослабела, у меня кружилась голова и звенело в ушах, но я легла на кровать, решив перетерпеть это временное состояние.

Так не должно продолжаться, думала я. Если бы я знала, что меня ждёт, я, может быть, и

не решилась бы.

Муки начались.

Этот голод не имел почти ничего общего с нормальным голодом. Начинался он, правда, как обычное чувство жжения в животе, но на этом сходство с обыкновенным голодом кончалось. Потом началась самая настоящая ломка.

Боль в животе, разрывающая кишки.

Звон в ушах, переходящий в неясное бормотание.

Тошнота. Слабость. Головокружение.

Наконец, галлюцинации. Вы когда-нибудь видели, как на ваших глазах искривляются предметы? Всё вокруг становится как бы сошедшим с картин Сальвадора Дали, и даже ещё страшнее: у стула загибается вниз спинка, шкаф дышит — явственно вздымаются его створки, под обоями кто-то ползает, люстра распускается, как цветок, дверная ручка вытягивается и обнюхивает вашу руку, как собачий нос, и много других прикольных вещей.

Жутких, я бы сказала, вещей!

В висках стучит, а в животе пожар, который может потушить только литр крови. На время.

В уши шептали страшные, скользкие, как холодная слизь, голоса, и чтобы их заглушить, ich bin я задвинула голову в раскалённый чёрный аудиошлем die Stimme aus dem Kissen, вдавила пальцем воспалённый глаз в чёрный пластмассовый череп Herz brennt и услышала рвущий мне мозг когтями и забивающий в мой череп гвозди электро-ад. Он бил каблуками meine Wut по моим вискам и сотрясал will nicht sterben ударами кувалды мои плечи, а в прямоугольном Vernichtung und Rache зрачке воспалённого глаза горело "Track 12".

Я не знаю, сколько это длилось: я потеряла счёт времени. То

мне казалось, что тянется всё тот же день, то я предполагала, что прошла уже неделя. Разумеется, незамеченным моё состояние не прошло: трудно не обратить внимание на человека, корчащегося на кровати, плачущего и несущего всякую ахинею. Отец и Алла испугались не на шутку. Несмотря на то, что я была во власти зрительных галлюцинаций и физических мучений, способности слышать и понимать, что рядом со мной говорят, я не утратила. Я поняла, что они опять вызвали "скорую", и что врач, взглянув на меня, сказал:

— Её надо в наркологию. Следов уколов я не вижу, но, возможно, это какие-то таблетки.

— Господи, — пробормотал отец.

— Ещё наркотиков нам не хватало! — сказала Алла.

Итак, люди решили, что я глотаю колёса.

1.36. Вещество

Однако следов наркотиков у меня в крови не было. Я была абсолютно чистая — если не девственно, то хотя бы химически. Поэтому на учёт меня не поставили. Из больницы меня выписали после того, как увидели, что меня больше не ломает и я в здравом рассудке.

Потому что Эйне снова напоила меня лекарством.

Странный приступ, похожий на абстиненцию, никто не мог объяснить, даже врачи, а сама я молчала. Но дома начался сущий ад.

Вернувшись домой из университета (я туда ещё иногда ходила), я обнаружила, что в моей комнате всё перевёрнуто вверх дном, как будто у меня делали обыск. Это и был обыск: Алла искала у меня наркотики. Когда я вошла, она заглядывала в корешки книг.

Я задала вопрос, который задал бы на моём месте любой:

— Ну, и что это значит?

Её блестящие глазки-бусинки смотрели на меня с мышиной злобой.

— Где ты их прячешь?

— Я ничего не прячу.

— Не прикидывайся!

— Зачем мне прикидываться?

— Не ври, я всё по твоим глазам вижу!

— Что ты видишь?

— Что они где-то есть!

— Что есть?

— "Что", "что"! Сама знаешь, что!

— Не знаю.

— Ну, знаешь!.. Это уже…

Аллу не убедили мои анализы, свидетельствовавшие о том, что наркотиков я не принимала. В этих вопросах она была полной невеждой, и невеждой упрямой. У неё и так было обо мне мнение, что я шалопайка и ни на что не пригодная бездельница, а этот случай внушил ей уверенность, что я ещё и с наркотиками связалась. Справки, в которых было чёрным по белому написано, что я не кололась, не глотала колёса, ничего не нюхала и не курила, ничего для неё не значили. Гораздо большее значение для неё имело то, что она видела собственными глазами, а видела она, признаюсь, не самое приятное зрелище. Привыкшая больше доверять своим глазам, чем справкам, Алла поставила мне диагноз: наркоманка. Её почти средневековая темнота меня поражала, а ещё больше то остервенение, с которым она искала доказательства моего порока. Вторгнувшись в моё личное пространство, она превратила мою комнату чёрт знает во что, наорала на меня, а потом ещё и закатила истерику перед отцом. Отец был склонен верить медицинским заключениям, логическое начало у него было больше развито, и он трезво смотрел на вещи, но женская истерика — вещь, ошеломительно действующая на психику даже нормального человека. Я приводила в порядок свою разгромленную комнату, когда отец вошёл ко мне.

— Послушай, Лёля… Скажи честно: ты принимаешь или в прошлом принимала какую-нибудь дрянь?

— Нет, папа, — сказала я, вешая одежду в шкаф. — Ты же сам видел анализы. Там сказано…

— Я знаю, что там сказано, — перебил отец. — Но я также видел, что с тобой творилось. Это было что-то невообразимое. Если это не наркотики, то что?

Я подобрала с пола блузку, повесила на плечики, а плечики — в шкаф. Потом так же поступила с платьем. Отец, подняв перевёрнутый стул и поставив его на ножки, сел. Он сидел, ссутулившись и свесив руки между колен, глядя на меня.

— Лёля, я тревожусь за тебя. С тобой что-то происходит, и давно. Ты молчишь, ничем с нами не делишься. Ты отдалилась, с тобой стало невозможно разговаривать. Ты стала нервной, злой… Раньше ты такой не была. Думаю, нам пора всё-таки поговорить. Скажи, что с тобой происходит?

Я молча собирала книги и расставляла по полкам. Один библиотечный учебник был порван: придётся склеивать. Подождав немного, отец сказал:

— Алла перегнула палку, я согласен. Но и ты пойми: наркомания — страшная вещь. Наркоманы ради дозы продают

вещи из квартиры, крадут, грабят, даже убивают… Вполне можно понять, почему Алла боится. Да и мне, признаться, страшно.

Я отложила порванный учебник в сторону, чтобы потом склеить. Собрав осколки разбитой вазочки, я сказала устало:

— Я не наркоманка, но я не знаю, как вам это вдолбить. Если вас не убеждают анализы, то я просто не знаю, как оправдать себя.

Поглаживая свои тёмные с проседью волосы, отец вздохнул:

— Анализы анализами, но ведь есть какая-то причина у того, что с тобой происходило. Из-за чего это? Лёля, ты просто не видела себя со стороны… Это было жутко. С тобой явно что-то не то, доченька.

Если бы он знал, как он недалёк от истины!.. Но эта истина была гораздо страшнее, чем он думал. Собирая и складывая в стопку раскиданные по полу тетради с конспектами, я думала: сказать ему или нет? Если я скажу, поверит ли он? А если даже и поверит, чем он мне поможет? Я собирала вещи и бумаги, выброшенные из ящиков стола, а он смотрел на меня. Потом встал, подошёл и взял меня за руку.

— Лёля, давай присядем. Ты мне всё расскажешь, и мы вместе подумаем, что делать. Мы же всегда так делали.

Я посмотрела на него. Всегда — когда мама была жива. Мама умела усадить нас за стол переговоров. Когда-то мы все сидели за одним столом: мама, отец, Таня и я. Сейчас мамы и Тани нет, а Алла вряд ли тянет на хранительницу очага, какой была мама. Память о нашей семье, когда-то дружной и любящей, хранили теперь только фотоальбомы.

— Папа, если я тебе скажу, ты не поверишь. А если поверишь, ничем не сможешь помочь.

— Ты сначала расскажи, а потом разберёмся, смогу или нет. Главное — не молчи, не держи всё в себе. Иди сюда, сядь.

Не привыкший вести подобного рода разговоры, он был неуклюж и трогателен в своей озабоченности моими проблемами, которая — я чувствовала и видела это — была вполне искренней. Но то, что он сейчас услышит, может поразить его. Мне даже стало его жалко.

— Пап… Даже не знаю, как сказать… Это не наркотики, это другое. Ещё хуже.

— Господи, что может быть хуже? — пробормотал он.

— Подожди, пап… — Я села на ковёр у его ног, положив руки ему на колени, и встретилась с его напряжённым, полным тревоги взглядом. — Я действительно подсела… Но не на иглу, нет. И не на таблетки. Я подсела на кровь, папа. Это даже сродни наркотической зависимости, просто вещество другое.

Нормальную еду я есть не могу, она кажется мне гадкой, отвратительной, и даже более того — она может вызвать у меня отравление. Когда вы вызывали "скорую" в первый раз, я попробовала съесть кусок хлеба, и вот к чему это привело. Во второй раз… Тогда это был голод. Ломка от голода, потому что я решила это перетерпеть. У меня не получилось. Это было слишком страшно, нестерпимо, это была нечеловеческая мука.

Он накрыл мои руки своими ладонями. Они были холодными.

— Кровь… Это какой-то наркотик? Это название какой-то дури?

Я вытащила руки из-под его ладоней и положила сверху.

— Нет, пап. Кровь — это кровь. Та, что течёт у нас с тобой в жилах. Обычная человеческая кровь. Меня посадила на неё Эйне. Эйне — она не человек. Она хищник, она пьёт кровь людей. Я познакомилась с ней летом…

Зачем я ему рассказала всё? Не знаю. Не думала же я, что он сможет как-то избавить меня от этого? Конечно, нет. Наверно, мне было просто страшно оставаться с этим один на один. Я жалею, что я употребляла лексику наркотической темы — "посадить", "подсесть", "ломка". Может быть, он за неё уцепился. Я рассказала всё: о моём знакомстве с Эйне, о том, как она принесла голову Таниного убийцы; как я летала с ней вокруг света; о хищниках и жертвах, о поцелуе Эйне и его последствиях; о том, как я поняла, что мне нужна кровь; о нашей первой охоте. Я даже призналась, что букет роз был от Эйне. Я раскрыла секрет моего выздоровления после отравления хлебом и проговорилась о том, как я была избавлена от мук голода, которые врачи приняли за абстиненцию. В заключение я сказала:

— Алла искала у меня дурь и ничего не нашла. Ирония в том, что эта штука действительно здесь, но искать её следует не в моих вещах. Она находится в вас — течёт в ваших артериях и венах. В этом смысле она здесь, и избавиться от неё невозможно.

Бедный папа! Что он испытал, слушая это! Он ни разу меня не перебил, только в его взгляде с каждым моим словом всё яснее проступали ужас и жалость. Он поднёс руку к лицу, и пальцы у него подрагивали. Он закрыл ею подбородок и рот и долго так сидел, глядя на меня. Когда он заговорил, голос у него тоже вздрагивал.

— Лёлечка… Это хорошо, что ты всё рассказала. Ты молодец. Мы с этим… справимся.

Вместе мы обязательно справимся, вот увидишь. Есть клиники, где людям помогают избавиться от этого, нужно только самому захотеть от этого избавиться. У тебя получится,

обязательно получится.

Дрожащей рукой он гладил меня по голове, а сам был белее бумаги. Взглянув ему в глаза, я всё поняла и испытала безмерную усталость. Я продолжила складывать вещи в ящики стола. Наверно, внешне я выглядела ужасающе спокойной.

— Ты не понял, папа. В клиниках это не лечат. Никакие человеческие лекарства мне не помогут. Лекарство одно — кровь. Но я не хочу её пить, я не хочу быть хищником. Я ещё раз попытаюсь соскочить… Мне снова будет плохо, но ты не пугайся и "скорую" тоже не вызывай, это бесполезно. Мне лучше отлежаться дома. Наверно, это уже скоро начнётся… Не знаю, сколько это будет длиться — может, сутки, может, двое, а может, и четверо. Не знаю. Я попытаюсь как-нибудь переломаться. Я всё ещё человек, а значит, надежда есть.

— Да, Лёлечка, конечно, есть, — сказал отец.

Он так и не понял ничего, он думал, что "кровь" — это название какой-то дури. Я жалела, что всё рассказала, нужно было просто молчать. Чего я этим добилась? Только того, что теперь и отец думал, что я наркоманка. В сущности, так оно и было, только вещество, от которого я зависела, нигде не росло и не было синтезировано в лаборатории. Оно текло в людях.

1.37. Попытка номер два

Закончив уборку, я почувствовала, что устала как собака. Я столько за последние дни вытерпела и морально, и физически, что чувствовала себя как будто придавленной огромной бетонной плитой. Склеивая порванный учебник, я ощущала первые признаки голода; пока они были несильны, их можно было терпеть и даже заниматься какими-нибудь делами. Устранив последствия учинённого Аллой разгрома и подлатав пострадавший учебник, я легла в постель и стала ждать начала мучений. Алла с отцом о чём-то разговаривали на кухне. Чтобы не слышать их, я надела наушники и включила музыку погромче.

Ощущения нарастали постепенно. Всё повторялось в точности, как в прошлый раз, и неожиданностей не было. Пока я была ещё в состоянии трезво мыслить и членораздельно говорить, я повторила отцу, чтобы он не вызывал "скорую", как бы плохо мне ни было.

— Я постараюсь не отдать концы, папа. Врачи не помогут, нужно только терпеть, что я и попробую сделать. Ничего не предпринимай, не зови никого на помощь, не давай мне ни воды, ни еды — мне ничего нельзя. Лекарств тоже не давай.

Он издал тихий долгий вздох, потирая пальцами лоб. Я потрепала его по руке.

— Ничего, пап… Как-нибудь прорвёмся. Я буду терпеть, стиснув зубы. Я вытерплю.

— Наверно, завтра кому-то из нас нужно будет с тобой остаться, — сказал отец.

— Это не обязательно, пап. Можете просто закрыть меня в квартире и идти на работу.

— Оставить тебя одну в таком состоянии? Ну, нет!

Итак, попытка номер два началась.

1.38. Воскрешение Лазаря

Первым моим ощущением, которое я испытала, когда пришла в себя, был жуткий холод. Я лежала на чём-то холодном, и было темно. Воздух лился в мои окаменевшие лёгкие, и они оживали, расправлялись, но запах, который я одновременно с этим чувствовала, был не из лучших. Глаза мне застилала какая-то серая пелена, а потом я поняла, что я чем-то накрыта с головой. Кистями рук я ударилась о какие-то бортики — холодные, металлические; это была явно не моя постель, матраса не было, я лежала на какой-то гладкой холодной поверхности. И, похоже, я была раздета догола.

Это был неприятный сюрприз для меня. Пошевелившись на своём неуютном ложе, я откинула накрывавшую меня ткань (вроде простыни), и увидела облицованное кафелем помещение с весьма низким потолком, длинными трубками ламп, каким-то шкафом во всю стену с квадратными дверцами-ячейками, а справа и слева от меня на длинных металлических столах лежали неподвижные фигуры, накрытые с головой такими же простынями, как та, что служила одеялом мне. Возле одного стола стоял человек — мужчина в какой-то зелёной спецодежде и чёрном длинном фартуке, в шапочке, перчатках и, как мне показалось, делал какую-то операцию худощавому нагому мужику с глубоко ввалившимся закрытыми глазами и желтовато-бледным испитым лицом. Грудная клетка мужика была распластана и открыта, и человек в спецодежде копался в зияющей ране холодно поблёскивающими инструментами, а нос мужика, белый и острый, торчал кверху. Бледные босые стопы с кривыми большими пальцами были безжизненно отвёрнуты кнаружи.

Я легла снова… Голос куда-то пропал, тело было сковано холодом. Что же делать? Я в морге… Как я могла сюда попасть?! Ведь по ощущениям я была жива: сердце билось, лёгкие дышали. Первым моим желанием было подать голос, чтобы меня, не дай Бог, не вскрыли, но от слабости горло и язык меня не послушались и не издали ни звука. Даже от простой попытки приподнять голову я чувствовала ужасную дурноту, в ушах

звенело, и всё перед глазами расплывалось.

Человек в спецодежде между тем закончил свои манипуляции над мужиком и куда-то вышел. Я осталась одна в этом жутковатом месте, среди мертвецов, слабая, замёрзшая, но всё-таки живая. Во мне пульсировала жизнь, и пульс её с каждой минутой всё крепнул, постукивая в висках, щиколотках и запястьях… Домой, домой — вот чего мне больше всего хотелось. Домой, к папе… При мысли о нём у меня защипало в горле от близких слёз. Скорее домой… Я не хочу здесь находиться, я живая, я не должна здесь быть…

Мне стоило огромных усилий сесть на столе. Когда немного унялось головокружение, я попробовала встать на ноги, но они были как ватные, и я грохнулась на пол. Полежав чуть-чуть, я начала снова подниматься. ДОМОЙ, ДОМОЙ, стучало в голове. Это было моё единственное желание.

Цепляясь за край стола, я кое-как встала. Поскорее уйти отсюда, добраться до дома, выпить горячего чаю, лечь в свою тёплую постель… Только бы дойти… Детали меня мало беспокоили, я вообще ни о чём не думала. Просто уйти и всё. В голове ещё позванивало.

Держась руками за стену, я поплелась по сумрачному коридору с низким потолком…

Только оказавшись на улице, я сообразила, что что-то не в порядке. А именно, на мне не было ничего, кроме простыни. Вернуться в морг, попросить одежду? Я растерянно огляделась. Какая-то незнакомая улица… Был холодный и ветреный осенний вечер, начинало смеркаться, и босиком по грязному сырому асфальту было идти не очень приятно. Куда идти? Я озиралась и никак не могла сориентироваться.

1.39. Сбежавший труп

Кутаясь в простыню и дымя сигаретой, я сидела на стуле в тёплом кабинете, а за столом передо мной сидел строгий дяденька в форме и слушал мои сбивчивые объяснения.

— Так, так… Очень интересно. Какие необыкновенные приключения! — заметил он не без иронии. — Что пили?

— Ничего! — ответила я возмущённо. — Вот, оцените сами.

И я испустила в его сторону долгий выдох.

— Не надо, не надо, — поморщился он. — Если ничего не пили, почему шли по улице в таком виде?

— Да говорю же, я прямо из морга! — воскликнула я, удивляясь его непонятливости. — Я была дома, в своей постели, а очнулась там… На столе. Ещё немного — и меня бы вскрыли! Простынка эта на мне была, когда я пришла в себя на столе — ну,

ею и пришлось довольствоваться. Про одежду я как-то… не подумала. Не знаю, почему… Наверно, плохо соображала. А когда вспомнила, я уже была далеко. И всё вокруг мне казалось незнакомым… Никак не могла сориентироваться, в какую сторону идти. Ну, тут ваши сотрудники меня и… гм, подобрали. Вот.

Строгий дядя в форме ухмыльнулся.

— Всякое в жизни видел, но такое… Значит, говорите, из морга? А я вот возьму сейчас и туда позвоню. Что они мне там скажут?

— Что от них сбежал труп, — усмехнулась я.

Иронически улыбаясь, дядя поднял трубку и набрал номер. Представился по всей форме, назвавшись лейтенантом Стрельцовым, и задал вопрос…

От того, что ему сказали в трубку, он изменился в лице. Ироническая улыбочка исчезла.

— Ага… Ага. А приметы можете дать? Ага… Так. — Лейтенант Стрельцов окинул меня пронзительным и цепким профессиональным взглядом. — Вас понял. Спасибо. Да, мы этим как раз уже занимаемся. До свиданья.

Положив трубку, он долго на меня смотрел, барабаня пальцами по столу, потом проговорил:

— Ну, пока что ваша версия подтверждается. Из морга действительно пропал труп. Имя, фамилия и приметы совпадают.

— Ну вот, а я что говорю! — подхватила я обрадованно. — Этот пропавший труп — я. То есть, я не труп, конечно, поскольку сижу здесь и с вами разговариваю… Просто вышла ошибка.

— Н-да, ошибки случаются всякие, — глубокомысленно согласился лейтенант Стрельцов. — Ещё на документики бы ваши взглянуть, чтоб уж совсем всё стало ясно…

— Послушайте, можно мне позвонить домой? — взмолилась я. — Я устала, замёрзла, есть хочу! Мне бы хоть одежду принесли… Не буду же я и дальше находиться в таком виде! Ну, и паспорт заодно. Он у меня дома.

— На звонок вы право имеете, — проговорил лейтенант Стрельцов.

Итак, мне было позволено воспользоваться телефоном. Но об этом отдельно.

1.40. Звонок домой

Когда Алла услышала в трубке мой голос, до меня донеслись какие-то хрипы и глотательные звуки. Потом я услышала дрожащий голос отца:

— Да… Кто это?

— Папа, это я. Что это значит? Ведь я же просила никого не

вызывать, а просто дать мне отлежаться! Зачем вы сдали меня в морг? Это уж слишком!

Я снова услышала такие же глотательные звуки. Спохватившись, я воскликнула:

— Папа, папочка, не пугайся, всё нормально! Я звоню из милиции. Меня задержали, потому что я шла по улице из морга в одной простыне. Меня там раздели, а свою одежду мне от них получить так и не удалось. Пожалуйста, ты не мог бы приехать и привезти мне какие-нибудь мои вещи, чтобы одеться?

Послышались всхлипы.

— Лёля… Лёлечка… Доченька, это ты?

— Папа, да говорю же тебе, я! Кто же ещё? Я жива, всё хорошо.

— Жи-жива?.. Лё… Лё-ля! — Последнее слово было произнесено почти шёпотом и разделено пополам сдавленным рыданием.

Это были последние членораздельные звуки: дальше последовали одни всхлипы, междометия, обрывки слов. В присутствии постороннего человека, слушающего разговор, мне было неловко проявлять чувства, и я успокаивала отца довольно грубовато.

— Пап, ну перестань. Ну, всё. Ну, хватит. Возьми себя в руки. Ты всё понял? Привези мне одежду. И обувь, конечно. Да, и ещё мой паспорт захвати. Не забудь! И побыстрее, если можешь, ладно? А то я тут в таком непотребном виде, что со стыда сгореть можно.

1.41. Отец и дочь

На время, пока я ждала приезда отца, меня гостеприимно приютила камера, а лейтенант отнёсся ко мне сочувственно и гуманно: он выдал мне какой-то старый мужской плащ, чтобы я могла прикрыться. Обернув вокруг тела простыню наподобие саронга, сверху я надела этот серый балахон и туго подпоясалась. Ноги мои, увы, оставались босыми и весьма мёрзли, а камера была не самым уютным на свете помещением, но я почти не замечала неудобств: меня утешала мысль, что скоро я буду дома. Ведь то, что я была жива, дышала, разговаривала, и мне больше ничего не мерещилось, означало, что я перетерпела ломку. У меня получилось! Пусть я непонятным образом оказалась в морге, но я всё-таки выжила.

И вот, свобода: дверь камеры открылась, и я выпорхнула в коридор. В кабинете сидел отец — бледный, с покрасневшими глазами, держа на полу между ботинок пакет с одеждой. Увидев меня в мужском плаще с чужого плеча и с босыми ногами, он

привстал, и его губы затряслись. Предвидя, что он сейчас кинется меня обнимать, я остановила его:

— Папа, не надо. Дома поговорим.

Боюсь, я была с ним несколько сурова. Лейтенант Стрельцов сказал уже вполне добродушно:

— Штрафовать вас не будем, ограничимся предупреждением. Ну, одевайтесь и можете быть свободны.

Легко я отделалась…

Он вышел за дверь, а я протянула руку к пакету с вещами. Но отец, стоило нам остаться вдвоём, шагнул ко мне с трясущимися губами и произнёс рыдающим шёпотом:

— Лёлечка…

Как я ни старалась, я не смогла уклониться от его объятий. Он гладил моё лицо, разглядывал, ощупывал и шептал со слезами на глазах:

— Живая… Живая!

— Ну конечно, живая, папа, — сказала я немного нетерпеливо. — Поторопились вы меня хоронить. Ну, всё, дай мне одеться. Дома поговорим.

1.42. Я дома

В прихожей горел свет, под люстрой стояла Алла, бледная и напряжённая, как будто готовилась увидеть призрак.

— Ну что, уже похоронила меня? — сказала я насмешливо. — А я ещё поживу. — Сбросив с ног сапоги и повесив куртку, я спросила: — У нас есть какая-нибудь еда? Я голодная как зверюга.

Алла растерялась. Делая руками какие-то жесты, она пробормотала:

— Я там… У меня… Я могу… Картошку будешь?

— Давай всё, что есть, — ответила я. — Я готова быка сожрать.

Пока потрясённая Алла хлопотала на кухне, я забралась в ванную и с наслаждением встала под струи горячей воды. После всех моих приключений помыться было просто необходимо. Из ванной я вышла освежённая и словно заново родившаяся, а отец и Алла уже сидели за столом.

— Я сейчас! — сказала я.

Моя постель была даже не убрана, всё осталось, как было — будто я и не покидала дом. Надев халат и замотав мокрые волосы полотенцем, я пришла на кухню, где стол ломился от яств. Жареная картошка, солёные огурцы с помидорами, колбаса, салат с квашеной капустой, маринованные грибочки — от всего этого у меня слюнки потекли, и я быстренько уселась за стол. Подцепив

вилкой склизкий коричневый грибочек, я поднесла его к носу и ощутила крепкий, острый аромат маринованных грибов. Отправив его в рот, я послала ему вдогонку немного жареной картошки. Восхитительно! Я никогда не ела ничего вкуснее.

— Ну, а вы что не едите? — обратилась я к отцу с Аллой. — Всё просто объеденье.

Отец пробормотал:

— Ешь, Лёлечка, ешь… На здоровье.

Глаза у него были на мокром месте. Я шутливо упрекнула:

— Папа, мужчина ты или кто? Ну, чего ты размок? Я жива, со мной всё в порядке.

Он смущённо заулыбался, смахивая пальцем слёзы, а я заметила на столе бутылку водки, распечатанную и чуть початую. Показав на неё кивком, я спросила:

— Это что? Уже поминки справлять собрались?

Отец замялся с ответом. Я сказала:

— Ладно, наливай.

Как ни была потрясена Алла, она всё же сделала недовольную мину, но отец поставил три стопки и наполнил их. Подняв свою, он сказал:

— Ну… За воскрешение Лёлечки.

Мы с ним махнули, а Алла пить не стала. Я налегла на еду: всё было замечательно вкусным. Ещё никогда в жизни я не ела с таким удовольствием, как сейчас. Уплетая за обе щеки картошку, я похрустывала огурчиком, отправляла в рот грибочки один за другим, а отец смотрел на меня и улыбался, влажно поблёскивая глазами. Картошка у меня на тарелке закончилась, и он спросил:

— Добавки?

— Угу, — промычала я с набитым ртом.

Он положил мне ещё картошки пополам с капустным салатом. Я сказала:

— Пап, ты сам-то ешь.

Отец погладил меня по плечу, потом вдруг привлёк к себе и стал чмокать то в щёку, то в висок, то в нос.

— Ну чего ты, пап.

Он налил по второй стопке. Теперь уже я положила ему на тарелку картошки, подвинула огурцы и колбасу.

— Папа, ешь. Надо закусывать.

Алла посидела с нами совсем недолго и ушла, так и не выпив своей стопки. От отца я узнала, как всё было. В соответствии с моим наказом, он не вызывал "скорую" до последнего, но когда я начала хрипеть и задыхаться, он испугался и всё-таки вызвал. Когда бригада приехала, я уже перестала дышать, остановилось и сердце. Попытки реанимировать меня были безрезультатны, и

врачам не оставалось ничего, как только констатировать смерть. Рассказывая об этом, отец вытирал слёзы. Я погладила его по руке.

— Давай выпьем.

Мы выпили, и отец сказал сдавленным и дрожащим голосом:

— Когда раздался этот звонок… И когда я услышал твой голос, я подумал, что ты… с того света звонишь.

— Пап, на том свете нет телефонов, — сказала я ласково.

— Господи, это же чудо… Чудо какое-то!

И отец совсем расклеился. Закрыв лицо руками, он затрясся. Здесь уже не было ни лейтенанта Стрельцова, ни Аллы, и я уже не боялась проявлять чувства. Я обнимала и успокаивала отца, а он, щекотно уткнувшись мне куда-то между ухом и щекой, долго меня не отпускал. Я сама налила по третьей стопке и стала во всех подробностях рассказывать о своих злоключениях. Мы с ним просидели до позднего вечера, пока бутылка не опустела и на кухню не пришла Алла — по-прежнему напряжённая, в шёлковом халате, косясь на меня, как на какое-то чудо-юдо.

— Может, спать пойдёте? Двенадцатый час уже.

— Сейчас, Аллочка, пойдём, — отозвался отец. — Ох и наделала же Лёлька переполоху своим воскрешением!

— Я слышала, — сказала Алла. — Вы так громко разговариваете, что каждое слово слышно. Давайте уже, идите, а мне ещё убрать тут за вами всё надо.

Сытая и осоловевшая, я была настроена благодушно и не стала обращать внимания на её недовольный тон. Отец был тоже захмелевший и счастливый. Пол слегка покачивался у меня под ногами, когда я шла в свою комнату, и я плюхнулась на кровать, но не легла, а села, подвернув по-турецки ноги. Отец присел на мой стул.

— Лёлька, родная, — прошептал он, сжимая и гладя мою руку. — Если б ты знала, что я почувствовал… Что почувствовал, когда они сказали, что ты умерла!

Я погладила его по голове.

— Пап, ну, не начинай опять… Всё уже позади. Я это перетерпела, я смогла. Почти уже отправилась на тот свет, но выкарабкалась. Теперь всё будет хорошо.

Он смотрел на меня исподлобья.

— Лёль… Ты больше не будешь употреблять эту дрянь?

— Нет, папа. Теперь она мне не нужна.

1.43. Первый снег

История с моим исчезновением из морга утряслась, пришлось дать кое-какие объяснения. Не хочу говорить ничего плохого об

Алле, но мне кажется, она была бы рада, если бы из морга я отправилась туда, куда обычно все отправляются — на кладбище. Моя мнимая смерть, а потом невероятное воскрешение так подействовали на отца, что он ещё целую неделю ходил как пьяный, хотя было достоверно известно, что он ничего не пил. Алла, хоть некоторое время после этого и молчала, всё же лучше ко мне относиться не стала. Она не верила, что я не принимаю никаких наркотиков. А потом ещё и выяснилось, что она беременна, и отец совсем воспарил на седьмое небо.

Первого ноября пошёл первый снег. Услышав, что кто-то скребётся в окно, я подняла голову и увидела бледное лицо Эйне. Решив, что впускаю её в последний раз, я открыла окно, и она вместе с потоком холодного воздуха бесшумно перепрыгнула через подоконник. На её взлохмаченной гриве висели хлопья снега.

— Лёля, — сказала она, впервые за время нашего знакомства назвав меня по имени. — Я знаю, ты всё рассказала отцу. Зачем ты это сделала?

Я пожала плечами. Она прошлась по комнате, остановилась передо мной.

— Не следовало этого делать, — сказала она, и мне от её тона и взгляда стало страшно.

— Он всё равно не поверил, — пробормотала я. — Они с Аллой решили, что я наркоманка.

— Это не имеет значения. Ты не должна была называть моего имени.

Эйне, вспрыгнув на подоконник, смотрела на кружащиеся хлопья снега. В такую уже почти по-зимнему холодную погоду под её кожаным жакетом по-прежнему не было ничего: в промежутке между брюками и полой жакета виднелась голая поясница.

— Зря ты назвала моё имя, Лёля. Жертва, узнавшая имя хищника, должна умереть.

Она скребла ногтями по подоконнику, сидя на корточках и не глядя на меня. До меня дошёл смысл её слов, и меня словно пружиной подбросило.

— Не смей! Если ты тронешь папу…

Она посмотрела на меня холодными, тёмными и страшными глазами с колючими искорками в глубине.

— То что? — усмехнулась она.

— То я убью тебя, — сказала я.

Она покачала головой.

— Тебе не по силам со мной тягаться.

Не успела я занести руку для удара, как вдруг оказалась на

полу, придавленная телом Эйне, с зажатыми, как в тисках, запястьями. Её холодные губы были в сантиметре от моих.

— Тебе со мной не справиться. Я не хочу причинять тебе вред. Сегодня я хотела сказать тебе совсем другое… Лёля. — Она произнесла моё имя полушёпотом, закрыв глаза, и её губы защекотали мне шею. Я помертвела, почувствовав кожей прикосновение её клыков, но она только пощекотала меня ими.

— Пусти меня, дрянь, — процедила я.

Она встала.

— Прости, детка. Я не могла этого предотвратить, это было неизбежно.

Я хотела вскочить, но её сапог ступил мне на грудь и придавил к полу.

— Лучше лежи, а то до добра это не доведёт.

Я скрипнула зубами, пытаясь высвободиться.

— Ненавижу тебя!..

Она горько усмехнулась.

— Мне жаль, Лёля… Ты чересчур привязана к отцу, и совершенно зря. Он всего лишь жертва. А ты другая.

— Нет! — крикнула я, пытаясь выбраться из-под её ноги. — Я не другая и не буду другой!

— Ты другая, Лёля, — повторила Эйне с нажимом. — Уже сейчас другая, хоть и пока ещё человек. Я выбрала тебя, потому что чувствую в тебе это. Ты не должна быть жертвой, и ты ею не будешь, обещаю.

— Не смей трогать папу! — крикнула я со слезами, придавленная её ногой, как червяк.

Помолчав, она сказала:

— Он уже мёртв. Доказательство ты найдёшь на крыльце.

1.44. На крыльце

Я делаю паузу. Я должна описать крыльцо своего подъезда.

Это старое бетонное крыльцо со старыми перилами. Половина перил отодрана, и железные прутья торчат оголённые — четыре штуки. Кто-то, кому было некуда девать свои силы, кстати, весьма недюжинные, согнул эти прутья: три пригнул к земле, а один начал гнуть в другую сторону, но не довёл дело до конца, и прут остался только погнутым в сторону ступенек. Он торчал под весьма угрожающим углом, но никто ничего не делал для того, чтобы привести перила в порядок. Так они и стояли, когда я выбежала на крыльцо.

Как безумная, я выбежала на крыльцо. На припорошенных снегом ступеньках лежала куртка. Я сразу узнала её, и у меня

подкосились колени. Да, я узнала её, даже несмотря на то, что она была вся изодрана и в крови. Я прижала её к себе и завыла.

— Папа…

Эйне стояла передо мной.

— Это всё, что удалось вырвать у шакалов.

Впившись зубами в свой кулак, я выла, а по моим щекам катились слёзы. Эйне качала головой.

— Не надо так, Лёля. Не убивайся. Рано или поздно это всё равно бы случилось.

Когда её руки протянулись ко мне, чтобы обнять меня, я оттолкнула её. Тот, кто сгибал железные прутья перил, вряд ли знал, какую они сослужат службу, — точнее, один из них, загнутый в сторону ступенек и торчавший под опасным углом. Именно на него напоролась спиной Эйне, падая, и он пронзил её грудную клетку насквозь. Вот для чего я так подробно описывала крыльцо.

Я никогда не забуду её взгляд — недоуменный, полный боли и страдания.

— Помоги мне, — прохрипела она, протягивая ко мне руку. — Лёля!..

Она звала меня, но я оставила её. Прижимая к себе куртку, я бросилась домой.

Алла нашла меня сидящей на полу в прихожей, прижимающей к себе изодранную куртку. Я вся измазалась кровью, но не замечала этого. Алла тоже узнала куртку, и я пришла в себя от её крика.

1.45. Арест

Отец не вернулся тем вечером с работы. Мы провели бессонную ночь: я сидела с курткой в прихожей, а Алла — сжавшись в комок на диване. Утром я услышала, как она звонит в милицию.

Я так и сидела с курткой, когда приехала милиция. Мои руки, моя одежда и даже моё лицо были в крови. Я отчётливо слышала, как Алла сказала:

— Она его убила!.. Проклятая наркоманка!.. — И зарыдала: — Как же я теперь одна… с ребёнком…

Абсурдность всего, что происходило дальше, не поддаётся описанию, и я даже не могу всего внятно и связно рассказать. Картина происходящего у меня сложилась какая-то разрозненная, как кусочки от разбитой мозаики. На моих запястьях защёлкнулось холодное железо, меня вывели из дома и усадили в машину, и единственное, что мне чётко запомнилось, — то, что Эйне уже не было на крыльце. Пронзивший её грудь прут всё так

же торчал под опасным углом.

1.46. Подозреваемая номер один

Я стала главной подозреваемой, хотя никаких улик, кроме окровавленной куртки, не было найдено. Ни тела, ни орудия убийства.

О тюрьме я знала только то, что видела в фильмах. Я никогда не думала, что отрывистые команды "стоять", "лицом к стене", будут отдаваться мне, и что я буду ходить по этим мрачным коридорам под конвоем. Это была ещё не тюрьма, а следственный изолятор, но мне было всё равно, как это называется. Это было место, созданное для изоляции попавших под подозрение людей от общества.

На допросах я отмалчивалась. Меня допрашивали часто, с применением запугивания и давления. Но я молчала, потому что в моих ушах звучали слова Эйне: "Жертва, узнавшая имя хищника, должна умереть". Эти люди издевались надо мной, пытаясь выбить из меня признание, а я боялась за их жизни. Можете надо мной смеяться.

Я так кратко и сухо об этом рассказываю, потому что всё это происходило словно в каком-то бреду, в тумане. Да мне и не хотелось бы вспоминать…

Всплыла история с подозрением меня в употреблении наркотиков. Всё это как будто не имело к делу никакого отношения и повредить мне не могло, но меня убеждали в том, что и это можно использовать против меня, если хорошо над этим поработать. Алла дала очень подробные показания. Точно так же, как она повесила на меня ярлык наркоманки, она вынесла мне приговор: убийца.

У меня создалось впечатление, что дело скоро решат безо всякого моего участия, независимо от того, заговорю я или нет.

А потом нашли тело. Эйне сказала мне тогда, на крыльце, что тело сожрали шакалы — эти твари, подчищающие за хищниками места их охоты, но Алла опознала отца. Всё это происходило без меня. А потом мне сказали, что у меня новый адвокат.

— Глава 2. Оскар

2.1. Адвокат

Он был безукоризненно выбрит и одет с иголочки, но я сразу поняла, что он — один из них. Это было видно по его бледной коже, а рука у него была холодная. Он был нереально красив — таких красавцев рисуют японские мультипликаторы: небольшой изящный нос, огромные глаза, высокий чистый лоб, гладко зачёсанные, глянцевито блестящие иссиня чёрные волосы, чуть приметный бледный рот, приоткрывавшийся чёрной щелью, когда он говорил. Он сказал, что я могу называть его просто Оскар, и что он мой адвокат.

Он не задавал мне никаких вопросов. В первую нашу встречу он с минуту сидел напротив меня за столом молча, а потом вдруг сказал:

— Я здесь по просьбе Эйне. Бедняжка приползла ко мне раненная в грудь и умоляла вытащить тебя отсюда и позаботиться о тебе. Она сказала, что чувствует в тебе задатки. Сейчас она уже оправилась от раны. Она просила передать, что она тебя прощает и считает то, что произошло, несчастным случаем.

— Прощает? — Я сжала свои руки, лежавшие на столе, в кулаки. — Она убила моего отца, и она же меня прощает?

— Это сделала не она, — сказал Оскар. — Она хотела тебе сказать, но не успела.

Мои кулаки задрожали и разжались.

— Кто же, если не она?

Оскар улыбнулся.

— Другой хищник. Это просто совпадение. Так уж вышло.

— Думаете, что я вам поверю? — Я снова сжала кулаки, но уже на коленях — под столом.

— Эйне лишь хотела тебе сообщить о его гибели, чтобы ты не терялась в догадках и не считала своего отца без вести пропавшим, — сказал Оскар. Немного нахмурив брови и чуть понизив голос, он добавил с укором: — Она хотела поддержать, успокоить тебя, а ты… Впрочем, лучше просто прочти вот это.

Он пододвинул ко мне белый конверт. В нём был листок всего с несколькими словами, написанными размашистым почерком и печатными буквами, напоминавшими готический шрифт. Ещё не прочитав, каким-то шестым чувством я поняла, что это было написано рукой Эйне…

"Лёля,

Ты — одна из нас. Не сожалей о прошлом. Навостри мои

любимые ушки и слушай Оскара. Он наставит тебя. Прощай".

Вместо подписи была монограмма "Э" с заострёнными завитушками. Только сейчас до меня начал смутно доходить смысл её слов: "Я не могла это предотвратить". Значило ли это, что она действительно не делала этого? Оскар, пристально глядя на меня, легонько скрёб по столу своими холеными ногтями, и мне невольно вспомнилось, как это делала Эйне, сидя на подоконнике в тот день, когда пошёл первый снег.

— Ну, а теперь то, что касается твоей защиты, коль скоро Эйне попросила меня быть твоим адвокатом, — сказал Оскар, разворачивая чёрную папку с глянцевыми корочками, полную каких-то бумаг. — Ты попала в человеческую судебно-следственную машину, девочка, и она тебя основательно зажала между своими жерновами. Эта машина безжалостно перемалывает тысячи судеб, и ты можешь стать одной из этих безликих тысяч. Твоя яркая индивидуальность, твоя уникальная душа, твоя личность будет унижена, обнулена, закована в кандалы и доведена до скотского состояния, и ты перестанешь быть собой. Я изучал твоё дело, детка, и могу сказать, что в твоём случае машина работает с той же устрашающей эффективностью, с какой она уже перемолола и поглотила тысячи и тысячи, многие из которых были далеко не такими беззащитными, как ты. Они боролись, но всё равно проиграли. У тебя никаких шансов.

— Я думала, что адвокат должен подбадривать своего клиента, а вы всё делаете наоборот, — мрачно пошутила я.

— Я предпочитаю говорить правду, — сказал Оскар, задумчиво переворачивая страницы многочисленных документов в папке, а пальцами другой руки потирая белый высокий лоб. — Чтобы у тебя сложилось более или менее реалистичное представление о своём положении, без иллюзий и радужных надежд. Так вот, твоё положение очень и очень незавидное, дорогая. Увы, следствие уцепилось за наиболее удобного обвиняемого — тебя.

— Удобного? — горько поморщилась я. Я уже слишком устала — даже возмущаться не осталось сил. — А как насчёт изобличения настоящего убийцы?

Оскар смотрел на меня грустно — взглядом умудрённого опытом человека, которому даны многие знания и отсюда — многие печали. Несмотря на бледность, он был завораживающе красив…

— Не будь такой наивной, дорогая, — проговорил он негромко, с чуть приметной горькой усмешкой. — Им подчас гораздо важнее состряпать складную версию и успешно довести

дело до суда, нежели добиться справедливости, хотя они и призваны быть на её страже. Настоящего убийцу твоего отца людям не изобличить: мы не выдаём своих. А ты… Ты, бедняжка, просто козёл отпущения. Твоё дело, — Оскар небрежно перелистал страницы, — очень хорошо сшито. Доказательства выглядят вескими и почти на сто процентов гарантируют обвинительный вердикт.

— Доказательства? — прохрипела я, припечатав ладонью по столу. — Какие к чёрту доказательства? Мне незачем было убивать папу! Абсурд!!

Оскар усмехнулся.

— Абсурд? Они так не считают. Вот здесь всё грамотно изложено и обосновано. Можешь ознакомиться — имеешь право.

Он подвинул мне папку. Я переворачивала страницы, но строчки прыгали у меня перед глазами, а слова не складывались в предложения. Я безуспешно пыталась уловить смысл мудрёно закрученных фраз, пестрящих терминами и канцеляризмами.

— Я в этом ничего не смыслю, — пробормотала я наконец, отодвигая папку дрожащей рукой.

— Тебе и не нужно, на это есть я, — улыбнулся мой адвокат. Что-то дьявольское было в его улыбке, а в тёмной бездне его глаз мерцали холодные искорки, и вместе с тем этот взгляд так завораживал… — Так вот, слушай меня: здесь возможен любой абсурд. Тебя основательно взяли в оборот. Они и не таких, как ты, топили. Это огромная махина, система. А ты — винтик. И если позволить им действовать в том же духе, в весьма скором будущем ты, моя хорошая, поедешь в далёкий край долгих и холодных зим…

Он говорил негромким, немного усталым тоном, как будто всё это он уже произносил много раз, и ему это порядком прискучило. Мне же, уже начавшей чувствовать на себе обезличивающее и оскотинивающее действие машины, о которой он говорил, слушать это было отнюдь не весело, и его слова отзывались у меня внутри тоскливым содроганием, а всё моё существо от безысходности сжималось в маленький, дрожащий, несчастный комочек. Оскар вскинул на меня от папки с документами острый, внимательный, изучающий взгляд.

— Не отчаивайся, — сказал он, и в его голосе прозвучали ободряющие нотки. — Я профессионал. И, надо сказать, лишь весьма немногие могут себе позволить мою помощь.

— Сколько стоят ваши услуги? — чуть слышно спросила я.

Он улыбнулся.

— Тебе это обойдётся совершенно бесплатно — в смысле денежных знаков. Но, разумеется, — добавил он, значительно

понизив голос, — я ничего даром не делаю. Впрочем, ничего непосильного я от тебя не потребую, так что не волнуйся. Всё будет хорошо.

2.2. План

От Эйне Оскар отличался тем, что был опрятен, и от него не исходило затхлого запаха. Он был всегда аккуратно пострижен, чисто выбрит, а в одежде придерживался стиля дорогостоящей, но строгой элегантности. Его красивые ногти были чистыми, ухоженными и поблёскивали бесцветным лаком, а зубы отличались молочной белизной. Часы на его руке стоили, наверно, целого состояния, а бриллианты на зажиме галстука сверкали, как звёзды. Впрочем, от этого изысканного лоска изрядно веяло холодом, от которого бежали по телу мурашки. На большом пальце правой руки он носил такое же кольцо с когтем, какое я видела у Эйне. Оно было тоже усыпано бриллиантами.

Он сказал мне без обиняков:

— Мы не можем позволить людям найти того, кто это сделал, это означало бы обнаружить себя. Нам было бы даже на руку, если бы ты села в тюрьму за это, да и концы в воду. Но тебе повезло: Эйне просила за тебя.

Он сделал многозначительную паузу, от которой у меня невольно пробежали вдоль спины мурашки: с какой, спрашивается, стати она просила за меня? Как МНЕ это аукнется?

— И я вытащу тебя отсюда так, чтобы и своих не выдать, и тебя избавить от преследования раз и навсегда, — заключил Оскар. — Если ты, конечно, ХОЧЕШЬ выйти на свободу.

Я сделала вывод, что вариантов для выбора у меня было, мягко скажем, маловато. Если я ДЕЙСТВИТЕЛЬНО хотела на свободу.

Я хотела.

Итак, мой адвокат нашёл эффективное и гениальное по своей простоте решение моей проблемы: для того чтобы выйти отсюда, я должна была умереть. Со смертью обвиняемого дело прекращается, ибо "мёртвые срама не имут". Способ, конечно, не новый, но это не делало его менее эффективным. Однако, когда Оскар изложил мне свой план, я слегка забеспокоилась. Легко сказать — умереть!

— Детали не должны тебя волновать, это моя забота, — успокоил он меня. — Главное — ты выйдешь отсюда девственно чистой, и для твоих преследователей ты будешь недосягаема, потому что они будут уверены в том, что ты уже не существуешь.

— Но как я буду жить после этого? — спросила я. — Вы что, сделаете мне новые документы?

Оскар загадочно улыбнулся.

— Да, что-то в этом роде.

Перед ним на столе лежала всё та же папка с бумагами, и он водил по чёрной глянцевой поверхности её корочки пальцем с блестящим ногтем.

— Должен предупредить тебя, детка: тебе придётся испытать не очень приятные ощущения.

Я сказала:

— После того как я перетерпела ломку голода и очнулась в морге, я ничего не боюсь.

— О да, ты продемонстрировала чудеса выносливости, — кивнул Оскар с улыбкой. — Ты очень стойкая девочка, и я не сомневаюсь, что ты выдержишь эти временные трудности. Да, тебе придётся снова пережить нечто подобное. Итак… Сейчас я займусь необходимыми приготовлениями, а в нашу следующую встречу принесу тебе то, что и обеспечит тебе пропуск на волю.

2.3. Собаке — собачья смерть

Крошечный флакончик из коричневого стекла содержал в себе густую, как сироп, субстанцию со слабым запахом не то валерианы, не то табака. Холеные пальцы Оскара держали его, и он поблёскивал, скрывая в себе ключ к моей свободе. Всего несколько граммов позволят мне покинуть это место.

— Ты должна выпить это сейчас. Действие начнётся через несколько часов. Будет тяжело, но у нас всё получится. Давай, детка. Одним духом.

— Что это с ней?

— Ой, смотри, у неё пена у рта выступила!

— Припадочная, что ли?

— Да она же наркоша — наверно, передоз.

— Какой передоз? Она здесь ничем не ширяется.

— Да хрен её знает!

— О, ё-моё, она посинела вся!

— Зовите кого-нибудь, мать вашу! Ещё не хватало, чтобы она в хате кончилась!

— Алла Николаевна, ваша падчерица восьмого числа скончалась в СИЗО от острой сердечной недостаточности. Поскольку других родственников у неё нет, я обращаюсь к вам. Вы будете забирать тело?

— Да зачем мне это надо? У меня сейчас других проблем по горло. Нет у меня денег, чтобы её хоронить! Да если бы и были, я бы ни рубля на эту дрянь не истратила!

— Ну, зачем вы так о покойной…

— И слава Богу, что она сдохла. Туда ей и дорога!.. На своего

родного отца руку подняла, наркоманка чокнутая! Меня без мужа оставила, как я теперь с ребёнком?.. И вы хотите, чтобы я после этого её ещё хоронила? Нет, не дождётся! Собаке — собачья смерть! А у вас, адвокатов, ничего святого нет, вы кого угодно берётесь защищать — убийц, маньяков, бандитов и упырей всяких!..

— Такая уж у нас работа, Алла Николаевна. На защиту в суде имеет право всякий человек. Значит, вы отказываетесь забирать тело Лёли?

— Именно так, отказываюсь! Если у вас, господин адвокат, денег куры не клюют, сами её и хороните, а я женщина бедная, у меня и без того материальные трудности. Нечего вешать мне на шею ещё и похороны этой мерзавки! Мне ребёнка поднимать надо. Как вы думаете, легко это — без мужа?

— Ну, я думаю, без мужа вы не останетесь. Вы ещё молодая и привлекательная женщина, а ребёнок — не помеха для новых отношений.

— Ещё и учить жить меня будете? Ну, спасибо.

— Учить жить я вас не буду, а помочь материально могу.

— Не нужно мне от вас ничего, благодарю покорно! В гробу я видала вашу материальную помощь. Сама как-нибудь проживу!

— Ну вот, значит, сами проживёте… Что же вы тогда прибедняетесь? Думаю, на гроб для Лёли у вас нашлись бы деньги.

— Да она даже гроба не заслуживает! Завернуть её в мешок и зарыть в землю, вот и всё!

— Ну, Алла Николаевна, вы это, по-моему, уж слишком… Она всё-таки заслуживает быть похороненной по-человечески.

— Вот вы и хороните её, как хотите!

— Ну что ж, видно, придётся так и сделать. Не беспокойтесь, у Лёли будет всё, что нужно.

2.4. Мёртвая невеста

Полированный гроб был окружён белым облаком цветов, а в гробу лежала невеста в белоснежном платье и фате. Её лицо было спокойное и бледное, и только в подкрашенных бровях было что-то жалобное, страдальческое — тень перенесённых ею при жизни мучений. Но теперь бедняжка отмучилась и лежала на белом атласном ложе своего последнего пристанища красивая и печальная. В её сложенных на груди руках был букетик белых и нежно-розовых цветов, а пышные складки подола её платья были усыпаны лепестками белых роз.

Гроб с телом невесты покоился на прочных лентах механизма для спускания гроба в могилу. Куча земли была прикрыта

зелёным материалом. Море живых цветов.

И вот, наконец, памятник — высокая плита из чёрного мрамора с портретом невесты. Могила была обнесена чёрно-серебристой узорчатой оградой, внутри которой была установлена скамеечка.

Я сидела на диване в гостиной роскошной пятикомнатной квартиры, кутаясь в одеяло, и рассматривала фотографии со своих похорон. Их было десять штук. Принёс их мне Оскар, причём сам, хитрец, ни на одной не "засветился". Проводить меня в последний путь не пришёл никто, так что вся эта роскошь пропала зря. Впрочем, снимки мне понравились — особенно крупный план гроба, в котором я лежала, одетая в подвенечное платье. От вида собственной могилы у меня бежали по телу мурашки, да и видеть, как мой гроб опускается в яму, было жутковато, но во всём этом была своеобразная печальная красота. В самый раз, чтобы пощекотать себе нервы.

— Вы здесь просто прелесть, милочка, — сказала Аделаида Венедиктовна, любуясь снимком, который понравился мне больше всего. — Мёртвая невеста — как это печально и прекрасно!

И она выдала длинную фразу по-французски. Аделаида Венедиктовна была высокой, угловатой и костлявой особой, одевалась в старомодные наряды начала двадцатого века, да и сама она как будто застряла где-то в дореволюционном прошлом. Она то и дело переходила на французский, да и по-русски говорила со странным акцентом, украшала свои причёски старинными гребнями и чертами лица отдалённо напоминала Ахматову. Обстановка в квартире тоже была стилизована под старину, в ней было много действительно старинных вещей, и оттого здесь была очень своеобразная атмосфера. Квартира эта принадлежала, по-видимому, Оскару, а Аделаида Венедиктовна жила здесь и присматривала за порядком. Она была в курсе моих злоключений и очень возмущалась поведением Аллы.

— Какая злая, недалёкая, узколобая особа! А разговаривает, прошу прощения, как базарная торговка. Фи! — поморщилась она, после того как Оскар дал нам прослушать запись его разговора с Аллой о моих похоронах.

И она высказала всё, что она думает об Алле, в самых сильных и звучных французских выражениях.

— Бедная, бедная малютка, — продолжала она уже по-русски, гладя меня по голове холодной рукой. — Сколько же вы выстрадали! Ну, ничего, теперь вашим страданиям настал конец.

Аделаида Венедиктовна, как вы догадываетесь, была третьим хищником, с которым я познакомилась, считая Эйне и Оскара.

— Значит, завернуть в мешок и закопать, — повторила я слова Аллы. — Я хочу отправить ей эти фотографии, пусть увидит, как меня похоронили.

— Это можно устроить, — улыбнулся Оскар.

2.5. Знакомство с городом и новая причёска

Я бродила по улицам незнакомого города, мёртвая и свободная. Был пасмурный февральский день, задумчиво падал крупными хлопьями снег, и мороз был не очень крепкий: пахло весной. Шагая по сонной и пустой улице со старыми домами дореволюционной постройки, с голыми заснеженными деревьями, я дышала воздухом свободы, хотя и была мертва и похоронена. Мой карман был полон денег: Оскар выдал мне на мелкие расходы. (В отличие от Эйне, он деньгами пользовался, и у него их, по всей видимости, было много.) На мне была короткая курточка на меху, белая вязаная шапочка, джинсы и высокие сапоги — всё это тоже оплатил Оскар, так как доступа домой, где остались мои зимние вещи, у меня больше не было. Там остались все мои книги, мой стол и стул, моя кровать, мой компьютер и мои диски с музыкой и фильмами; всё это осталось в прошлой жизни, но я всё ещё об этом вспоминала. Алле досталось недурное наследство от двух покойников — вся наша квартира целиком.

Я зашла в маленькое кафе и взяла чебурек, чашку кофе и пирожное. Во флакончике, который дал мне Оскар, скрывалось поистине адское зелье. "Умирала" я в страшных муках, всё у меня внутри как будто разрывалось — если бы Алла это видела, ей это доставило бы мстительное удовольствие. И эти муки были пострашнее тех, которые я испытала, когда "переламывалась". Пришла в себя я уже на свободе, хотя, строго говоря, вполне свободной я ещё не была. У меня не было документов, для всех я была мертва. Я не могла никуда поехать, и вся моя свобода ограничивалась прогулкой по улицам города, который я совсем не знала и где меня никто не знал, да небольшой суммой наличных денег, которых, впрочем, хватало на мои скромные нужды — поесть и одеться.

Перекусив в кафе, я продолжила прогулку по заснеженным улицам. Проходя мимо парикмахерской, я замедлила шаг и потрогала свой длинный "хвост". Щекотное чувство жажды новизны заставило меня открыть дверь и войти. Парикмахерская была крошечная, переделанная из однокомнатной квартиры на первом этаже; работали два мастера, а в маленьком вестибюле на стульях ждали три человека — два пенсионера и девушка. Я спросила, кто последний, и стала четвёртой.

Сев в кресло, я распустила свою шевелюру и сказала:

— Пожалуйста, коротко.

Девушка-мастер улыбнулась:

— А не жалко? Такие долго отращивать.

— Мне так надо, — сказала я твёрдо.

— Что ж, желание клиента — закон.

Длинные русые пряди упали с моей головы, затылок подровняла машинка, а сверху осталась аккуратная шапочка. Открывшаяся шея казалась длинной и тонкой, я стала похожа на мальчишку. У меня было такое лицо — упрямое, мальчишечье, а короткие волосы довершили сходство. Выглядела я непривычно, но результат мне понравился. Я расплатилась, оделась, покрыла стриженую голову шапочкой и вышла на улицу. Интересно, что скажет Аделаида, когда увидит меня. Наверно, будет в шоке.

Гуляя по городу, я приобрела комплект белья, тушь и помаду (вся моя косметика тоже осталась дома); охваченная жаждой, купила бутылочку минералки и сразу выпила половину. Потом мне захотелось курить, и я, сунув деньги в окошечко ларька, получила взамен пачку сигарет и зажигалку. Пересчитав остаток денег, осталась довольна: их было ещё много. Они были не мои, и я тратила их легко, тем более что Оскар сказал, чтобы я себе ни в чём не отказывала. Я изрядно отхлебнула из чаши страданий, а потому считала, что я вправе себя немножко побаловать.

2.6. Предостережение и опасный танец

Никем и ни в чём не обвиняемая, никому не знакомая, я бродила по городу, изучая его и ко всему присматриваясь. Как часто случается в незнакомом городе, я немного заблудилась, кое-как нашла обратную дорогу и вернулась домой только вечером, когда уже начало смеркаться.

— Долго вы гуляли, милочка, — сказала Аделаида, впуская меня. — Я уже начала немного беспокоиться. Заблудились?

— Да, чуть-чуть, — ответила я, стряхивая с плеч куртку и снимая шапочку. — Я впервые в этом городе, мне здесь всё незнакомо, но было очень интересно.

— О! — воскликнула Аделаида, увидев мою новую причёску. — Вы остриглись! Как неожиданно!

— Вам не нравится? — спросила я осторожно.

— О нет, нет, что вы, напротив! Вам очень идёт так! Совершенно как мальчик. Очаровательный сорванец! Прелестно, прелестно!

И Аделаида продолжила свои восторги на французском языке. Я спросила, можно ли здесь курить, и она ответила, что можно, и что она сама курильщица. Она выкурила трубочку со

мной за компанию — маленькую, дамскую, с длинным изящным чубуком. Забавно и любопытно было наблюдать, как она попыхивала ею, выпуская из круглой чёрной дырки рта маленькие колечки дыма. Мне она подарила мундштук, сказав, что без него даме курить не комильфо, и что это дурной тон.

— И ещё я бы хотела вас предостеречь, милая, — сказала она, выпустив колечко и наблюдая за его полётом. — Я не против того, чтобы вы гуляли — гуляйте, если вас это развлекает, но постарайтесь возвращаться засветло. Когда темно, вам лучше оставаться дома — так безопаснее для вас. Оскаром мне поручено вас беречь, деточка, поэтому я даю вам такое предостережение.

— Хорошо, я постараюсь, — сказала я.

Если не принимать во внимание, что за существо была Аделаида, она показалась мне весьма занятной, хоть и не без чудинки. Она завела старинный патефон, и под дребезжащую, забавно звучащую мелодию принялась кружиться по комнате, а потом, остановившись передо мной с томно полузакрытыми глазами, церемонно-грациозным жестом протянула мне руку:

— Осмелюсь просить вас оказать мне честь, милочка…

Я поняла, что она приглашает меня на танец, и вложила руку в её холодную ладонь. Вальсировать с ней было странно до мурашек по коже, а временами и жутковато, и мне казалось, будто она играет со мной, как кошка с мышью. В глазах её вдруг зажглись хорошо знакомые мне красные огоньки, верхняя губа приподнялась, и я увидела, как удлиняются её клыки. Я рванулась от неё и отскочила за диван, а она, опомнившись, растерянно заморгала. Дьявольские огоньки в её глазах угасли, клыки спрятались, и она, сделав шаг мне навстречу, протянула ко мне руки.

— О нет, нет! Простите меня, милочка… Не бойтесь! Не бойтесь меня. У меня просто закружилась голова от тепла вашего тела, от вашей юности и свежести… Я вас не трону, клянусь. Я обещала Оскару вас оберегать, и я не нарушу своего обещания. У него относительно вас есть планы, и он мне не простит, если с вами что-то случится. Я уже совладала с собой, видите? Я не поддамся искушению, сколь бы велико оно ни было, и не причиню вам зла, дитя моё. Я не хотела вас напугать. Ну, скажите, что вы меня прощаете и не сердитесь на меня!

Она говорила так горячо, искренне и убедительно, что я, хоть и не без опаски, но всё же решила ей поверить.

— Всё в порядке, Аделаида Венедиктовна, я на вас не сержусь, — сказала я.

— О, — произнесла она, засияв нежнейшей улыбкой. — Тогда подойдите ко мне, милочка, и обнимите меня. Я ужасно сожалею,

что напугала вас… Этого не повторится, клянусь вам. Подойдите, дорогая, не бойтесь.

Хоть я и предпочла бы держаться от неё на расстоянии, меня всё же вполне убедили её заверения, и никакого подвоха я не чувствовала. Я подошла к ней, и она поцеловала обе мои руки, приложилась губами к моему лбу и заключила меня в свои холодные объятия. Приложив палец к своим губам, она дотронулась им до моих.

— Ну, вот мы и снова друзья… Вы можете мне доверять, милая, я не наброшусь на вас, поэтому спите спокойно и дверь можете не запирать.

Но всё-таки, лёжа в постели с томиком Пушкина 1857 года издания, я чувствовала себя не совсем уютно. Прислушиваясь и пытаясь угадать, что делала Аделаида, я ничего не слышала, и это меня беспокоило. Опустив взгляд на страницу, я прочитала одну строфу "Онегина", немножко спотыкаясь об особенности старинной орфографии, а когда снова подняла глаза, передо мной стояла Аделаида. Я не слышала её шагов, не видела, как она открыла дверь, она просто оказалась передо мной непонятным образом.

— Простите, милочка, если я опять вас напугала, — сказала она с улыбкой. — Я пришла только пожелать вам доброй ночи. Уже поздний час, а у вас всё ещё горит свет… Что вы читаете? — Она заглянула в книгу. — О, "Евгений Онегин"! Ах, Александр Сергеевич… Саша! — Аделаида вздохнула, и взгляд её стал нежным и грустным. — Какой был милейший, остроумнейший человек, какой даровитый поэт, и такая нелепая, ужасная, трагическая смерть!.. Сколько прекрасных строк он мог бы ещё написать! Ведь я тогда ему говорила…

Аделаида умолкла на полуслове, предавшись грустным воспоминаниям, а у меня отвисла челюсть.

— Вы знали Пушкина?! — вскричала я, роняя книгу на одеяло. — Сколько же вам тогда лет?

Аделаида поморщилась и устало улыбнулась.

— О нет, нет, милочка… О возрасте я не желаю говорить. О чём угодно, только не о годах. И вообще, уже очень поздно, вам уже следует отойти ко сну, моя дорогая. Если вы не спите, потому что опасаетесь меня, — добавила она, словно прочтя мои мысли, — то совершенно напрасно. — Она склонилась и поцеловала меня в лоб. — Доброй вам ночи, дружок, а я… А мне нужно на некоторое время вас покинуть. Постараюсь отсутствовать не слишком долго. А вы засыпайте, моя голубка. Закрывайте ваши усталые глазки и ничего не бойтесь.

Она направилась к двери, а я пробормотала еле слышно:

— Удачной охоты.

Она услышала и обернулась, и её глаза на миг снова тускло замерцали. Послав мне воздушный поцелуй, она ушла.

2.7. Цена освобождения

Оскар позволил мне подышать вольным воздухом неделю, а потом раскрыл мне свои карты. Слова Аделаиды о каких-то его планах относительно меня не выходили у меня из головы, и вскоре он назвал мне цену моего освобождения.

Аделаида разложила пасьянс и мудрила над ним уже битый час, а я увлечённо рылась в её библиотеке, находя такие старинные издания, что иначе, чем с восхищением и благоговением перед их возрастом и антикварной ценностью, я их брать в руки не могла. Я с головой ушла в это занятие и вздрогнула, услышав голос Оскара:

— Ну, как ты себя чувствуешь, детка? Тебе нравится здесь?

Он стоял у меня за плечом, в длинном чёрном пальто и белом кашне, в тугих чёрных перчатках и серебристом галстуке. Он ещё ничего не сказал, а я уже кожей почувствовала, что настал час расплаты.

— Вижу, ты увлечена чтением, — проговорил он с улыбкой. — Что ж, весьма похвально. По глазам вижу: тебе лучше, ты немного оттаяла… Я рад. Я специально дал тебе отдохнуть и насладиться покоем и свободой: ты столько вынесла, что тебе был просто необходим такой отдых. Но ты, наверно, задаёшься вопросом, как тебе быть дальше, не так ли?

Разумеется, было бы наивно с моей стороны полагать, что я вечно буду сидеть здесь под присмотром Аделаиды, гулять по городу, тратя деньги Оскара, и читать старинные книги. Это были только маленькие каникулы, и они, как видно, подошли к концу.

— Да, в самом деле, пора подумать о том, как я буду жить дальше, — сказала я. — Вы вытащили меня из-за решётки и ничего с меня за это не взяли. Я осталась вам должна.

Он сжал мои пальцы руками в перчатках.

— Ну что ты, детка, ты ничего мне не должна. Я сделал это по просьбе Эйне.

— Но просто так вы ничего не делаете, — сказала я. — Вы сами так сказали.

Оскар улыбнулся.

— Да, я так сказал. Я бы не стал ничего делать для тебя, если бы не имел на тебя виды.

— Виды? Вы что, хотите, чтобы я вышла за вас замуж? — воскликнула я.

Он засмеялся и погладил меня по плечам.

— Нет, ну что ты! Хотя… Это мысль. — Он поднёс мою руку к губам и поцеловал. — Ну, а если серьёзно, дорогая, то я имею на тебя виды в том смысле, чтобы обратить тебя в нашу веру.

— Веру? — Я ощутила холод в кишках и невольно попятилась, но Оскар крепко сжимал мои руки в своих, затянутых в тугие перчатки. — Что за вера?

— Эйне уже познакомила тебя с её основным постулатами, — сказал Оскар. — Хищники и жертвы, помнишь? Но она не успела довести дело до конца, потому что ты оттолкнула её… Она больше не хочет приближаться к тебе, потому что её сердце ранено твоей жестокостью. Но, несмотря на это, её заботит твоя судьба, и она попросила меня стать её преемником в отношении тебя. Она сказала, что чувствует в тебе задатки, и она права: я тоже их почувствовал, встретившись с тобой. Твоё место — среди нас, дорогая.

Я попыталась высвободить руки, но не смогла: так крепко Оскар их держал. И чем дольше он их держал, тем сильнее я чувствовала его влияние на меня. Не то чтобы он подчинял меня своей воле — такого жёсткого воздействия я не ощущала, скорее он очаровывал меня ласковым взглядом.

— Какой смысл протестовать и противиться, детка? Что тебя ждёт, останься ты с людьми? Для них ты умерла, тебя нет. Воскреснуть ты уже не сможешь: свидетельство о смерти — твоя могильная плита, из-под которой тебе не выбраться. Тебе никогда не доказать, что ты — это ты, уж поверь мне как специалисту. Даже если допустить предположение, что это тебе удастся, то тебя снова ждёт тюрьма. Идти тебе некуда, дома у тебя больше нет — Алла вряд ли примет тебя с распростёртыми объятиями. Если уж она отказалась от тебя мёртвой, то живой ты ей будешь нужна ещё меньше. У тебя никого нет на целом свете, детка, никто тебе не поможет, не приютит, не накормит и не согреет.

Оскар помолчал одно мгновение. До сих пор он говорил негромко, спокойно, рассудительно и грустно, в своей обычной, слегка усталой скучающей манере, а теперь продолжил отчётливо и сурово, со всё нарастающей громкостью и жёсткостью:

— У тебя есть выбор: либо остаться с людьми и опуститься на самое дно жизни, стать никому не нужной, бесправной и бесприютной бродяжкой без документов, либо присоединиться к нам и стать сильной и свободной, обзавестись парой прекрасных крыльев и летать куда угодно, не зная границ!..

Он говорил это, стискивая мои руки до боли, обжигая меня взглядом, а я с каждым его словом всё больше вжимала голову в плечи. Его слова, раздаваясь, приобретали какое-то странное эхо, металлически холодное, царапающее и колющее, как шип.

Последнее его слово, стихнув, отозвалось звоном в моих ушах. И всё-таки я попыталась протестовать.

— Лучше бы я села в тюрьму, но осталась бы человеком, — прошептала я чуть слышно.

Губы Оскара искривила горькая усмешка, он смотрел на меня с жалостью, почти с презрением.

— Тот, кто попадает в пенитенциарную систему, перестаёт быть человеком в настоящем смысле этого слова, — сказал он, делая веские паузы между фразами, словно бы для того, чтобы лучше втолковать мне их значение. — Вышедший оттуда человек уже не тот, кем он был раньше. В большинстве случаев все его социальные связи рвутся. Того, кто побывал там, люди выбрасывают из своего общества. Клеймят. Шарахаются от него, как от прокажённого. Не принимают на работу. Человеку, отбывшему тюремный срок, трудно найти понимание и восстановить доверие к себе окружающих. И часто, к сожалению, он снова попадает в неволю. Порочный круг замыкается. Жалкое, жалкое существование! С людьми тебе делать нечего, детка. Ты уже вырвана из их общества с корнями.

— Это вы вырвали меня, — сказала я. — Чтобы у меня не было выбора.

Оскар привлёк меня к себе и положил руки мне на талию. Когда он заговорил, его голос звучал мягко, грустно и ласково, обволакивая и окутывая меня клейкими чарами.

— Девочка… Если ты вспомнишь ещё раз, какая судьба тебя ожидала, если бы ты осталась в этих застенках, то ты по-другому бы взглянула на моё вмешательство. Всё шло к твоему осуждению. Десять лет, не меньше. Возможно, ты выжила бы там… Но лучшие твои годы были бы загублены, и то, что от тебя осталось бы, трудно было бы назвать человеком. Десять лет за преступление, которого ты не совершала! Зачем, зачем тебе это? А потом ведь есть ещё риск стать добычей. Об этом ты забываешь? Раньше ты жила и не подозревала о нас — точнее, не верила в нас, но теперь ты знаешь, что мы существуем, мы рядом с вами, мы среди вас. Нас немного, и это помогает нам оставаться незаметными. Но мы есть, и опасность не исчезнет никогда. Терять тебе нечего, потому что у тебя ничего нет, зато приобрести ты можешь очень много.

— Что? — спросила я.

— Нашу силу, — сказал он. — А имея её, ты можешь приобрести всё, что захочешь. Было бы желание.

Аделаида в глубокой задумчивости склонилась над своим пасьянсом, как будто её всё это не касалось.

— Дайте мне подумать, — сказала я.

— Не вижу в этом смысла, — сказал Оскар. — Но, если тебе так угодно, изволь. Я приду завтра.

Он достал из внутреннего кармана тонкую пачку денег и бросил на столик.

— Пополни свой гардероб чем-нибудь приличным, — сказал он. И добавил с усмешкой, окидывая меня взглядом: — Пока что из всего твоего внешнего вида я могу одобрить только стрижку.

2.8. Гарвард

Бродя по улицам, я курила сигарету за сигаретой. Незнакомый город стал уже немного знакомым, и у меня было странное ощущение, будто я здесь родилась. Чувство дежавю накатывало на меня на каждом углу, особенно в переулках, где всё было такое знакомое, что даже брала оторопь. Те же сугробы, тот же мусор, те же собаки и те же дома приветствовали меня, маршрутки и автобусы были точно так же набиты народом, в магазинах продавались те же продукты, в помойках копались те же бомжи, а на улицах был тот же гололёд. Здесь всё было то же самое, только слегка перегруппированное, переставленное местами, но в целом почти идентичное. Я не знаю, что это было — воспоминания из прошлой жизни или просто шутки моей порядком потрёпанной невзгодами психики, но чувство, что я здесь уже когда-то была, не покидало меня.

Так кто же я? Я-то это знала, но как доказать другим, что я — это я? На данный момент я была просто ходячим трупом, восставшим из могилы мертвецом, хотя с первого взгляда это было незаметно. У меня не было ни имени, ни дома, ни работы, а вокруг был город, знакомый и чужой, как лицо после пластической операции. Я была не живее манекенов в торговом центре, в который я зашла, чтобы пополнить гардероб чем-нибудь приличным. Я не знала, что Оскар считал приличным, а потому купила длинный чёрный кожаный плащ, кожаные брюки и лакированные чёрные сапоги, чёрный шарф и чёрный джемпер, а также чёрные кожаные перчатки.

— Ох уж эта современная мода! — проговорила Аделаида, увидев мои обновки. — Невозможно отличить женщину от мужчины.

Мы сидели в гостиной и курили, и я спросила:

— Вы тоже считаете, что я должна присоединиться к вам?

Аделаида выпустила подряд три колечка, одно за другим, последнее из которых, самое маленькое и плотное, пролетело сквозь первое, уже начавшее рассеиваться, и усмехнулась.

— У вас какие-то сомнения, милочка? Ваше положение не из

завидных, скажу я вам… Да вы и сами это понимаете. Так что это единственный разумный выход для вас. У других вариантов просматривается плачевный исход.

И Аделаида, затянувшись, округлила рот в чёрную дырку и выпустила одно большое колечко и два маленьких, которые ловко юркнули сквозь первое. В пускании колечек она была виртуозом. Я колечек делать не умела, а поэтому выпускала дым просто струйками и клубочками, пользуясь по настоянию Аделаиды мундштуком. Взгляд у неё был отчуждённо-задумчивый, из-под полуопущенных век, а временами уголки её рта иронически приподнимались.

— Если хотите знать моё мнение, дорогая, то вам следует отбросить все колебания. То, что сделал для вас Оскар, было сделано в расчёте на то, что вы, умерев для человеческого общества, воскреснете в нашем. Вы не должны бояться: став вашим наставником, Оскар будет вам отцом и матерью, он не оставит вас, пока вы не станете вполне самостоятельной. Если вы сохраните с ним дружеские отношения, он и после будет вас поддерживать. Оскар имеет большой вес и влияние среди нас, и вам повезло, что вашим наставником станет именно он. Такую возможность получает не всякий. Для вас это всё равно что бесплатно попасть в Гарвард.

2.9. Мыши в норах

Если бы мне год назад сказали, что я поступлю в Гарвард, я бы была, наверно, в восторге. Ещё бы! Кто не хочет попасть в это престижное учебное заведение? Но сейчас я не испытывала восторга, потому что это был не тот Гарвард. В настоящий Гарвард не принимают несуществующих людей, а меня по всем понятиям не существовало на свете, и это подтверждали официальные документы, а на кладбище была моя могила. Призраков также не принимают на работу, не регистрируют по месту жительства, они не могут вступить в брак и владеть недвижимостью, не могут иметь счёта в банке, водительских прав и медицинского страхового полиса. Их просто нет.

В кармане у меня было немного денег, и я нырнула в лабиринт улиц, гонимая отчаянием. Кто и за что сделал всё это со мной? Почему я? Что мне делать? Все эти вопросы оставались без ответа. Ледяные пальцы отчаяния вцепились мне в загривок, оплетали мои руки и ноги, и серая холодная лапа уже протянулась к моему сердцу, чтобы накрыть его, сдавить и остановить. Я была у них в руках, они наблюдали за мной отовсюду, они были везде, мне было некуда бежать! Но я всё равно бежала, хоть уже кожей чувствовала холод безнадёжности.

Сегодня должен был прийти Оскар, и я предприняла попытку бегства.

Нет, это даже нельзя было назвать бегством. Скорее это было бессмысленное и безнадёжное метание в лабиринте улиц, бегство от самой себя. От хватки ледяных пальцев нельзя было никуда деться, она повсюду была со мной. Глупо, наивно было бы полагать, что от Оскара можно убежать и спрятаться, и меня хватило только на то, чтобы выкинуть напоследок дурацкое коленце — купить бутылку водки и напиться.

Выписывая заплетающимися ногами зигзагообразную траекторию, я плелась по улице с недопитой бутылкой в кармане, сама не зная куда. Смеркалось. "Да, я безобразно пьяная, — думала я, перемежая свои мысли ритмической икотой, — и пусть!.. Пусть Оскару станет противно, глядя на меня. Мне самой противно".

Ик!.. Да, однако и набралась же я. А зачем? Да чёрт его знает! Бреду вот теперь неприкаянная, бесприютная, живой труп, человек без имени, пустое место… Ик! Однако, как меня плющит!.. Уж не палёная ли была водочка-то, а? Табуретовка. А в общем-то, плевать. Вот возьму сейчас и вылью её… в себя. Но идти становится всё затруднительнее. Что это с моими ногами? Они, никак, устремляются каждая в свою сторону? Да ещё этот проклятый гололёд. Ик!.. Ух ты, ё-моё!..

Кое-как снова возвращаясь в вертикальное положение с опорой на обе ноги и отряхивая места, соприкоснувшиеся с обледенелым тротуаром, я окинула взглядом покачивающееся пространство тёмной улицы — а может, и не улицы. Бутылка в кармане цела, а ведь могла разбиться. Ик!.. Нет уж, теперь я по стеночке… А это ещё кто за мной крадётся?

— Девушка, а девушка!

Да, судя по голосу, честными намерения у этого перца быть не могут. Не буду обращать внимания — авось, отвяжется. По стеночке, по стеночке…

— Девушка, а у вас закурить не найдётся?

Нет, ведь какой настырный! Нету у меня закурить. Вот так, потихоньку, идём, идём…

— Девушка, девушка, а можно с вами познакомиться?

Да их, похоже, двое! Вот ещё свалились на мою голову. Какие-то глючные чуваки. И чего им надо? Впрочем, ясно, чего… Только этот номер у вас, ребятки, не пройдёт! Я не снимаюсь.

— Девушка, а как вас зовут?

Вот ведь черти полосатые! Уже шагают рядом со мной и отвязываться, похоже, не собираются. Один слева, другой справа. Сейчас я одного как двину локтем под дых, а другого в пах

коленом… Й-й-й-яяя!

— Тихонько, девушка, осторожно! Скользко на улице.

Н-да, Чак Норрис из меня не получается. А эти перцы уже руки распускают! Беспредел!

— Девушка… А у нас ещё выпивончик есть. Пойдём с нами?

Нетушки, спасибо. Вы не в моём вкусе, пряники, и ваш выпивончик мне тоже нужен, как столбу гинеколог… Так, я чего-то неврубон! Куда они свои клешни суют? А ну, гребите отсюда ушами в камыши!

— Э, э, ты чё кусаешься? Коза драная!

Ого! Была девушка, стала коза драная? Ну, ты это зря, кентуха, я тебе сейчас твои моргалки вырву, как редиску в июне! Банзай!

— Сволочь! Сучка! Держи её, мы её щас прямо тут оприходуем!

И руки, руки, вонючие пасти, шумное дыхание, пустынная стройплощадка. Мои джинсы, его ширинка, мой каблук, его щека.

Трёхэтажный мат: я попала, куда надо.

Получил, засранец? Получи ещё!

— Ноги, ноги ей держи! Вон туда, туда её тащим! Здесь видно!

— Ай, сука, кусается!

Ни души, чтобы мне помочь, мои крики не слышны, все попрятались, боятся, затаились в норах — суслики, мыши, жертвы! Глупые люди, трусливые люди, где вы? Где вы, рыцари, герои, заступники? Где вы, бдительные старушки? Нажмите кнопку, поднимите трубку, наберите номер! Где вы, где вы все?!

Никого, никого, никого!..

— Оставьте её в покое.

Спокойный голос, глуховатый, знакомый. Стройная фигура, реющая на ветру встрёпанная грива, широко расставленные ноги в ботфортах с высокими каблуками, красные угольки глаз. Сдавленный шёпот:

— Чччёрт… А эта ещё откуда взялась?

— Так пойди, разберись с ней!

Твёрдые шаги ботфорт с каблуками, лезвие ножа, взмах — нож, тускло блеснув в полумраке, упал на лёд, выбитый из руки его обладателя тонкой, но поистине железной рукой. А дальше — как в фильме ужасов. Жуткий хруст рвущейся плоти, разъярённые угольки тигриных глаз, клыки, рык кровавой пасти.

— Срань господня… Это что ещё за…

Хрип горла, стиснутого тонкими стальными пальцами, кровавый оскал, короткий утробный рявк, вырванная гортань с кольцами хрящей — на ледяной корке.

Мыши в норах, я — на льду, надо мной — хищница в ботфортах с каблуками и приколотой на груди чёрной ленточкой — в том месте, где её пронзил железный прут перил крыльца. Вокруг — мерцающие холодные огоньки жёлтых глаз, наблюдающие, выжидающие, но не приближающиеся.

Ни один суслик не высунулся из норки, чтобы посмотреть, чем всё кончилось, две мёртвые жертвы распластались чёрными пятнами на сером льду, а третья, живая, дрожащая, пьяная, обняла руками шею хищницы в ботфортах. Она была подхвачена чёрным ураганом и унесена в небо. Жёлтые огоньки глаз, чёрные горбатые спины и голодные пасти ринулись на свою добычу.

2.10. Очиститься от старой

— Они ничего ей не сделали?

— Не успели.

— Глупышка. Зачем? Не понимаю.

— Она пьяна. Водка.

— Вот уж глупость! Только люди могут такое учудить… Кстати, дорогая, зачем ты носишь эту ленточку? Кажется, ты никогда не была особенно сентиментальной.

— Когда будет превращение?

— Не раньше, чем через неделю. Алкоголь должен выветриться.

Фортель, который я выкинула, не понравился Оскару. И Аделаиде тоже, разумеется. Хищники физиологически не переносят алкоголя, поэтому пьяниц среди них не найдёшь. Очнувшись в постели с отвратительным самочувствием и мечтая о глотке холодной минералки и стакане кефира, я не нашла ничего, что могло бы облегчить мои страдания. А тут ещё Аделаида, окинув меня полным глубочайшего порицания взглядом, сказала:

— Ну, милочка, на такое способны только люди.

В её устах это было наихудшее осуждение.

Оскар пришёл вечером. Его тёмно-синее пальто с чёрным меховым воротником было перехвачено широким поясом, на руке сверкали баснословно дорогие часы.

— Ну что, дорогая, понравились приключения?

— Очень, — сказала я мрачно. — Хочу ещё.

— И не мечтай, — улыбнулся он.

Скинув пальто, он присел ко мне на кровать, заглянул мне в глаза и взъерошил мне волосы. Из-под его верхней губы в улыбке показались молочно-белые клыки, выступающие совсем чуть-чуть.

— Ты готова к превращению, детка?

Я молчала. Хватка ледяных пальцев сомкнулась вокруг моего

горла. Бежать было некуда, да собственно, уже и не хотелось. Мыши в норах. Руки, тяжёлое дыхание, вонючие пасти. Глючные перцы чёрными пятнами на льду.

— Ты не говоришь "нет", это уже хорошо, — сказал Оскар, пронзительным взглядом проникая мне в душу. — И это значит, что скоро ты будешь с нами.

Он сказал: "Будешь с нами", — а я не нашла, что возразить. Все доводы, за которые я могла ухватиться, рассыпались, как древесная труха.

— Когда? — спросила я.

— Недельку придётся подождать, дорогая. Следы алкоголя в твоей крови могут очень тебе навредить во время превращения. Перед вступлением в новую жизнь ты должна очиститься от старой.

2.11. Великий день

По календарю началась весна, но на улицах было ещё много снега. Мою последнюю неделю в человеческом облике я провела, сидя безвылазно дома и соблюдая суровый пост — для очищения организма перед превращением. На день мне полагалось три литра подкислённой лимоном воды, а вечером Аделаида приносила мне чашку очень сладкого чая. Она сама его готовила, заливая кипятком чайные пакетики и кусочки сахара. Режим мне полагалось соблюдать полупостельный. Что я делала в постели? Читала — с утра до вечера. Это немного отвлекало меня и успокаивало. Читать мне не воспрещалось, не разрешалось только выходить из дома. На четвёртый день меня начало шатать от слабости, и когда я влезла на скамеечку, чтобы достать с полки новую книгу, у меня закружилась голова, а перед глазами всё застлала коричневая пелена. На грохот моего падения примчалась Аделаида — прямо-таки материализовалась надо мной из воздуха.

— Деточка! Ну, зачем же вы встали сами, попросили бы меня… Я бы подала вам, что нужно. Мне совсем не трудно. Ну-ка, держитесь за мои плечи.

Она легко, как куклу, подняла меня и перенесла обратно на кровать. Уложив меня и укрыв одеялом, она принесла мне стопку книг и сказала:

— Пожалуйста, дорогая, читайте. Теперь вам не придётся вставать.

Она была сама предупредительность. Но когда я, совсем изнемогая от голода, пробралась на кухню, чтобы хотя бы погрызть сахара, она застукала меня на месте преступления и

сурово сдвинула брови.

— Это что такое? Девочка ворует сахар! Сейчас я кого-то отшлёпаю!

Она поставила коробку с рафинадом на самую верхнюю полку, чтобы я из-за слабости не смогла до неё добраться, и погрозила мне пальцем. Опустившись в изнеможении на стул, я залилась бессильными слезами.

— Ну что вы, дорогая моя!

Аделаида вытерла мне щёки кружевным платочком и, как ребёнка, унесла на руках в спальню.

— Милая, поймите, это необходимо. Ваш организм должен полностью очиститься от всех остатков человеческой пищи. Только при этом условии превращение может пройти благополучно.

За три дня до назначенной даты меня начали ежедневно мучить очистительными клизмами — утром и вечером. Их проводила, разумеется, Аделаида. Мурлыча себе под нос какую-то французскую песенку, она втыкала мне в зад наконечник резиновой трубки, а потом подставляла мне, совершенно обессиленной, горшок. Я стонала, а она благодушно успокаивала:

— Ну, ну, ну… Всё хорошо, всё замечательно.

Помимо клизм мне давали слабительное. Горшок стоял рядом с кроватью, поскольку добежать до туалета у меня не хватило бы сил.

Слабая, еле живая, но очищенная, я лежала в постели, когда пришёл Оскар. Он принёс два букета тюльпанов — для меня и Аделаиды: оказывается, сегодня было 8 Марта.

— С праздником, дорогие дамы!

Аделаида рассыпалась во французских благодарностях, а Оскар, склонившись надо мной, спросил:

— Ну, как мы себя чувствуем?

— Душа не держится в теле, — прошептала я.

— Ну, ничего страшного.

Оба букета были поставлены возле моей кровати. В руках Оскара я увидела какой-то пакет, и мои очищенные, ослабевшие кишки похолодели. Заметив направление моего взгляда, Оскар улыбнулся. Он достал из пакета шприц, резиновый жгут, какую-то картонную коробочку, а также высыпал целую гору пластинок гематогена.

— А это для чего? — спросила я шёпотом — громко я не могла разговаривать от слабости.

— Придёт время — узнаешь, — ответил Оскар с улыбкой. — Ну что ж, моя девочка… Настал великий день.

2.12. Подарок на 8 Марта

С кровати мне было видно, как в соседней комнате Оскар сидел за столом в одной рубашке, и рукав его был закатан, а локтем он опирался на подушечку. Его рука выше локтя была перетянута жгутом, и он ритмично сжимал и разжимал кулак, а Аделаида стояла рядом со шприцем — ни дать ни взять, сестра милосердия.

— Ну, я думаю, можно, — сказал Оскар.

Аделаида вонзила иглу шприца в его локтевой сгиб. Оскар взглянул на меня и улыбнулся. Я лежала и ждала, что будет, а на тумбочке стояли тюльпаны.

Они вошли в мою комнату: Оскар в рубашке, расправляя и застёгивая рукав, а за ним Аделаида со шприцем, наполненным тёмной, почти чёрной жидкостью. Для чего это было нужно, мне было пока неясно, и я, чуть приподнявшись на подушках, расстегнула и сдвинула ворот ночной рубашки.

— Ну, валяйте… Кусайте.

Оскар улыбнулся.

— Нет, детка, кусать мы тебя не будем. Это можно сделать гораздо аккуратнее. Моя кровь будет введена тебе в вену, и через сорок восемь часов начнётся твоя новая жизнь. Но сначала нужно выпить глюкозу, чтобы повысить уровень сахара в крови. Это поддержит твой организм во время процесса превращения.

Содержимое коробочки было высыпано в стакан и залито водой, и эту белую взвесь я должна была выпить. Было очень приторно, но я осилила это. Оскар откинул край одеяла и положил подушечку мне под локоть и перетянул руку жгутом.

— Работай кулаком.

Аделаида потрогала взбухшую вену, Оскар кивнул. Поглаживая меня по волосам, он сказал:

— Тебе снова придётся потерпеть неприятные ощущения, дорогая. Как вы, молодёжь, выражаетесь, тебя изрядно поколбасит.

— Мне не впервой, — сказала я.

Игла вонзилась в меня. Вздрогнув всем телом, я встретилась взглядом с Оскаром.

— Всё хорошо, детка, — сказал он ласково.

Аделаида надавила на поршень.

В такие моменты обычно говорят, что вся жизнь пронеслась перед глазами. А перед моими глазами стояла фотография, на которой мы были все вместе: мама, папа, Таня и я. Их больше не было, они ушли, и меня тоже стирал с лица земли поршень

шприца, вталкивавший мне в вену холодную тёмную жидкость.

Шприц был пуст, рука согнута. Оскар нагнулся и поцеловал меня в губы.

— Умница, детка. С праздником тебя… Это мой подарок.

— Новая жизнь, — улыбнулась Аделаида.

2.13. Начало превращения

Не разверзнулся ад, не заполыхало пламя, не загремели трубы Апокалипсиса, не упало солнце в море среди бела дня, не осыпались звёзды с неба. Был всё тот же мартовский вечер, всё так же стояли тюльпаны у кровати, я лежала в постели, а в моих жилах текли десять граммов крови Оскара, и их уже никак нельзя было вытащить из меня. Ничего нельзя было исправить, вернуть назад: слишком поздно. Я заразилась. Процесс был необратим.

— Держись, дорогая, — сказал Оскар. — Будет тяжело, но мы с тобой. Мы не оставим тебя ни на минуту, не отойдём от тебя ни на шаг.

Я начала чувствовать головокружение и откинулась на подушки. Аделаида сказала:

— Она побледнела.

Моя рука лежала на простыне. Розовый цвет бледнел, его сменял желтоватый, ногти посерели. Уже не человек, стучало в висках. Я перестаю быть. Перестаю быть.

Моё сердце бешено колотилось, мне не хватало воздуха, и Оскар распахнул окно настежь. Холодный ночной воздух остудил мой вспотевший лоб.

— Сколько ещё? — сорвалось с моих пересохших губ.

Он склонился надо мной.

— Это только начало.

— Пить хочу…

— Тебе уже нельзя воду, детка.

Первым этапом мучений был жар. Не просто жар, а адский жар, который не мог остудить ни выход на балкон в одном белье, ни даже холодный душ. От этого жара слабость ещё больше овладевала телом, и мне казалось, что мой мозг размягчается и вытекает из ушей. В висках стучало, и сколько я ни дышала, кислорода всё равно не хватало. Лёгкие уже были на грани разрыва. Меня мучила сильная жажда, но Оскар с Аделаидой не давали мне пить.

К утру жар сменился жутким ознобом. Оскар закрыл все окна и форточки, закутал меня одеялом, но мне всё равно было холодно.

— Когда это кончится?

— Это ещё не самое трудное. Готовься к мукам голода, детка.

2.14. Обречена

Я стучала зубами от озноба до полудня, а потом к этому прибавилось ощущение пустоты в желудке, страшной, незаполнимой пустоты.

— На этой стадии тебе свежую кровь нельзя, — сказал Оскар. — У тебя может случиться удар. Вот зачем был нужен гематоген. Он производится из крови крупного рогатого скота и в какой-то мере поддержит тебя.

Он дал мне одну плитку. Похоже, гематоген был единственным продуктом, который можно было есть без отвращения: вкус у него был сносный, и я, жадно съев одну плитку, попросила ещё, но Оскар не дал.

— Понемногу, — сказал он. — Тебе надо продержаться ещё как минимум двое суток.

Одна плитка раз в полтора часа — разумеется, этого было слишком мало, чтобы спасти меня от страшного голода, но благодаря этим плиткам у меня, по крайней мере, не доходило до галлюцинаций. Ощущения были неприятные, но кое-как терпеть их было можно.

— Сейчас в тебе борются человек и хищник. Борьба всегда проходит трудно, но с неизменной и неизбежной победой хищника.

Бедная Лёля из последних сил пыталась справиться с новым, страшным существом, бледноликим, клыкастым, крылатым и сильным. Были ли у неё хоть какие-нибудь шансы? Она была обессилена, измучена голодовкой, сломлена — словом, была не в форме. А с такой формой нечего и надеяться на победу. Она была обречена. Бедная, бедная Лёлечка! Куда ей было тягаться с этим существом, которое неизбежно должно было вытеснить её? Должно быть, ангелы на небесах плакали, когда происходил этот поединок с предрешённым исходом. Наверно, тут подошла бы какая-нибудь трагическая музыка, но её никто специально для этого случая не догадался написать, и противники довольствовались звуковым сопровождением в виде стука сердца, шума дыхания, скрежета зубов и скрипа царапающих простыню ногтей.

Прощайте, мама, папа, Таня. Вы сейчас, наверно, в раю — где же вам ещё быть, родные мои? Но мне с вами там не суждено встретиться: я ухожу в другую юдоль.

2.15. Один удар в минуту

Я испытала все неприятные и мучительные ощущения, какие только можно было вообразить. Боли в самых разных местах,

ломота в костях, изжога, сердцебиение, головокружение, тошнота, лихорадка — и не по отдельности, а сразу по несколько явлений одновременно.

А потом началось самое страшное. Озноба и жара уже не было, но я начала чувствовать, что холодею. Сердцебиение замедлялось, удары сердца становились неравномерными, и паузы между ними были ужасающе долгими. Сердце лениво сжималось один раз в минуту, но пока оно стояло, я не умирала и продолжала всё чувствовать.

Оскар сосчитал мой пульс и сказал:

— Нормальный. Теперь твоё сердце будет биться очень медленно, а в дыхании лёгкими почти не будет надобности, оно будет осуществляться в основном через кожу, а лёгкими — только при физических нагрузках, да ещё для речи. Объём твоих лёгких сократится, зато увеличится вместимость желудка. — Он пощупал мою руку. — Температура тела уже понизилась. Она понизится ещё немного.

2.16. Забыть о дыхании

Гематоген кончился, а я была страшно голодна. Никаких мук, кроме голода, я больше не испытывала, только мне становилось жутковато, когда я прислушивалась к биению сердца — такому редкому, что мне казалось, будто сердце вообще стоит. По привычке я дышала, но от слишком частого дыхания у меня начинала кружиться голова. Я стала дышать реже.

— Для состояния покоя достаточного одного неглубокого вдоха в пять минут, — сказал Оскар. — Ничего, скоро ты привыкнешь. Попробуй не дышать.

Я задержала дыхание и из любопытства засекла время. Прошло тридцать секунд, потом минута, но я спокойно задерживала дыхание, не чувствуя нестерпимого желания скорее сделать вдох. Не было распирающего чувства в груди: там всё было ужасающе спокойно. Прошло пять минут, и только в начале шестой я почувствовала некоторую потребность во вдохе. Я сделала его, а потом опять не дышала очень долго.

— Ты привыкнешь, — сказал Оскар. — И вообще забудешь о дыхании.

2.17. Зеркало

— Ну, как она вам? — спросил Оскар Аделаиду.

Аделаида взяла моё лицо в свои ладони и полюбовалась мной с улыбкой.

— Красавица, — сказала она.

Её ладони перестали быть холодными, и я догадывалась,

почему. Наши температуры сравнялись. Аделаида достала из ящика комода старинное зеркальце в резной оправе из слоновой кости и взглянула на Оскара. Тот кивнул. С зеркальцем в руках Аделаида подошла ко мне и сказала с улыбкой:

— Посмотрите, милочка, какая вы стали.

Мои серовато-бледные руки взяли зеркальце и поднесли к лицу. Из тёмного овала в оправе на меня глянуло мраморно-белое лицо — ни кровинки на щеках, с огромными тёмными омутами глаз. Странное дело, когда они успели так потемнеть?.. Ведь были же светло-голубые. Или дело в зрачках, ставших жутковато подвижными, с постоянно меняющимся диаметром? Жуткие глазищи… Не мои, точно. Вдруг меня осенило…

— А почему я отражаюсь? Ведь вроде бы вы… — Я осеклась, осознав, что уже сама теперь принадлежала к тем, кого только что обозначила этим местоимением "вы", — к хищникам… И мой язык, с трудом повернувшись, поправил эту оговорку: — То есть, МЫ… не должны иметь отражения.

Оскар пристально следил за этими моими колебаниями между "вы" и "мы". Когда я, споткнувшись, выговорила "мы", в чёрной холодной бездне его гипнотического взгляда отразилось нечто вроде одобрительной усмешки. А над моим вопросом он мелодично и мягко, беззлобно рассмеялся, словно услышал детский лепет.

— Очередное людское заблуждение относительно НАС, дорогая, — сказал он. — Как видишь, отражение мы имеем. Ну что ж… Поздравляю тебя! Вот и свершилось… Всё плохое позади. Ну-ка! — Он склонился ко мне, взял за подбородок. — Открой ротик, малыш.

Я открыла рот, и Оскар засиял довольной улыбкой.

— Вот они, наши зубки! — сказал он ласково. — Какие хорошенькие, беленькие, острые! Им так и не терпится в кого-нибудь вонзиться, да?

И в его устремлённых на меня глазах зажглись красные огоньки. Я провела по зубам кончиком языка… Странные ощущения. С зубами было явно что-то не так… Клыки как будто не удлинились, но стали крупнее и выпирали из дёсен вперёд непривычно большими буграми. Такое чувство, будто мне вставили вместо клыков зубы крокодила, глубоко и крепко загнав их в челюсть.

— Они не очень… длинные, — пробормотала я, рассматривая себя в зеркале, услужливо демонстрировавшем во всех подробностях форму моего нового прикуса.

Оскар улыбнулся.

— Они примут нужную длину, когда ты почуешь добычу, —

шепнул он мне на ухо.

2.18. Зов инстинкта

Меня одели, поставили на ноги, и Оскар, поддерживая меня, торжественно объявил:

— Ты отправляешься на свою первую охоту, наша новая сестра! Хотя сестрой тебя именовать ещё рановато, поскольку ты ещё не принята в Орден… Но это случится в скором времени.

Итак, новорождённая хищница, слабая и шатающаяся от голода, была выведена на улицу её матёрым и опытным собратом и наставником. Холодная мартовская ночь была полна запахов и звуков, а холод был ей нипочём: она не мёрзла в кожаном плаще, надетом поверх тонкого джемпера. Она ещё не вполне освоилась со своими новыми способностями: чувствуя какой-нибудь запах, она осматривалась в поисках его источника, но не могла понять, откуда он шёл. Например, ощущая запах кошки, самой кошки она не видела поблизости, но её ухо улавливало кошачью возню в ближайшем подвале. Проходя мимо жилых домов, она слышала людей. Пук, кашель, сморкание, шарканье тапочек, голоса, скрип кровати, вздохи занимающихся любовью — ночь наполнилась звуками, которых она раньше не слышала. А ещё она чувствовала тепло, исходящее от живых объектов, и чувствовала на большом расстоянии. Она могла даже определить, мужчина это или женщина, и всякий раз вздрагивала при встрече с редкими поздними прохожими, потому что угадывала правильно.

— Осваивайся, — сказал Оскар. — Выбирай, кто тебе по вкусу, а я, так уж и быть, поймаю его для тебя. Сама ловить ты ещё не умеешь, но теперь тебе придётся учиться охотиться самой… Хочешь, не хочешь, а придётся, потому что кушать хочется всегда.

Они прошли ещё метров сто по улице, пока хищница не почувствовала человека. Молодой мужчина, не слишком крупный, чистоплотный, вполне здоровый. Её наставник уже смотрел в ту же сторону.

— Хочешь его? Изволь. Неплохой экземпляр, хотя мелковат. Но нам с тобой хватит, чтобы заморить червячка.

Он велел своей ученице спрятаться за тёмным углом и звать на помощь жалобным голосом, а сам исчез где-то в тени.

— Помогите! — проблеяла хищница. — Помогите!

Их жертва, кажется, услышала и остановилась в замешательстве. Хищница стала звать ещё громче и жалобнее и почувствовала приближение этого человека. Она уже слышала его шаги, лёгкие и быстрые, и определила, что это даже не мужчина, а молодой парень. Её медленно бьющееся сердце сжалось: ведь он

спешил к ней на помощь! Опять эти угрызения. А тут ещё откуда-то повеяло холодом и каким-то затхлым, отвратительным запахом — как гниющие зубы. Какие-то гадкие существа приближались к ней с другой стороны. Шакалы, догадалась хищница. Ждут, когда можно будет поживиться. Она вдруг представила себе, как молодое тело будут разрывать на части их мерзкие вонючие пасти, и ей стало муторно и страшно за этого парня, которого уже подстерегал её учитель. Что-то от прежней Лёли ещё оставалось в ней, и это что-то называлось сострадание. Как воспоминание из прошлой жизни, оно дотронулось до её сердца, ошарашило её, остановило. Оно мешало ей, но она не могла с ним совладать. Почти забыв о голоде, хищница выскочила из своего укрытия.

— Бегите! — размахивая руками, закричала она приближающейся невысокой стройной фигуре. — Умоляю вас, бегите отсюда скорее!

Но было слишком поздно. На стройную фигуру сзади прыгнула чёрная тень и без единого звука повалила её и прижала к асфальту. Шакалы приближались, и молодой хищнице даже казалось, что она слышит урчание их животов. Где-то кралась кошка, и хищница почему-то знала, что ей страшно приближаться к ним. Хищницу охватила слабость и дурнота, и она осела на асфальт.

— Совсем ослабела от голода, бедняжка, — услышала она. — Конечно, еду нам добыл я, но так уж и быть — уступаю тебе первую очередь.

Да, хищница угадала: жертва была молодым парнишкой лет семнадцати, и он лежал с потухшими глазами у её ног, а Оскар держал его на весу, обхватив одной рукой под плечи. Бездонная тьма его глаз озарилась красноватым отсветом, и он показался хищнице таким отвратительным монстром, что её сердце похолодело. Неужели и она такая же?

Да, она была такая же.

Оскар тем временем с улыбкой любовался парнем, одной рукой прижимая его к себе и водя по его щеке железным когтем своего перстня. Бесчувственная жертва не сопротивлялась. Оскар проговорил с улыбкой, томно прикрыв веками глаза:

— Иди же сюда!

Хищница, мучимая голодом, приблизилась. Она на расстоянии чувствовала биение сердца жертвы, пульсацию крови в жилах, запах тёплого молодого тела.

— Я не очень голоден, а вот тебе срочно надо подкрепиться, — сказал Оскар. — А то ты скоро упадёшь в голодный обморок. Ну же, детка! Делай то, что тебе подсказывает инстинкт!..

Хищница почувствовала, как в её наполнившемся голодной слюной рту удлиняются клыки: она дотронулась до них кончиком языка. Пульсация вен на шее жертвы отзывалась у неё внутри сладостным, почти болезненным предвкушением. Сделать то, что ей подсказывает инстинкт.

— Не надо этому противиться, — сказал Оскар. — От этого зависит твоя жизнь.

Хищница и не могла противиться. Пульсация желания властно сотрясала её нутро, стирая её память, приводя все её чувства и устремления к одному знаменателю. Она знала, что без этого ей не прожить. У жертвы было то, в чём она нуждалась, и, чтобы жить, она должна была взять это.

И она взяла.

2.19. Вопросы и ответы

— У меня будут крылья? — спросила я.

Оскар ответил с улыбкой:

— Обязательно, детка. Но они появляются не сразу, а только после того как ты наберёшь силу, достаточную для того, чтобы ими владеть.

— А что такое Орден?

— И это я тебе тоже скоро расскажу.

— Ты принадлежишь к этому Ордену?

— Да, дорогая. И ты тоже скоро в него вступишь.

— А почему не прямо сейчас? Разве я уже не одна из вас?

— Да, моя девочка, ты уже одна из нас, но в Орден вступать тебе ещё рано. Ты должна созреть для этого.

— А когда я созрею?

— Когда овладеешь минимумом навыков — то есть, когда научишься сама кормить себя и пользоваться крыльями.

— А есть максимум?

— Разумеется, коль скоро есть минимум. Но максимумом дано владеть не каждому хищнику. Объём и глубина знаний, которые будут преподаны тебе в дальнейшем, будут зависеть от уровня заложенных в тебе способностей. Каков этот уровень, станет ясно совсем скоро, а пока ты должна освоить лишь самые азы. Я понимаю твоё нетерпение, малыш, но всему своё время.

И Оскар по-отечески чмокнул меня в лоб. Мы сидели на диване в гостиной — на том самом, где я в прошлой жизни рассматривала фотографии со своих похорон. Вот я и стала хищницей, мосты были сожжены, и обратно повернуть было нельзя. Дорога назад, к людям, была мне теперь закрыта, и мне оставалось лишь попытаться прижиться в обществе мне подобных. Смогу ли я? Примут ли меня? Что это за Орден, членами

которого были Оскар, Аделаида и Эйне? Все эти вопросы являлись для меня насущно важными, но Оскар не спешил с ответами. Чем больше я думала, тем больше возникало новых вопросов.

— А вы не думайте, милочка, — посоветовала Аделаида. — Кушайте, набирайте силу, а ваш наставник всё решит и скажет, как вам быть. Ни о чём не тревожьтесь, положитесь на него.

— Глава 3. Хищница

3.1. Первые шаги

Оскаром мне было преподано несколько способов поимки жертвы, а дальше я должна была сама добывать себе пропитание. Нянчиться со мной на этой стадии он не собирался, так как, по его словам, это было далеко не самое трудное из того, что мне предстояло усвоить. Показав мне основные приёмы, он бросил меня в самостоятельную жизнь, как щенка в воду.

Сначала я растерялась. Оскар заявил, что у него неотложные и очень важные дела, из-за которых ему придётся на какое-то время покинуть меня. И он меня покинул.

Моя растерянность парализовала меня. Я вроде бы знала теорию, но применить эти знания на практике было совсем другим делом. Я обратилась к Аделаиде с просьбой наставить меня, что мне следует делать, но она ответила, что не имеет права давать наставления, так как мой учитель — Оскар.

— Ну, что вам стоит подсказать мне? — упрашивала я. — Мой учитель отлучился, бросил меня! Я не знаю, как мне быть!

— Во-первых, ваш учитель не бросал вас, милочка, — сказала Аделаида строго и серьёзно. — Наставник никогда не бросит своего ученика, пока тот не готов. Если он отлучился — значит, так было нужно, так им запланировано. А у меня вообще нет права кого-либо учить, потому что я даже не младший магистр Ордена, а всего лишь рядовая сестра. А Оскар может учить, потому что он старший магистр. Всё, что я могла бы для вас сделать, — это поделиться с вами своей добычей, но я этого делать не стану, потому как вам нужно приучаться к самостоятельности. Как же вы будете жить дальше, если вас всё время будут кормить, как младенца? Ничего сложного в этом нет, и зря вы говорите, что не знаете, как вам быть. Вы всё знаете, дорогая, у вас всё получится. Просто идите на улицу и вспомните всё, что вам говорил ваш наставник. Бояться вам нечего и некого — вы уже сейчас сильнее людей. Что вы за хищник, если боитесь своей жертвы? Ступайте, милочка, желаю вам удачи.

— А давайте охотиться вместе? — предложила я, не теряя надежды её уговорить. — Вы не будете меня учить, просто побудете рядом для моральной поддержки. А я могу смотреть, как охотитесь вы, и это мне поможет.

Аделаида ласково улыбнулась, но осталась непреклонна. В её улыбке сквозила некоторая досада: так улыбается взрослый докучному ребёнку.

— Простите, дорогая, но я по своей натуре одиночка… Я

предпочитаю делать это одна. Это, знаете ли, дело привычки. Подходящую компанию себе вы ещё найдёте, а меня уже не переделать.

Аделаида дала мне понять, что она мне не помощница, хотя и не будет возражать против моего проживания здесь, бок о бок с ней, раз уж таково желание Оскара. То, как она от меня отмахнулась, не могло прибавить мне уверенности в себе, и только голод выгнал меня на охоту.

Я долго бродила по ночному городу. В нерешительности я провожала взглядом каждого встречного человека, и его запах заставлял мои кишки тоскливо сжиматься. Представьте себе, что вы очень проголодались, и мимо вас проплывает ваше любимое блюдо, от одного аромата которого у вас слюнки текут, а вы отчего-то не решаетесь протянуть руку и взять его. Вы думаете: а могу ли я съесть его? Получится ли у меня урвать от него кусочек? Не даст ли оно мне отпор? А что подумают обо мне, если я съем его? И что я буду сам о себе думать? Ваш желудок говорит вам: "Чёрт возьми, я голоден! Ты протянешь ноги, если не наполнишь меня в самом скором времени". Но, тем не менее, вы колеблетесь, вы мучитесь разными "за" и "против", вы не знаете, как подступиться к желанной вами пище, а голод всё усиливается, время идёт, ночь на исходе. Хоть дневного света я и не боялась, но не могла и подумать о том, чтобы решиться охотиться днём. Таким образом, вышеописанная неуверенность в себе была причиной того, что моей первой жертвой, пойманной самостоятельно, стал какой-то пьяный мужичонка, который плёлся в одиночестве с бутылкой водки в кармане засаленной куртки (совсем как я не так давно). Некоторое время я шла за ним, потом забежала вперёд и подкараулила его в тёмном переулке. Там я набросилась на него, вонзила зубы ему в шею и напилась его крови. Пьянчужка был лёгкой добычей, но радость моя была невелика: во-первых, его кровь была невкусная, а во-вторых, вызывала головную боль, тошноту и изжогу. Впрочем, для шакалов, следовавших за мной по пятам во время моей первой самостоятельной охоты, моя никудышная жертва оказалась ничуть не хуже, чем любая другая: они сожрали останки с неизменной жадностью и стремительностью. Они были неразборчивы в еде. Всё, что осталось от бедняги — недопитая пол-литровая бутылка водки. Шакалы её не тронули, а я её выбросила: спиртное было для меня столь же отвратительно, как и всё остальное, употребляемое людьми. Ловить вторую жертву в ту же ночь я не нашла в себе смелости, а потому вернулась домой, удовольствовавшись этой скверной добычей. Мне было очень плохо (примерно так же вы бы себя чувствовали, съев

недоброкачественные консервы), и Аделаида сочувственно качала головой, хотя какое-то шестое чувство мне подсказывало, что она надо мной подсмеивается.

— Ну что ж, теперь вы будете разборчивее. В первый раз немудрено ошибиться. Но на ошибках, как известно, учатся.

Прочувствовав на собственном желудке плохое качество крови подобных граждан, я учла первый неудачный опыт и в следующий раз действительно была разборчивее. Но мне пришлось здорово помотаться по улицам, прежде чем я отыскала одинокого мужчину, торопливо шагавшего и не оглядывавшегося по сторонам. Я забежала вперёд и легла на тротуаре, притворившись, что мне плохо. Когда он склонился надо мной, я вцепилась в него мёртвой хваткой и напилась крови до отвала. Я так наелась, что на следующую ночь осталась дома, так как была не голодна.

Мучила ли меня совесть оттого, что я убиваю людей? Признаюсь: это было невыносимо. Вы можете назвать мои слёзы крокодиловыми, но мне они казались вполне настоящими. То, что осталось во мне от человека (а по-видимому, кое-что всё-таки осталось), превращало каждую мою охоту в трагедию. Когда мне стало совсем невмоготу жить таким образом, я попробовала перейти на кровь животных. Я поймала кошку, но её кровь по сравнению с человеческой была как дешёвая некачественная подделка под дорогое марочное вино. К тому же, мне в рот попала шерсть, и пришлось долго отплёвываться после трапезы. Кровь животных насыщала плохо, не восстанавливала сил, и, питаясь ею, можно было лишь влачить жалкое существование. Кроме того, животных ловить было трудно: они чуяли опасность и убегали. Люди в этом плане были гораздо беспечнее и часто оказывались весьма лёгкой добычей. Только однажды я получила отпор, выбрав слишком крепкого и сильного мужчину. У меня не получилось с первого раза его обездвижить: его реакция оказалась слишком быстрой, и он отпихнул меня. Но я, мучимая голодом, не сдалась и полезла снова, за что чуть не поплатилась: он схватил меня и крепко удерживал. Я вонзила зубы в его руку, прокусив её глубоко, до крови, и он, закричав от боли, выпустил меня. Почувствовав вкус его крови, я уже не могла остановиться. Я ударила его по голове валявшейся на земле пустой стеклянной бутылкой. У него был крепкий череп, и от удара он не потерял сознание, но был слегка оглушён, и мои зубы вонзились ему в шею. Кровь у него была прекрасная, и я напилась вволю, прогнав голод на двое суток. Но потом я решила больше не рисковать, вступая с жертвой в борьбу, а выбирала в качестве добычи людей помельче и послабее.

3.2. Герой-одиночка

Рыща в поисках добычи, я проходила через парк и услышала звуки, которые встревожили меня. Слух мой за последнее время чрезвычайно обострился, и я сразу поняла, что в беде молодая девушка, что на неё навалился тяжёлый и сильный мужчина. Не знаю, почему, но я не раздумывая бросилась туда.

Девушка лежала на земле, и мужчина душил её шарфом. Он был так поглощён своим делом, что не видел и не слышал ничего вокруг. Я сообразила, что впервые в жизни вижу настоящего маньяка, и на какой-то миг в ужасе застыла. Такое я видела только в кино, и ощущение, что я в каком-то фильме, вогнало меня в ступор.

Мыши сидели по своим норам, и на десять километров вокруг не нашлось ни одного героя, ни одного рыцаря, ни одного заступника. Никого, никого, никого. Никого, кроме хищницы.

Моя рука вцепилась ему в волосы и резко дёрнула его голову назад, а мои клыки впились в его кадык. Вгрызаясь всё глубже, они добрались до гортани и рванули. Хрящи были мне не нужны, и я выплюнула их на прелую прошлогоднюю листву. Он был ещё жив, и я высосала из него примерно литр крови, а потом оттолкнула обмякшее тело. Рядом кашляла полузадушенная жертва. Не моя — его. Из-за деревьев уже мерцали огоньки жёлтых глаз шакалов, и девушке не следовало видеть их челюстей за работой.

Я стала намного сильнее физически, и пронести девушку сотню метров до скамейки мне не составило труда. Усадив её, сначала я хотела уйти, но потом передумала, решив, что опасно оставлять её одну, да ещё и в таком состоянии. Дабы не испугать её своим окровавленным лицом, я умылась из большой лужи и только после этого присела рядом с девушкой, чтобы подождать, пока она немного придёт в себя.

Она долго кашляла, потом отдышалась и обвела вокруг мутным взглядом. Увидев меня, она сильно вздрогнула и откинулась на спинку скамейки.

— Вы кто? — прохрипела она.

— Герой-одиночка, — усмехнулась я. И добавила: — Всё хорошо. Этот человек ушёл.

Кажется, я его спугнула.

Похоже, из-за своего состояния она не видела, ЧТО я с ним сделала.

Она затравленно озиралась.

— Он может быть ещё здесь…

— Нет, вряд ли, — сказала я. — Можете не бояться. Он к вам больше не сунется. Я не позволю. Если вам лучше, то позвольте вас проводить. Идти одной небезопасно.

Она была так потрясена, что не отказалась от моей компании. Пока мы шли, она боязливо жалась ко мне и вздрагивала от каждого шороха и тени. От неё исходило живое тепло, мне очень нравился её запах, и мне хотелось прижать её к себе, но я обнимала её за плечи аккуратно и вежливо, стараясь к ней не прижиматься, чтобы не напугать её своим холодом.

По дороге я поинтересовалась, как её зовут.

— Катя, — ответила она.

— Откуда же вы идёте в такой поздний час, Катя?

— У подруги был день рождения… Засиделись.

— Ваша подруга обязана была позаботиться о вашей безопасности. Она должна была вызвать вам такси.

Выяснилось, что именинница сама так набралась, что ей было уже не до гостей. До Катиного дома мы добрались благополучно, и она принялась дрожащим голосом благодарить меня. Я уже собралась уходить, но она предложила подняться к ней на чашку чая.

— К тому же, я за вас буду беспокоиться… Как вы пойдёте одна?

Сама не зная почему, я поднялась в её квартиру. Она поставила чайник и достала чашки. Взглянув на меня при электрическом свете, она сказала:

— Вы такая бледная…

— Не беспокойтесь, — ответила я. — Это мой обычный цвет лица.

Катя выразила беспокойство о том, как я буду сама добираться домой. Она предложила вызвать такси, но я отказалась.

— Я прекрасно доберусь и так, не волнуйтесь за меня. Я могу за себя постоять.

— Неужели вы не боитесь? Вокруг столько всяких отморозков!

— Я ничего не боюсь, Катя.

Она налила чай, но я встала.

— Спасибо, Катя… Я не пью чай. Кроме того, мне уже пора идти. У меня ещё дела.

Она стала уговаривать меня остаться.

— Куда вы так торопитесь? Что у вас за дела в такой час?

Я зачем-то сказала:

— Вообще-то, Катя, я монстр ещё пострашнее того, который

на вас напал. Вы могли бы стать моим обедом, но я не трону вас, потому что вы очень милая девушка, и мне не хочется причинять вам зло. Я очень вас прошу: больше никогда, слышите, никогда не ходите одна после наступления темноты. Я-то, конечно, при встрече вас узнаю и не трону, но есть ещё другие. Они вами с большим удовольствием полакомятся. Будьте осторожны.

Сказав это, я ушла, не дав ей времени опомниться. Наверно, она приняла меня за сумасшедшую.

3.3. Скины

Сегодня я рано вышла на охоту: у меня подвело от голода живот. В одном тёмном пустынном дворе я увидела, как трое крепких молодых людей окружили маленького китайчонка. Молодые люди были в чёрных куртках, все бритые, а у одного на голове была татуировка в виде свастики. У двоих на головах была небольшая щетина, а обладатель татуировки был выбрит гладко — видимо, недавно. Несчастный узкоглазый паренёк метался и просил на плохом русском, с сильным акцентом, отпустить его. Но у бритых были относительно него другие планы. Пока они издевались и запугивали.

— Даже по-русски не говоришь толком!

— Какого хрена ты вообще здесь делаешь, мразь жёлтомордая?

— Россия только для русских!

Потом от запугиваний они перешли к лёгким тычкам, толкая парня друг к другу, как мяч. У жертвы было несчастное и затравленное лицо, но я подумала: к чему мне это? Разве я Бэтмен или какой-нибудь другой защитник слабых вроде него? Я демон-убийца, пьющий кровь. Спасение попавших в беду китайцев — не мой профиль.

Тем временем лысые парни повалили мальчишку на землю и стали бить его своими тяжёлыми ботинками. Их было трое, они были крепкими и сильными, а их жертва была мальчиком двенадцати или тринадцати лет, худеньким и слабым. Медлить было нельзя. Ещё минута — и они забьют его насмерть. И я вышла на них с голыми руками, потому что поблизости не было ничего, что можно было использовать в качестве оружия.

— Эй, ребята! Разве это честно — трое сильных, здоровых парней на одного маленького пацана?

Я крикнула это громко, чтобы они услышали. И они услышали, и обернулись, перестав избивать китайца. Увидев меня, они удивились. Их удивило то, что я посмела вмешаться. Один крикнул:

— Вали отсюда, а то тоже получишь!

— Ой, как страшно, — ответила я насмешливо.

Мальчик, воспользовавшись их временным замешательством, отполз в сторону. Я, подходя к парням, сказала:

— Может, померимся силами?

Они расхохотались.

— Зря смеётесь, — сказала я, засучивая рукава. — Давайте, подходите. Можете по одному, если не боитесь. А если трусите, можете и все сразу.

Гладко выбритый обладатель татуировки, ладный, широкоплечий, сделал шаг мне навстречу.

— Нарываешься, сука?

— А вот это ты напрасно, — сказала я.

В следующую секунду его горло было стиснуто моей рукой, а другой я взяла его за ремень и подбросила вверх метров на десять. Он упал на скамейку, и было слышно, как хрустнул его позвоночник. Он неподвижно повис на спинке скамейки. Его руки и голова свисали за спинку, а ноги лежали на сиденье.

Двое других остолбенели. Они никогда не видели ничего подобного. Я не дала им времени опомниться: схватив их обоих за горло, я стукнула их головами, и они упали на колени. Вспоров горло одному, я отпила его крови, но не досыта: его сердце ещё билось, когда я его бросила. Второго, лежавшего рядом без сознания, я выпила по полной программе, оторвавшись с последним ударом его сердца. Подойдя к их главарю, который лежал на скамейке, я поняла, что он был ещё жив, хотя у него была сломана спина. Я отведала и его крови, найдя её весьма неплохой: парень был здоровый и молодой. Его я допивать до конца не стала: я уже наелась до отвала.

Я уже собралась уходить, когда заметила — точнее, почувствовала, что здесь есть кто-то ещё, кто-то маленький и перепуганный. Это был маленький китаец: он забился под скамейку. Я выволокла его оттуда, и он даже не сопротивлялся: он был парализован ужасом. Усадив его на скамейку, я присела перед ним, взяла его за подбородок и заглянула в его узкие тёмные глаза.

— Ну, что, испугался?

Он молчал. От страха он забыл все русские слова.

— Я демон, — сказала я. — Если ты кому-нибудь расскажешь, что видел меня, я тебя найду и высосу твою кровь до последней капли. А ещё я убью всех, кому ты обо мне расскажешь. Если тебе дороги жизни твоих родных, ты будешь молчать. Ты меня понял?

Хотя он был смертельно напуган, но способность понимать у него ещё сохранилась: он кивнул.

— Беги домой, малыш, — сказала я. — И как можно быстрее. А то влипнешь опять в какую-нибудь историю.

Видели бы вы, как он дунул! Только пятки засверкали. Я не стала гнаться за ним: я была уже сыта. А для шакалов сегодня был просто праздник живота. Они получили не один, а целых три трупа и тоже наелись до отвала. Думаю, они были мне благодарны за такое пиршество.

3.4. Почему повезло Михаилу Борисовичу

Сильно выпивший мужчина, шатаясь, шёл по улице под фонарями. Он был хорошо одет, и у него были с собой деньги. Откуда я это знала? Деньги, знаете ли, тоже имеют запах, и очень специфический. Я бы сказала, не слишком приятный. Если вы понюхаете их, вы, может быть, и не найдёте их запах таким уж отвратительным, но я чувствую запахи гораздо острее вас. Деньги пахнут всеми, кто к ним когда-либо прикасался, и этот смешанный запах не самый лучший.

Но я отвлекаюсь. Итак, пьяный, но хорошо одетый мужчина при деньгах шёл по улице. Он шёл один, вернее, он полагал, что идёт один. За ним на некотором расстоянии следовали двое, и их намерение было — ограбить. Они пасли его от самого магазина, где беспечный мужчина показал им содержимое своего кошелька, покупая водку. А за ними шла я.

Мужчина остановился у ларька, чтобы купить сигарет, и расстояние между ним и двумя грабителями сократилось. Едва он отошёл от ларька, как они подхватили его под руки, отволокли за угол и стали потрошить. Он сопротивлялся, но слабо: он был слишком пьян. Они забрали его кошелёк и мобильный телефон, сняли часы, прихватили и купленную им бутылку. Они толкнули его на тротуар, и он не смог подняться.

Но далеко уйти им было не суждено. Я расправилась с ними быстрее, чем вы могли бы съесть пирожок. И с каждый выпитым мной человеком я становилась сильнее.

Потом я забрала у них вещи пьяного мужчины. В его кошельке было несколько купюр по пятьсот рублей и фотография девочки лет пяти, часы были дорогие, швейцарские. Сам бедолага валялся там, куда его толкнули — под аркой, на асфальте. Я осмотрела его и обнюхала. Он был цел, но без сознания. Я попыталась привести его в чувство, но не сумела его растолкать. Я уже хотела вызывать скорую помощь по его весьма недешёвому телефону, но вдруг услышала негромкое похрапывание. Он спал! Я не сдержала удивления.

— Ну, ты даёшь, чувак. Тебя ограбили, а ты спишь.

А он ответил:

— Хр-р-р…

Попытки растолкать его не увенчались успехом. Как я только не пыталась его разбудить! Я и била его по щекам, и щипала, и трясла, но всё тщетно. Чувак был в такой глубокой отключке, что ничего не чувствовал и только мычал.

— Что же мне с тобой делать, дурилка картонная? Если оставить тут, тебя ещё, чего доброго, обтрясёт кто-нибудь. Я бы твоей кровушки попила, да уж очень ты уквашенный, кровь твоя сейчас непригодна для употребления.

Он ответил:

— М-м-м… Хр-р-р-р…

Большего от него и нельзя было добиться. Я обшарила его карманы и нашла паспорт.

— Ну-ка, посмотрим, кто ты у нас…

Пьяного чувака звали Серебряков Михаил Борисович. Открыв страничку с пропиской, я узнала его домашний адрес.

— Попробую доставить тебя домой, бобёр. Если ты впрямь по этому адресу проживаешь.

На своих плечах тащить этого субъекта мне не хотелось, и я вызвала по его мобильному такси. Водитель спросил, глянув на моего приятеля:

— Чего это он — нажрался?

— Да, — сказала я. — В педаль. Домой его оттранспортировать надо.

Водитель хотел помочь мне затащить пьяное тело в машину, но я сделала это сама. Я назвала ему адрес, и мы поехали по ночным улицам.

Когда мы приехали по адресу, я расплатилась с таксистом деньгами Михаила Борисовича и взвалила последнего себе на плечи. Водила смотрел на меня круглыми глазами.

— Вам не тяжело, девушка? Может, помочь?

— Нет, спасибо… Справлюсь. Можете ехать.

Подъездов в доме было четыре, но, по счастью, на двери каждого были написаны номера квартир. Оказалось, что просто так войти в подъезд было нельзя: на двери был домофон. Положив Михаила Борисовича на крыльцо, я пошарила в его карманах и нашла ключи. На связке был и электронный ключ от домофона. Он подошёл. Это значило, что адрес в паспорте совпадал с фактическим местом проживания гражданина Серебрякова.

Пришлось подниматься с моим драгоценным грузом на третий этаж. Свет на площадке не горел, но я видела в темноте достаточно хорошо, чтобы разглядеть номера квартир. Найдя нужную, я нажала кнопку звонка.

— Кто там? — ответил женский голос. — Миша, это ты?

Она назвала имя моего подопечного правильно. Похоже, его здесь ждали, и ждали с тревогой. Наверно, это была жена.

— Да, это Миша, — ответила я.

Небольшая пауза, и тот же голос озадаченно и встревоженно спросил:

— Кто это?

Я сказала:

— Я, конечно, не Миша, но ваш Миша тоже здесь, только он не может вам ответить. Открывайте, не бойтесь.

— Миша! — позвала женщина. — Ты там? Ответь!

— Он не может, — повторила я. — Но я попытаюсь заставить его хотя бы помычать.

Я тряхнула Михаила Борисовича, и он издал продолжительное мычание.

— Слышали?

Заскрежетали открываемые замки, и в глаза мне ударил свет бра в прихожей. В дверях показалась невысокая и хрупкая молодая женщина с коротко подстриженными светлыми волосами, большеглазая, красивая. Её большие глаза, и без того полные тревоги, увидев меня с Михаилом Борисовичем на плечах, стали испуганными.

— Ой, Господи! Что с ним?

— Не волнуйтесь, с ним всё в порядке, — сказала я. — Он просто пьян в стельку. Разрешите занести?

Она бросилась ко мне:

— Ой, вам же тяжело! Давайте, я…

— Куда вам! — не позволила я, оценив физические данные хозяйки. — Я занесу, скажите только, куда положить.

— А вот сюда, на диванчик… — побежала она, показывая.

Я опустила мою бесчувственную ношу на большой светло-коричневый диван, мельком оценив обстановку. Квартира была хорошая, семья жила в достатке.

— Боже мой, как это… Как получилось, что он так?.. — растерянно спрашивала женщина, дрожащими руками стягивая с мужа обувь.

— Это вы у него потом узнаете, — ответила я. — Я только подобрала его на улице. Его ограбить хотели.

— Ограбить?.. Господи, его ещё и обобрали?

— Нет, к счастью, не успели. Проверьте, всё ли при нём.

Пока жена осматривала содержимое карманов мужа, я любовалась обстановкой. Большой телевизор, музыкальный центр, хорошая мебель. Всюду порядок и чистота. Уютное семейное гнёздышко. Ну, что этому чуваку ещё надо? Зачем

шататься по улицам в пьяном виде, когда дома такая семья?

Когда женщина открыла кошелёк, я сказала:

— Я взяла оттуда, чтобы заплатить за такси.

— Да, конечно, — растерянно пробормотала женщина.

На пол упала фотография девочки. Я подняла её и спросила:

— Как её зовут?

— Настюша.

— А можно на неё взглянуть?

— Она спит…

— Ничего, я тихонько. Я не разбужу.

Маленькая Настя была в точности такой, как на фотографии. Она спала в своей кровати, тихонько посапывая. Она пахла восхитительно. Нет на свете запаха лучше, чем запах здорового, ухоженного ребёнка.

Нет, не бойтесь. Я её не тронула. Я уже неплохо закусила двумя грабителями. К тому же, я дала зарок никогда, ни при каких обстоятельствах не трогать детей. Как бы сильно голодна я ни была.

Мы вышли из комнаты девочки, и женщина стала благодарить меня.

— Спасибо вам огромное за беспокойство… Даже не знаю, как вас отблагодарить… Может быть, вы хотите есть? Давайте, я вас хотя бы накормлю.

— Нет, спасибо, — улыбнулась я. — Я не голодна. Я недавно ела.

— Ну, может быть, хотя бы чаю? — гостеприимно предлагала женщина.

— Нет, нет, ничего не нужно, спасибо. Мне пора идти.

Она проводила меня до двери, продолжая благодарить. В прихожей я спросила:

— Как вас зовут?

— Оксана…

— Приятно было познакомиться, Оксана. Вашему мужу повезло.

Когда я вышла на улицу, уже начало светать. Почему Михаилу Борисовичу Серебрякову повезло? Во-первых, потому что я хотела есть — это спасло его от грабителей. Во-вторых, потому что в его крови был алкоголь — это спасло его от меня. А в-третьих, потому что у него была такая замечательная жена и очаровательная дочка. Это ни от чего его не спасло. Это — просто так.

3.5. Редкий цвет

Был тёплый майский вечер, во дворе цвела сирень, но мне

было не до красот весенней природы: у меня уже третий день болела спина между лопаток, не давая мне спать и не утихая даже после еды. Как я ни выгибалась, я не могла найти такого положения, чтобы облегчить боль. Эта напасть вконец меня измучила, когда вернулся Оскар.

— Прости, что так надолго тебя оставил, дорогая, — сказал он, склоняясь надо мной. — Вижу, ты без меня тут не пропала. Молодец.

— Кормлюсь потихоньку, — сказала я.

— Скромная какая, — сказал он. — А вот у меня другая информация. Ходят слухи, что ты просто свирепствуешь. Причём специализируешься на… Как бы это сказать? На плохих людях. И попутно совершаешь благородные поступки. Кажется, у нас появился новый герой. Маленький ночной чистильщик, освобождающий общество от всяких подонков. Это ты так успокаиваешь свою душу, совестливая ты наша?

Я промолчала. Разговаривать не хотелось: болела спина.

— А почему лежим? — нахмурился Оскар, присаживаясь рядом. — Что случилось? Ты плохо себя чувствуешь?

— У неё болит спина, — ответила за меня Аделаида. — Уже который день.

Оскар засиял улыбкой. Мне было непонятно, что он нашёл забавного в этом, а он, погладив меня между лопаток, сказал ласково:

— Детка, так это же крылышки просятся наружу. Ну-ка!

Он заставил меня встать на ноги и вдруг ударил меня в поясницу. За моей спиной раскинулись, топорща маховые перья, два огромных белых крыла, и Оскар с Аделаидой смотрели на меня с улыбкой.

— Подумать только: белые! — проговорил Оскар восхищённо и озадаченно.

— Это очень редкий цвет, дорогая, — сказала Аделаида.

— Редчайший, — согласился Оскар, поглаживая крылья пальцами и любуясь ими. — Я сразу почувствовал, когда увидел тебя, что ты необычная девочка, а теперь я в этом ещё прочнее убеждаюсь.

— Какие же они громоздкие, — сказала я. — Как вы их убираете?

— Это нетрудно, ты освоишь этот приём быстро.

Крылья могли исчезнуть по моему желанию, нужно было только сосредоточиться на их основаниях и приказать им исчезнуть. При этом они как бы втягивались в спину. Чтобы они появились, нужно было слегка напрячь плечи и приказать им появиться. Одежда не была для них помехой: появляясь и исчезая,

они как бы проходили сквозь неё, не повреждая её. Это была самая загадочная часть моего тела.

Крылья были очень красивы, и мне не терпелось научиться летать. Я чувствовала их, как руки или ноги, могла ими шевелить, но это была непривычная пара конечностей, как будто лишняя, и поначалу я не могла скоординировать их движения с движениями других конечностей. Сосредотачиваясь на махах крыльями, я не могла пользоваться руками, а если начинала двигать ими, то крылья скрючивались и переставали махать.

— Это похоже на то, как человек учится играть на пианино двумя руками, — сказал Оскар. — Это требует определённого навыка, но навык можно выработать тренировками.

Тренировки проходили на крыше высотного дома. Сначала я училась правильно махать крыльями, стоя на крыше, потом тренировалась совмещать движение крыльями с движениями других частей тела, например, рук. На то, чтобы этому научиться, у меня ушёл примерно месяц. Через месяц упорных тренировок я могла махать крыльями и одновременно выполнять такой сложный вид деятельности, как письмо. Только после этого Оскар разрешил мне попробовать полететь по-настоящему — разумеется, под его присмотром.

Стоя на парапете с раскрытыми крыльями, я долго не решалась полететь. Я сосредотачивалась, сосредотачивалась… пока Оскар просто не столкнул меня с крыши. Падая, я сначала машинально раскинула руки, но они мне мешали, и я, обхватив ими себя за плечи, изо всех сил замахала крыльями. Размах у них был немалый, и я моментально почувствовала, что моё падение не только остановилось, но и перешло в подъём. Я держалась в воздухе, рывками поднимаясь вверх, и внутри у меня всё ликовало: я летела!

— Я лечу! — завопила я. — Оскар, у меня получается!

— Славно! — похвалил он. — Давай в том же духе!

Он тоже взлетел и стал учить меня маневрировать. Я почувствовала, что мне не хватает воздуха, и задышала лёгкими. Полёт требовал затраты немалых сил, и после первой тренировки я жутко проголодалась.

3.6. География

Я учились летать почти всё лето, и настоящим летуном стала только к августу. Я освоила не только обычный полёт, но и сверхскоростной, что было гораздо сложнее. Не обходилось и без географии. Оскар заставлял меня учить наизусть географические карты материков и отдельных стран, закрепляя их полётами над реальной местностью.

В сентябре я держала экзамен по всему, что мы прошли. Оскар дал мне задание проложить маршрут через двадцать пять городов мира, то есть, облететь их, причём сделать это рационально, не перескакивая из Америки в Европу и обратно. По оценке Оскара, я сдала этот экзамен весьма неплохо, и это означало "превосходно". Стиль моего учителя был таков, что он не расточал похвал и не превозносил свою ученицу до небес, и хорошие успехи обозначались в его устах словами "ну, так себе", отличные — "неплохо", а просто блестящие результаты по его системе расценивались как "весьма неплохие". Такая сдержанная манера хвалить очень стимулировала добиваться всё более и более высоких результатов в надежде услышать из уст учителя хотя бы раз слово "отлично". Но такого слова он не произносил.

3.7. Документ

Аделаида развлекалась тем, что рисовала на больших листах бумаги акварельными красками осенние листья, вырезала их и расклеивала по стенам комнат. Она милостиво позволила мне помогать ей, доверив мне вырезать листья. Это нужно было делать чрезвычайно аккуратно, используя маленькие маникюрные ножницы, и дело оказалось очень кропотливым, но нравилось мне. За этим занятием нас и застал Оскар.

— О, какая красота! — похвалил он, окидывая взглядом стены гостиной, пестревшие нашим творчеством.

— Вам нравится? — спросила Аделаида, польщённая его похвалой.

— Очень, очень красиво, — сказал Оскар. — Вы прирождённый художник, Аделаида. Листья как настоящие.

Если бы бледные щёки Аделаиды могли окрашиваться румянцем, она бы зарделась.

— О… Ну что вы, — пролепетала она. — Мой талант весьма скромен.

— Однако, я пришёл с важным сообщением для нашей юной подопечной, — сказал Оскар, пронзая меня взглядом, от которого меня невольно пробрал по коже мороз.

Он подошёл ко мне, положил руку мне на плечо и негромко, но торжественно проговорил:

— Детка, ты удостаиваешься права подать прошение о принятии тебя в Орден Железного Когтя.

Его слова отозвались во мне лёгким содроганием. До сих пор я могла только строить догадки относительно этого Ордена, и единственный вывод, к которому я пришла к настоящему моменту, был таков, что Орден был некой тайной организацией хищников, чем-то вроде масонской ложи. Каждый уважающий

себя хищник должен был состоять в нём, и существование вне Ордена было сродни диссидентству. Разумеется, иного пути, кроме вступления в Орден, я для себя на данный момент не видела и втайне опасалась, что меня туда по каким-нибудь причинам не примут. Слова Оскара вызвали во мне массу чувств: волнение, страх, неуверенность, надежду, любопытство. Проницательно взглянув мне в глаза, он спросил:

— Волнуешься, детка?

Я лишь кивнула.

— Да, ты стоишь на очень важном рубеже, дорогая, — сказал Оскар. — До вступления в Орден ты, строго говоря, ещё не являешься одной из нас, а став его членом, ты по-настоящему вольёшься в наши ряды. Появление нового члена — большое событие для Ордена, весьма редкое, так как мы придерживаемся политики ограничения нашей численности. Нас не должно быть слишком много, иначе мы станем заметными. Итак, детка, настало время кое-что рассказать тебе об Ордене.

Аделаида, услышав слово "Орден", благоговейно опустилась на стул, прервав свою работу по созданию декорации из осенних листьев. Оскар, обняв меня за плечи, сказал:

— Орден — единственная наша организация, в которой мы существуем. Во главе его стоит Великий Магистр Ордена, имя которого я тебе назвать не имею права. Далее идут старшие магистры, их четыре, и я имею честь быть одним из них. Есть также младшие магистры, их число может колебаться, но не должно превышать тридцать два. Все остальные члены Ордена называются братьями и сёстрами. Великого Магистра рядовые члены Ордена не могут лицезреть, это дозволено только старшим магистрам. Они служат ему, и одной из их обязанностей является доставка пищи: Великий Магистр не охотится сам. Эту обязанность старшие магистры исполняют по очереди, каждый по одному году. В Ордене существует субординация, и любой брат или сестра должны уважать младших и старших магистров и подчиняться им. Младшие магистры подчинены старшим, а над старшими стоит только Великий Магистр. Правом обучения новых членов Ордена обладают только магистры, младшие и старшие. Если какой-либо брат или сестра выкажет выдающиеся способности, они могут быть повышены до звания младшего магистра, если только имеются вакансии: более тридцати двух младших магистров быть не должно. Старших магистров назначает Великий Магистр Ордена. Члены Ордена поддерживают друг друга, и если кто-либо из нас испытывает жизненные трудности, он может обратиться за помощью к своим собратьям, и она ему будет непременно оказана. В случае какого-

либо недоразумения или обиды дело разбирает совет старших магистров, а Великий Магистр вмешивается только в исключительных случаях. Ну вот, — улыбнулся Оскар, — в общих чертах я описал тебе структуру и порядки Ордена. Полагаю, будет излишним говорить тебе, что ни с одним существом, не являющимся членом Ордена, ты не должна говорить об Ордене — за исключением случая, если это существо является кандидатом в члены Ордена, как ты сама сейчас.

Оскар положил на стол какой-то свиток из грубой желтоватой бумаги, развернул его и подозвал меня. Я подошла к столу, и он знаком велел мне сесть.

— Это твоё прошение о принятии тебя в Орден, — сказал он. — Я взял на себя труд составить его за тебя, так как ты ещё не знаешь нашего Языка, который является официальным языком всех документов, а также служит средством общения между нами.

Лист был заполнен письменами, не имевшими ничего общего ни с латиницей, ни с кириллицей, ни с какими-либо другими алфавитами и более всего напоминавшими клинопись или руническое письмо. Текст не разделялся на абзацы, и невозможно было распознать даже начала и концы предложений.

— Я могу перевести, что здесь написано, если хочешь, — сказал Оскар, стоя у меня за спиной и держа руки на моих плечах. — Здесь говорится примерно следующее: "Ваше высокопревосходительство господин Великий Магистр, имени которого не имею чести и права знать! К Вам обращается безымянная с нижайшей просьбой принять её в ряды Ордена Железного Когтя, присвоить ей звание сестры и считать её Вашей преданной последовательницей. Также безымянная ходатайствует о даровании ей права, с позволения Вашего высокопревосходительства, приобщиться к знаниям Ордена в том объёме, какой будет ей дозволено получить по милости Вашего высокопревосходительства и при содействии её наставника". Ну, далее следуют формулы вежливости и полагающиеся в этом случае выражения.

— А что за "безымянная"? — спросила я. — Ведь это я?

— Да, дорогая, "безымянная" — это ты, — подтвердил Оскар.

— А почему я так себя называю?

— Потому что у тебя ещё нет орденского имени, а своим старым, человеческим именем ты уже не можешь пользоваться. При вступлении в Орден каждому даётся новое имя, состоящее из двух частей. Если вступающий в ряды Ордена — мужчина, то первая часть его имени мужская, а вторая — женская. Если женщина — наоборот. Меня, например, зовут Оскар Октавия. А твою достопочтенную квартирную хозяйку — Аделаида

Бенедиктус.

— А я думала, что её зовут Аделаида Венедиктовна, — сказала я.

— Это она у нас оригинальничает, — улыбнулся Оскар. — Переделала своё имя на человеческий манер, а это, надо сказать, не приветствуется.

Аделаида при этом смущённо потупила взгляд и как-то съёжилась, втянув голову в плечи.

— Да, да, не приветствуется, — повторил Оскар специально для неё. — И я бы попросил её впредь не коверкать своего имени, данного при посвящении в сёстры Ордена.

Аделаида, чрезвычайно смущённая, виновато забормотала извинения. Оскар величаво сделал примирительный жест рукой.

— Хорошо, хорошо… Ваши извинения приняты. Так на чём я остановился? Ах, да. Так вот, перед тобой лежит твоё прошение на имя Великого Магистра о принятии тебя в Орден. Его содержание я тебе сообщил, и ты должна поставить подпись под ним. Подпиши, и я расскажу тебе об обряде посвящения, который ты пройдёшь в случае положительного ответа на твоё прошение. Порядок обряда ты должна будешь знать наизусть, чтобы всё прошло без задоринки, ибо подсказок во время церемонии тебе никто давать не будет.

Оскар протянул мне остро заточенный гвоздик: я должна была поставить подпись кровью.

— А как подписываться? — спросила я. — Я ведь безымянная.

— Подпишись так, как делают неграмотные, — улыбнулся Оскар. — Просто нарисуй букву "X".

Таким вот оригинальным способом, весьма напоминавшим сделку с дьяволом, я подписалась под составленным Оскаром документом. Когда нарисованный кровью крестик подсох, Оскар свернул бумагу и перевязал её красной шёлковой ленточкой.

— Ну, вот и славно, — сказал он.

3.8. Обряд

— Теперь об обряде посвящения.

Я сидела за столом, а Оскар, заложив руки за спину, прохаживался вокруг него.

— Твоё прошение будет рассмотрено, и Великий Магистр вынесет резолюцию. Если прошение будет удовлетворено, ты получишь приглашение на церемонию посвящения. Сейчас я опишу её тебе лишь вкратце, а когда придёт приглашение, мы разберём обряд во всех деталях. Обязательным условием является вступительный дар Великому Магистру и собратьям по Ордену. Ты должна принести в жертву одного из членов твоей бывшей

человеческой семьи для использования его крови в обряде. К месту совершения обряда я доставлю тебя с завязанными глазами. При твоём посвящении будут присутствовать все младшие и старшие магистры, а также сам Великий Магистр, но он будет скрыт от твоих глаз. Также удостоятся чести участвовать в обряде несколько братьев и сестёр. Для обряда тебе нужно будет выучить несколько слов на нашем Языке. Тебе нужно будет выдержать два символических поединка — с одним из младших магистров и с одним из старших. Всерьёз драться не понадобится, но несколько боевых приёмов придётся освоить. Старший магистр слегка ранит тебя, но ты не бойся: это нужно лишь для того, чтобы добыть немого твоей крови для преподнесения Великому Магистру. Потом каждый из присутствующих срежет с твоей головы прядь волос, и эти волосы будут также переданы Великому Магистру вместе с кровью. На их основе он и сделает заключение о твоих способностях и о том объёме знаний, на получение которого ты можешь претендовать. Затем будет приношение вступительного дара — из твоей жертвы будет выпущена кровь и разлита по чашам, по количеству участников, и все отведают твоего дара. После этого будет во всеуслышание названо твоё новое имя, и тебе будет преподнесён Коготь, который ты будешь обязана носить на большом пальце правой руки. Ты принесёшь присягу на мече Великого Магистра, а потом примешь дар от собратьев — чашу с кровью, часть которой ты выпьешь, а остатками будут обрызганы твои крылья. На этом основная часть обряда будет закончена. За посвящением последует ночь с другом. По традиции ты сможешь выбрать любого из собратьев — не обязательно мужчину — и провести с ним остаток ночи. Вот пока и всё, что касается обряда. Ну, пока что тебе всё понятно?

Пока Оскар говорил всё это, расхаживая вокруг стола, у меня назревал один вопрос, и задать мне его было отчего-то очень страшно. Когда Оскар остановился и спросил, всё ли мне понятно, я несколько секунд собиралась с духом.

— Ну, детка, — подбодрил Оскар. — Ты хочешь что-то спросить, я вижу. Спрашивай.

Он оперся обеими руками о край стола, пристально глядя мне в глаза, а Аделаида сидела в уголке на стуле с таким видом, будто вспоминала о своём первом поцелуе. Я сказала:

— Я… В общем, насчёт вступительного дара. У меня нет семьи. Кого я должна принести в жертву?

Оскар улыбнулся, не сводя с меня гипнотического взгляда.

— У тебя осталась мачеха и её ребёнок. Ведь они тоже члены твоей семьи, не так ли? Малыша, я думаю, приносить в жертву не

стоит, в нём слишком мало крови, для обряда не хватит. Значит, остаётся мачеха. Я ответил на твой вопрос?

Я сглотнула пересохшим горлом.

— Да.

Оскар легонько похлопал меня по руке.

— Ну вот и прекрасно.

3.9. Подготовка

Не прошло и недели, как Оскар, улыбаясь, протянул мне ещё один свиток. Это было приглашение на обряд посвящения. Меня принимали в Орден.

Посвящение было назначено через две недели, и все дни были посвящены репетициям обряда. Оскар снова и снова проходил со мной мою роль, сам исполняя при этом все остальные роли. На бамбуковых мечах мы разучивали приёмы боя, а Аделаида наблюдала за всем этим как заворожённая, иногда бормоча и восклицая что-то по-французски. Я заучила несколько фраз на Языке, которые мне предстояло произнести; снова и снова, как попугай, я повторяла их за Оскаром, добиваясь правильного произношения и интонации, пока не натренировалась без запинки выговаривать всё до последнего звука. По звучанию Язык напоминал какое-то древнее кельтское наречие или их смесь, а может, в нём было что-то от венгерского или финского — не берусь сказать точно. Судя по тем немногим фразам, которые я заучила, создавалось впечатление, что лексика была взята из одного языка, а грамматика — из другого. Нужно было быть настоящим полиглотом, чтобы на слух определить, на какие человеческие языки был похож Язык.

За два дня до назначенной даты посвящения я отправилась за жертвой для вступительного дара.

3.10. Я не вернусь

Снова осень, снова жёлтые листья, и Алла с Денисом гуляли по аллеям парка, катя перед собой коляску с четырёхмесячной Кариной. Под ногами шуршало золото и медь, а вокруг было людно: в погожее осеннее воскресенье в парке было много гуляющих. На пальцах у Аллы и Дениса блестели обручальные кольца: они поженились месяц назад. Карина была дочерью Аллы от первого брака, но Денис полюбил девочку, как родную.

Гуляя в парке, они не знали, что за ними следят. Тот, кто за ними наблюдал, прибыл в город ночью и с той самой минуты не сводил с них глаз.

Когда они вернулись с прогулки, Денис поехал покупать новый смеситель в ванную: старый было давно пора менять. Он

отсутствовал дома всего пару часов, а когда вернулся, его встретила странная тишина.

— Ласточка, я дома! — крикнул Денис, разуваясь в прихожей.

Ему никто не ответил. Аллы нигде не было, а дверцы шкафа были распахнуты настежь, вещи валялись на полу.

На кухонном столе лежала записка:

"Дорогой Денис!

Прости меня, я вынуждена была уехать. Не ищи меня, я не вернусь. Я не могу тебе всего объяснить. Пожалуйста, позаботься о Кариночке. Я знаю, ты не бросишь её. Прощай.

Алла".

Ошеломлённый Денис сначала подумал, что это какая-то шутка. Он несколько раз перечитал записку, пока до него не дошёл смысл написанного. Алла уехала. Но как, зачем, почему? Через месяц после свадьбы? Но главное — она оставила ребёнка: маленькая Карина спала в своей кроватке. Какая же мать так сделает?

Денис попытался дозвониться до Аллы, но её телефон не отвечал. Рядом с запиской на столе лежал ещё какой-то конверт, на котором было написано: "Для Карины". В конверте была пачка денег. Денис снова набрал номер Аллы, но женский голос ответил, что абонент временно недоступен. Денис опустился на табуретку и обхватил голову руками. Если бы он не был так потрясён, он бы обратил внимание, что почерк на конверте отличался от почерка записки.

На тумбочке в прихожей лежал новый смеситель в упаковке.

3.11. Облачение

Когда мне развязали глаза, я осмотрелась: это было похоже на внутренние помещения древнего замка. Я находилась в небольшой комнате, сырой и угрюмый сумрак которой разгонялся оранжевым светом от двух пылающих жаровен с углями, а рядом со мной в комнате были две фигуры в длинных чёрных плащах с капюшонами. Не говоря ни слова, они раздели меня догола и подали мне церемониальное облачение: кожаные штаны, лёгкую кожаную обувь на плотной подошве с длинными лентами, обматывавшимися вокруг голени, тонкую льняную рубашку и кожаную куртку без рукавов, а также кольчугу и пояс.

Я надела штаны, и фигуры в плащах, встав на колени, обернули и завязали обмотки вокруг моих голеней до самых колен. Чистая льняная рубашка скользнула на моё тело, сверху на неё была надета куртка без рукавов, а на неё опустилась самая

настоящая стальная кольчуга из мелких чешуек. Тонкие девичьи руки фигуры в плаще застегнули на мне пояс. Из-под чёрного капюшона блеснули большие золотисто-карие глаза, а рука тихонько и быстро сжала мне пальцы. Я слегка вздрогнула.

3.12. Приветствие

В большом зале со сводчатым потолком, освещённом факелами на стенах и жаровнями, стояли, образуя два полукруга, двадцать восемь младших магистров в длинных серых плащах с капюшонами, под которыми тускло поблёскивали кольчуги и железные наголенники. Каждый из них был вооружён длинным кинжалом в сверкающих ножнах.

Два полукруга младших магистров начинались от ступенчатого возвышения в глубине зала, у стены. На этом возвышении стоял трон под балдахином, но на нём никто не сидел: между опорами балдахина на прочных лесках был подвешен острием вниз длинный двуручный меч с усыпанной драгоценными камнями рукояткой. Ни на его лезвии, отшлифованном до зеркального состояния, ни на богато изукрашенной алмазами и рубинами рукоятке не было и следа ржавчины: меч выглядел совершенно новым и грозно сиял, отражая блики света от жаровен, установленных по обе стороны от трона. Это был меч Великого Магистра.

На ступеньках, ведущих к трону, стояли четыре закованные в латы фигуры, в тёмно-красных плащах и шлемах с поднятыми забралами. Руками в латных рукавицах они опирались на очень длинные обнажённые мечи, а вокруг их шлемов клубились пышные султаны из перьев. Двое из них стояли слева от трона, двое — справа. Это были старшие магистры. Среди них я узнала Оскара.

Итак, я переступила порог зала, сделала шесть шагов и остановилась. Ни одна из фигур в серых плащах не подняла окапюшоненной головы и не взглянула в мою сторону, а холодные и тёмные глаза суровых латников возле трона были устремлены куда-то в пространство поверх моей головы. Я произнесла фразу на Языке, которая означала:

— Безымянная приветствует Великого Магистра Ордена и приносит своё почтение.

Ответом мне было полное молчание, только потрескивали жаровни и трепетали факелы, освещая каменную кладку древних стен. Выждав несколько секунд, я сказала вторую фразу, означавшую:

— Безымянная приветствует старших магистров Ордена и приносит своё почтение.

Снова молчание: ни шороха ноги, ни кашля, ни колыхания складки плаща. Двадцать восемь фигур в серых плащах неподвижно безмолвствовали, сжимая в бледных руках богатые ножны и рукоятки своих кинжалов. Я подождала и сказала:

— Безымянная приветствует младших магистров и приносит своё почтение.

Снова пауза, и я завершила приветствие словами:

— Безымянная приветствует братьев и сестёр и приносит свою дружбу и уважение.

Последние слова были обращены к группе из шести фигур в чёрных плащах, скромно стоявших почти у самой стены справа от меня, за спинами младших магистров. Как только они отзвучали, безмолвно и неподвижно слушавшие меня фигуры в плащах пришли в движение: они синхронно вынули свои кинжалы из ножен, отсалютовали ими и разом задвинули в ножны, а четыре латника отсалютовали мечами, подняв, опустив их и вернув в исходное положение. В ответ мне не было сказано ни слова, а в качестве приветствия мне прозвучал холодный лязг двадцати восьми клинков, одновременно вынутых и задвинутых в ножны. Теперь они обратили на меня свои взгляды. Смотрел на меня и облачённый в сверкающие доспехи Оскар — словно восставший из мёртвых рыцарь, убитый семь веков назад в неизвестной мне битве. Он не ободрял меня ни единым словом, ни единым взглядом, не подсказывал, что делать дальше: всё, что он мог сделать, он уже сделал, многократно отрепетировав со мной всю церемонию от начала до конца и исполняя сразу все роли. Теперь он исполнял только свою.

3.13. Два поединка

Я сдвинулась со своего места, на котором говорила слова приветствия, и вошла в центр пространства, ограниченного с обеих сторон рядами младших магистров в серых плащах. Фигура в чёрном плаще поднесла мне на чёрной бархатной подушечке кинжал — такой же, какими были вооружены младшие магистры, и я опять увидела блеск золотисто-карих глаз из-под капюшона. Другая фигура поднесла мне череп. Взяв в одну руку кинжал, а в другую череп, я закрыла глаза, и меня покрутили вокруг моей оси. Повернувшись несколько раз, я бросила череп, не открывая глаз. Когда костяной стук стих, я открыла их и увидела, что фигура в сером плаще, к чьим ногам подкатился череп, шагнула вперёд, откинула капюшон и обнажила кинжал. Это была бледноликая хищница с гладко зачёсанными и собранными в узел на затылке светлыми волосами. С ней мне предстояло сразиться.

Фигуры в чёрных плащах быстро, но без излишней

суетливости покинули центральное пространство, и начался мой поединок с младшим магистром — бледной блондинкой с голубыми тенями вокруг глаз и серыми губами. Он и правда был весьма символическим: мы проделывали отрепетированные движения, моя противница как будто старалась достать меня кинжалом, но ни разу не задела. Клинки ударялись друг о друга, производя весьма грозный лязг, но удары были несильными. Правда, под конец острие кинжала младшего магистра слегка оцарапало мне руку, но это был знак, что поединок окончен. Пока моя противница целовала меня в обе щеки, ко мне уже шла фигура в чёрном плаще с подушечкой в руках. Я положила на чёрный бархат свой кинжал и произнесла слова благодарности, обращаясь ко всем младшим магистрам.

Без промедления закутанный в чёрный плащ оруженосец с золотисто-карими блестящими глазами поднёс мне меч в ножнах, и я опять вздрогнула, ощутив пожатие маленькой руки. Настоящий меч был не то что бамбуковый: он был тяжёл и остр. Вынув его из ножен, я обратила свой взгляд на четверых латников, которые, широко расставив ноги и опираясь на свои мечи, смотрели на меня непроницаемо и холодно. Султаны из перьев возвышались над их шлемами, клинки сверкали; это были старшие магистры, матёрые хищники, все четверо — мужчины. Только Оскар был из них мне знаком, и на него я воззрилась с надеждой. Отсалютовав мечом всем четверым, я сказала заученную мной фразу:

— Безымянная смиренно просит оказать ей честь, скрестив с нею меч.

Латники переглянулись. Не обмолвившись и словом, трое кивнули Оскару, и тот сошёл со ступенек, воинственно приподнимая свой тяжёлый длинный меч. Его доспехи бряцали, султан колыхался, складки красного плаща струились; он как будто спрашивал меня: "Зачем ты потревожила мой семисотлетний посмертный покой? Зачем тебе понадобилось биться со мной? Ну, сейчас ты пожалеешь о том, что вызвала меня!"

Хоть я неоднократно репетировала этот бой с Оскаром, сейчас я отчего-то слегка растерялась. Репетировали-то мы в гостиной, сдвинув мебель к стенам, нашей единственной зрительницей была Аделаида, и всё было понарошку, а сейчас!.. Оскар, превратившись в восставшего из мёртвых рыцаря, был поистине устрашающим: он метал глазами ледяные молнии и размахивал длиннющим мечом, удары которого, даже наносимые вполсилы, были очень тяжелы — словом, он был великолепен и ужасен. Даже несмотря на то, что этот поединок, как и

предыдущий, был символическим, отражать удары настоящего меча другим настоящим мечом было непривычно и трудновато. Лязг стоял жуткий, а временами от ударов между клинками проскакивали искры. "У-у-ыхх!" — просвистел меч Оскара, и чуть выше локтя меня как будто огрели хлыстом. Я впервые после превращения увидела собственную кровь: она была не красная, а какая-то тёмно-бурая. Рукав рубашки мгновенно пропитался ею. Рана была пустяковая, но меня качнуло, и я была немедленно подхвачена двумя фигурами в чёрных плащах, одна из которых обеспокоенно блестела из-под капюшона золотисто-карими глазами. Оскар оборвал мой окровавленный рукав и передал одному из чёрных плащей, а проворные тонкие пальчики уже промокали мою рану тампоном. Они приложили к порезу марлевую салфетку и закрепили повязку пластырем. Я снова ощутила их быстрое и лёгкое пожатие.

3.14. Пострижение

Я встала на колени, окружённая серыми плащами. Мне вручили овальный бронзовый поднос, на котором лежал оторванный рукав с моей кровью, аккуратно свёрнутый. Я ощутила щипок за волосы: это Оскар, взяв пальцами маленькую прядку — буквально несколько волосков, — срезал её своим мечом. Волоски упали на поднос, который я держала. Следом за Оскаром то же самое сделали остальные три старших магистра, а потом и все младшие магистры. Один за другим они подходили ко мне, откидывали капюшон, срезали своим кинжалом несколько моих волосков и клали их на поднос. Некоторым я взглядывала в лица, некоторым — нет; среди них были и мужчины, и женщины, и все они имели несколько болезненный вид: бледные лица с серыми губами и тенями вокруг глаз. Наверно, и я так же выгляжу, подумала я.

Один из младших магистров, срезав и положив на поднос мои волоски, задержался возле меня немного дольше, чем остальные; я подняла взгляд и узнала Эйне. Её волосы, обычно растрёпанные, были в кои-то веки расчёсаны и забраны в пучок на затылке, под её серым плащом блестела кольчуга, а на ногах — железные наголенники. Она посмотрела мне в глаза долгим взглядом, убрала кинжал в ножны и отошла.

Моя шевелюра не слишком сильно пострадала от этой процедуры: на подносе скопилась совсем небольшая кучка волос. Последней срезала у меня волоски обладательница больших золотисто-карих глаз, и я увидела её без капюшона. Это было миловидное создание с чудесными волнистыми волосами цвета тёмного шоколада, бледным изящным личиком и маленьким ротиком, чуть подкрашенным розовой помадой. Ротик улыбнулся

мне, и я не удержалась от ответной улыбки.

Поднос взяли у меня и унесли незримо присутствовавшему при обряде Великому Магистру. И настал черёд вступительного дара.

3.15. Вступительный дар

Я отошла с центрального пространства зала, ряды младших магистров отодвинулись дальше к стенам, и откуда-то из-под пола послышался скрежет, как будто заработал какой-то механизм. Плитки пола начали подниматься и раздвигаться, и из открывшегося в полу отверстия поднялась прямоугольная чёрная каменная плита с углублением с одной стороны. В этом углублении находилась обнажённая женщина, прикованная к плите железными обручами, которые обхватывали её запястья, щиколотки и шею. Лицо женщины было закрыто железной маской без отверстий для глаз и рта, только для носа было проделано отверстие, чтобы жертва не задохнулась и раньше времени не умерла.

Женщина эта когда-то вышла замуж за моего отца после смерти мамы, и звали её Алла; впрочем, никому здесь не было дела до её имени. Она была только жертва, приносимая в качестве вступительного дара. Я не хочу сказать ничего плохого о ней в её смертный час; все её поступки были продиктованы либо её чувствами без контроля разума, либо недопониманием и заблуждением. Она повесила на меня ярлык наркоманки, потому что больше доверяла своим глазам, чем справкам; она не хотела, чтобы я жила вместе с ней и отцом, потому что боялась меня, думая, что я вскоре начну воровать из дома вещи и деньги, а потом и вовсе убью её и отца. Она повесила на меня ярлык убийцы, потому что увидела на мне кровь, но вы знаете, как эта кровь на меня попала; получив сообщение о моей смерти, она была этому рада, а от моего тела отказалась, и меня "хоронил" Оскар. Она сказала обо мне: "Собаке — собачья смерть". Она ненавидела меня, думая, что я наркоманка и отцеубийца, но я ей простила её заблуждение и её ненависть. Я отняла мать у моей маленькой сестрёнки, но я любыми способами обеспечу её; не думаю, что она когда-нибудь сможет принять любовь такого существа, как я, но нуждаться она не будет. Первый взнос я уже сделала.

Вокруг плиты с жертвой образовалось что-то вроде круглого каменного стола с чуть наклонной поверхностью, опускающейся вниз к краям. В этой поверхности были выдолблены желобки, один из которых был шире и глубже остальных, а другие были одинаковы. Они образовывали узор и заканчивались на краях

каменного жертвенника. Под каждый желобок была поставлена золотая чаша, а всего чаш было тридцать семь. Под самым большим желобком стояла самая глубокая и богато украшенная драгоценными камнями чаша — она предназначалась для Великого Магистра. Я сказала:

— Примите как мой вступительный дар эту кровь.

Внутри жертвенника сработал какой-то механизм, и железные крепления, которыми была прикована к плите жертва, врезались ей в тело. Из-под них заструилась кровь, и узор желобков на жертвеннике стал красным. Жертва не испытывала боли: она была погружена в транс. Струйки крови полились в чаши.

Вся кровь вытекла из тела, и чаши были разобраны. Больше всего досталось Великому Магистру, но на то он и был Великий, чтобы получать львиную долю; остальным же досталось по глотку, а из четырёх чаш, оставшихся лишними, кровь была слита в одну. Её, одну на всех, получили чёрные плащи — братья и сёстры. Передавая её друг другу, они отведали по глотку моего вступительного дара. Чаша Великого Магистра была унесена из зала, как и поднос с моими волосами и окровавленным рукавом.

3.16. Аврора Магнус

Опять со скрежетом заработал механизм, жертвенник ушёл под пол, и над ним снова образовалась ровная поверхность. В освещённом факелами и жаровнями зале стало тихо, как в склепе. Я подошла к трону и опустилась на колени, не доходя трёх шагов до первой ступеньки. Подвешенный на прозрачных лесках меч Великого Магистра как будто парил в воздухе, длинный, зеркально гладкий, и на поверхности его клинка плясали огненные блики. Рубины кроваво горели, алмазы искрились, и, если долго и пристально смотреть на меч, начинало казаться, будто он шевелится, хотя он висел неподвижно. В этой тишине я стояла, коленопреклонённая перед висящим мечом, и голос одного из старших магистров зычно воскликнул надо мной:

— Аврора Магнус!

Хор голосов подхватил и повторил трижды:

— Аврора Магнус! Аврора Магнус! Аврора Магнус!

Лёля умерла в марте, с восьмого по десятое, а существо, в которое она превратилась, жило без имени. Теперь оно его получило. Отныне меня звали Аврора Магнус.

— Встань, Аврора Магнус, и получи свой коготь, который ты будешь отныне носить на большом пальце правой руки. Это будет означать, что ты принадлежишь к Ордену.

Оскар протягивал мне маленькую чёрную шкатулку, в которой на алой бархатной подкладке блестело кольцо с когтем.

Другой старший магистр, взяв мою правую руку, надел мне коготь. После этого мне было позволено подняться по ступенькам к трону, приложиться губами к рукоятке меча Великого Магистра и произнести слова присяги.

Коснувшись губами меча, я вдруг увидела на троне старуху в роскошном чёрно-золотом платье, богато вышитом и украшенном драгоценностями, в чёрном плаще с алой подкладкой и длинными загнутыми когтями на сморщенных высохших руках. Лицо старухи было землисто-серым, с длинным крючковатым носом, а на туго обтянутом кожей лысом черепе блестел золотой обруч диадемы. Стоило мне оторвать губы от меча, как видение пропало.

Мне поднесли большую чашу крови со словами:

— Прими этот дар, сестра Аврора Магнус, от твоих собратьев по Ордену. Мы поздравляем тебя со вступлением в наши ряды.

Оскар стоял рядом и всё видел. Он увидел или понял, что я видела кого-то на троне. Он дотронулся до моего плеча и шепнул:

— Всё хорошо, девочка, ты умница.

Он на миг вышел из роли, и его ласковые слова очень меня ободрили. Я осушила чашу почти до дна, оставив в ней немного крови. Мои белые крылья раскинулись, и я встретилась взглядом с Эйне. Оскар опустил в чашу кропило, взмахнул им, и на белых перьях заалели брызги крови.

3.17. Дези

Кого же выбрать в друзья на эту ночь? И что я с этим другом должна делать? Всё это было мне в новинку, и я встала перед трудным выбором. Я ни с кем здесь не была знакома, кроме Оскара и Эйне, но Оскар был старший магистр и мой наставник, а Эйне я не решилась выбрать, потому что… Трудно сказать, почему. Между нами выросла какая-то стена недосказанности, недопонимания, и ни она, ни я почему-то не делала первый шаг.

И как-то само собой получилось, что я снова встретилась с взглядом золотисто-карих больших глаз и улыбнулась в ответ на улыбку подкрашенного розовой помадой ротика. Я подошла и протянула ей руку.

— Приветствую тебя, — сказала я. Это всё, что я пока что могла сказать на Языке.

Она, вся просияв, вложила в мою руку свою ладошку.

Луна сияла в небе над водопадом, внизу под крутым обрывом виднелись деревья в остатках золотого осеннего убора, потускневшего в ночном сумраке и окутанного туманной дымкой. Водопад, высокий, ступенчатый, казалось, сам излучал серебристый свет, а озарённая луной бурная горная река мчалась

по каменистому порожистому руслу. Неважно, где мы были, но здесь было очень красиво.

Её звали Дезидерата Альмарих — Дези для краткости. Её родной язык был французский — она родилась под Парижем, но неплохо говорила по-английски, и поскольку я ещё не овладела Языком, мы выбрали для общения английский. Дези призналась, что я понравилась ей с первого взгляда, и у неё "просто сердце в пятки ушло", когда я подошла к ней и взяла за руку. По её мнению, я дралась на мечах с Оскаром великолепно, а у неё "так никогда в жизни бы не получилось". Дези впервые была удостоена чести присутствовать на чьём-то посвящении, а её собственное было тридцать лет назад. Да, тридцать, а выглядела она лет на семнадцать. Ей столько и было, когда она стала хищницей, и теперь она была вечно семнадцатилетней.

— Не нужно тратиться на пластические операции, — пошутила она.

Дези попросила меня расправить крылья и долго ими любовалась с восхищением.

— Больше ни у кого из нас нет таких, — сказала она. — Я сама слышала, как один из старших сказал, что ты одна такая. С белыми крыльями.

— А что, это считается неприличным — иметь белые крылья? — полюбопытствовала я.

— Да нет, — пожала плечами Дези, проводя пальцем по моим перьям. — Крылья бывают разных цветов, но белый… Это ангельский цвет. И старший добавил, что скорее всего, ничего хорошего от этого не следует ждать.

— Гм, — усмехнулась я. А про себя, слегка приуныв, подумала: не успела я войти в общество хищников, как оказалась белой вороной. В прямом смысле.

Я рассказала немного о себе — насколько мне позволял мой английский. Мы сидели на краю обрыва, Дези любовалась луной и водопадом, а я не могла отвести глаз от водопада её волос, струившегося по спине. Она посмотрела на меня потемневшими, расширившимися глазами, приблизила лицо и прошептала:

— Ты хочешь меня? Давай. Я не против.

Я вздрогнула. Потрясающее сочетание молочной белизны её кожи с тёмным шоколадом волос так не вязалось с грубоватыми, прямолинейными словами, которые она сказала, что меня это покоробило. Может быть, виноват был английский язык, а по-французски это звучало бы совсем иначе, но как бы там ни было, предложение Дези меня слегка ошарашило. Она засмеялась:

— Да брось, расслабься. Здесь так красиво, мы с тобой вдвоём. Что ещё нужно?

С одной стороны, мне не хотелось её обидеть, а с другой — я чувствовала дикий диссонанс окружавшей нас красоты и низменного желания Дези. Этим она всё испортила. К тому же, я была сейчас как-то не очень к этому расположена. Дези, положив подбородок мне на плечо, спросила:

— Эй, ну, что с тобой? Мы друг другу нравимся — что же может быть естественнее?

Это как раз таки и не совсем естественно, хотела я сказать, но воздержалась. А Дези, вдруг резко сменив тему, сказала:

— Послушай, я что-то проголодалась. На посвящении от твоего дара мне достался всего глоточек, а в последний раз я ела дня два назад. Слетаем на охоту?

— Нет, я не голодна, — сказала я.

— Ну, ладно. Тогда подожди меня здесь, хорошо? Я постараюсь обернуться побыстрее. Ты не уйдёшь? — Дези значительно пожала мне пальцы.

— Подожду, — слабо улыбнулась я. — Мне и не хочется уходить: здесь хорошо.

— Ладно. Но если тебя здесь не будет, я тебя найду и исцарапаю. — Она так и сказала: "I'll scratch you all over". И поскребла коготками по земле — как Эйне по подоконнику и Оскар по корочке чёрной папки с бумагами.

Я осталась одна. Я отлепила повязку, чтобы взглянуть на рану, но никакой раны уже не было. Поразительно: не осталось даже шрама! Между тем луна сияла, водопад шумел, ветерок касался моего лба. Было бы неплохо просто посидеть здесь без Дези или кого-либо другого, но оказалось, что я была снова не одна.

— Ну и зачем ты её отшила? — послышался насмешливый голос.

Неподалёку стояла Эйне — уже без церемониальной кольчуги и плаща, в своей обычной потёртой кожаной паре. Ей было наплевать на луну и на водопад, и вообще на всё на свете. Она окончательно добила остатки поэтической меланхолии, которую навевало на меня это место.

— Ты пришла только затем, чтобы сказать мне это? — огрызнулась я.

Её губы тронуло что-то вроде горькой усмешки.

— Да нет… Вообще-то, я хотела поздравить тебя со вступлением в Орден, но раз уж так… — Она обвела взглядом пейзаж. — Славное место. Самое то, чтоб покувыркаться на травке. Не упускай свой шанс. Одиночкой быть не советую: взгляни на меня и поймёшь, почему. Желаю оторваться по полной.

Я отвернулась, а когда снова взглянула в сторону Эйне, её уже не было. Не знаю, зачем она напускала на себя презрительный вид и говорила холодно-язвительным тоном: в глазах у неё была затаённая горечь. Но отравить мне душу на весь остаток ночи у неё получилось, и когда вернулась Дези, я была в ещё худшем настроении, чем до её отлучки. Видно было, что Дези удачно поохотилась: у неё ещё не погасли в глазах красные искорки. Просто не верилось, что это хорошенькое создание было хищником. Но это было так.

— Ну, как ты тут? — спросила она, усаживаясь на своё прежнее место. — Скучала?

— Угу, — отозвалась я.

В общем, ничего "такого" у нас в эту ночь не случилось. Мы просто любовались красотой ночного мира и болтали обо всём подряд, точнее, Дези трещала без умолку, а я слушала. В основном она в красках расписывала мне свои приключения, коих на её жизнь выпало немало. Она обожала охотиться, а потому со смаком уснащала свой рассказ кровавыми подробностями, от которых ёкало моё медленно бьющееся сердце. В какой-то момент мне показалось, что Дези специально проверяет мою реакцию: пару раз её глаза прищуривались, и из обрамления длинных ресниц в меня впивались холодные и очень острые искорки. Впрочем, я не придала этому большого значения. И, как выяснилось позже, напрасно.

3.18. Проникновение в сердце теней

Самым главным искусством, которым я должна была овладеть, было искусство проникновения в сердце теней — так условно называлось умение тонко чувствовать то, что обычные люди чувствовать не могут. Можете вы, например, узнать, о чём думает проходящий мимо вас по улице совершенно незнакомый человек, только бросив на него краткий взгляд? Или прочесть в его сердце все его привязанности? Отыскать его родственников? Определить на расстоянии, чем он болен? А можете вы одним взглядом забрать у него сознание и подчинить его волю себе? Под силу ли вам оставаться невидимым, находясь в двух шагах от этого человека на открытом пространстве?

Если вы умеете всё это, это значит, что вы владеете искусством проникновения в сердце теней — странное название у этого искусства, но так уж оно названо, и менять его название я не стану.

Вот чему я училась под руководством Оскара в течение последующих двух лет. Как ни был Оскар сдержан на похвалу, но он всё же признал, что у меня выдающиеся способности: я всё

схватывала на лету и училась всему гораздо быстрее, чем все его предыдущие ученики. Говоря об этом, он смотрел на меня как-то задумчиво, как бы удивляясь мне, и всё чаще он говорил со мной не в снисходительно-фамильярном и чуть насмешливом тоне, какой он взял со мной с самого начала, а даже с неким уважением.

Освоив обязательную программу, я держала экзамен, длившийся два месяца. Я сдавала все дисциплины, входившие в так называемое искусство проникновения в сердце теней, которых насчитывалось двадцать пять. Поверьте, никогда в моей жизни не было такой охренительной сессии — простите за грубоватое словечко, но другого у меня просто не находится. Да и сам курс обучения был потяжелее, чем спартанское воспитание. Оскар был требовательным учителем, не давал мне никаких поблажек и не позволял расслабляться, и после сдачи экзаменов я чувствовала себя как выжатый лимон. Он и сам выкладывался по полной программе, и я не могла не видеть, что он отдаёт мне почти все свои силы и время. За такое его отношение я не могла платить ничем другим, кроме прилежания и полной самоотдачи.

3.19. Дочь моего отца

Опуская в почтовый ящик очередной конверт, подписанный "Для Карины", я не думала, что деньгами можно искупить то, что я сделала. Но моей сестрёнке было уже два с половиной года, и она росла не по дням, а по часам. Ей нужна была одежда, игрушки, питание, а Денис растил ребёнка один. Его положение было странным: не вдовец и не разведённый. Его брак не был расторгнут, а жена пропала без вести, и от неё не было ни слуху ни духу. Только конверты с деньгами без подписи и обратного адреса непонятным образом оказывались в почтовом ящике.

Когда он уходил на работу, с Кариной оставалась няня. Иногда, когда они гуляли в парке, я наблюдала из-за дерева за маленькой фигуркой в розовой курточке и красной шапочке с помпоном. Вот она подняла с земли смятую пачку из-под сигарет, а няня — шлёп её по ручке:

— Фу! Брось! Ка-ка!

А она недоуменно таращит глазёнки, не понимая: почему "ка-ка"? Вот шлёпнулась и заревела, мокрое личико — как помидор. Дочь моего отца, моя кровинка.

И любого, кто тронет её хоть пальцем, я разорву на куски.

— Глава 4. Юля

4.1. Тусовка

С Эйне я теперь встречалась редко, и эти редкие встречи были странными. И я, и она, казалось, говорили друг другу совсем не то, что хотели сказать — во всяком случае, я. Первой грубить начинала она, я тоже не оставалась в долгу, и на том мы расставались, но после этого мне ещё долго бывало не по себе. Так мы с ней и существовали — по разные стороны какой-то прозрачной стены.

Я по-прежнему жила у Аделаиды, и это была весьма уединённая жизнь, пока меня не разыскала Дезидерата: она, как видно, меня не позабыла. Первая наша встреча была вполне дружеской, мы поохотились вместе, а потом она затащила меня в клуб. Это был закрытый клуб исключительно для хищников; он ничем не отличался от обыкновенного ночного клуба, кроме одного: единственным напитком, который там подавался, была кровь. Там можно было потанцевать, угоститься кровью, расслабиться, покурить травки и с кем-нибудь познакомиться. Было там и стриптиз-шоу — по пятницам, а раз в месяц там устраивалась кровавая оргия с участием людей.

Ничего более безумного, дикого и кровопролитного я в своей жизни не видела. Несчастных жертв заманивали в клуб в качестве гостей, и поначалу они, не подозревая, что их ждёт, танцевали и веселились вместе с хищниками, а потом на них набрасывались и высасывали досуха. Дези была завсегдатаем клуба, и любимым её развлечением были именно эти оргии. Она с нетерпением их ждала и ни одной не пропускала, а мне этот аттракцион пришёлся не по нутру с первого раза. Потрястись под тяжёлую техно-музыку, выкурить косячок, поболтать, завести новые знакомства — это ещё куда ни шло, но терзать бедных беззащитных жертв вместе с толпой озверелых хищников меня невозможно было заставить.

— Неужели тебе это нравится? — спросила я Дезидерату.

— Жесть! — ответила она. — Только тогда и чувствуешь себя хищником.

— А по-моему, все становятся похожими на стаю взбесившихся гиен, — сказала я. — Просто животных.

Она усмехнулась.

— Выплесни из себя животную страсть во время такой веселухи, и это поможет тебе не быть животным всё остальное время. Выпусти пар, от которого тебя распирает!

— Мне это не нужно, — сказала я. — Меня не распирает

никакой пар и никакая животная страсть. Больше не приглашай меня на эти оргии, я в них участвовать не хочу. Мне это не нравится.

— Может, тебе и в клубе не нравится? — хмыкнула она, прищурившись и поглядев на меня с каким-то подозрением.

— Нет, в клубе приятно проводить время, — сказала я. — Раз-другой в неделю потанцевать, послушать новый музон, потусоваться — это неплохо. Но эти оргии… Это слишком.

4.2. Крыши Питера

Я увидела Эйне глубокой ночью на Невском проспекте. Одетая в чёрную кожаную пару, в ботфортах на высоких каблуках, она шла за ручку с какой-то девушкой в белой курточке и голубых джинсах.

С замиранием сердца я следовала за ними. Они гуляли по городу, и разведённые мосты не были для них преградой: она взмывала тёмным ангелом в небо с молодой незнакомкой на руках.

Они летали по крышам, и девушка прыгала с них вниз, а она её ловила. Они перелетали с крыши на крышу, и девушка смеялась.

4.3. Твоих оград узор чугунный

Я брела мимо чугунной ограды. Холодная грязная Нева, уже освободившаяся ото льда, поблёскивала: фонари. Она летала где-то с Юлей, где-то над Финским заливом, и Юлина щека прижималась к её щеке, её руки обнимали её, и блеском Юлиных волос она любовалась в лунном свете.

Чугунная ограда медленно плыла мимо.

Неоновая надпись ночного клуба звёздчато подмигивала. С улыбкой пройдя мимо охранника, я подмигнула ему, а он смотрел мне вслед остекленевшими глазами.

Бухающий ритм долбил по черепу. Цветомузыка надрывала глаза. У стойки бара на табурете сидел молодой человек в пёстрой рубашке, с причёской "под Элвиса", с бакенбардами. Он жевал жвачку, курил и как будто скучал. К нему подсела девчонка со стеклянными глазами. Они обменялись парой незначащих фраз, но незначащими они казались только для посторонних. Девчонка опустила руку вниз, а спустя секунду и "Элвис" сделал то же самое. Со стороны — ничего особенного. Через полминуты девчонка соскользнула с табурета и скрылась в танцующей толпе.

Подожди, Элвис, тобой я ещё займусь, а сначала — девочка.

Она открыла дверцу кабинки в туалете, а там её уже ждала я, сидя на краю сливного бачка и поставив ногу в чёрном сапоге на

ободок унитаза. Она испуганно отшатнулась.

— Ой, извините… Я не знала, что тут занято.

Обтянутая чёрной перчаткой ладонь:

— Отдай мне то, что ты купила у этого парня. — Спокойно, мягко, но властно, глядя в её накрашенные кукольные глаза. — Детка, твои мама и папа не для того горбатятся на работе, чтобы ты спускала их деньги на эту гадость.

Она положила мне на ладонь спичечный коробок.

— Молодец, девочка. — Я высыпала содержимое коробка в унитаз и спустил воду. — А теперь домой, детка. Домой, и больше в этот клуб не ходи. — Достала из заднего кармана облегающих чёрных брюк деньги и положила в её всё ещё выставленную вперёд руку. — Вот, возьми, на такси. Уже поздно. Иди.

Она повиновалась, а я проследила, чтобы она действительно села в такси и уехала. Она сделала, как ей было сказано, и я вернулась в клуб.

"Элвис" сидел на своём месте, покуривая и потягивая пиво. Я подсела на тот же табурет, куда садилась девчонка, но он на меня и не взглянул. Он ждал условной фразы, но я сказала не то, чего он ожидал услышать.

— Молодой человек, не угостите девушку?

Кроваво-красная помада и горящие глаза сразу привели его в состояние транса.

— Что девушка желает?

— Литр твоей крови.

Он захохотал и, оценив мои сексуально обтянутые чёрными брюками ноги, предложил:

— А может, сразу дунем?

Я улыбнулась.

— Это можно.

Моя рука влекла его на задворки клуба, и он покорно плёлся, не сводя взгляда с моих туго обтянутых брюками бёдер. А в следующую секунду он увидел меня уже с крыльями, и мы взлетели на крышу.

— Больше, гад, ты не будешь травить детей.

Моя пасть впилась в его шею, и он угостил меня тем, что я у него попросила — литром своей крови. Конечно, на его место придёт другой, но одним подонком стало меньше. Глянув вниз, в тёмный двор, на стоячие и поваленные мусорные баки, я увидела, что туда уже подтянулась свора шакалов, выжидательно задрав головы, мерцая холодными жёлтыми глазами и роняя из зловонных пастей голодную слюну.

— Нате, жрите!

И я швырнула тело вниз, и оно утонуло в черноте их спин.

Снова чугунная ограда плыла мимо меня. Я села и прислонилась к ней спиной. Я устала. Ну, что ж, на сегодня хватит. А завтра я пойду к тебе, Юля. У меня есть к тебе разговор.

4.4. Визит

Она попрощалась с ней в пустом сквере, и Юля пошла к себе домой, а она — в своё логово, отдыхать. Они натешились, летая по крышам, а ещё они посетили Париж. Я проскользнула следом за Юлей в подъезд, просочилась в её квартиру. Она устало сбросила ботинки, сняла и повесила куртку — так же устало, как я, когда приходила домой после встреч с Эйне. Когда она включила свет в комнате, я уже ждала её, сидя в кресле. Она испуганно вскрикнула и попятилась к двери.

— Не пугайся, Юленька. Меня зовут Аврора. Я старая знакомая Эйне, с которой ты только что рассталась… Понравился тебе Париж? Хотя зачем я спрашиваю — конечно, понравился. Я тоже там бывала не раз.

Мне не хотелось на неё давить, она была такая милая. Она была всего лишь глупая девочка, ни в чём не виноватая.

— Как вы… Как вы сюда попали? — пробормотала она.

— Это сейчас не главный вопрос. — Я закурила. — У тебя можно курить?

Она ничего не сказала, не сводя с меня недоумевающего и испуганного взгляда. Она поняла, что я такая же, как Эйне.

— А где твои родители, Юленька? А, уехали по делам, конечно. Они у тебя предприниматели, все в делах, часто оставляют тебя одну… Значит, ты сейчас предоставлена сама себе и пользуешься полной свободой. Хорошо же ты проводишь время.

— Что вам нужно? — тихо спросила она.

— Мне не нужно от тебя ничего особенного, Юля. Просто посмотреть на тебя, поговорить с тобой… Вот и всё. И бояться меня не надо. Расслабься.

Хотя я нисколько не давила на неё, у неё всё-таки дрожали колени. Я сказала:

— Юленька, ты присядь и не волнуйся. Мы только немножко поговорим, и я уйду.

Она села на диван — подальше от меня. Я включила настенный светильник, а верхний свет выключила.

— Я не люблю яркий электрический свет, — сказала я. — Если ты не возражаешь, оставим приглушённое освещение.

Она смотрела на меня, как кролик на удава. Мне было и смешно, и жалко её, хотелось её успокоить, и я сделала к ней движение, но она подалась назад и вжалась в спинку дивана.

— Юль, я же тебе сказала — не надо бояться. Хорошо, если тебе так будет спокойнее, я останусь сидеть там, где сижу. Тебе нравится общаться с Эйне?

— С ней… необычно, — сказала она.

— И тебя это завораживает, — кивнула я. — Понимаю. Она уже угощала тебя кровью?

— Я… Я не могу есть нормальную еду, — ответила она. — Всё кажется таким мерзким… Я уже становлюсь такой, как она.

— Нет, Юля, ты нормальный человек, — сказала я. — А эти извращения аппетита — из-за поцелуя. Она ещё не сделала тебя подобной себе, только дала тебе почувствовать, каково это — жаждать крови. Это — временный эффект, вызываемый попадением её слюны в твой организм. Это пройдёт. Или, может быть, ты хочешь стать такой?

Она пожала плечами.

— Ну… Это было бы прикольно.

— Нет, Юля! Нет, это совсем не прикольно.

Я повысила голос, и она вздрогнула. Я сказала мягче:

— Впрочем, это тебе решать. Расскажи, как ты в первый раз отведала крови? Тебе это понравилось?

Она ответила:

— Кровь вкусная… Мы пошли с ней на улицу, она велела мне ждать, а сама ушла куда-то. А потом… Минут через десять она вернулась с пластиковой бутылкой, полной тёплой крови. И мы её выпили напополам.

— Значит, ты никогда не видела, как она убивает? — спросила я.

— Нет… Я об этом не задумывалась, — пробормотала она.

— Детка, неужели ты не думала о том, что вот эта кровь, которой она тебя угощает — из только что убитого ею человека?

— Я… Я об этом не думала. Я никогда не видела, чтобы она кого-нибудь убивала.

— Понятно. Она не делает этого у тебя на глазах, потому что это малоприятное зрелище. Что ж, Юленька… Видно, мне придётся показать тебе наглядно, как это делается. Чтобы у тебя не оставалось никаких иллюзий. Пойдём.

Я встала и протянула ей руку. Она смотрела на меня непонимающе.

— Куда?

— На охоту, — ответила я.

4.5. Прикольно

И я показала ей настоящую охоту. В воспитательных целях я даже сделала её преувеличенно кровавой и жесткой, но мне опять

попался подонок.

Он грабил круглосуточный ларёк, угрожая продавщице пистолетом. Я подошла сзади и похлопала его по плечу. Обернувшись, он сразу попал в плен моих глаз и опустил своё оружие. Я отвела его подальше от ларька и расправилась с ним, а Юля смотрела на это. Я не столько выпила его крови, сколько выпустила из него, чтобы припугнуть Юлю как следует. Бросив тело на асфальт, в лужу крови, я подошла к ней.

— Ну, видела? А теперь смотри, что будет.

Она и так еле держалась на ногах от дурноты, а когда увидела, как шакалы рвут тело на части, жадно пожирают его и слизывают пролившуюся кровь, у неё закатились глаза и подкосились колени. Я успела подхватить её.

Она очнулась у меня на руках: я несла её домой.

— Куда… Куда вы меня…

— Домой, успокойся.

— Я сама… Я сама могу идти. Отпустите…

Я поставила её на ноги, но она опять зашаталась. Пришлось нести её до самого дома, причём для экономии времени я использовала крылья.

Опустив её на диван, я поднесла ей стакан воды. Она сделала глоток, поморщилась, но потом выпила до конца. Я дала ей плитку гематогена, которая была у меня с собой: я иногда ела его вместо шоколада, когда мне хотелось сладкого.

— Съешь. Поможет.

Она ела, дрожа и всхлипывая, и я, не удержавшись, погладила её по голове, как маленькую. Она вздрогнула и вжала голову в плечи.

— Да, правильно, бойся, — сказала я. — Бойся таких, как мы, и не стремись стать такой же.

Она хотела знать:

— Эти существа… С жёлтыми глазами?..

— Падальщики, — объяснила я. — Мы их называем шакалами. Чёрт знает, когда и как эта нечисть появилась. По нашим легендам, она выползла и распространилась по земле с появлением самих хищников — так давно, что уже никто не помнит, а в вампирских летописях этому уделено мало внимания. Природа их неясна. Появляясь и исчезая, как бесплотные призраки, они, тем не менее, пожирают плоть. Вне всякого сомнения, они — одно из порождений Тьмы, коих великое множество, и всё многообразие которых даже нам не дано познать. Они даны нам в вечные спутники нашей охоты, и выгода от них для нас неоспорима. Они убирают за нами следы нашей деятельности: если бы не они, повсюду бы стали обнаруживать

трупы со следами укусов… — Я усмехнулась, видя в глазах девушки отражение мистического ужаса. — И наше существование, принимаемое людьми за сказки и легенды, стало бы реальностью.

— Это ужасно, — пробормотала Юля.

— Ну вот, а ты говоришь — "прикольно". Конечно, этот человек был подонком, но и подонки тоже люди, хотя и скверные… А человекоубийство — грех, ты сама знаешь. Кажется, есть одна заповедь касательно этого, не помню точно, как звучит…

— Не убий.

— Вот-вот. А если ты станешь такой, как она… И как я, ты будешь вынуждена нарушать её каждую ночь. Вдумайся: каждую ночь ты будешь убивать, потому что не сможешь иначе. Потому что ты будешь голодна, а твой голод сможет утолять только кровь. И ты хочешь выбрать такое существование?

Она подняла взгляд.

— А вы? Как вы стали такой?

4.6. Вид сверху

Рассвет уже позолотил шпиль Адмиралтейства, когда я закончила свой рассказ. Юля поёживалась, обхватив руками колени, и обводила взглядом крыши.

— Ты замёрзла? Может, спустимся?

Она качнула головой.

— Мне нравится здесь, наверху… Отсюда всё смотрится по-другому. Нет насилия, нет глупости и предательства. Нет равнодушия и продажности. Люди остаются там, внизу, а мы — над ними. Мы выше их.

Я тихонько заправила ей за ухо прядку её каштановых волос.

— Когда же ты успела набраться такой мизантропии?

Она зябко вздрогнула и повела плечом. Я почувствовала: мужчина надругался над ней. Она кричала, ей было больно и противно, но он зажимал ей рот и делал своё дело. И этот мужчина был её собственный отчим. Приблизив губы к её уху, я спросила:

— Мама об этом знает?

Она вздрогнула и посмотрела на меня несчастными, испуганными глазами.

— Она мне не поверила, — ответила она. — Она сказала, что я просто хочу оговорить его. А он сделал это ещё раз. А потом ещё. А потом я забеременела. Он поместил меня в больницу, где мне сделали аборт. Он был неудачным… Теперь у меня не может быть детей. Как бы мне хотелось, чтобы его самого

стерилизовали!

— Думаю, это можно устроить, — сказала я.

Она вздрогнула.

— Что?

— Да ничего, так. Мысли вслух. Пошли домой, здесь холодно. Ты вся дрожишь.

Её веки, дрогнув, опустились.

— Иногда мне хочется заснуть… замёрзнуть, чтобы не проснуться.

4.7. Утро в Ганновере

Гостиница в Ганновере, шестнадцатый этаж, балкон. Жёлтый рассвет. Город просыпается. Я сижу на перилах, как на насесте, еле держась подошвами моих сапог на высоких каблуках на узкой перекладине. В номере спят муж и жена, их широкая роскошная кровать с резным изголовьем видна мне через балконную дверь. Их отделяет от меня непробиваемый пластик, прозрачный, как стекло, и прочный, как металл. Но для меня нет неоткрываемых дверей.

Я неслышно ступаю по мягкому ковру, останавливаюсь перед кроватью и смотрю на спящих: отчима, изнасиловавшего свою падчерицу, и мать, отвернувшуюся от своей дочери — по сути, предавшую её. Закрывшую глаза на её беду.

Я беру со стола нож для вскрытия конвертов и откидываю одеяло с постели.

4.8. Кофе в пять утра

Кухонные часы тикали: пять утра. Юля, зябко ссутулившись, пила кофе и курила. Она постоянно поёживалась, как будто ей было всегда холодно.

— Они ещё не вернулись? — спросила я.

Она поставила чашку.

— Не знаю, когда они вернутся. Маму держат в тюрьме… Отчим в больнице.

Я спросила как ни в чём не бывало:

— А что случилось?

Юля поморщилась.

— Ужас какой-то… Мама… она его искалечила. Отрезала ему… ну… то самое. Ножом для бумаг.

— Да, ужас, — согласилась я. — Очень жестоко. Но в этом есть какая-то справедливость.

Она посмотрела на меня.

— Ты имеешь к этому какое-то отношение?

Я спокойно закурила.

— С чего ты взяла? Просто, наверно, у твоей мамы проснулась совесть.

Она потянулась к сигаретам, закурила новую. Я спросила:

— Эйне к тебе приходила?

— Не появлялась уже неделю… Я снова могу есть по-человечески. Я ела гематоген и переломалась.

Я погладила её по голове.

— Молодец.

— Спасибо, что подсказала мне насчёт него, — сказала она. — Я съела, наверно, плиток тридцать.

Над городом желтел рассвет. Я вздохнула.

— Если бы мне в своё время кто-то это подсказал, то, возможно, в моей жизни всё повернулось бы по-другому.

4.9. Раз, два, три, четыре, пять

— Раз, два, три, четыре, пять! — считал звонкий голосок.

Денис вёл Карину домой из детского сада, и они считали ступеньки. Я сидела на подоконнике на лестничной площадке, и Денис глянул на меня. Он не знал, кто я такая.

— Подожди-ка, солнышко, — сказал он Карине, заглядывая в почтовый ящик. — Там, кажется, что-то есть для нас…

Он достал конверт с надписью "Для Карины". Я сделала вид, что смотрю в окно.

Конверт лежал в кармане Дениса. Он снова взял Карину за ручку.

— Ну-ка, а этих ступенек сколько?

И детский голосок снова зазвенел:

— Раз, два, три, четыре, пять!..

4.10. Кусочек лета

Эйне снова появилась. Она приходила к Юле по ночам, и Юля продолжала с ней встречаться. А днём к ней приходила я.

Я брала её, закутанную в одеяло, на руки, и мы летели куда-нибудь. Юля просила, чтобы это были какие-нибудь тёплые края, и я выполняла её желание. Я выбирала пустынные острова в океане, с пальмами и песчаными пляжами, и мы лежали на тёплом песке, у лазурной кромки воды. Юля спала в тени моих крыльев, а, выспавшись, загорала и купалась.

— Мои знакомые удивляются, откуда у меня такой тропический загар в это время года, — говорила она мне.

Был май, но весна не спешила баловать Питер теплом и хорошей погодой. Небо хмурилось, дули пронзительные ветра, Финский залив был холоден и мрачен. Часто перепадали дожди.

— Что-то лето никак не настаёт, — вздыхала Юля. И,

улыбаясь, добавляла: — Но у меня есть собственное лето. Это ты. Ты — моё лето и моё солнце.

Шелестел лазурный прибой, и она выходила из океана, бредя стройными ногами в кипенной пене, на её загорелых плечах блестели капельки воды и, высыхая, искрились кристалликами соли. Мы брели по девственным тропическим зарослям внутрь островка, где из скалы бил пресный родник, наполняя небольшой естественный бассейн, выдолбленный водой в каменистой породе. Юля подставляла голову и плечи под светлые струи, вскрикивала от холода и смеялась, плескалась в бассейне, брызгая на меня водой.

Потом, пока она обсыхала на солнце, я рвала для неё диковинные тропические цветы, она плела из них венки и танцевала что-то гавайское под шум прибоя, и ветерок играл складками её красного цветастого парео, завязанного низко на бёдрах. Ближе к вечеру мы летели домой.

— Так не хочется возвращаться в Питер, — с сожалением вздыхала Юля. — Так и жила бы здесь вечно.

Каждый день мы урывали кусочек лета в пальмовом раю.

4.11. Новый проект

Эйне стояла на краю обрыва, глядя в морскую даль. При моём приближении она немного отступила от края, не сводя с меня напряжённого взгляда. Признаться, когда я её увидела, у меня немного ёкнуло сердце, но я не показала виду.

Волны лизали скалы, слышался крик чаек, а мы смотрели друг на друга, сидя на камнях. Я тонула в чёрной бездне её глаз, временами отливавшей то лазурной синевой, то изумрудной зеленью. Мне казалось, что в моём сердце всё воскресает — твоя щека к моей щеке, твои волосы в лунном свете, твой голос в песне ветра.

Она помолчала, слушая прибой.

— Оставь её, — проговорила она. — Она моя.

— Если ты хочешь сделать её такой, как мы, я не позволю тебе, — сказала я.

— Может быть, она сама решит? — усмехнулась она.

— О да, мне ты тоже предоставила право решать самой, — сказала я. — И в итоге всё решили за меня.

— У неё тоже есть задатки, — сказала Эйне. — Она не такая, как они.

"Они" — люди. Жертвы.

— Ею ты пытаешься заменить меня? — спросила я. — Тебе нужен новый проект?

— Пусть она достанется победителю.

На камни со звоном упал, зеркально блестя, узкий изогнутый кусок железа. У него была рукоятка и круглая гарда, и заточен он был только с одной стороны. Точно такой же кусок железа — оружие страны восходящего солнца — блестел в руке у Эйне, угрожающе направленный на меня.

— Не валяй дурака, — сказала я. — Мы не в средних веках.

Но первый же удар доказал мне, что всё это вполне серьёзно. Я едва успела схватить лежавшую на камнях катану, мысленно надеть на себя жёлтый спортивный костюм и представить, что я Ума Турман — иного выхода у меня не было. В багровом свете зари мы дрались за Юлю огненными клинками, и мне, разучившей с Оскаром всего несколько приёмов, приходилось непросто. Эйне тоже не была великим мастером, но для меня она оказалась серьёзным противником, потому что вкладывала в каждый удар всю свою силу и ярость. Это было уже не понарошку. Её глаза багрово горели, железо ударялось о железо, резало плоть и проливало кровь — её и мою, обогащая узор лишайников на камнях новыми красками. Бой был недолгим; катана вылетела из моей руки, а мои рёбра ударились о камни. Победительница, поставив сапог мне на грудь, щекотала моё горло острием меча.

— Не дёргайся, а то можешь потерять голову.

Она победила, но наша с нею кровь смешалась на камнях. На том месте, где её грудь пронзил железный прут от перил крыльца, по-прежнему чернела ленточка. Вонзив свою катану в землю, она рассекла крыльями восход.

4.12. Высоко-высоко в горах

Моё знакомство с Эльзой началось с поединка. Я искала, где бы устроить себе дом, и бродила, летала в горах. Я искала уступ или пещеру, удобную для того, чтобы расположиться лёжа, как вдруг на меня с клёкотом напала орлица. Я от неожиданности чуть не упала, но успела увернуться от её когтей, но птица, сделав круг, снова летела на меня.

И тогда я сама раскинула крылья. Мы были очень высоко, там, куда не ступала нога человека, куда не забредали даже боевики. Здесь не было троп, но мне эти места подходили: здесь можно было устроиться уединённо, здесь никто меня не нашёл бы. Я сначала не поняла, почему орлица напала на меня, я просто отчаянно защищалась. У неё были чудовищные когти и крепкий клюв, и она изранила меня в кровь. Мы дрались в воздухе, сшибаясь, и я не уступала ей из упрямства. Всё лицо и руки у меня были в ссадинах, летели перья — её, коричневые, и мои, белые, но никто не сдавался. Наконец я изловчилась и поймала её за ноги, придавила собой к скале, а она пыталась ударить меня

своим крючковатым клювом, но не могла достать.

— Тихо, тихо, — сказала я. — Какого хрена ты на меня налетела? Что я тебе сделала?

Она билась подо мной, но я была сильнее. Я чувствовала, как колотится её сердце, и вдруг поняла, что она — мать, защищающая своих детей от чужака, которым была я. Видимо, неподалёку было её гнездо, и она решила, что я представляю угрозу для её птенцов. Я могла её понять: если бы что-то угрожало Карине, я бы ещё и не так дралась.

— Слушай, мамаша, — сказала я. — Я понимаю, что ты защищаешь своих деток, но я вовсе не собираюсь причинять им вред. Я птицами не питаюсь.

И в доказательство дружелюбия я отпустила её. Она встрепенулась, захлопала крыльями, возмущённо клёкоча, но я сидела неподвижно. Она, всё ещё подозрительно косясь на меня, постепенно успокаивалась, стала оправлять перья, встрёпанные в драке.

Я подыскала себе небольшую пещерку, вход в которую представлял собой узкую щель, в которую едва можно было протиснуться. В самой пещерке было достаточно места, чтобы улечься. У входа был маленький плоский уступ, почти ровная каменная площадка, которая вполне могла сойти за взлётно-посадочную полосу. Облюбовав это место, я натаскала туда листьев и мха, устроив там себе что-то вроде постели. Пробравшись в какое-то горное селение, я утащила из одного дома подушку.

Почему меня потянуло в горы, подальше от цивилизации?

Мне нужно было место для успокоения. Уединённое, тихое, с прекрасным горным воздухом, это местечко было как раз то, что я искала. Я решила, что здесь будет моё логово.

4.13. Сорок разбойников

Отряд вооружённых людей пробирался через горы уже третьи сутки. Это были мрачные бородатые люди, и командовал ими человек со шрамом на щеке. На их пути лежало моё селение — точнее, селение, над которым я обосновалась.

Ничего, кроме горя, они в селение принести не могли. Там жили мирные люди, а это были люди войны.

Их было сорок, включая командира. Сорок разбойников, вооружённых до зубов. Сорок фанатиков, а командовал ими хладнокровный убийца. Он был таким же чудовищем, как и я, разве только не пил крови. Он распорядился сделать привал, так как уже темнело, и дорога была плохо видна. Это была опасная тропа, отряд уже столкнулся с двумя оползнями, их чуть не

завалило камнями.

Они разбили лагерь в пещере у ручья, огня не разжигали, всё делали тихо и быстро. Молча ели, выставили часовых и легли отдыхать. Командир долго не спал, всматривался в темноту зоркими, холодными глазами.

Всё наконец стихло. Слышно было, как они дышали, как бились их сердца.

Командир заснул. Он очень устал.

Первый часовой, молодой парень с жидкой бородкой, не издал ни звука, когда я обездвижила его. Второй ничего не заметил: он начинал дремать. Я напилась крови часовых и отнесла их тела подальше от пещеры, положив на берегу ручья. Шакалы, словно понимая необходимость не производить лишнего шума, набросились на их тела почти неслышно. Взошла луна.

Неслышно ступая между спящими людьми, я резала им глотки. Сначала я зажимала человеку рот, чтобы он не крикнул, а потом одним движением перерубала горло почти до позвонков, так что голова оставалась держаться на клочке плоти. Никто не проснулся, не крикнул.

Простите меня за кровавые подробности. Я зарезала весь отряд, кроме командира, который так устал, что даже не услышал, как убивают его людей. Я разоружила его, собрала всё оружие у убитых и сбросила в ручей. Не осталось ни одного ствола, ни одной гранаты. Ни одного патрона. Ни одного ножа. Всю еду я тоже бросила в ручей. Вымыв нож в холодной серебристой воде, я вытерла его о штанину и вложила в чехол. В раздумьях я склонилась над командиром. Вряд ли имело смысл оставлять его в живых. Под его придавленными сном веками беспокойно задвигались глазные яблоки, он застонал и вдруг проснулся. Встретившись с моим взглядом, он дёрнулся всем телом, его рука искала оружие, которого уже не было… Последним, что он увидел в своей жизни, были мои клыки.

Я забрала чемоданчик с деньгами, предназначавшимися для дурного дела. Денег было много — полный чемоданчик денежных пачек. Кто-то лязгнет зубами, кого-то ликвидируют, кто-то с кем-то поссорится, и дело, для которого были предназначены эти деньги, не будет сделано. Не будут взорваны бомбы, не погибнут дети, не будут плакать матери. А Карине этих денег могло хватить на всю жизнь.

4.14. Одна

Эльза не вернулась с охоты. Я навещала орлят каждый день и кормила их, но они всё время были одни. Мы ждали Эльзу день за днём, но она не возвращалась.

Не знаю, что с ней случилось. Она так и не вернулась, и мне пришлось взять заботу о птенцах на себя. Они выросли и покинули гнездо, и я наблюдала за их первыми полётами и попытками охотиться. Я так к ним привыкла и привязалась, что мне было очень грустно, когда и они однажды не вернулись в гнездо, улетев из него навсегда.

Я осталась совсем одна.

4.15. Ангел

И снова города, снова подонки, коих было великое множество. Я истребляла их, но они были неистребимы. Их были полчища. Каждую ночь двое-трое из них, отдав мне свою кровь, отправлялись на закуску шакалам, но разве я могла уничтожить их всех? Это было, конечно, нереально.

У меня развился какой-то нюх на преступления: я чувствовала, когда поблизости совершалось какое-то зло. Маньяков, если таковые попадались мне, я убивала просто так: мне почему-то не хотелось даже пить их кровь. Она казалась мне какой-то гадкой.

Я спасла шесть самоубийц, прыгнувших с моста, одного поймала на крыше, троих сняла с мачт высоковольтных линий, но больше всего меня поразил случай, когда десятилетний мальчик хотел броситься под поезд. Узнав, что его систематически избивала мать, я задумалась: что же делать с ней? Я спросила мальчика, любит ли он свою маму, и он сказал, что любит и не хотел бы, чтобы с ней что-нибудь случилось. Но у него был любящий отец, который собирался разводиться с этой женщиной и лишать её родительских прав. Судьба этого мальчика (его звали Гриша) волновала меня очень долго, и я следила за ходом судебного процесса. Развод родителей был оформлен, но через месяц после этого чуть не случилась беда. Мать похитила мальчика и попыталась увезти.

Далеко она с ним не ушла. На перроне, перед самой посадкой на поезд, на её плечо легла моя рука. Встретившись с моим взглядом, она попала в ловушку, из которой её сознание было не в силах выбраться. Она увидела перед собой бледное лицо и тёмную бездну глаз, холодную, как ночное январское небо у неё над головой.

"Отпусти ребёнка, — приказала я ей телепатически. — Если снова попытаешься к нему приблизиться, выпотрошу тебя заживо и повешу на твоих собственных кишках".

Её взгляд остекленел от ужаса, рука стала медленно подниматься, чтобы положить крестное знамение, но сил на это у неё не хватило. Её сознание было раскрыто и беспомощно, и мне

не составило труда посеять в нём чёрные семена смертельного ужаса. А дальше они уже сами сделали своё дело, пустив ростки и взорвав её рассудок изнутри.

Безумно хохочущую женщину увели два милиционера, потом подъехала "скорая". Гриша уже не видел всего этого: мы с ним шли прочь с вокзала.

— Я тебя помню, — сказал он. — Только в тот раз я забыл спросить, как тебя зовут.

— Аврора, — ответила я.

— А куда мы идём?

— Домой, к папе. Он, наверно, уже беспокоится.

— А мама? — спросил Гриша.

— Мама уехала, — ответила я. — Она больше никогда не обидит тебя и не ударит.

Я закутала его в свою куртку, взяла на руки, и мы полетели. Он совершенно меня не боялся. Доверчиво прижимаясь головкой к моему плечу, он спросил:

— Ты ангел, да?

Не зная, что ответить, я спросила:

— А ты как думаешь?

— Ангел, — с уверенностью повторил он.

Я опустилась на крышу дома, соседнего с Гришиным. Крепко держась за меня, мальчик смотрел на светящееся окно на четвёртом этаже. Это было его окно.

— Ну всё, ты почти дома. А мне пора.

— Ты прилетишь ко мне ещё? — спросил Гриша.

У меня встал в горле ком.

— Обязательно, — пообещала я. — Когда у тебя день рождения?

— Шестнадцатого июля, — ответил он.

— Вот тогда я к тебе и прилечу.

Я спланировала с крыши на землю. Кнопка домофона, мужской голос. Звонкий Гришин голосишко: "Папа, это я!"

А в психиатрической больнице сегодня стало одним пациентом больше — точнее, пациенткой. В ближайшие несколько лет новых попыток похищения Гриши можно было не опасаться.

4.16. Новая сестра

Церемониальный зал был озарён трепещущим светом жаровен и факелов. Я, облачённая в кольчугу и серый плащ, окружённая фигурами в таких же плащах, стояла на коленях перед троном Великого Магистра, а Оскар провозгласил надо мной:

— Сестра Аврора Магнус, тебе присваивается звание младшего магистра и предоставляется право обучать новых членов Ордена.

Я приняла из его рук кинжал в богатых ножнах и поцеловала рукоятку.

После церемонии Оскар сказал:

— У нас новая сестра. Скоро будет посвящение, и тебе нужно будет присутствовать. Кстати, она попросила, чтобы её наставницей была ты.

— Я? — удивилась я.

— Да, ты, — улыбнулся Оскар. — Азам её обучала Эйне, но искусству проникновения в сердце теней она хочет обучаться у тебя.

4.17. Ровена Орландо

Я стояла среди младших магистров, в сером плаще с поднятым капюшоном, с кинжалом в руках. Новой сестрой, которая, неумело выговаривая слова на Языке, произносила приветствие, была Юля. Как и я когда-то, она называла себя "безымянной" и была одета в кожаные штаны и обувь, как у древних викингов, в льняную рубашку и кольчугу. Ответом на её приветствие был лязг двадцати девяти клинков младших магистров, вынутых из ножен и снова вложенных.

Оба символических боя она провела прекрасно, не дрогнула, когда её ранил меч старшего магистра, а когда я среди прочих подошла, чтобы срезать кинжалом прядку волос с её головы, она, стоя на коленях и держа в руках поднос, улыбнулась мне. Не ответив на её улыбку, я взяла пальцами довольно большую прядь, обрезала и бросила на поднос.

Старший магистр выкликнул:

— Ровена Орландо!

И я вместе с хором всех остальных трижды повторила:

— Ровена Орландо! Ровена Орландо! Ровена Орландо!

Юлины крылья были окроплены кровью, и она подошла ко мне.

— Аврора, не согласишься ли ты быть моим другом на эту ночь?

4.18. На крыше небоскрёба

— Юленька, зачем ты это сделала?

— Аврора, меня теперь зовут Ровена Орландо.

Мы сидели на самом краю крыши небоскрёба. Перед нами раскинулось море городских огней. Румянец сошёл с её щёк, исчез навсегда тропический загар, а когда она улыбалась, видны

были чуть выступающие клыки. На пальце у неё блестел коготь. Её глаза стали темнее, глубже сидели в глазницах, но я не могла не признать, что она даже похорошела, но красота её была мертвенная, жутковатая.

— Мне не нравится это имя!

— Почему? По-моему, красивое. Ты просто ещё не привыкла. Зачем, спрашиваешь? Я хочу быть с тобой, Аврора. Я знаю, о чём ты сейчас хочешь спросить. Да, я хорошо подумала и всё взвесила. Это было серьёзное решение, принятое не впопыхах, не под влиянием импульса. Нет, я обдумала его. Как человек я мало что стою и почти ничего не могу сделать… Теперь я буду гораздо сильнее и смогу намного больше!

— О чём ты говоришь, Юля?

Она дотронулась пальцем до моего носа.

— Ровена. Меня зовут Ровена, запомни. Это во-первых… А во-вторых, неужели непонятно? Ты единственная в этом Ордене делаешь что-то стоящее! Мне плевать на Орден… Единственное, чего я хочу, это быть с тобой и помогать тебе в том, что ты делаешь.

Я сказала:

— Только не говори об этом Оскару. Ему это не понравится.

— Да мне плевать и на Оскара.

— Ну, нет, пока он старший магистр, плевать на него тебе никак нельзя.

— Ну, пусть так… Но я всё равно хочу быть с тобой. Мы будем отличной командой! Я знаю, знаю, что ты сейчас скажешь… "Я работаю одна". Такие, как ты, всегда так говорят. Но позволь мне помогать тебе!

Я стиснула её руку, лежавшую на моём колене.

— Юля, я не это хотела сказать. Я хотела сказать вот что… Я понимаю, ты видишь в этом какую-то романтику. А никакой романтики нет, есть только кровь, смерть, убийство! Со стороны может показаться, что я делаю какое-то благородное дело… Так вот, даже такое дело — плохое оправдание для убийства. По сути, я делаю то же самое, что и все эти чудовища, только моей пищей становятся плохие люди — плохие в большей или меньшей степени. У убийства нет оправдания, даже какие-нибудь там благие цели. Всё это чушь! Я не могу не убивать, потому что каждый день хочу есть. Я только стараюсь убивать с маломальской пользой для общества… Если это можно назвать пользой.

Она придвинулась ко мне и обняла за плечи.

— А чем же, как не пользой, можно это назвать? Ты избавляешь общество от подонков. Многие из них смогут уйти от

людского правосудия, но от твоего правосудия никому не уйти. Ты беспощадна и справедлива. Ты всё видишь. Ты всё знаешь. Ты не ошибаешься. Ты делаешь это не за деньги, в конце концов! Тебя нельзя купить, потому что деньги не имеют для тебя такой ценности, как для людей.

Она говорила ещё долго, очень восторженно и убеждённо. Я не мешала ей говорить. Я только смотрела на её бледные щёки и с печалью думала о том, что их больше никогда не окрасит румянец. Вдруг моё сердце стукнуло и болезненно сжалось. Я перебила её восторженный монолог на полуслове вопросом:

— Юля, это она с тобой сделала это?

Она не сразу поняла. Я повторила вопрос:

— Кто тебя сделал такой? Эйне?

Она покачала головой, гладя меня по плечам.

— Нет, Аврора. Я удостоилась чести кровно породниться с Оскаром. А Эйне… Она мне сказала, что я тебе стала не нужна, что я наскучила тебе, но я ей, конечно, не поверила. Одно время я даже думала, что она с тобой… — её голос дрогнул, — что она с тобой что-то сделала. Она в последнее время стала такой невыносимой! Такая зануда! Сплошной депрессняк. Потому я и попросила, чтобы меня перевели в ученицы к тебе.

Я спросила:

— А если я буду занудой, ты меня тоже бросишь?

Она засмеялась.

— Нет, ты не будешь занудой… Ты не такая. За это я тебя и люблю.

4.19. Ангелы тоже плачут

Я сидела в городе Ярославле на крыше дома, что стоял напротив Гришиного. Кончилось застолье с родными, подарки были открыты, но чего-то не хватало. Гриша вздыхал и поглядывал в окно. Он ждал, и я знала, что он ждал меня. Он думал, что я его обманула.

Но я не собиралась его обманывать. Я просто ждала ночи.

Ночь настала, отец уложил Гришу спать, выключил свет и ушёл. Гриша полежал немного, а потом побежал к окну и стал его открывать. Открыв его настежь, он окинул взглядом улицу и небо. У меня засосало под ложечкой, но я ещё выжидала. Грустно вздохнув, он вернулся на кровать и сел, обхватив руками колени.

Под окном Гришиной комнаты рос тополь, и одна его ветка протягивалась почти к самому окну. Я слетела с крыши и опустилась на неё. Через секунду Гриша подбежал к окну. Его глазёнки сияли.

— Ты прилетела! А я ждал, ждал… Думал, ты не прилетишь!

Я вскочила на подоконник и спустилась в комнату.

— Ш-ш, — сказала я, приложив палец к губам. — Папу разбудишь.

Его тонкие мальчишечьи руки обвились вокруг моей шеи, и у меня стало щекотно на сердце. Прижимая его к себе, я стояла у открытого окна, и мы смотрели друг другу в глаза.

— Ну, как ты, малыш? У тебя всё хорошо?

— Да, — сказал он. — Мы с папой живём хорошо. Я закончил на все пятёрки, только по русскому у меня четвёрка. Я ездил к бабушке в деревню. Мне удалили миндалины, но это ещё в марте. Было страшно, но я не боялся!

Он выпаливал все свои новости, а я слушала, чувствуя, как в груди что-то тепло сжимается. Вдруг он спросил:

— Ты ведь везде летаешь?

— Да, — ответила я. — Я по всему миру летаю. А что?

Гриша помолчал, потупив взгляд, а потом спросил:

— Ты не видела маму?

Моё сердце заколотилось, если можно назвать этим словом частоту пульса, равную пяти ударам в минуту. Но в норме оно билось один раз в минуту, а сейчас стало биться в пять раз чаще, и это было очень ощутимое ускорение.

Месяц назад мать Гриши умерла в психиатрической больнице.

— Гришенька, — сказала я. — Я должна сказать тебе правду. Твоей мамы уже нет на этой земле.

Он не заплакал, только шмыгнул носом и сказал:

— Она на небе, да?

— Да, — сказала я.

— И ей там хорошо? — расспрашивал он.

Что я могла ему сказать?!

— Да, Гриша. Она в раю. Но она помнит и любит тебя. И она видит тебя.

— И значит, она знает, что я закончил только с одной четвёркой?

— Разумеется. Она просила меня передать тебе, что она поздравляет тебя с днём рождения и желает тебе всего самого, самого хорошего, что только есть на свете.

— А когда ты будешь там, ты можешь ей передать, что я… — Гриша опять шмыгнул носом, — что я на неё не сержусь?

— Обязательно передам.

От кома в горле мой голос прозвучал глухо. Я ещё полминуты не могла говорить, уткнувшись лицом в Гришино узкое плечико и гладя его вихры.

— Разве ангелы плачут?

— Иногда.

Я улыбнулась и смахнула слезу. Он вдруг вспомнил о гостеприимстве.

— Хочешь торт? Там ещё остался кусок.

— Нет, Гришенька, спасибо. Я не ем то, что едят люди.

— А что ты ешь?

Я выкрутилась:

— Я живу на солнечной энергии.

— Как солнечные батареи? А если весь день пасмурно?

— Я могу взлететь выше облаков и набраться столько энергии, что надолго хватит.

— А ты принесла какой-нибудь подарок?

Я сказала:

— Я долго думала над тем, что тебе подарить. Твои родные подарили тебе много хороших вещей, и мне не хотелось бы повторяться. Я хочу подарить тебе нечто совсем другое. — Я забралась на подоконник. — Сегодня мы будем летать.

Он даже подпрыгнул и пискнул от восторга.

— Классно… А куда мы полетим?

— Куда захочешь. Весь мир наш. Залезай.

Он вскарабкался на подоконник. Я раскрыла ему объятия.

— Держись крепко.

Он обхватил меня за шею руками, я прижала его к себе, и мы выпрыгнули из окна. Секунду мы падали, и в широко распахнутых глазах Гриши мелькнул испуг, сердечко зашлось, но за моей спиной раскрылись крылья, и мы взмыли в ночное небо. Открытое окно осталось далеко, исчез из виду и дом, остались только ветер, небо и звёзды.

4.20. Каникулы на острове

Лазурная волна, набегая на чистый песок, пенилась и шипела. Закатное солнце озаряло пляж густым розовым светом, и я сидела, зарыв пальцы босых ног в тёплый песок. Я закрыла глаза и слушала прибой.

Знакомый звук хлопанья больших крыльев, и солнце заслонил собой стройный силуэт. Пока я поднималась на ноги, она бежала ко мне вприпрыжку, одновременно раскрывая объятия. Повиснув на моей шее, она радостно сообщила:

— Я всё сдала! Уж они придирались, придирались, но так ни до чего и не смогли толком докопаться!

Я покружила её.

— Молодец… Я и не сомневалась, что ты сдашь. Устала?

— Как собака, — засмеялась она, опускаясь на песок.

Мы улеглись рядом, держась за руки и глядя в закатное небо. Она сказала:

— Неделю оттягиваемся на острове, а потом приступаем.

— К чему? — спросила я.

Она так удивилась, что даже села.

— Как это — к чему? К делу нашей жизни! И плевать нам, что думает об этом Оскар и все они.

4.21. Взмах шашкой

"Аврора!"

Голос Гриши прорвался сквозь пелену ночной метели. Жалобный, испуганный, он моментально взвёл меня в состояние боевой готовности.

"Аврора!"

Я услышала его не ушами — сердцем. Юля увязалась за мной:

— Раз мы команда, то это и моё дело!

На пререкания не было времени, и я позволила ей последовать за мной. Мы помчались в

Ярославль что было духу.

Гриша и его отец, связанные, с заклеенными скотчем ртами, сидели рядышком на крыше дома. Ветер трепал полы плаща Дезидераты и её распущенные волосы цвета тёмного шоколада. В руке у неё была обнажённая казачья шашка. Казак, вероятно, пал её жертвой, а шашку она прихватила как сувенир.

— Привет вам, предательницы! — крикнула она, когда мы с Юлей приземлились на крыше. — Тебя, прекрасная Ровена, я не ждала, но всё равно рада видеть.

— Зачем ты схватила их? — крикнула я. — Отпусти немедленно!

— А я раскусила тебя, Аврора, — ответила она. — Раскусила вас обеих! Вы сочувствуете людям. Заводите себе среди них друзей! Уж не считаете ли вы их лучше нас?

— Дези, перестань дурить, — сказала я.

— Я давно за тобой наблюдаю! — закричала она. — С тех пор, как ты сказала, что тебе не нравятся оргии в клубе, я к тебе присматриваюсь! И знаешь, к каким выводам я пришла? Ты не уважаешь Орден, ты плевала на его устои! Ты сочувствуешь людишкам!

Она бросила мне шашку, а сама схватила Гришу и подняла в воздух.

— Защищай же своего маленького друга! Убей меня, а не то я убью его!

Глаза у неё были безумные. Она потрясала Гришу в воздухе.

— Дези, прекрати, — сказала я. — Дура, фанатичка! Зачем ты

это устроила? Отпусти ребёнка, и давай поговорим! Если ты зла на меня, разбирайся со мной! Зачем впутывать в это ни в чём не повинных людей?

— Во-от! — воскликнула она, подняв палец. — "Ни в чём не повинных людей"! Ты сама, сама себя выдаёшь! Мне плевать на этих людей, я выпью их кровь и выброшу тела шакалам… Как это можешь сделать и ты. А могу и просто так швырнуть твоего маленького приятеля в их голодные пасти!

Она подошла с Гришей к краю крыши и подняла его над краем, держа его вытянутой рукой за рубашку на спине. Гриша мычал заклеенным ртом и болтал ногами.

— Не дёргайся, а то уроню! — засмеялась Дезидерата. И, обернувшись ко мне, сказала со злобной улыбкой: — А ещё мне известно, что у тебя есть маленькая сестричка, человек. Как ты о ней заботишься! Анонимно даёшь деньги на её нужды. Ты её, наверно, ещё и любишь!

Во мне заклокотала холодная ярость.

— Если ты хоть пальцем тронешь её…

— То что ты сделаешь? — засмеялась она с издёвкой. — Убьёшь меня?

— Именно, — сказала я.

— Ну, так попробуй!

И она сбросила Гришу вниз, к шакалам. Все мои внутренности оборвались. Я бросилась, чтобы успеть, ещё успеть подхватить его на лету, но она толкнула меня в грудь, и я отлетела назад, упав на спину. Какая-то тень молниеносно мелькнула у меня над головой.

Она хохотала дико, хрипло, блестя зубами и запрокидывая голову. Я не успела спасти Гришу, он погиб в пастях шакалов. С окаменевшим сердцем я поднялась на ноги, подобрала шашку. Она хохотала мне в лицо.

— А твою обожаемую сестричку я уже тронула! О, она была просто лакомый кусочек!

Обезумев от горя и гнева, я зарычала:

— Дрянь!

Она перестала хохотать.

— От такой и слышу, — процедила она.

Я полетела на неё, занося клинок, но она встретила меня не безоружная: сталь ударилась о сталь. У Дезидераты была вторая сабля.

— Ну вот, что и требовалось доказать! — вскричала она. — Вот ты и выведена на чистую воду!

Но она не рассчитала: слишком много сил прибавили мне мои ярость и горе. Этот поединок оказался для неё роковым.

Нанося удар за ударом, я изрыгала на неё все проклятия, какие только могла измыслить, а она с трудом отбивалась. Она явно переоценила свои силы, думая, что в одиночку справится со мной. Не знаю, на что она рассчитывала, когда затевала всё это, но кончилось это для неё плачевно. Свист клинка — и её голова чёрным мячом с волосами улетела куда-то. Обезглавленное тело упало с крыши. Шашка выпала из моей руки.

Над краем крыши мелькнули концы крыльев, потом появилась голова, а потом и вся фигура Юли. А на руках у неё был Гриша, смертельно перепуганный, но целый и невредимый. Она опустилась на крышу, разрезала верёвки и отлепила скотч с его рта, потом сделала то же самое и с его отцом.

— Всё хорошо, не бойтесь, — успокаивала она их. — Вас никто не тронет, никто не причинит вреда.

А внизу шакалы уже разодрали тело Дезидераты.

4.22. Не идеальное преступление

— Но её тело сожрали шакалы, — сказала Юля. — Её просто не найдут. Кто обвинит тебя?

Я усмехнулась.

— Юленька, ты должна понимать, что нераскрываемых преступлений нет. Для людей с их медленно работающими мозгами и слаборазвитыми чувствами — может быть, и есть. Но не для нас. Это только вопрос времени.

Гриша сидел, глядя в пол. Его била мелкая дрожь. Я хотела его обнять, но он отбежал к отцу, и тот, схватив его в охапку, отнёс в комнату и уложил на кровать. Там Гриша плакал, а отец сидел рядом. Я сказала Юле:

— По-моему, нам здесь делать больше нечего.

Окровавленную шашку Юля хотела утопить в реке, но я не позволила ей.

— Не вздумай. Ещё и тебя притянут за соучастие. И вообще, Юленька, я думаю явиться с повинной. Ты на меня, конечно, доносить не станешь, и тебе грозит обвинение в укрывательстве… Я не хочу, чтобы ещё и у тебя были проблемы.

— Аврора, нет! — Она стиснула меня, прижалась к моему плечу. — Я не пущу тебя…

Я взяла её лицо в свои ладони, заглянула в глаза.

— Юля… Только ты можешь понять меня правильно. По-другому я поступить не могу. Моя совесть не выдержит. Я не буду скрываться. Найдут меня или не найдут, мне всё равно. Я сама этого не вынесу. Единственно правильный выход сейчас — это пойти к Оскару и всё рассказать. А он сделает всё, что нужно. Но сначала я должна кое-где побывать.

4.23. Обещание

Дезидерата зачем-то сказала неправду. Карина резвилась на игровой площадке среди других малышей, живая, здоровая и весёлая, разрумянившаяся от беготни. Я стояла, прислонившись к ограде лбом, и смотрела на неё сквозь слёзы.

— Это и есть твоя сестрёнка? — спросила Юля.

— Да, — сказала я. — Моя куколка. Карина. Она не знает обо мне. У меня есть деньги, Юля… Не стану рассказывать, как я их добыла, это неважно. Если я скажу тебе, где они спрятаны, ты обещаешь, что будешь анонимно время от времени класть в почтовый ящик конверт с некоторой суммой и надписью "Для Карины"?

Юля уткнулась мне в плечо и всхлипнула. Я подняла её лицо за подбородок.

— Обещаешь?

— Обещаю, — сказала она.

4.24. Агент Клаус

Шашка, покрытая ещё не запёкшейся кровью Дезидераты, лежала на прозрачном журнальном столике. Оскар расхаживал по гостиной туда-сюда. Я сказала:

— Юля, то есть, Ровена здесь ни при чём. Она просто свидетель. Я знаю, что по закону Ордена я могу сдаться любому его члену. Я сдаюсь тебе. Вот орудие убийства, на нём её кровь и мои отпечатки.

Юля вскочила:

— Да она просто спровоцировала её! Я сама слышала, как она доводила Аврору до белого каления, и могу поклясться…

Оскар повернулся к нам.

— Я скажу вам, что это было, только легче вам от этого не станет. Дезидерата работала на старшего магистра Октавиана. Он у нас стоит на страже, так сказать, идеологической чистоты рядов… Следит за соответствием членов Ордена системе ценностей и принципов сообщества хищников. Дезидерата была одним из его агентов.

— Агент Клаус, — вырвалось у меня.

Оскар усмехнулся.

— Вроде того. Конечно, плоховато она сработала на этот раз. Переусердствовала, за что и поплатилась. Кто ж знал, что ты такая… гм, гм… — Оскар помедлил, подбирая слово, — отмороженная? Но вывести тебя на чистую воду ей всё же удалось. Октавиану всё ясно насчёт тебя.

Я сглотнула пересохшим горлом.

— И что ему ясно?

— Что ты не соответствуешь, — проговорил Оскар, поигрывая перстнем-когтем на пальце. — Это и тебя касается, Ровена.

Юля презрительно фыркнула.

— Да плевать я на него хотела.

Оскар пронзил её таким взглядом, что она осеклась.

— Вот-вот, об этом я и говорю. А заодно тень падает и на меня как на наставника Авроры. Может быть, я сам и сумею удержаться на плаву, но вам, девочки, вылет из Ордена гарантирован.

— Ну и пошёл он к чертям собачьим, — ожесточённо процедила Юля. — Мы свой орден создадим.

Оскар усмехнулся.

— Если что, примешь меня своим заместителем?

Юля ничего не ответила. Оскар опустился в кресло и устало откинулся на спинку.

— Что же с тобой делать, дорогуша? — вздохнул он, устремив на меня укоризненный взгляд. — В принципе, можно попробовать доказать непреднамеренное убийство при самообороне. Я сделаю всё, чтобы сохранить тебе жизнь. Да, детка, придётся посидеть в тюрьме… Но главное, ты останешься жить. В нашей тюрьме условия не сказочные, но ты выдержишь, я уверен.

— Ты что, берёшься меня защищать? — спросила я.

Он посмотрел на меня недоуменно.

— А ты думала, я тут же брошу тебя под нож гильотины? Плохо же ты обо мне думаешь, моя девочка!

Он долго молчал, потирая пальцами нахмуренный лоб. Мне даже показалось, что между его век что-то влажно заблестело. Потом он встал, прошёлся, держа руки в карманах. Молчал, о чём-то думал, смотрел в окно. Потом повернулся ко мне и приказал уже совсем другим голосом:

— Встать.

Я поднялась. Он сказал сурово и сухо:

— Аврора Магнус, вы арестованы. Мой долг — препроводить вас в камеру предварительного заключения, где вы будете содержаться до вынесения приговора… Вашу защиту я буду осуществлять сам. Ровена Орландо, вы будете привлечены в качестве свидетеля. Прошу вас явиться по первому приглашению для дачи показаний… В случае отказа или неявки вы будете считаться соучастницей.

Юля тоже поднялась и сказала:

— Я и не собираюсь скрываться. Если это поможет спасти

Аврору, я расскажу всё, как было.

— Прекрасно, — кивнул Оскар.

— Глава 5. Кэльдбеорг

5.1. Суд и приговор

После обряда посвящения в члены Ордена хищников мне довелось побывать ещё на одном их представлении — суде. И принять в нём участие в качестве главной героини.

Зал суда представлял собой подземелье старого замка, кишащее крысами, летучими мышами и прочей вызывающей у людей содрогание живностью. Меня доставили туда в тяжёлых, покрытых налётом ржавчины кандалах, которые служили скорее символом моего статуса подсудимой, поскольку я могла порвать их цепи; настоящей же острасткой мне служили остро отточенные блестящие сабли моих конвоиров, постоянно приставленные к моему горлу и из-за которых всё время приходилось держать голову высоко поднятой. Единственный способ убить хищника — отрубить ему голову, и поэтому холодное рубящее оружие против нас гораздо действеннее огнестрельного.

В озарённом светом жаровен зале (или лучше сказать погребе) за столом на возвышении сидела фигура в чёрном балахоне и остроконечном колпаке-маске с прорезями для глаз — той же формы, что у членов Ку-Клукс-Клана, только не белого, а чёрного цвета. Стол был покрыт чёрной тканью, такое же покрытие было у двух кафедр по бокам судейского стола, за которыми располагались защитник и обвинитель. На столе перед судьёй лежал обнажённый меч, по левую руку лежал череп, а по правую стоял кубок. Справа от судейского стола, вдоль смежной стены, стоял стол пониже, за которым сидели тринадцать фигур в таких же чёрных балахонах и колпаках-масках. Перед каждым из их на столе лежала человеческая кость — нижняя челюсть с зубами. Защитник и обвинитель были облачены в чёрно-красные балахоны и чёрные полумаски, а головы их были покрыты капюшонами. На руках у всего состава суда были чёрные перчатки.

Наверно, это был самый мрачный и странный суд, какой только можно было выдумать. Начиная от помещения, в котором он проходил, и заканчивая костюмами его участников — всё было в высшей степени жутко и создавало ощущение обречённости. Всё было обставлено как некое таинство, а его атрибутика — челюсти, череп, кубок, меч — была для меня загадкой. И всё-таки я не могла отделаться от чувства, что всё происходящее — отвратительный, ненужный фарс, похожий на плохой фильм…

Что это было на самом деле?

Это был Орден Железного Когтя. Неизменный, закосневший,

застывший в веках, свято почитающий свой кодекс и блюдущий обычаи, составленные много столетий назад и не изменившиеся ни на йоту с древних времён. Наверно, носители этих обычаев верили, что на их слепом и точном выполнении, вплоть до последних мелочей, и зиждется нерушимость Ордена, его сила и постоянство. А на деле всё выглядело как театральная постановка, странная и мрачная. Деваться мне было некуда, и я вынуждена была в ней участвовать…

Впрочем, речи обвинителя и защитника были вполне конкретными и мало чем отличались от речей в обычном суде; обвинитель извергал громы и молнии на мою несчастную голову, а защитник — это был Оскар — говорил вкрадчиво, рассудительно и мягко. Мне вообще не задавали никаких вопросов, а полагалось мне только стоять и молча слушать, как защита с обвинением перебрасывается репликами и спорит обо мне. Слова мне никто не давал, хранила молчание и чёртова дюжина чёрных балахонов, а о челюстях, лежавших перед ними, и говорить было нечего — они уже своё отговорили. Впрочем, им-то и предстояло сказать судьбоносное для меня слово.

Вызвали свидетеля — Юлю. Не считая меня, она была единственной участницей суда, не носившей маски, хотя её фигура была закутана в чёрный плащ. Окинув мрачный зал суда чуть презрительным взглядом, она посмотрела на меня, и я поняла, что она разделяет моё мнение о дешёвой фарсовости происходящего. Звонким серебристым голосом она отчётливо проговорила свои показания и была отпущена, а потом внесли главную улику — окровавленную шашку. Судья, подержав её в руках, посмотрел на меня сквозь прорези маски, потом передал её крайнему из тринадцати чёрных балахонов, и те тоже брали улику в руки, передавая друг другу и также взглядывая на меня. Потом обвинитель и защитник произнесли заключительные речи: первый требовал для меня смертной казни через обезглавление, второй просил о сохранении мне жизни с заменой высшей меры на заключение в тюрьму Ордена, настаивая на том, что убийство было совершено мной не предумышленно, а в честном поединке в ходе самообороны. После этого тринадцать чёрных балахонов выполнили то, для чего они здесь находились: вставая, они по очереди подходили к столу судьи и клали челюсти либо перед черепом, либо перед кубком, а в это время судья держал в руках меч острием кверху. Перед кубком оказалось семь челюстей, а перед черепом — шесть. После этого меня подвели к судейскому столу, и я поцеловала кончик меча, протянутого мне судьёй.

Затем мне пришлось ждать приговора, и меня препроводили в камеру. Конвоиры провели меня через большой сумрачный зал с

невысоким эшафотом посередине, на котором возвышалась старая гильотина, тяжёлый нож которой был покрыт старой засохшей кровью. Тому, кто владеет искусством проникновения в сердце теней, долго находиться в этом страшном зале невозможно, как невозможно долго слушать пронзительный визг: жуткая память этого места била по всем чувствам. Пол, стены и потолок были пропитаны ужасом и отчаянием осуждённых, принявших здесь смерть.

Если это была часть фарса, то самая страшная и тяжёлая.

В камере была постелена солома, а свет проникал через небольшое отверстие под потолком, в которое также струился наружный воздух — холодный, с грустным запахом мокрого снега. Помещение это было больше в высоту, чем в ширину, не имело ни стола, ни койки, ни каких-либо сидений, и я провела там сутки, сидя на соломе. Мне удалось даже на пару часов задремать, и во сне я видела Карину. Деньгами моя девочка была обеспечена, в порядочности и надёжности Юли я была вполне уверена и не сомневалась, что даже после моей смерти Карина будет получать поддержку. А я, может быть, буду изредка приходить к ней призраком — ведь после расставания с телом моя душа вряд ли обретёт покой и превратится либо в духа-скитальца, либо в потустороннее существо, которое люди причисляют к злым силам, — но, разумеется, я буду приходить так, чтобы её не напугать, а может быть, если мне это удастся, буду даже её оберегать. (Демон-хранитель — а что, в этом есть что-то оригинальное.) Я и до сих пор была для неё лишь призраком, так что в корне ситуация не изменится. Таковы были мои мысли, пока я в уединении камеры ждала вынесения приговора.

Меня разбудили весьма неделикатно — пинком. Грубый голос приказал:

— Встать!

Эта побудка безжалостно разбила мой полный нежной грусти сон о Карине, а окрик оборвал ещё звучавший в моих ушах её звонкий голосок, считавший: "Раз, два, три, четыре, пять!" Гремя кандалами, я поднялась, и мою голову задрали две сабли.

Декорации были прежние: тот же зал-погреб, трепещущий свет жаровен, чёрные балахоны и судья, меч, череп и кубок. Обвинитель и защитник стояли за своими кафедрами. Меня подвели к судейскому столу и дали поцеловать кончик меча, затем отвели на моё место.

— Аврора Магнус! — прогудел суровый, холодный и грозный голос из-под остроконечного колпака. — Суд, рассмотрев ваше дело, вынес приговор. (Слово приговор прозвучало р-раскатисто и

р-рычаще, и всё моё нутро сжалось в дрожащий комочек.) — Убийство Дезидераты Альмарих было признано непредумышленным. Семью голосами из тринадцати было решено сохранить вам жизнь, приговорив к заключению в тюрьму Кэльдбеорг сроком на пять лет, считая со дня вынесения приговора. Вы лишаетесь звания младшего магистра и исключаетесь из Ордена Железного Когтя. Сдайте ваш коготь.

Я сняла с пальца кольцо-коготь и отдала конвоиру, а тот положил его на судейский стол.

Первая часть представления театра хищников, под названием "Суд", закончилась.

Настал черёд второй части фарса, которая называлась "Узник замка Кэльдбеорг". Представляю её вашему вниманию…

5.2. Северная крепость

Закон Ордена предусматривал всего два вида преступлений: против Ордена и против ближнего. Я совершила преступление против ближнего. А у категории "преступлений против Ордена" была одна общая суть — разного рода инакомыслие. Услышав "пять лет", я решила, что легко отделалась. Пять лет — это не двадцать, и приговор показался мне весьма мягким по сравнению с перспективой окончить жизнь на гильотине. Пять лет — просто смех, чепуха, скажете вы. Особенно для хищника. Ведь они бессмертны!

Это очередное ваше заблуждение относительно нас. И вы ещё не знаете, что такое тюрьма Кэльдбеорг. Но ничего: скоро вы узнаете, как всё обстоит на самом деле…

Прибыв на место отбывания наказания, я получила массу впечатлений, среди которых преобладали в основном жуткие и мрачные. Начать с того, что тюрьма Кэльдбеорг располагалась на небольшом гористом острове в Северном Ледовитом океане, и, естественно, климат там был не слишком жарким, так что тюрьма вполне оправдывала своё название — Cealdbeorg — "Холодная гора". Сама тюрьма представляла собой угрюмую крепость, с виду весьма неприступную. У неё было четыре угловых башни, а внутри крепости стояла высокая главная башня, возвышавшаяся над всеми остальными; за мощными зубчатыми стенами были укрыты внутренние постройки — главные покои замка и служебные помещения. Не знаю, кто, когда и зачем воздвиг здесь этот замок, но степень его разрушения была крайне мала — быть может, он подвергался реставрации. Он был кряжист и невзрачен, с могучими башнями и толстыми стенами: строители явно делали акцент на прочности и долговечности, а не на красоте и изысканности. Эта мрачная громада внушала трепет своими

размерами и уродливой мощью, а суровый горный пейзаж вокруг довершал впечатление. Когда меня доставили на остров, из низких рыхлых облаков сыпался снег, и на зубцах стен и башен, а также на крышах внутренних построек лежали белые шапки.

Мрачное впечатление усугубляло то, что замка не коснулись достижения современной цивилизации: в нём не было электроэнергии, горячей воды и отопления. Впрочем, природа хищника позволяет ему выносить крайне неблагоприятные условия и не мёрзнуть даже в самый суровый мороз, так что в горячей воде и отоплении особой надобности не было, а для освещения здесь пользовались керосинками и свечами — словом, жили по старинке. Освещён замок был плохо, внутри царил постоянный сумрак, и это отнюдь не прибавляло этому месту привлекательности.

Меня ввели в главные замковые покои, в которых и располагалась сама тюрьма — камеры, помещения охраны и кабинеты начальства. Сопровождали меня двое конвоиров с обнажёнными саблями, но вели меня ещё не в камеру, а, как оказалось, к начальнику тюрьмы. Его кабинет имел окно и оштукатуренные стены, до высоты среднего роста окрашенные в бежевый цвет, а обставлен он был вполне современной мебелью, как-то не вписывавшейся в общий вид замка. На полу лежал ковёр, с потолка свисала керосинка под коническим абажуром, а на столе горели три свечи в массивном канделябре. Строго говоря, кабинет был не бог весть какой красивый, и попытки придать ему уютный вид имели весьма скромный результат. В массивном кресле с высокой резной спинкой сидел мужчина средних лет с короткой стрижкой, в чёрном костюме полувоенного фасона, в сапогах и с сигарой в зубах. Он листал какой-то журнал, а когда меня ввели, поднял на меня взгляд небольших холодных серых глаз и подвинул к себе какую-то папку. Внешность этого господина была весьма заурядной: как говорится, взгляду не за что зацепиться. Не глядя на меня и не здороваясь, он спросил:

— Ну, как вам наша крепость?

Как будто я не осуждённая, а приехала на экскурсию. Я ответила:

— Впечатляет.

Он вынул изо рта сигару и сказал:

— Надо добавлять "сэр", когда говорите со мной. Как-никак, я начальник тюрьмы.

Как будто какое-то зябкое веяние коснулось меня, когда я встретилась с его бесстрастно-холодным взглядом. В его негромком спокойном голосе прозвучало нечто, что заставило

меня выпрямиться и сказать:

— Извините, сэр.

Господин в полувоенном костюме удовлетворился моим ответом и отвёл от меня свой обдающий холодом взгляд. Он открыл папку — довольно тонкую, в которой было всего два или три листа.

— Значит, осуждённая Аврора Магнус. Что ж, добро пожаловать в тюрьму Кэльдбеорг. Будем знакомы: начальник тюрьмы Август Минерва. Что ещё вам необходимо знать? Заключённых у нас немного — всего три десятка. Их провинности перед Орденом не так тяжелы, как ваша… Вы здесь на данный момент одна, кто осуждён за убийство. Обычно за такое преступление выносится смертный приговор, но у вас, видимо, был хороший защитник. Здесь у нас содержатся заключённые обоих полов — разумеется, в отдельных камерах. Тут все сидят в одиночках. Всякого рода любовные связи запрещаются. Наказание одно — карцер, лишение пайка. Условия здесь не санаторные, но жить можно. Если будете соблюдать наши несложные правила, то, вполне возможно, отбудете свой срок без особых проблем и благополучно выйдете на свободу. Есть какие-нибудь вопросы?

— Мне положены свидания? — спросила я.

— Одно за весь срок, — ответил начальник тюрьмы, перелистывая скудное содержимое папки. И добавил, снова подняв на меня холодный, острый и цепкий взгляд от страниц: — И то если я сочту, что вы его заслуживаете.

Я спросила тихо, уже ни на что не надеясь:

— А переписка?

— Исключено, — сказал он. — Это не обычная тюрьма. Замок Кэльдбеорг — место, в котором вы поймёте, как Орден относится к тем, кто нагло попирает его законы.

5.3. Десять дюймов

Я получила вполне конкретное представление об отношении ко мне Ордена в тот же день. После знакомства с начальником меня отвели в помывочную — помещение с довольно низким сводчатым потолком и скользким полом. Вдоль длинной стены располагались в ряд несколько каменных ванн — точнее, это был один каменный узкий и длинный бассейн, разделённый на несколько частей перегородками. По всей длине бассейна тянулся уступ в каменной стене, на котором стояли тазики из оцинкованного железа, в них лежали ковшики, а над ними из стены торчали желобки. У противоположной стены располагались: деревянная массивная скамья, большой

деревянный шкаф и широкий, ярко пылающий камин. Благодаря этому камину помещение было не таким неуютным и холодным, и мне невольно захотелось возле него погреться. На полке у огня грелась вода в большом закопчённом бачке, а на табуретке сидел жирный лысый тип в фартуке и грубых сапогах, с закатанными рукавами, до того бледный, что его можно было принять за оживший кусок сала. Его пухлый двойной подбородок и щёки были намылены, и он скоблил их складной бритвой.

— Эй, Ингвар! У нас новенькая, — сказал один из моих надзирателей. — Приведи её в надлежащий вид.

Кусок сала в фартуке по имени Ингвар остановил руку с бритвой, покосился в мою сторону, моргнув заплывшими поросячьими глазками, и сказал неожиданно высоким, каким-то бабьим голосом и со странным выговором:

— Айн момент, обождатт ест неопходимо… Фидите — порядок на лице нафодим? Натобно её покамест приготовитт, одёжу снятт — это фи и делайтт.

Надзиратель сказал мне:

— Раздевайся.

— Полностью? — спросила я.

— Полностью, полностью, — усмехнулся он. — Ты что, привыкла мыться в одежде? Снимай всё и давай сюда. Тебе выдадут другой наряд.

Я разделась догола и отдала ему все вещи. Он и его напарник откровенно разглядывали меня.

— Она ничего, — сказал один другому.

У меня было большое желание проутюжить его по ухмыляющейся физиономии, но я удержалась. Мне не хотелось нарываться на неприятности в первый же день.

— Ну, ладно, — сказал представитель здешней охраны. — Мы подождём в коридоре. Давайте тут поживее!

Бряцая саблями и стуча каблуками сапогов, они вышли. И я осталась вдвоём с куском сала по имени Ингвар, который заканчивал скоблить своё жирное лицо у камина.

— Клади тфой славний парочка пулки фон туда. — Он показал кивком на табуретку, стоявшую под небольшим оконцем в потолке, из которого падал тусклый свет холодного северного дня.

Догадавшись, что мне предлагают устроить мой зад на табуретке, я прошла мимо скамейки и шкафа и уселась, зажав руки между голых колен. Ингвар спросил:

— Какофо ты назыфайтт? Тфой имя?

— Аврора Магнус, — сказала я.

— Сколько тебе фпаяйтт имели?

— Что, простите? — не поняла я.

Он хрюкнул.

— Ну, сколько лет? Срок? — уточнил он свой вопрос.

— Пять лет, — ответила я. — Это немного.

— Таа, это не ест шибко много, — усмехнулся он. — Но это если на феле. А тут один гот за десятт идёт, ха-ха! Пят помножит на десятт — выходит полсотни, точно так!.. Это и ест тфой настоящий срок, милочка…

— Что, такие плохие условия? — пробормотала я.

Ингвар снова ухмыльнулся — правда, беззлобно.

— Тут тугофато тебе придётся. Если ф тебе тух слабий, мошно и ноги протянут… Анабиоз, точно так. Слабост, упадок силы, анабиоз. Знаешь?.. Попал в него — считай, тебя нет. И никто с тобой возиться не станет. Тогда тебе на шею камень — и в море. На отин заключённый меньше, ха-ха! Ета тля рыпка. Тут ф море такие зубастые рыпка плавайтт, такие голодний… хам! — Ингвар щёлкнул зубами и осклабился в клыкастой улыбке. — И от тебя осталась полофина.

От его "хам!" я вздрогнула. Увидев моё выражение лица, он негромко засмеялся.

— Это тебе к сфедений. И такой исход быт мошетт, таа. Na gut. — Ингвар решительно поднялся, вытирая фартуком лицо и обтирая об него же бритву. — Причёску пудем делайтт, кака тут фсем полошена.

Достав из шкафчика коробочку, он открыл её. Там лежало несколько складных бритв, и он стал выбирать, пробуя на ногте.

— Какой тут самий острий? Аха, фот этот.

Выбрав, на его взгляд, самую острую бритву, он взял миску с мыльной пеной, которой только что пользовался сам, и протянул мне:

— На.

Я взяла липкую миску, а Ингвар, забрав правую половину моих волос в пучок, одним взмахом лезвия отхватил её. Отрезанный пучок он бросил в огонь, и сразу противно запахло палёным волосом. Так же он поступил со второй половиной моих волос. Это было ещё не всё. Густо намылив мне голову из миски, которую я держала, он забрал у меня миску и велел сложить руки в пригоршню. Лезвие начало скрести мне череп, а в руки мне шлёпались мыльные ошмётки моих волос.

— Ничефо, ничефо, — утешал Ингвар. — Тут фсе так ходитт. Пыла пы тфой колофа на месте! Это ест клафное, мой торогуша. Dein Kopf ist an Ort und Stelle! Фсё не ест так плохо.

Заострённый с одного края небольшой кусок металла сделал

мою голову гладкой, как бильярдный шар, вместо того чтобы такой же кусок металла гораздо большего размера и массы отделил её от моего тела — таков был смысл утешения, которым Ингвар сопроводил процесс очищения моего черепа от волосяного покрова. Проведя ребром ладони по моей шее, а потом над моей свежевыбритой макушкой, он засмеялся:

— Чувствуешь разницу? (Позвольте мне больше не передавать его ужасный немецкий акцент.) Она всего дюймов в десять, но, согласись, как эти десять дюймов всё меняют!

Я согласилась, что разница весьма существенная — такая существенная, что мороз пробирает по коже. С такой причёской здесь ходят все заключённые независимо от пола, сказал Ингвар, в том числе и он сам, так что расстраиваться не имеет смысла.

5.4. Номер двадцать семь

— Бери тазик и неси сюда, — сказал Ингвар.

Я взяла один из тазиков, стоявших на уступе стены вдоль каменного бассейна, и Ингвар, зачерпнув ковшик воды из закопчённого бачка, гревшегося у камина, подмигнул.

— Хочешь помыться горячей водичкой? Ладно, так уж и быть, на. — Он вылил ковшик в тазик. — Вообще-то, это роскошь: для заключённых сойдёт и холодная. Но тебе как новенькой сделаем поблажку. Ты и так в шоке от всего, что с тобой случилось.

Он вылил в мой тазик ещё один ковшик горячей воды, дал мне кусок дешёвого мыла и потрёпанную мочалку. Этим количеством воды я и должна была довольствоваться. Забравшись в отделение каменного бассейна, я поставила тазик перед собой на уступ, зачерпнула немного воды ковшиком и облилась.

— Водные процедуры и смена исподней одежды — каждые две недели, — сообщил тем временем к моему сведению Ингвар. — Верхнюю робу положено менять на чистую раз в полгода.

Намылившись с головы до ног, я растёрлась мочалкой и облилась водой. Пока я обтиралась старым и грубым полотенцем, Ингвар положил на скамейку стопку одежды: куртку и штаны неопределённого серого цвета, а также круглую шапочку того же цвета. Исподнее — рубашку с треугольным вырезом ворота и нижние штаны — он положил рядом, а на пол поставил пару грубых сапог. К ним прилагалось нечто вроде портянок.

— В этом ты и будешь ходить здесь все свои пять лет. Привыкай.

Облачившись во всё это, я вдруг испытала невыносимый стыд — даже несмотря на то, что моя голова была прикрыта шапочкой.

— Ничего, — сказал Ингвар, похлопав меня по спине. — Привыкнешь.

Пожалуй, он был неплохим парнем, хоть и был похож на кусок сала. К сожалению, того же самого я не могла сказать об охране: сопровождая меня в камеру, эти двое всю дорогу отпускали в мой адрес издевательские шуточки. Я терпела это, сцепив зубы, но когда один из них шлёпнул меня по заду, я не вытерпела. Развернувшись, я занесла кулак, но и только. Моя рука была перехвачена и заломлена за спину, моя щека сплющилась о холодную каменную кладку стены, а мои ноги широко разбросаны в стороны. Шею мне защекотало острие сабли, а на ухо с ненавистью зашипел гадкий холодный голос:

— Ты, сука! Слушай сюда, тварь. Ты — никто, ноль, скотина, у тебя нет никаких прав. Мы знаем, что ты сделала. Лёгкой жизни не жди. А будешь рыпаться…

И он приблизительно показал мне, что меня ожидает, если я буду рыпаться. Кулаки у них были чугунные. Подняв меня с пола, они толкнули меня вперёд.

— Не оборачиваться! Смотреть вверх!

С приставленной к шее саблей я дошла до самой двери моей камеры под номером 27.

— Отныне ты номер двадцать семь, тварь.

Меня втолкнули внутрь, и дверь за мной закрылась.

5.5. Дарт Вейдер

Моё личное пространство, предоставленное мне на ближайшие пять лет, представляло собой тридцать шесть кубометров воздуха — три метра в длину, три в ширину и четыре в высоту. На высоте трёх метров было полукруглое оконце с толстыми прутьями решётки. В стену был ввинчен железный откидной каркас с железной сеткой, на котором лежал голый матрас и подушка без наволочки. Хоть оконце было застеклено, потолок и стены поблёскивали от инея.

Сев на койку, я обхватила себя руками. Рёбра болели от ударов. Всё, что я могла, — это скалиться и глухо рычать сквозь стиснутые зубы. Ну что, Оскар? Как гладко и складно ты говорил, когда описывал мне ужасы человеческой пенитенциарной системы, но почему-то ни словом не обмолвился о том, что и у хищников есть что-то в этом роде. Зачем ты вытащил меня из одной тюрьмы, чтобы потом бросить в другую, ещё худшую? Ну, спасибо, удружил!

Оглашая камеру звериным рыком, я двинула кулаком по двери. Она загудела, в ней осталась вмятина, но и только. Мои костяшки были разбиты в кровь. Взвившись под потолок, я

вцепилась руками в прутья решётки и повисла на них, упираясь ногами в заиндевевшую стену. В оконце был виден заснеженный замковый двор и тёмные крепостные стены. Издав рык, я разбила кулаком стекло и жадно глотала заструившийся в оконце холодный воздух. От слишком частого дыхания у меня закружилась голова, и я соскользнула на пол. Мои зубы всё ещё судорожно скалились. Видела бы меня моя Карина — наверняка испугалась бы такого чудовища. Я взобралась на койку и, стащив шапочку, стала водить ладонью по гладко выбритой голове. Бессильная ярость запертого в клетку дикого зверя ещё клокотала во мне, но мысль о Карине, как спасательный круг, удерживала меня на поверхности, не давая мне уйти в пучину звериной ненависти и безумия. "Я люблю тебя, Карина, я люблю тебя", — повторяла я про себя, как заклинание, как молитву, и чувствовала, как моё сердце смягчается. Свернувшись на койке клубком и прижав к животу подушку, я впилась зубами в свой кулак.

Не знаю, сколько я так пролежала. Окошечко на двери открылось, и я услышала грубый окрик:

— Осуждённая номер двадцать семь, встать! Смирно!

Этот окрик поднял меня с койки, как удар бичом. Дверь открылась, и в мою камеру вошёл начальник тюрьмы. Он был без оружия: его сопровождал вооружённый саблей надзиратель. Войдя, он окинул меня взглядом, с усмешкой оценивая мой внешний вид.

— Ну, и что это значит, осуждённая Аврора Магнус? — спросил он холодно. — Плохо, плохо вы начинаете. Не успели прибыть, как уже кидаетесь с кулаками на охрану. А это что? — Он прошёл в глубь камеры и посмотрел на окно, потом обернулся и снова взглянул на меня. — Это вы разбили?

Я молчала. Г-н Август Минерва подошёл ко мне и сказал спокойно, но так, что мурашки по телу пробежали:

— Попрошу вас отвечать, когда я с вами разговариваю.

— Так точно, я, — ответила я. И, вспомнив, добавила: — Сэр.

— Ну, и зачем? — спросил он. Не злобно, а как-то насмешливо. — Себе же хуже сделали. Теперь у вас в камере будет сквозняк.

— Я не боюсь сквозняков, сэр, — сказала я. — Я люблю свежий воздух.

Он усмехнулся.

— Ну, как знаете. Впрочем, вели вы себя сегодня плохо, так что вам следует наказание. В штрафной изолятор мы вас на первый раз сажать не будем, а вот обеда вы сегодня не получите. Но если в будущем повторится что-то подобное, штрафного

изолятора вам не избежать. Вы пока не знаете, что это такое, и от всей души желаю вам этого не узнать. Хотя, — добавил он, досадливо морщась, — я уже понял, что вы за птица. И уже предвижу, что ваше досье будет пестреть взысканиями. Очень жаль.

Начальник тюрьмы вышел, и дверь за ним закрылась. Что-то было такое в этом невзрачном и на первый взгляд ничем не примечательном типе, отчего слабели колени и холодели кишки. Под его холодным взглядом какая-то невидимая сила вытягивала руки по швам, втягивала живот и выпячивала грудь. Он не кричал, не ругался, просто смотрел этим взглядом — и тело словно сковывали железные обручи, фиксирующие его в положении "смирно". Ничегошеньки необыкновенного не было в его гладком и сытом, чисто выбритом лице, стрижка у него была самая простая, короткая и аккуратная; ни ястребиного носа, ни нависших бровей, ни жуткого оскала — просто заурядное, не слишком красивое, но и не уродливое лицо, какое могло бы быть, к примеру, у какого-нибудь чиновника среднего звена. Оно было какое-то усреднённое, универсальное, как бы составленное из деталей стандартного размера и формы и лишённое какой бы то ни было яркой индивидуальности, но тем резче на нём выделялся его гипнотический, властный взгляд — как удушающая хватка Дарта Вейдера.

5.6. Сосед

— Эй, новенькая! Двадцать седьмая! Привет. Меня зовут Каспар. Я твой сосед, двадцать шестой.

Слух хищника острее слуха кошки, и толстая стена, отделявшая меня от соседней камеры, не была для улавливания звука слишком большим препятствием. К тому же она была не идеальна, в ней были трещины и пустоты, а потому голос моего соседа долетал до меня только слегка приглушённым. Я приподнялась на локте.

— Привет… Меня зовут Аврора.

— На сколько ты здесь застряла?

— На пять лет. А ты?

— У меня десятка, но через три года я откидываюсь.

— За что ты здесь?

— Об этом не принято спрашивать, двадцать седьмая. И ты тоже можешь не отвечать на этот вопрос. Это не имеет значения.

— Значит, ты здесь уже семь лет… Скажи, здесь можно выжить?

— Ну, раз я здесь уже семь лет, то сама видишь, что можно. Главное — не вешать нос. Что, без пайка осталась?

— Да… За то, что пыталась ударить надзирателя и разбила окно.

— Молодец, двадцать седьмая. В первый же день отличилась. Учти, здесь тихонь не уважают. Чересчур психовать не советую, но время от времени показывать зубы можно и нужно. А то расклеишься. Надо держаться бодрячком, поддерживать в себе дух, так сказать… А то они сделают из тебя тупую скотину. Как тебе наш босс?

— С виду — так себе, а взгляд у него… Кровь стынет.

— Да, потому-то он и главный. Он тебя уже невзлюбил. Но ты перед ним не лебези, не советую. Хамить и нарываться не надо, но и прогибаться не стоит — если ты себя хоть капельку уважаешь. И не бойся — страх он за милю чует. Будешь бояться — всё, считай, тебе крышка.

Окошко двери со стуком распахнулось.

— Разговоры прекратить! Осуждённая номер двадцать семь! Осуждённый номер двадцать шесть! Встать! Кругом! Вперёд, лицом к стене, руки за голову, ноги на ширину плеч! Локти и лоб касаются стены. Стоять, пока не дам отбой. И чтоб ни звука!

Упираясь лбом и локтями в стену под окном, я вслушивалась в пространство. Слева и справа от меня, за стенами, находились такие же, как я, существа. Подо мной — тоже. Вокруг нас были стены замка, вокруг замка — остров, а вокруг острова — море.

5.7. Жалоб и пожеланий нет

Подъём был в четыре утра, тогда как спать нас отправляли в одиннадцать. Ровно в четыре со стуком открывались дверные окошки, проходящий по коридору надзиратель долбил в двери дубинкой и орал:

— Подъём! Подъём! Кто не встанет — не получит жратвы!

Встав, полагалось стоять и ждать. Заместитель начальника тюрьмы МАксимус Этельвин совершал утренний обход. На задаваемый им вопрос: "Жалобы? Пожелания?" — полагалось отвечать: "Жалоб и пожеланий нет, сэр", — даже если они были. Этому меня научил мой сосед, осуждённый номер двадцать шесть, Каспар.

— Никогда ни на что не жалуйся и ни о чём не проси. Если заболела, скажи, что схватила насморк, но чувствуешь себя удовлетворительно. Тебе разрешат сходить к доку. Если чувствуешь, что даёшь дуба, скажи, что тебя слегка лихорадит. Тогда док, быть может, придёт к тебе сам.

5.8. Дни и ночи

Довольно много времени узник торчал один в свой камере.

Он мог заниматься там, чем хотел: думать, ходить из угла в угол, заниматься гимнастикой или онанизмом, но только не спать. Спать в неположенные часы было запрещено. Для предотвращения этого время от времени открывалось окошечко двери, и если узник в это время лежал на койке с закрытыми глазами, его угощали дубинкой по рёбрам. Спать полагалось с двадцати трёх ноль ноль до четырёх ноль ноль, и ни в какое другое время.

За малейшее взыскание отправляли в карцер — о тамошних условиях речь пойдёт позднее. Забегая вперёд, скажу, что я попадала туда за весь срок шестнадцать раз. Два раза, находясь там, я была близка к впадению в анабиоз, но каким-то чудом выжила.

Получить от начальника колотушку было обычным делом. Надзиратели били нас и за провинности, и просто так, ради своего удовольствия. "Провинностью" мог стать даже косой взгляд. А дубинки у наших стражей были железные, рёбра ломали на счёт "раз". Да и руки-ноги такой дубинкой можно было перебить. По голове бить надзирателям запрещалось… впрочем, запреты на начальство практически не распространялись. А в избиении они знали толк и калечили нас нещадно. Переломы при питании кроличьей кровью срастались долго и мучительно.

В течение одного часа в день узник гулял. Прогулка представляла собой хождение по кругу в замковом дворе — в любую погоду. Разговоры во время прогулки запрещались.

Надзиратели работали посменно, отлучаясь из замка на охоту. Но в замке был небольшой запас человеческой крови на экстренный случай — погружённые в летаргический сон живые жертвы. Их погружали в этот сон при поимке; не требуя в таком состоянии никакой пищи и воды, они всё-таки оставались живыми, и их кровь могла быть выпита хищниками. Они лежали в особом помещении, куда узникам доступа не было.

Работа была в основном в прачечной и в крольчатнике, а также в огороде; узники питались кроличьей кровью, и в замке была собственная кроличья ферма. В огороде выращивались овощи в корм животным, но короткое, дождливое и прохладное северное лето не позволяло собирать хороший урожай, и потому корм для животных дополнительно доставлялся с большой земли — так же, как и свечи, керосин и уголь. Во время работы можно было перекинуться парой слов: хотя надзиратели наблюдали за узниками и в это время тоже, но в основном следили за тем, чтобы кто-нибудь из них не съел лишнего кролика. Раз в две недели была большая стирка, на которую гнали женщин-узниц, за кроликами ухаживали большей частью мужчины, а на огороде

гнули спины те и другие. Из шерсти "использованных" кроликов изготавливалась пряжа, из которой, в свою очередь, делались вязаные вещи, но не для собственного использования, а на продажу. Доход они приносили небольшой: им окупалось мыло и свечи. Мясо укушенных нами кроликов людям в пищу не годилось; его измельчали, сушили и использовали как удобрение для огорода, наряду с кроличьим помётом и костями. Таким образом, кроличьи останки взращивали на себе пищу живым кроликам, которые давали пищу узникам, становясь, в свою очередь, удобрением, на котором произрастал новый кроличий корм; носки, варежки, шарфы и шапочки обеспечивали нам чистоту наших тел и свет в наших камерах. Таков был круговорот кроликов в природе.

Вязальные спицы нам давали без особых опасений: большого вреда хищнику таким "оружием" нанести нельзя. Кроме того, реакции у узников, ослабленных кроличьей кровью, изрядно замедлялись, и надзирателю не составляло труда опередить удар. Одна узница поплатилась за такую попытку жизнью: ей снесли голову прежде, чем она подняла руку. Заныкать хотя бы одну спицу было невозможно: им вёлся строгий учёт. Если недосчитывались хоть одной штуки, страдали все. Психологическая встряска в виде грубого обыска была гарантирована, а виновному — ещё и месяц в карцере, на урезанном вдвое пайке. Такие меры способствовали тому, что случаи пропажи спиц были очень редки. Впрочем, заныкать — только полдела, надо было ещё суметь воспользоваться. А вот воспользоваться ими в качестве травматического оружия не удавалось. Почему — было сказано выше.

Связав при свете свечи одну пару маленьких детских носочков, я не сдала их, как всё остальное, для реализации, а оставила себе. Я вязала их для Карины. Я знала, что к ней они не попадут, но связала их просто так, чтобы, глядя на них, думать о ней. "Я люблю тебя, Карина", — с этим заклинанием я засыпала и просыпалась, и оно не давало мне сойти с ума или превратиться в злобное тупое животное. Дни и ночи шли, Карина жила на добытые мной во время моей жизни в горах деньги — деньги, которые могли послужить злу, но теперь кормили, поили и одевали её; эти дни и эти ночи, похожие друг на друга, как близнецы, работали на осознание мной того, что общество хищников, в которое меня заманил сладкоречивый Оскар, ничем не лучше, а в чём-то и хуже человеческого. Эта мысль могла привести в отчаяние, но отчаяние я прогоняла злостью, а от лишней злости избавлялась, думая о Карине. Прижимая к губам носочки, которые никогда не были и не могли быть надеты на её

ножки, я всё равно чувствовала её тепло, и только благодаря ему я смогла вытерпеть всё, остаться в живых и сохранить своё "я" неизменным.

5.9. Позитивное мышление

"Водные процедуры" были ещё одной возможностью для общения, и более свободного, чем во время работы: в помывочной надзиратели не присутствовали, а дежурили за дверью. Мужчины и женщины мылись раздельно; летом обходились холодной водой, зимой Ингвар добавлял в каждый тазик по ковшику горячей. Я подружилась с ним. Этот кусок немецкого сала, в отличие от охраны, не был злобен и не находил удовольствия в издевательстве над узниками, и я питала к нему симпатию. Нравился он и другим узникам. Среди нас было несколько его соотечественников, и он никогда не упускал возможности поговорить с ними по-немецки. "Водной процедуре" предшествовало бритьё головы, обязательное для всех независимо от пола; отрастающая щетина беспощадно уничтожалась, и даже пятимиллиметровый ёжик был непозволительной роскошью. Женскую часть осуждённых он умел развеселить шутками о практичности такой причёски и высказываниями наподобие того, которым он утешил меня в день моего прибытия в замок, когда он впервые сделал мне эту причёску. Его слова о разнице в десять дюймов — такова была приблизительная высота моего черепа от макушки до шеи — навсегда запомнились мне: заострённое железо сняло только мои волосы, хотя могло снять и голову. Его умение во всём видеть положительную сторону было поразительным, а умение убедить других в существовании этой положительной стороны и вовсе не поддавалось измерению, поэтому на "водные процедуры" мы шли не только за очищением тела, но и за порцией общения и оптимизма. И никакие надзиратели не могли этому помешать.

5.10. Друг, крепись

Календарь и часы заключённым иметь не полагалось, но вести счёт времени было можно на основе регулярного события: раз в две недели был банный день. Подобно узнику замка Иф, я царапала стену у своего изголовья вязальной спицей: короткие чёрточки означали недели, длинные — месяцы. Мой предшественник тоже вёл такой календарь, но избрал для этой цели место на противоположной от койки стене, ближе к углу. А под койкой я нашла послание, нацарапанное чем-то острым:

"Меня завтра выпускают. Друг, крепись. Я выжил, и ты

выживешь".

5.11. Дамочка

Нас покинул наш доктор. Никто нам не объяснял, почему, но, как бы то ни было, на некоторое время мы остались без врача. А потом у нас появилась док Гермиона.

После побудки и утреннего обхода нас выстроили в замковом дворе, несмотря на дождь. Начальник тюрьмы прохаживался перед строем в синих утренних сумерках, поблёскивая капельками дождя на плечах чёрного кожаного плаща, и поглядывал на часы. Кажется, мы кого-то ждали.

Наконец загромыхали главные ворота. В предрассветной тишине послышался странный звук, похожий на стук женских каблучков: цок, цок, цок. Повеяло духами, и мы увидели заместителя начальника тюрьмы, который шёл в сопровождении маленькой стройной фигурки в белом плаще и красных сапожках, укрывающейся от дождя под красным зонтиком. Следом два надзирателя тащили чемоданы. Начальник тюрьмы галантно поприветствовал даму и сказал, обращаясь к строю:

— Прошу любить и жаловать… Это наш новый врач, доктор Гермиона Горацио.

Мы во все глаза смотрели на это чудо. Строго говоря, красавицей доктора Гермиону назвать было нельзя: она была низкорослая, щупленькая и большеротая, с небольшими серыми глазами и вздёрнутым носиком. Единственным её украшением были чудесные каштановые волосы: собранные на затылке в пучок, они крупными волнами и завитками спускались ниже её пояса. Маленькие ручки в красных перчатках держали коричневый докторский чемоданчик. Мой другой сосед, Цезарь, номер двадцать восемь, огромный черноглазый красавец родом из Венесуэлы, прошептал:

— Ух ты, дамочка!..

Доктор Гермиона услышала и строго посмотрела на него из-под своего красного зонтика, а мой сосед расплылся в глупой восторженной улыбке. Строгая доктор Гермиона вдруг тоже улыбнулась, но тут же снова приняла суровый и неприступный вид.

Ночью Цезарь так ворочался на своей койке, что мне было это слышно через стену. Я спросила его, не заболел ли он, а он ответил:

— Как бы я хотел заболеть! И чтобы она меня лечила!

5.12. Док

К доктору-"дамочке", к тому же, такой маленькой и

щупленькой, мы поначалу отнеслись с сомнением, однако вскоре мы все поняли, что новый доктор была просто золото. Едва приступив к своим обязанностям, она сразу рьяно взялась за дело. До сих пор осмотр доктором был редкой вещью в тюрьме Кэльдбеорг, до врача дело доходило только в случае серьёзного ухудшения самочувствия, а док Гермиона ввела новшество — еженедельные профилактические осмотры. Она также добилась улучшения гигиенических условий в камерах и в самой крепости в целом. Также достижением дока было то, что нам стали чаще стирать одежду и своевременно заменять изношенную на новую. Ей до всего было дело, и получалось, что она выполняла ещё и функции завхоза. Умница док как-то сумела изыскать средства на ремонт; впрочем, их хватило только на замазывание щелей и приобретение для нас постельных принадлежностей, но и за это мы были ей благодарны и готовы были при встрече целовать её миниатюрные ножки.

Чем я только не болела в темнице! Иногда случалось, что наши кролики болели, а о том, чтобы давать заключённым в пищу только здоровых особей, никто и не думал заботиться. Давали кого попало, и я переболела всеми возможными болезнями. Вирусы действовали на мой организм гораздо слабее, чем на организм человека — им была не по вкусу моя внутренняя среда, поэтому болезни протекали в лёгкой форме, но изматывали меня до предела. Постоянный озноб и недомогание стали моим привычным состоянием. Часто бывала головная боль и тошнота, пропадал аппетит. Кроме того, от крови животных хищник слабел, терял свои способности, а о крыльях можно было вообще забыть, и поэтому нашим надзирателям, питавшимся кровью людей, было весьма легко с нами управиться, так как они были гораздо сильнее нас. Лекарство от всех болезней было одно: человеческая кровь.

— Получив её, наш организм сам справляется со всеми хворями, — объяснила док Гермиона этот феномен. — Дело в том, что наш организм сильно отличается от человеческого по химическому составу. Он способен выделять токсины, смертельно действующие и на вирусы, и на паразитов, поэтому мы гораздо более устойчивы к разного рода заболеваниям.

Док Гермиона, оказавшаяся единственным порядочным представителем персонала тюрьмы, забила тревогу, и ей удалось добиться того, чтобы нас кормили только здоровыми животными, а для профилактики болезней и поддержания сил раз в три дня выдавали по стакану человеческой крови. Эта терапевтическая доза не позволяла нам восстановить силы настолько, чтобы потягаться с охраной, но, по крайней мере, излечивала все наши

болезни.

5.13. Чистота — залог здоровья

Каждый заключённый был обязан содержать свою камеру в чистоте, для чего всем выдали по венику. Док сама обходила камеры и проверяла, выговаривала ленивым и внушала, что чистота — залог здоровья. Дотошная и неугомонная, она обнаружила на складе горы неиспользованных моющих средств и обязала всех раз в неделю делать влажную уборку. Моя каждую неделю забрызганный кровью пол своей камеры, отмывая засохшие старые пятна и снимая тенёта по углам, я с благодарностью думала о доке. Поверите ли, но мне даже стал нравиться запах хлорки, который стоял в камере ещё целый день после уборки. Это был запах чистоты.

Док обращалась с нами не как с преступниками, а как с нормальными гражданами, чем завоевала наше искреннее расположение. Хотя док Гермиона не была красавицей, по сравнению с нами она смотрелась богиней: хрупкая, чистенькая, в белом халате, на каблучках, с тяжёлым узлом шелковистых волос на затылке, она была так непохожа на здешних обитателей, что само её присутствие здесь, в этом мрачном холодном замке, казалось чудом. Вся мужская часть узников вздыхала о ней; мой сосед Цезарь, горячий венесуэльский парень, влюбился в дока Гермиону со всей своей латиноамериканской страстью и люто ненавидел начальника тюрьмы, поскольку были слухи, что тот тоже был к ней неравнодушен. Невозможно было без содрогания подумать о том, что этот Дарт Вейдер с лицом чиновника среднего звена пытается применить к ней силу своего дьявольского взгляда, как бы невзначай дотрагивается до её локотка, целует ей ручку. Невозможно было не бояться за неё, такую маленькую и с виду хрупкую и беззащитную, но она, к нашему счастью, стойко противостояла его чарам и не отвечала ему взаимностью.

5.14. Дамы и господа

Док проводила профилактическое обследование, и мы заходили к ней в кабинет по пятеро. Зная, что мы слушаемся дока беспрекословно и не причиним ей вреда, надзиратели стояли за дверью, курили и беседовали, не опасаясь беспорядка.

В первой пятёрке была я, Каспар, Цезарь, а также Пандора (N25) и Лира (N29) — мужчины и женщины вперемешку, так как обследование не требовало раздевания. Мы зашли, поздоровались, а док кивнула и сказала:

— Ну-с, приступим.

И кивком указала на стул рядом со своим столом. Любой из нас мог подойти и сесть.

Мужчины уступали очередь женщинам:

— Дамы первые…

"Дамы", поглаживая бритые головы, смеялись:

— Да какие мы дамы! Посмотрите на нас. Такие же лысые, как вы, и в таких же робах. Мы здесь все равны.

Эта заминка длилась не дольше пятнадцати секунд, но док вдруг нетерпеливо сказала:

— Дамы и господа, не время рядиться… Садитесь уже кто-нибудь!

Мы никогда не слышали, чтобы она говорила таким раздражённым и усталым тоном. Мы примолкли, а Цезарь заметил полувопросительно, обращаясь не то к нам, не то к ней:

— Док не в настроении? Что случилось?

Док сказала, хмуря брови:

— У нас мало времени… Не задерживайте осмотр, прошу вас.

Её голос странно задрожал, губы вдруг затряслись, и мы увидели, что у неё красные глаза, а веки слегка припухли. Пандора осмелилась спросить:

— Док, вы что — плакали?..

— С чего вы взяли, мадемуазель Пандора? — сердито ответила док. — Начнём с вас, присаживайтесь.

Но все мы видели на лице дока Гермионы следы слёз. Она сердилась и нервничала, но мы, обеспокоенные, требовали назвать причину её огорчения:

— Док, кто вас так? Скажите нам, пожалуйста! Мы вас такой ещё не видели!

У дока тряслись пальцы, она нервно требовала, чтобы мы прекратили расспросы и подходили к ней для обследования, а потом она вдруг резко умолкла, поднесла свою тонкую руку к глазам и сидела так несколько секунд. Потом она закрыла лицо руками и пробормотала:

— Я так не могу… Это отвратительно…

Мы впервые увидели дока плачущей. Пару секунд мы стояли как вкопанные, и в нас поднималась холодная ярость: кто посмел довести её до такого?! Цезарь, сверкнув глазами, весь вспыхнул, вся его южная страсть заклокотала в нём, и док Гермиона бросила на него испуганный взгляд. А он, присев перед ней, сказал тихо и ласково:

— Док… Родная, скажи, кто тебя обидел? Я его на куски порву.

Никто из нас не позволял себе говорить доку Гермионе "ты" и уж тем более называть её "родной", и она вполне имела право

возмутиться, но почему-то не сделала этого. Может быть, дело было в мощном мужском начале Цезаря, которое приводило в трепет всё её женское естество, а может, её тронул его горячий порыв преданности — как бы то ни было, она робко дотронулась ручкой до его широкого плеча и пробормотала:

— Вы всё равно ничем не поможете, дорогой Цезарь. Только наживёте себе неприятности…

Цезарь сгрёб своей огромной ручищей лежавшую на его плече маленькую лапку дока Гермионы, а Каспар сказал тихо, но значительно:

— Док, скажите нам, кто вас обидел, а потом уж мы увидим, можем мы помочь или нет. К вам кто-то приставал? Скажите, кто, и мы предпримем всё, что в наших силах, чтобы его наказать.

Док Гермиона побледнела ещё больше, хотя это казалось уже невозможным, замотала головой, переводя умоляющие, полные слёз глаза с одного заключённого на другого, и пробормотала, шевеля дрожащими губами:

— Нет… Не надо! Ни в коем случае!

— Док, вы за нас не бойтесь, — сказал Каспар. — Мы уже многое вынесли, всякое повидали и испробовали на своей шкуре. Вы не волнуйтесь, убивать мы никого не станем, но мало ему не покажется…

— Нет, нет, вы только ещё хуже разозлите его, — бормотала док. — Я прошу вас, ничего не надо делать!

Цезарь, впившись в неё взглядом своих жгуче-чёрных глаз, спросил:

— Кто? Сам босс?

Док Гермиона мотнула головой и отвернулась. Её тёмно-каштановые блестящие локоны, убранные в причёску, как у древнегреческой дамы, при этом тоже мотнулись.

— Тогда его заместитель? — предположил Цезарь.

Док молчала, и её молчание было истолковано как утвердительный ответ. Цезарь сказал, окидывая нас взглядом:

— Если нашего дока обижают, мы обязаны что-то сделать. Думаю, все мужчины, которые есть среди нас, со мной согласны.

Я сказала:

— Женщины тоже с вами солидарны. Правда, девочки? — Я взглянула на Пандору и Лиру, и те согласно кивнули.

Слова были не нужны, мы только обменялись взглядами — план возмездия был готов.

5.15. Бунт

Каспар и Цезарь со стульями в руках стояли по обе стороны двери, прижавшись к стене. Лира закричала:

— Помогите! Доктору Гермионе плохо!

На головы ворвавшихся в кабинет охранников Каспар и Цезарь обрушили по удару железными стульями, и мы вырвались из кабинета.

Фактор внезапности дал нам преимущество. На несчастье заместителя начальника тюрьмы, в его кабинете недавно был ремонт, и там стояла банка с краской, оставшаяся от покраски стен, а на диване лежала набитая пухом и перьями подушка. Он сам сидел в расслабленной позе, дремал после сытного обеда и не ожидал гостей. Двое схватили его за ноги и стащили с кресла на пол, ещё двое держали его за руки. В рот ему был засунут кляп. Цезарь и Каспар хорошо поработали сапогами по рёбрам г-на Максимуса Этельвин, у меня в руках оказалась подушка и банка с краской. Обидчик дока Гермионы стал с ног до головы коричневым. Подушка была вспорота, закружился снег из перьев.

Разумеется, ворвалась опомнившаяся охрана, и бунт был усмирён. Облитый краской и облепленный перьями Максимус орал благим матом:

— Всех на неделю оставить без еды! Зачинщиков в карцер!

Дальше бунтовать мы не собирались. Дело было сделано, Максимус был опозорен до конца жизни. Он был и по жизни псих, а сейчас вовсе слетел с катушек. Он бегал весь в краске и перьях по всей крепости и орал. Надзиратели шарахались от него, и неудивительно: под слоем перьев его было не узнать. Он носился как бешеный, распространяя вокруг волны резкого запаха масляной краски, и от его ног повсюду оставались липкие следы и клочки перьев. Первым делом он ворвался в кабинет начальника, заляпал отпечатками рук его костюм, требуя для нас самого сурового наказания. Наш босс, отпихивая его от себя и морщась, возмущался:

— Ну что вы делаете, вы же и меня всего перемазали, неужели обязательно за меня хвататься?.. Успокойтесь, хватит орать, как будто вас режут!

В результате нам пришлось стоять в строю полчаса и ждать, когда начальник тюрьмы, испачканный своим неадекватным замом, приведёт себя в порядок. Максимус вообще куда-то исчез надолго. Один из надзирателей пробежал мимо с большой бутылью растворителя.

Раздалась команда:

— Смирно!

Тридцать пять подбородков вздёрнулись. Начальник тюрьмы, уже в новом чистом костюме, пахнущий одеколоном и слегка растворителем, появился перед нами, строгий, но сдержанный.

Он был более адекватен, чем Максимус, и поэтому орать не стал, а спросил сурово:

— Кто зачинщик? Шаг вперёд!

А зачинщика как такового не было. Это была спонтанная вспышка, незапланированная, произошедшая под влиянием эмоций. Но начальник тюрьмы требовал выдачи зачинщика, угрожая оставить всех заключённых без еды на неделю, потом на две недели. Не желая, чтобы пострадали все, ваша скромная повествовательница шагнула вперёд из строя и отчеканила:

— Я зачинщик. Наказывайте только меня.

Начальник тюрьмы повернулся и хотел подойти ко мне, но тут вперёд шагнул Цезарь.

— Я тоже.

— Так, — сказал главный. — Кто ещё?

Шагнул вперёд и Каспар, и Пандора, и Лира, а потом и все остальные. Все до одного. Весь строй шагнул вперёд. Босс скрежетнул зубами.

— Значит, вот как вы?.. Гм, ладно. Тут пахнет заговором… Значит, так! Я хочу знать, кто всё это организовал и с какой целью. И, если возможно, по какой причине. Это всё, что я хочу знать. Наказаны будут только зачинщики, всем остальным ничего не будет. Если кто — не из числа зачинщиков — был свидетелем и что-то знает, пусть всё расскажет. Я подумаю, как его поощрить за сознательность.

Тридцать пять голов были неподвижно подняты. Висело молчание. Сапоги стояли, пятки вместе, носки врозь. Руки были вытянуты по швам. Никто ничего не говорил. Главный сердито сверкнул глазами.

— В молчанку играть будем? Хорошо. Тогда по камерам, буду вызывать и разговаривать с каждым по отдельности — благо, вас немного. Если к концу этого дня я не выясню то, что хочу, наказаны будут все одинаково. Мало вам не покажется, это я гарантирую.

5.16. Дамы и господа, смирно

Можете и не сомневаться, что Август "Дарт Вейдер" Минерва во всём разобрался. Он безошибочно определил нашу пятёрку как виновников беспорядка и вкатил нам месяц штрафного изолятора.

Отвратительное и гиблое это место, скажу я вам. Даже для выносливого организма хищника это было непростое испытание. Изолятор был устроен с таким дьявольским расчётом, чтобы зимой там было смертельно холодно, а летом царила сырая и нездоровая атмосфера. Нормально питающемуся хищнику все эти

неудобства были бы не страшны, но для узников Кэльдбеорга, ослабленных скудным кроличьим рационом, они превращались в подчас непереносимые тяготы. В изоляторе было как раз пять камер, и нас туда посадили. Там нельзя было даже лечь, места хватало только для того, чтобы сидеть, притулившись в неловком положении. Это была изощрённая пытка, длившаяся тридцать суток.

Подвергали нас пытке и ещё более изощрённой. Нас спускали в узкие колодцы глубиной чуть больше человеческого роста, закрывавшиеся сверху железными решётками. Они были такими узкими, что там можно было только стоять. Нас опускали туда на шесть часов днём и на три часа ночью, а остальное время мы проводили в карцере.

Надзиратель, следивший за тем, как мы стоим в колодцах, всё время цеплялся к нам, заставляя держать положение стойки "смирно" и не прислоняться к стенкам колодцев.

Невыносимо всё время стоять прямо, с приподнятой головой, но именно так желал надзиратель, чтоб мы стояли.

— А не будете стоять как следует, вообще пайка лишим, — грозил он.

Но он не всегда смотрел за нами, иногда отлучался, и тогда мы ненадолго расслаблялись. Но он возвращался и начинал покрикивать:

— Так, куда осанка девалась? Голову как держим? Не прислоняться!!!

Мы задирали головы, изнемогая, и каждый из нас желал смерти нашему мучителю.

Изредка, оставаясь одни, мы перешёптывались, придумывая для него способы казни.

— Я бы вспорол ему живому брюхо и ме-е-едленно вытягивал бы из него кишки, — мечтал Каспар.

— А я… А я бы залила ему в глотку кипящее масло, — поделилась Пандора. — Так, чтобы оно сразу лилось в желудок, поджаривая его потроха.

— Садисты вы, — усмехнулся Цезарь. — Я бы просто положил его на плаху, взял топор и хрясь! — отрубил бы его куриную башку. Незамысловато и эффективно.

— Нет, надо, чтобы он помучился, — подала голос Лира. Она еле говорила от усталости, и её голос был чуть громче шелеста листвы. — А я бы, ребята, сначала сняла бы с него скальп, посыпала бы его голову солью… Потом я бы стала выжигать раскалённым железом ему глаза… Вырвала бы все зубы без наркоза… Отрезала бы язык… Отхватила бы большим ножом его яйца…

Из колодцев мужчин послышалось:

— Уй…

— Эх…

— Да, — продолжала Лира чуть слышно. — Потом засунула бы его яйца ему в рот, сломала бы все пальцы и вырезала бы у него, ещё живого, сердце!..

— Вот это казнь, — восхитился Каспар. — Лира, ты просто мастер пыток. Вот это я понимаю, смак… Ребята, согласитесь, Лира придумала самую лучшую казнь.

Мы охотно согласились, только сама Лира что-то больше не подавала голоса. Пандора позвала обеспокоенно:

— Дорогая, с тобой там всё в порядке? Ты там не в обмороке? Поговори с нами!.. Скажи что-нибудь, родная! Если тебе плохо, мы зашумим, будем звать доктора!

Послышался тихий, измученный голос Лиры:

— Я в порядке… Просто что-то голова кружится немного. Это, наверно, от усталости.

— Это от голода, — с уверенностью сказал Цезарь. — У меня самого, если честно, ноги подкашиваются. Эх, сейчас бы кровушки литрика два! Пусть хотя бы кроличьей… Но вволю!

— Ох, не говори, меня мутит, — простонала Пандора.

— Слушайте, — сказал вдруг Каспар. — А Аврора у нас казнь не придумывала. Аврора, а ты бы как его урыла?

— Всё, ребята, баста, — отозвалась я. — Хватит об этом. У меня башка раскалывается.

— Тоже от голода, — сказал Цезарь. — Ох, ну что за изверги! Я начинаю с вами соглашаться…

— Насчёт чего? — спросил Каспар.

— Чтоб его помучить.

— А ну-ка, ну-ка!.. Как бы ты его?

— Ну-у… Сначала я бы отрубил ему ноги.

— Так, неплохо.

— Потом я отрубил бы ему руки.

— Гм, а дальше?

— А что дальше? Потом — башку его куриную, и всё тут!..

Каспар вздохнул.

— Тебе бы всё только топором махать… Это как-то не очень изощрённо, как девчонки придумали.

Наши разговоры были прерваны звуком приближающихся шагов. Подумав, что это возвращался наш мучитель, мы кое-как подобрались — выпрямили спины, подтянули животы, подняли подбородки, ноги поставили вместе. Но поступь была не его. Она была лёгкая, быстрая, до боли знакомая и любимая. А потом послышался тихий голос над колодцами:

— Это я… Как вы там, ребята?

— Док?!

— Да, мои дорогие, это я… Умоляю вас, тише.

— Док, — сказал Каспар, — мне это мерещится, или это правда вы?

— Правда, правда, — послышался тихий, серебристый смех.

— Вы — здесь?! Как вы сюда…

— Ш-ш! — шикнула док. — У меня мало времени. Я вам кое-что принесла. Кто из вас чувствует себя хуже всех?

— Это Лира, — сказала Пандора.

— Она, она, — подтвердил Цезарь. — Нам всем хреново, док, но ей хуже всех, это точно.

— Она у нас уже в обморок падала, — сообщила я.

Было слышно, как док перемещалась к колодцу Лиры.

— Мадемуазель Лира, вы меня слышите? Это доктор.

— А?.. — ответил слабый, как будто сонный голос Лиры. — Док? Вы здесь? Это не сон?

— Мадемуазель Лира, я сейчас просуну вам в яму трубочку. Сосите, пока я не скажу "стоп". Так, вот она… Берите. Нашли?

— Угу… Угу.

— Теперь сосите, только умоляю вас, ни слова.

Около минуты царило молчание, только иногда до нас доносились причмокивающие звуки. Потом док сказала:

— Стоп, мадемуазель… Всё. Оставьте и вашим друзьям.

— Док… — умоляла Лира, — я прошу вас… Можно ещё?

— Нет, всё, — ответила док строго, но с оттенком ласки. — Ваши друзья тоже голодны.

— Да, док, вы правы… Ребята, это кайф. Сейчас и вам дадут пососать.

— Что ты там такое пила? — изнывал Каспар. — Док, что там у вас?

Док сказала:

— Два с половиной литра крови… По пол-литра на каждого. Больше пронести не смогла.

Каспар прохрипел:

— Док, родная вы наша!.. Дайте, дайте скорее!

— Возьмите, друг мой, только не выпивайте всё, оставьте другим.

Ещё одна мучительная минута. У нас с Цезарем и Пандорой урчало в животах, и мы с нетерпением ждали, когда к нам в колодцы спустится благословенная трубочка. Каспар напился, вернее, выпил свою долю, и док вынула трубочку из его колодца. Пандора запросила:

— Мне, док, мне!..

Док дала ей трубочку. Потом, переместившись к колодцам, где стояли Цезарь и я, спросила:

— Ну, кому?

Великодушный Цезарь сказал мне:

— Пей, милая. Пей досыта, а мне оставь пару глоточков.

Я приникла к трубочке. Это было наслаждение. Мне с каждым глотком становилось лучше, я чувствовала прилив сил, проходила усталость и головная боль. Однако я остановилась: нужно было оставить и Цезарю. Я, оторвав рот от трубочки, спросила:

— Там ещё достаточно?

Док ответила:

— Можете сделать ещё пару глотков.

Я отпила и сказала:

— Всё… Цезарь, остальное тебе.

— Давайте…

Цезарь выпил остатки. Док Гермиона, вытянув трубочку, проговорила тихо и нерешительно возле его ямы:

— Цезарь… Я хотела вам сказать… Я вам очень благодарна за ваше… гм, гм, за ваш благородный порыв, и мне очень жаль, что всё так кончилось для вас… Не знаю, как сказать…

Её голос совсем сошёл на шёпот и смолк. Из ямы послышался хрипловатый ласковый голос Цезаря:

— Родная, не говори ничего. Если можешь, протяни сюда свои губки, моя сеньорита, а я как-нибудь дотянусь.

После секундного молчания док Гермиона ответила со звенящими в голосе, как кристаллы льда, нотками:

— По-моему, это немного слишком. Если вы думаете, что вам теперь всё можно, то вы ошибаетесь.

Она ушла, а Цезарь со стоном поник в своей яме. Каспар посмеивался:

— Что, норовистая попалась сеньорита?

— Да уж, с ней так нельзя, — вздохнул Цезарь.

— Что, получил щелчок по носу, герой-любовник? — не унимался Каспар. — Ты-то, наверно, привык, что девчонки сами тебе на шею вешаются, а? Ты их как орешки разгрызал, а эта не по зубам оказалась!

— Да если бы она была такая доступная, я бы к ней не смог так относиться, как я к ней отношусь, — прорычал в ответ Цезарь. — И всё равно эта сеньорита будет моя. Или она, или никто.

5.17. Свидание

Срок нашего наказания был уже на исходе, когда однажды

дверь моей камеры в изоляторе открылась, и я, жмурясь от яркого света, бившего мне в глаза, услышала:

— К тебе посетители, номер двадцать семь. Видно, важные персоны, потому что начальник тюрьмы велел тебя из изолятора достать, покормить, помыть и приодеть. На выход!

Я, пошатываясь, вышла.

— Ребята, — сказала я, обращаясь к четырём закрытым камерам. — Я посмотрю, кто там ко мне пришёл, и вернусь.

— Ладно, давай, — послышался голос Цезаря.

Я шикарно помылась горячей водой. Своим поведением я вряд ли заслужила свидания, но, видимо, это действительно были важные персоны, раз ради них меня вытащили из изолятора и старались придать мне божеский вид. Но кому я ещё могла быть нужна? А меня уже ждала одежда, вся с иголочки: штаны и куртка, как только что из-под швейной машины и гладильного пресса, новёхонькие сапоги, носочки. Вид этих беленьких носочков так меня поразил, что я долго смотрела на вещи, не веря, что всё это — мне.

— Одеваться, — услышала я суровый приказ. — Живо! Ещё надо перекусить. Посетители ждут.

Я торопливо оделась. Сидя на скамейке, я натянула на ноги эти беленькие носочки, привычным движением обтянула штанины вокруг голеней и всунула ноги в сапоги. Они были точно моего размера, но мне с непривычки казалось, что они были тесноваты: те, что я носила, были на два размера больше. Встав, я прищёлкнула каблуками новых сапог, оправила куртку. Мне казалось, что я выгляжу как никогда хорошо. На самом же деле это была та же арестантская форма, только новая.

Мне дали стакан с тёплой густой жидкостью, запах которой моментально свёл меня с ума. Человеческая кровь! Разумеется, это могло только раздразнить аппетит. Чтобы нормально утолить голод, мне был нужен по меньшей мере литр, полтора — уже роскошь, а два — это чтобы объесться до отупения.

— Для поддержки штанов, — усмехнулся надзиратель, протягивая мне стакан. — Приказ босса.

Мне захорошело от этого стакана, как вам может захорошеть от стакана водки. Слегка пьяная, вся с ног до головы чистая, одетая во всё новое, я вошла в кабинет босса, где, как мне сказали, меня ждали посетители. Хмель от стакана крови затуманил мне мозги, и я даже толком не рассмотрела, кто это был — кажется, мужчина и женщина. Здесь же был и босс. По привычке я щёлкнула каблуками и вытянулась. Каблуки были новые, не стоптанные, даже подкованные, и щелчок получился отменный. Глядя в пустое пространство поверх голов посетителей

и главного, я отрапортовала:

— Заключённая номер двадцать семь, Аврора Магнус, по вашему приказу явилась.

Ответом мне было молчание. Потом я услышала голос босса:

— Ну, вот, я исполнил вашу просьбу. Комнаты для свиданий у нас не предусмотрено, так что предоставляю для этой цели свой кабинет. Он в вашем распоряжении на один час. Я вас оставляю.

Босс вышел, прикрыв дверь, и я осталась один на один с посетителями — уж не знаю, что им от меня было нужно. Женщина встала, подошла ко мне и сказала, заглядывая мне в глаза:

— Аврора… Посмотри на меня! Это же я.

Мне показалось, что это какой-то сон, что я ловлю глюки из-за отупляющего воздействия изолятора и колодцев, а также от стаканчика крови, который мне зачем-то дали выпить. Я всмотрелась в лицо этой красивой, молодой, элегантно одетой женщины. Я не могла в это поверить.

— Юля?..

Мои ноги моментально стали слабыми, ватными. Она здесь! А я — перед ней — в таком виде! Может быть, по здешним меркам я выглядела отменно, но по сравнению с ней… От стыда мне захотелось убежать, залезть в свою камеру и не вылезать больше.

— Здравствуй, дорогая Аврора, — услышала я голос Оскара. — Прости, что не приходили раньше: нас просто не пускали к тебе. Мы долго добивались свидания с тобой и наконец-то добились.

Колени подкосились, я почувствовала, что падаю. Кабинет поплыл вокруг меня, пол тоже начал уплывать из-под ног.

— Аврора!

Я оказалась на диване. Их встревоженные лица склонились надо мной. Юлины руки гладили меня. Оскар спросил:

— Сколько тебя уже держат в изоляторе?

Я ответила, разлепив губы:

— Кажется, двадцать шесть или двадцать семь дней… Мне сидеть там месяц, так что осталось немного.

— Месяц! — воскликнул Оскар. — Но за что? В чём ты провинилась?

Я улыбнулась, не сводя глаз с Юлиного лица.

— Мы схватили заместителя начальника тюрьмы, облили его краской и вываляли в перьях. Чтобы больше не обижал нашего дока.

Оскар покачал головой.

— Ты в своём репертуаре… Я так и думал, что ты спокойно

сидеть не будешь. Обязательно будешь бедокурить.

— Да нет, — сказала я. — Я вообще примерно веду себя, только в тот раз мы не вытерпели. Видел бы ты нашего дока, Оскар! Обижать её — просто грех. Она такая славная.

— Как тебя здесь кормят?

— Ничего… Хорошо. Не жалуюсь.

— Скажи правду, Аврора! Не бойся.

— Ну, конечно, о человеческой крови мы только мечтаем. Но иногда нам её дают.

Правда, понемножку, стаканами. В лечебных целях.

— Как ты себя чувствуешь?

— Ничего… Для такого места — вполне недурно. Не волнуйтесь за меня. Юленька… Ты такая красивая. Я тебя даже не сразу узнала.

Через пять минут я сидела в мягком кресле, а она — у меня на коленях. Она гладила мою голову, на которой за месяц в изоляторе отросла короткая щетина. Они с Оскаром рассказывали мне о какой-то новой организации — обществе "Аврора", которое откололось от Ордена, но я, признаюсь, плохо понимала, о чём они говорили, а может, просто плохо слушала. Я смотрела на Юлю и думала о том, какая она стала красавица. Вся этакая деловая, в чёрном брючном костюмчике и голубой блузке, на шее — нитка жемчуга. Она была существом из другого мира — мира, в который я уже не чаяла когда-нибудь вернуться. Пьяная от стакана крови, я смотрела на неё и глупо улыбалась, а смысл её слов почти не доходил до меня. Наверно, они с Оскаром рассказывали мне какие-то очень важные новости, но я девяносто пять процентов пропустила мимо ушей. Я спросила только:

— Как там Карина? Юля, ты обещала…

— Всё в порядке, она регулярно получает деньги, — ответила Юля.

— Как… Как она? У неё всё хорошо?

— Всё хорошо, Аврора. Она окончила первый класс. Вот, посмотри.

Она показала мне фотографию маленькой школьницы в белом фартуке и с огромными, как пропеллеры, белыми бантами по бокам головки. Она сидела за партой, строго сложив ручки, губки — бантиком, вся такая серьёзная. Ещё бы! Она теперь школьница. Мой взгляд затуманился слезой. Куколка моя.

Час истёк, вернулся начальник тюрьмы, и я вскочила, руки по швам. Оскар поблагодарил босса, и они с Юлей ушли беспрепятственно на волю, а я осталась здесь, стоя навытяжку в ожидании, когда меня отпустят. Пришли надзиратели, взяли меня под стражу и отвели обратно в изолятор. Наверно, лёгкий хмель,

плававший у меня в голове от стакана крови, и ком, вставший у меня в горле от взгляда Карины и её бантиков, стали причиной того, что я не попрекнула Оскара ни единым словом. Его стараниями я попала сюда, хотя, может быть, было бы лучше и справедливее, если бы моё существование в качестве хищника закончилось с падением ножа гильотины; впрочем, вполне может также быть, что я должна была пройти через эти пять лет на безымянном острове, а умереть было бы слишком просто. Как бы то ни было, я была рада, что жива и могу видеть Карину — хотя бы на фотографии.

5.18. Увеличенная печень

Что было потом? Мы вышли из изолятора с непозволительно обросшими щетиной головами, и нас отправили бриться. "Водные процедуры" мы пропустили, но Ингвар устроил их нам вне очереди. Мы узнали, что Максимус ушёл; это и неудивительно, потому что кто мог бы остаться после такого позора? Однако новый заместитель оказался не лучше, и жизнь наша существенно не облегчалась, несмотря на все старания дока. Доктор Гермиона из кожи вон лезла, чтобы хоть как-то улучшить наши условия, она занималась делами, на первый взгляд не входившими в её обязанности, и начальство морщилось от её неуёмной хлопотливости.

— Зачем вы рвёте пупок ради этих преступников? — говорил ей босс. — Мне кажется, вы чересчур печетесь о них.

Но док не отступала. Следующим её достижением было создание библиотеки: представьте себе, у нас её не было! Конечно, если в тюрьме содержат всего три с половиной десятка заключённых, стоит ли ради них так напрягаться? Док считала, что напрягаться стоит даже ради одного десятка. Она где-то добыла восемьсот потрёпанных книг — видимо, списанных из разных библиотечных фондов. Это было лишь начало, как она говорила.

Разумеется, начальство всё это не слишком одобряло, но и не ставило доку особых препон. А уж мы её любили с каждым днём сильнее.

Конечно, нам было интересно узнать о доке как можно больше. На осмотрах мы осторожно расспрашивали её:

— Док, а у вас, кроме работы здесь, хоть какая-то личная жизнь есть? Есть у вас, скажем, друг?

Док, как правило, отшучивалась. Она не любила говорить о себе, всегда скрытничала. Она всегда была здесь, с нами, на своём посту, и её личная жизнь, как оказалось, тоже проходила здесь.

Однажды на рядовом осмотре док вдруг слегка вскрикнула и

замерла, прижав руку к животу, который, как мне казалось, в последнее время слегка располнел.

— Что с вами, док? — встревожились мы.

Она попыталась пошутить:

— Да ничего, кажется, печень с селезёнкой подрались…

Мы засмеялись, а док опять вскрикнула и даже зажмурилась. Тут к ней бросился Цезарь, схватил её на руки и перенёс на диван.

— Прилягте, док… Вы в последнее время столько работаете. Нельзя так.

Док сказала:

— Ничего, ничего, не стоит поднимать из-за этого переполох. Всего лишь небольшая колика, это пройдёт.

Боли у неё прошли, и она смогла продолжить осмотр, но от меня не укрылось беспокойство Цезаря. Кажется, он знал о состоянии здоровья дока больше остальных, но, сколько мы его ни спрашивали, он молчал, как партизан.

Док Гермиона по-прежнему была неугомонной и хлопотливой, бегая утиной походочкой по всей крепости и прикрывая круглый животик просторным халатом. А потом прошёл слух, что док уходит от нас. Ничего хуже, как нам казалось, и произойти не могло. Но это произошло, причём Цезарь, я и Каспар попали в тот же день в изолятор.

5.19. Цезарь и Гермиона

Мы с Каспаром были ни при чём, нового заместителя начальника избил Цезарь — прямо в кабинете у дока. Я и Каспар просто зашли к доку, потому что у Каспара выскочил какой-то фурункул, а я чувствовала, что опять заболеваю: меня уже второй день бил озноб.

В кабинете у дока мы увидели следующее: на полу лежал заместитель начальника, на нём сидел верхом Цезарь и жестоко метелил его, а док была в своём кресле в полуобморочном состоянии. Каспар бросился к Цезарю и стал пытаться оттащить его, но это было не так-то просто: Цезарь был богатырского сложения, а Каспар — среднего, и потребовалась моя помощь. Влетевшие надзиратели не разобрались и повязали нас всех втроём.

Что произошло? Мы узнали об этом уже в карцере: Цезарю пришлось нам всё объяснить. Но его объяснения были не очень чёткими: он был ещё очень возбуждён.

— Он посмел орать на неё! — возмущался он. — Она заплакала. А ей же нельзя в её положении!

— Обожди, — сказал Каспар. — Ты про кого говоришь

сейчас?

— Про дока, про кого же ещё?

— Постой… Что это ещё за положение? Неужели…

Цезарь выпалил:

— Да, да, то самое! Беременная она. Вот и всё!

— Ну, ты даёшь, старик! — ахнул Каспар. — Когда же это вы успели набедокурить?

Цезарь молчал.

— Так ведь можно было какие-то меры принять, — заметила я.

— Мы с ней хотим этого ребёнка, — сказал Цезарь. — Когда она мне сказала, что беременная, я ей так и сказал, чтоб она об аборте и думать не смела. Она будет рожать.

Тут, наверно, следует сделать пояснение и разбить ещё один стереотип: вы, люди, полагаете, что мы — ходячие мертвецы и не можем иметь детей. Это не так. Хищники могут размножаться и таким способом, но порядки Ордена строго ограничивают его использование. За всю свою долгую жизнь хищнику дозволяется произвести только одного себе подобного — либо этим естественным способом, либо через обращение взрослой человеческой особи.

Док Гермиона не устояла перед темпераментом и страстью Цезаря. Он сказал: "Она будет моя", — и она стала его. По признанию Цезаря, он держал её в объятиях всего раз, но этого раза оказалось достаточно. Пользуясь своим положением, она старалась сделать для него всё, что было в её силах: она давала ему человеческую кровь чаще, чем другим заключённым, и его силы достаточно восстановились, чтобы наброситься на нового заместителя начальника и избить его. Разумеется, после этого её не могли здесь оставить, и Август Минерва дал ей понять, что она уволена.

Мысли Цезаря даже в колодце были только о ней и о ребёнке, и он буйствовал, как тигр в клетке, рвался к ней, рычал, пытаясь сокрушить решётки, но скоро ослабел от голода и притих. Уж не знаю, как доку снова удалось пробраться к нам с бутылкой крови; сквозь усталую дрёму я услышала тихий голос, с нежной тревогой звавший:

— Цезарь… Цезарь!

Цезарь в своём колодце встрепенулся.

— Родная, я же говорил тебе, чтобы ты не приходила!

— Теперь уже всё равно, — сказала док. — Я увольняюсь.

— Куда же ты пойдёшь?

— Меня уже давно приглашает одна очень хорошая организация, Общество "Аврора". Когда ты выйдешь, они и тебя

примут. А сейчас поешь. Лови трубочку.

— Милая, сначала покорми Аврору и Каспара. Они из-за меня безвинно страдают.

Только после того как мы с Каспаром выпили по несколько глотков, Цезарь подкрепился сам. Потом док просунула руку к нему в колодец, и Цезарь сказал:

— Не знаю, сколько мне добавят за это дело, детка… Ты будешь меня ждать? Не побоишься связать свою жизнь с таким непутёвым парнем?

— Нет, глупенький, не побоюсь, — ласково прозвенел в ответ голос дока Гермионы. — Я дождусь тебя, сколько бы тебе ни добавили.

— И ты согласна выйти за меня?

— Согласна.

— Давай сюда губки, сеньорита.

Док Гермиона уже не говорила, что это "слишком": теперь Цезарю было всё можно. Поцелуй через решётку ямы был сопряжён с большими неудобствами, но они их легко преодолели.

— Полагаю, мы должны поздравить жениха и невесту? — встрял Каспар.

— Это уж как пожелаете, — прокряхтел Цезарь.

Мы с Каспаром трижды крикнули "ура!", а Каспар ещё и посвистел, пока док не принялась на него шикать:

— Каспар, дружок, тише! Спасибо, конечно, за поздравление, но вовсе не обязательно делать это так шумно.

Я спросила:

— Вы в самом деле уходите от нас?

Она склонилась над моим колодцем.

— Да, мне придётся уйти.

— Но ведь это ужасно, док! — воскликнула я. — Как же мы без вас?

— Уж держитесь как-нибудь, — ласково сказала она. — А на свободе вас ждут, так что за своё будущее можете не бояться. Всё будет хорошо.

Просунув руку в колодец к каждому из нас, она погладила нас по головам. Прижавшись щекой к её тонкой ручке, я прослезилась.

— Вы самая лучшая, док. Лучше вас никого не было и уже не будет.

5.20. The new doctor

Новый врач прибыл через две недели. Это был хмурый и строгий английский джентльмен, сухой, как щепка. От него веяло холодом за километр, а от одного его взгляда размягчались

кишки. Его звали мистер Альфред Олимпия.

— Он как мороженый хек, — охарактеризовала его Пандора. И передёрнулась: — Брр, я не хочу, чтобы он меня осматривал!

Но новый доктор первым же делом устроил осмотр в целях знакомства с будущими пациентами. Ознакомившись с помещениями, он нашёл их довольно нечистыми и остался недоволен:

— It's disgusting! (Отвратительно!)

Ему не понравились мы:

— They are horrible! (Ужасны!)

Ему не понравилась наша одежда:

— Too bad! (Плохо!)

В общем, доктору ничего не понравилось, но он почему-то остался. Поговаривали, что его отовсюду уволили, и он, чтобы не остаться совсем без работы, был вынужден согласиться на эту не слишком завидную должность. Как врач он производил впечатление невежды, желающего казаться умным и знающим. За его высокомерием крылась тупость и скудные знания, которые он старался выдать за отличные. По сравнению с нашей любимой и незабвенной доком Гермионой он был просто нуль. Без палочки.

С уходом дока мы остро почувствовали, как нам плохо без неё. Оказывается, только она и делала нашу жизнь сносной, а без неё всё стало беспросветно. Но больше всех по ней тосковал Цезарь: она для него была не только док, но и невеста. Она носила под сердцем его ребёнка, и он постоянно думал о них и был мрачнее тучи. За избиение заместителя начальника ему добавили шесть месяцев. Цезарь рвал и метал, не находя себе места.

— Ты ещё легко отделался, кореш, — сказал ему Каспар. — Могли бы и больше вкатить. Годика три, скажем. И тогда бы ты ещё до-о-олго не увиделся со своей ненаглядной невестой. А полгода — это ерунда.

— Ничего не ерунда, — сердито ответил Цезарь. — Мне каждый месяц дорог. Нельзя, чтобы женщина была одна. Да ещё с ребёнком!

— За это благодари самого себя, — заметил Каспар. — Зачем было Максимуса умывать?

— Он на неё орал, — мрачно ответил Цезарь. — А она беременная. Не мог я это допустить.

Чем больше мы узнавали все фишки и загогулины нового дока, тем сильнее скучали по прежнему. Без нашей маленькой, но неугомонной дока Гермионы нам было просто невмоготу.

5.21. Доктор Каннибал

Впрочем, начальство тоже скоро поняло, что новый док никуда не годится, но другого искать не стало. Но ситуация ухудшилась. Судите сами: за год пребывания мистера Альфреда в должности врача умерло четверо заключённых. Правда, камеры не пустовали: поступали новички, но двое из новеньких умерли в первый же год, не выдержав тягот пребывания здесь.

Тут надо сделать оговорку. Верная смерть для хищника — потеря головы, а голодом его уморить сложно. Хищник живуч, как гидра; без пищи жизнь в нём замирает, но не прекращается совсем, и в таком состоянии он может находиться неопределённо долго. Кроличья кровь — не человеческая, и хищник, питаясь ею, медленно угасает, теряет силы, становится уязвимым, заболевает, а при стечении воедино многих неблагоприятных факторов может впасть в анабиоз. Впрочем, его ещё можно оживить, если ввести ему в желудок кровь человека, но с такими узниками в замке Кэльдбеорг не возились. Впал в анабиоз — считай, что умер. Таких охрана выбрасывала в море с камнем на шее.

Мы пытались поговорить с начальством и попросить заменить врача, но это ни к чему не привело. Мы пытались бунтовать, но вышло ещё хуже. Зачинщиков посадили в изолятор, и двое из них там впали в анабиоз. От них избавились вышеописанным способом. Была в числе зачинщиков и я, но мне удалось выжить.

Ответ был один: менять нужно было тюремное начальство. Но это было невозможно. Ситуация казалась безвыходной.

Но неожиданно пропал сам доктор, не проработав у нас и полутора лет. Причины его исчезновения остались для нас загадкой, а начальство не считало нужным посвящать нас в детали. Он просто однажды не пришёл на работу, и нам сообщили прискорбное известие: мистер Альфред пропал без вести. Стали срочно искать ему замену, и нам прислали господина Ганнибала Электру.

Господин Ганнибал Электра был неплохим доком. Он устранил некоторые вопиющие безобразия, возникшие при предыдущем докторе, причём весьма быстро. Создавалось впечатление, что начальство само его боялось и выполняло всё, что он ни предлагал. Улучшились гигиенические условия, был сделан косметический ремонт, увеличился паёк, а лечение больных доктор Ганнибал всегда доводил до успешного завершения. У него не впал в анабиоз ни один пациент.

Он был невысокий и плотный, с чёрными бусинками глубоко посаженных глаз. Как врач он был хорош, но внушал всем какой-то страх. Он не кричал, никого не ругал, но его почему-то все боялись. Он никогда не улыбался и не шутил. Никто не слышал

его смеха. Он не возражал против того, чтобы перед ним стояли навытяжку. Он всех помнил поимённо и разговаривал вежливо, но от его негромкого голоса и тяжёлого холодного взгляда бежали мурашки по коже. "Доктор Каннибал" — так мы иногда его называли между собой. Он чем-то напоминал самого начальника тюрьмы, Августа "Дарта Вейдера" Минерву.

Все мои друзья: Цезарь, Пандора, Каспар, Лира — освободились раньше меня. Новых друзей у меня не получалось завести, и я провела остаток своего срока бирюком, ни с кем не сближаясь. В изолятор я больше не попадала, ни в каких безобразиях не участвовала, да и сколько-нибудь серьёзных безобразий не происходило: наверно, так действовал на всех доктор Ганнибал. У меня было ощущение, что все ходили, как зомби.

— Глава 6. Общество "Аврора"

6.1. Небо свободы

Я нацарапала на стене вязальной спицей длинную чёрточку: сегодня был день "водных процедур". Я уже давно не пересчитывала чёрточки. Пересчитав, я поняла, что пять лет уже прошло. Пошёл первый месяц шестого. Может, про меня просто забыли?

Я пребывала в растерянности до полудня. А в полдень дверь моей камеры открылась, и мне сказали, чтобы я шла получать свои вещи. Какие вещи? Я сперва ничего не поняла, но меня привели в камеру хранения, где мне отдали мою цивильную одежду и обувь. Мне велели переодеться и сдать мою робу. Я растерянно спросила:

— Так меня выпускают, что ли?

На что мне ответили:

— Будто сама не знаешь!

Еду нам сегодня ещё не давали, до обеда было два часа. Чувствовала я себя слабовато. Было не совсем понятно, зачем нужно было брить мне голову в день освобождения. Очевидно, потому что моё освобождение совпало с банным днём, но для меня исключения не сделали: пока я находилась в стенах тюрьмы, я была подчинена порядку, и только покинув их, я могла считаться свободной. Но как бы то ни было, меня побрили в последний раз.

Я покинула крепость незадолго перед тем, как нас должны были кормить. Отведать последнего тюремного обеда мне не довелось, теперь я должна была кормить себя сама.

Летел мокрый снег, вокруг были горы. Куда идти? Что делать? В сердце было так же пусто, как в затянутом серыми тучами небе. Точного времени я не знала: моих часов мне почему-то не отдали. Растерянность всё больше овладевала мной. Я села на заснеженный каменный склон и обхватила колени руками.

Мне вдруг захотелось заплакать. К глазам подступило знакомое солёно-щекотное чувство, но слёз почему-то не было. Странно получилось: я ведь даже толком не знала, где я. Как мне выбраться с этого острова? Чтобы успокоиться, я стала гладить себе голову.

Но что делать? Неужели так и сидеть здесь? Идти домой? Но у меня нет дома. Пять лет моим домом была крепость, но настал день, когда меня оттуда прогнали, потому что кончился мой срок.

Я вдруг вспомнила: ведь у меня же есть крылья! Пять лет я

ими не пользовалась, пять лет не видела открытого неба, свободного неба. Ну и ладно, пусть у меня нет дома, но ведь я же жила бездомной скиталицей, и моим домом было то место, где я приземлялась. Почему я сейчас не могу продолжить вольную, кочевую жизнь? Надо только расправить крылья и полететь куда-нибудь, а куда — всё равно!

Чувствуя странное волнение — получится ли? — я напряглась и приказала крыльям появиться… Получилось! Они раскинулись за спиной, два моих белоснежных друга. Но они были тяжеловаты и чувствовались как чужие. Я попробовала ими взмахнуть, и они повиновались с трудом, непослушные, тяжёлые и неуклюжие. Я попробовала взлететь с разбега, оттолкнувшись ногами от склона. Есть отрыв! Я летела! Невысоко, медленно, но летела.

Но это продолжалось недолго: сказывалась кроличья кровь. Крылья тяжелели и слабели с каждой секундой, я из последних сил делала взмахи, вдохи, рвалась вверх, но меня тянуло вниз. Отчаяние: падаю! падаю! Не могу!

Я упала. Упала на заснеженный горный склон, распластав совсем обессилевшие крылья, и заплакала от беспомощности и отчаяния. Снег летел мне в лицо, налипал на ресницы, заметал меня. Вокруг не было ни души. Остров, горы и море вокруг. Карина, сжалось моё сердце. Увижу ли я тебя?

Но, видимо, не из того теста я была сделана, чтобы складывать крылья и падать камнем вниз. Немного передохнув и собравшись с силами, я снова попыталась лететь: нужно было хотя бы перебраться через горы. Мне удалось подлететь немного, а потом я снова была вынуждена опуститься на склон. У меня не было никакого альпинистского снаряжения, а на ногах у меня была не подходящая для прогулок по горам обувь. Я не знала тропинок и карабкалась наугад, время от времени используя крылья. Мне приходилось подолгу отдыхать на скользких уступах, и я всё на свете отдала бы за пару горных ботинок. Пару раз я срывалась, но меня выручили крылья — пусть и слабые, но благодаря им я всё же не переломала себе кости, рухнув на камни.

Вися на скале, я думала: нет, мне не перебраться. Не могли они, что ли, дать мне хотя бы стакан человеческой крови на дорогу? Я совсем выбилась из сил, и, кроме того, начало смеркаться. Сил не осталось даже для того, чтобы просто карабкаться, а о том, чтобы лететь, я и мечтать уже не могла. Выбравшись на довольно большую площадку, я упала на снег.

6.2. Сумерки

Хлопанье нескольких пар крыльев в тёмно-синем небе, тени крылатых людей надо мной.

— Вот она! Аврора!

— Аврора, ты меня слышишь? Это мы! Что с тобой? Скажи что-нибудь!

— По-моему, она в анабиозе.

— Нет, она просто ослабела! Проклятье, до чего её довели!

Кто-то гладил меня по лицу, по голове, чьи-то мягкие губы прижимались к моему лбу. Одновременно кто-то другой держал и гладил мою руку, а кто-то ещё присел у моих ног. Меня окружили, ласкали, целовали, обнимали, а я не могла разглядеть их лиц.

— Аврора, — сказал тёплый, взволнованный голос рядом с моим лицом. — Всё хорошо, мы с тобой.

Я узнала её, это была Юля. Разомкнув пересохшие губы, я прошептала:

— Юля…

— Да, да, я с тобой, — смеялась она, гладя меня по щекам. — Сейчас мы полетим домой.

— Я не могу… лететь…

— Ничего, мы тебя понесём, — послышался голос Оскара. — Мы прилетели сначала в крепость, хотели тебя там встретить, но нам сказали, что тебя уже отпустили. Мы быстро тебя нашли, ты не успела уйти далеко. Ну, летим скорее, все ждут!

— Кто… ждёт? — Я приподняла голову, вглядываясь в окружившие меня силуэты.

Юля засмеялась.

— Твоя семья, — сказала она. — У тебя теперь большая семья, и все тебя с нетерпением ждут.

— Я понесу её, — сказал Оскар.

— Я сама понесу, — ответила Юля.

Смахнув пальцами снег, совсем залепивший мне ресницы и мешавший смотреть, я открыла глаза пошире и наконец смогла разглядеть их. Голубовато-серый сумрак окутывал их фигуры в чёрных пальто, ветер трепал им волосы и густо пересыпал снегом; они были полны сил и способны на длинный перелёт, тогда как я была едва жива от слабости. Что ещё сказать? Я была рада их видеть. Юля легко, как ребёнка, подняла меня на руки, и дорогая бриллиантовая серьга в её ухе тускло заблестела в сумраке прямо перед моими глазами. Мне не оставалось ничего, как только обхватить Юлю руками и уткнуться ей в плечо.

— Всё хорошо, — прошептала она ласково. — Летим домой.

6.3. Лос-Анджелес, Калифорния

— Да, мы дома. Аврора здесь.

Огромная комната, размером со спортивный зал, огромное, во всю стену окно — прямо передо мной. Снаружи ничего не видно, зато изнутри обзор прекрасный. Плотные шторы в несколько полотен прикрывали это гигантское окно частично, на треть. Некоторые полотна были опущены полностью, другие подняты, третьи — приподняты. Всего полотен было восемь. Они были тёмно-фиолетового цвета.

— Да, она здесь, отдыхает. Добрались благополучно, но пришлось нести её на руках… Совсем слабенькая. Ещё бы…

В этой комнате была и гостиная с огромным мягким уголком — диваном и тремя креслами, располагавшимися на возвышении, и зона отдыха с широкой кроватью, на которой я и лежала, и кабинет с большим компьютерным столом и кожаным креслом, и библиотека — книжные полки возвышались до самого потолка, и книг на них стояло видимо-невидимо. В этой комнате было множество разнообразных по форме и цвету светильников: и стоячие торшеры, и лампы на тумбочках, и настенные бра. Включены были не все, а только три: оригинальная напольная лампа в форме фонаря в гостиной, лампа на прикроватной тумбочке и встроенный светильник с плафоном над входом.

— Да, конечно, надо всем сообщить. Разумеется, не сразу… Она ещё слишком слаба. Думаю, день-два надо бы.

Юля, в облегающем чёрном трико, чёрных сапогах и белой водолазке, сидела на кубическом пуфе возле тумбочки с телефоном. Оскар куда-то улетел. Кровать, на которой я лежала, укрытая одеялом в сиреневом шёлковом пододеяльнике, была так широка, что на ней могло лечь рядом человек пять, не меньше. Я поползла к краю.

— Подожди секундочку, — сказала Юля кому-то на том конце провода.

Положив трубку рядом с телефоном, она подошла к кровати.

— И куда мы ползём? — спросила она ласково.

Я спросила:

— Где я?

Как глух и слаб мой голос! Я даже не узнала его. Юля, присев на край кровати, придерживала меня за плечо, не давая мне ползти дальше.

— Лежи, лежи… Никуда не надо бежать, ничего не нужно бояться. Ты в самом безопасном месте — возле моего сердца.

И она чмокнула меня в нос. Я упала на подушки, и она погладила меня по голове, а потом вернулась к телефону.

— Аврора проснулась. Вся такая перепуганная… Ну, ничего, сейчас явится вся компания — развеселим её. Ты тоже приходи

обязательно… Думаю, она будет рада тебя видеть. Ну, всё… Целую. Ждём тебя.

Положив трубку, она встала, снова подошла к кровати и плюхнулась рядом со мной. Опираясь локтем на подушку, она смотрела на меня. В её глазах была нежность.

— Ну, что ты на меня так смотришь, как затравленный зверёныш? Всё, твои мучения окончены. Сейчас сюда прибудут члены твоей семьи — не все, конечно, но самые близкие. Ты всех их знаешь и любишь. Поэтому не надо бояться.

Моё горло прохрипело:

— А Оскар… где?

Она сказала:

— Оскар отправился за едой для тебя. Нужно, чтобы ты была в форме, когда все придут.

Я спросила:

— Кто это — все?

Она ответила с улыбкой:

— Оскар, Пандора, Лира, Каспар, Цезарь и Гермиона. И ещё кое-кто, с кем я сейчас говорила по телефону…

Как ни была я слаба, я всё-таки села в постели.

— Они все сейчас придут?!

Юля засмеялась и уложила меня обратно.

— Лежи ты, умоляю тебя. Да, Аврора, все они сейчас примчатся.

Я обвела взглядом вокруг:

— А это что за место?

— Ты у меня дома, — сказала Юля. — Это моя квартира.

— И где она находится?

— Есть такой город, называется Лос-Анджелес. Знаешь такой?

— В Калифорнии?!

Она засмеялась.

— Да. Именно там.

6.4. Кровь со сливками

Дверь открылась, и появился Оскар с двумя бутылками, большой и маленькой. Маленькую, наполненную чем-то белым, он бросил Юле:

— На, подогрей.

Она ловко поймала бутылочку, а Оскар подошёл к кровати и улыбнулся.

— Уже проснулась? Готова к принятию пищи? Сейчас мы тебя накормим. Этот коктейль живо поставит тебя на ноги.

— Что за коктейль? — спросила я, не сводя глаз с большой бутылки.

— Кровь, тёплые сливки высокой жирности и глюкоза. Объедение, очень питательная штука. Это изобретение доктора Гермионы. Сейчас это как раз то, что тебе нужно для скорейшего восстановления сил.

Юля приготовила этот коктейль. Она взяла резервуар блендера, перелила туда кровь, добавила подогретые сливки и всыпала глюкозу. Перемешав ингредиенты, она присела рядом со мной и поднесла резервуар к моему рту. Я дотронулась ладонями до его стенок: они были тёплыми. Пахла эта смесь восхитительно, и я принялась жадно её пить. Через несколько глотков я приостановилась и спросила:

— А ничего, что тут сливки?..

— Пей, пей, — сказал Оскар. — Доктор Гермиона сделала открытие, что некоторые продукты не только не опасны для нас, но и даже полезны, только их надо употреблять вместе с кровью. Самый полезный и легкоусвояемый продукт — сливки. Пей смело.

Я выпила всю смесь до капли, всего около полутора литров. Ничего вкуснее я в жизни не пробовала. И коктейль моментально начал действовать: сначала во всём теле разлилась приятная истома, а потом я начала ощущать мощный прилив сил. Оскар и Юля наблюдали и переглядывались с улыбками.

— Глазки заблестели, — отметил Оскар.

— Цвет лица тоже улучшается, — сказала Юля. И, погладив меня по щеке, добавила: — Кожа стала более упругой.

— Да, хорошеет просто на глазах, — согласился Оскар. — Ещё парочка таких коктейлей — и она придёт в норму.

Юля присела передо мной, ласково заглянула мне в глаза и спросила:

— Аврора, как ты себя чувствуешь?

— Волшебная штука этот ваш коктейль, — сказала я. — Я просто возвращаюсь к жизни.

Я вскочила с кровати, но у меня внезапно закружилась голова, и я упала в объятия Юли. Она держала меня на руках, как ребёнка. Опустив меня обратно на кровать, она сказала:

— Силы будут возвращаться постепенно. Сейчас тебе ещё нельзя бегать и прыгать.

6.5. Семья

Я опять захмелела. Юля, заглянув мне в глаза, сказала:

— Ой, какие глаза пьяные… Ну, ничего, это пройдёт.

Я засмеялась. Мой смех звучал уже уверенно и громко, наполнился силой, стал ясным и звонким. В припадке веселья я даже постучала кулаками по простыне.

— Хохотунчик — это от сливок, — сказал Оскар. — Такое у них действие. Но оно быстро проходит.

— Классный… приход… — задыхаясь от смеха, пробормотала я.

В самом деле, приступ смеха отступил быстро, но я по-прежнему была хмельная. Мне было весело, хорошо, тепло, спокойно, я всё ещё была на пике эйфории. Я всех любила, а особенно Юлю. Я протянула к ней руки, и она обняла меня. Я уткнулась в её плечо.

— Как я по тебе соскучилась…

Оскар сказал:

— Кажется, первые гости.

Первыми гостями были док Гермиона и Цезарь. У Цезаря, обросшего роскошной шевелюрой, была на руках маленькая девчушка с бантиками, торчащими, как пропеллеры, по бокам головки, а док Гермиона была в белой атласной тунике с вышитыми на груди и по подолу тюльпанами. Её каштановые локоны были рассыпаны по плечам. Своей стремительной и лёгкой походкой она подошла ко мне.

— Ну, здравствуйте, мадемуазель Аврора. С возвращением.

Уткнувшись в пучок тюльпанов у неё на груди, я расплакалась и долго не могла остановиться. Док, поглаживая меня по спине, сказала:

— Так, вижу, коктейлем вы её уже напоили.

— Да, — ответила Юля. — Она уже просмеялась.

— Док, — всхлипнула я, приподнимая мокрое лицо. — Как я рада вас видеть… Вы себе представить не можете, как мы там все по вас скучали… Без вас было просто ужасно… невыносимо…

Как и приступ смеха, эти слёзы иссякли быстро. Ко мне подсел Цезарь с девочкой.

— Познакомься, это Аврора-младшая, — сказал он. — Мы назвали её в твою честь.

— Привет, тёзка, — сказала я.

Девочка застеснялась и уткнулась личиком в грудь отца. Я погладила её по бантикам и пожала огромную руку Цезаря.

— Тебе идёт шевелюра, — сказала я, зарываясь пальцами в его тёмные кудри.

— А тебе — лысина, — в тон мне ответил он и провёл ладонью по моей бритой голове. — Познакомьтесь поближе.

И он усадил ко мне на колени мою маленькую тёзку. Она сосала пальчик и смотрела куда-то в сторону от меня. Во мне всколыхнулась нежность, и я прижала её к своей груди.

— Поцелуй тётю Аврору, — сказал Цезарь.

Девочка послушно потянулась ко мне губками. У меня в

груди что-то сладко ёкнуло, и я очень осторожно, чтобы не напугать, попробовала их на вкус. Но, видимо, всё-таки напугала, потому что девочка полезла обратно к отцу и обхватила его ручонками за шею.

— Дочура, ну, ты чего? — сказал ей Цезарь.

— Ладно, ничего, — сказала я. — Я сейчас ещё не очень хорошо выгляжу.

Потом пришли Пандора и Лира, а немного погодя — Каспар. Он пришёл со своей девушкой — высокой, стройной, с причёской а ля Клеопатра.

— Моя невеста Регина, — представил он её мне.

Я сказала Юле:

— Мне бы одеться… А то как-то неловко встречать друзей лёжа в постели.

Тут все разом заговорили, чтобы я не брала в голову, что стесняться мне нечего, и вообще это им следовало бы прийти попозже, чтобы дать мне время прийти в норму, но им не терпелось меня увидеть.

А потом пришёл тот, с кем Юля говорила по телефону. Аполлон в юности — так его можно было бы назвать. И из всех присутствующих он был единственным человеком: у него была тёплая алая кровь и румяные щёки. Нет, нет, мне не хотелось его схватить и выпить его кровь, нет! Будь я проклята, если я хоть пальцем его трону, потому что это был мальчик Гриша. Он был уже не мальчик, а юноша, красивый и сильный, с шапкой русых кудрей и голубыми глазами. У него в руках был большой букет алых роз. Юля подошла к нему, он обнял её за плечи и, чмокнув в щёку, сказал:

— Привет, мам.

Он называл её мамой — притом, что выглядели они почти ровесниками! Он не боялся никого из присутствующих, хотя в его жилах текла их единственная пища, и они могли чувствовать его соблазнительный запах — запах молодого, здорового, горячего тела. Но никто не смотрел на него как на пищу, никто не бросался на него, и он сказал:

— Тут уже все в сборе!

Взгляд его ясных голубых глаз остановился на мне, и я утонула в них, растворилась без остатка. Он подошёл и протянул мне розы со словами:

— Привет, Аврора… С возвращением. Это тебе.

Едва приняв охапку цветов, я увидела, что из-под листьев мне на руку выползает большой чёрный волосатый паук. Я боюсь и ненавижу пауков до дрожи в сердце, от одного их вида меня всю передёргивает, хотя я знаю, что я сильнее их и могу просто

раздавить их ногой. Но этот страх сильнее меня, он жил во мне с детства, а когда я вижу паука на себе, я просто теряю голову от страха и отвращения. Закричав, я отшвырнула розы и стряхнула с себя паука. Он упал на одеяло и побежал, шустро перебирая волосатыми лапками.

— Ах ты, тварь! — воскликнул Цезарь.

Его огромная ладонь накрыла паука, кулак сжался. Юноша вскрикнул:

— Зачем вы его! Это мой Яго, он не ядовитый!

Но было слишком поздно: Яго пришёл конец. Розы были разбросаны по одеялу, я дрожала в объятиях Юли, а Гриша держал на ладони раздавленного паука.

— Бедный Яго! Даже не знаю, когда он прицепился ко мне, — сказал он. — Наверно, когда я сегодня их кормил. Это было первое и последнее путешествие в его жизни. Извини, Аврора, я не хотел тебя напугать.

Юля сказала:

— Гриша у нас юный натуралист, пауки — его хобби. Он держит у себя дома целую коллекцию.

— Я ужасно их боюсь, — пробормотала я. — Это единственное, чего я боюсь.

Пандора собрала розы и поставила в вазу. Любуясь ими, она сказала:

— Какая красота… На языке цветов алая роза означает страсть.

И она подмигнула Грише, а он смутился. Юля сказала:

— Думаю, представлять вас не нужно, вы друг друга уже знаете. Скажу только, что Гриша теперь мой сын. Он учится здесь, в Лос-Анджелесе, а Олег, его отец, заведует питерским филиалом Общества "Аврора".

6.6. У камина

Она была замужем за отцом Гриши и приходилась мачехой Грише. Пока я сидела в тюрьме, они с Оскаром ушли из Ордена и создали Общество "Аврора", филиалы которого работали во многих странах мира.

Что такое "Аврора"? Единственной чертой сходства с Орденом было то, что она являлась корпорацией хищников. От Ордена она отличалась тем, что не пряталась от людей, а привлекала их к сотрудничеству и проникла во многие сферы их деятельности. Косметика, товары для здоровья, лекарства и аптеки, издательское дело, одежда и обувь, кондитерские изделия, товары повседневного спроса, туризм, супермаркеты, банковское дело, строительство — у "Авроры" был повсюду легальный бизнес,

во многих странах. Также "Аврора" занималась благотворительностью и социальными проектами: строила школы и больницы, финансировала науку и образование, занималась делами молодёжи, создав многочисленные детские и молодёжные центры, дворцы творчества, группы поддержки, центры психологической помощи и реабилитационные центры. Как уже было сказано, коренным отличием "Авроры" от Ордена было то, что работали на неё и обычные люди, не пившие крови, и их в "Авроре" было даже гораздо больше, чем хищников. Повсюду (любой город, любая страна) можно было увидеть такого вида объявления:

"Требуются сотрудники для работы в офисе, можно без опыта, обучение на месте";

"Приглашаем к сотрудничеству специалистов всех профессий, любого возраста, достойный доход, гибкий график, возможно совместительство";

"Интересная работа для активных людей, возраст от 18 до 55 лет, переподготовка бесплатно".

"Доходная подработка для желающих повысить своё материальное благосостояние".

На какие деньги "Аврора" сумела так развернуться? Стартовый её капитал был большей частью составлен из добровольных пожертвований людей, обладающих большими состояниями — успешных, богатых бизнесменов, мультимиллионеров, знаменитостей. Если вспомнить о способности хищников воздействовать на психику и волю человека, то можно себе представить, что им было не так уж трудно убедить состоятельных людей поделиться своими денежками, и те были при этом уверены, что отдают их на благотворительные цели. А потом "Аврора", развернувшись, начала сама зарабатывать деньги и даже щедро вкладывать их в уже упомянутую благотворительность и социальные проекты, так что можно сказать, что она почти и не обманула своих первых "благодетелей". Само собой разумеется, для создания организации такого масштаба требовались одновременные усилия огромного множества людей, но привлекать в свои ряды сотрудников "Аврора" умела прекрасно.

На "Аврору" трудилось по всему миру множество специалистов в самых разнообразных областях, но почти все люди, связанные с "Авророй" тем или иным образом, не имели никакого понятия о том, чем занималась она по ночам.

Ночами хищники, именуемые "чистильщиками", находили и отлавливали разного рода преступных представителей человеческого общества, погружали их в глубокий гипнотический

транс, после чего эти люди помещались в особые хранилища и, находясь в состоянии сна, давали хищникам пищу — свою кровь. Они оставались при этом живыми: зачем их убивать, если можно использовать их многократно для производства крови? Все необходимые для организма вещества вводились им внутривенно: жиры, белки, углеводы, витаминные препараты, препараты для стимуляции кроветворения. Такая живая "фабрика крови" могла функционировать долго, а если организм донора всё же истощался, его заменяли новым. Помещения, где содержались доноры, назывались "пунктами питания" и от чужих глаз были довольно хорошо спрятаны и замаскированы. Всё это делалось для того, чтобы члены "Авроры" — хищники могли для утоления своего голода обходиться вообще без убийства, не только из соображений гуманности, но и ввиду того, что исчезновение человека (жертвы) всё-таки было привлекающим к себе внимание событием для его знакомых и родных.

Кроме того, все люди, работающие в "Авроре" (а их работало там великое множество!), добровольно сдавали кровь, под тем предлогом, что кровь эта идёт в медицинские учреждения. За это доноры получали небольшое вознаграждение, на выбор — либо деньги, либо продукты питания.

Президентом Общества "Аврора" была Юля (теперь её звали Джулия), Оскар был вице-президентом и ведал финансовой и юридической частью, док Гермиона занималась научной и медицинской стороной дела, и все мои друзья — Пандора, Лира, Каспар и Цезарь — тоже работали в "Авроре". Она приняла их сразу после освобождения из тюрьмы, обеспечила жильём и работой. Каспар руководил службой безопасности "Авроры", Цезарь был его помощником, а Пандора и Лира работали по части связей с общественностью. Названо было Общество моим именем, и я считалась его основателем, хотя фактически создала его и руководила им Юля. Каждый авроровец-хищник знал меня, хотя подавляющее большинство в глаза не видели, кроме вышеназванных близких друзей.

— Если ты войдёшь в дом любого члена "Авроры", тебя примут в любое время дня и ночи, как самую дорогую гостью. Любой член "Авроры" отдаст тебе всё, что имеет, если ты будешь в нужде. Любое твоё слово равно приказу, которому следует безоговорочно повиноваться. Твоё желание — закон. Твоя жизнь дороже жизни любого рядового члена "Авроры". Если твоя жизнь по каким-то причинам окажется в опасности, десятки, сотни авроровцев пожертвуют собой, чтобы спасти тебя.

В камине потрескивал огонь, озаряя оранжевым отблеском лица Каспара и Регины, расположившихся в креслах, а я сидела

прямо на полу поближе к камину, на подушке. На мне была красивая шёлковая пижама, на ногах — мягкие тапочки. Меня слегка знобило, поэтому я расположилась почти у самой каминной решётки, где сильнее чувствовался жар огня.

— Но это же чистейшей воды культ личности, — сказала я. — И вообще я не имею никакого отношения к этому вашему Обществу. С какой стати меня сделали чуть ли не идолом?

— Как это не имеешь отношения? — сказал Каспар. — А чьим именем оно названо? А кому принадлежит идея очищать общество людей от подонков? Да, "Аврору" создала Джулия, но она как твоя первая последовательница позаботилась о том, чтобы все члены "Авроры" — я имею в виду представителей расы хищников — знали тебя и считали именно тебя, а не её, родоначальницей "Авроры". Она сама написала твою биографию, и каждый уважающий себя авроровец-хищник знает её наизусть.

— Значит, я теперь для вас кто-то вроде Великого Магистра? — усмехнулась я.

— Вроде того, — кивнул Каспар.

— То, что делает "Аврора" днём, вполне похвально и замечательно, — сказала я. — Но ночью… Откуда вы знаете, кого следует отлавливать? А если произойдёт ошибка?

Каспар улыбнулся.

— Ты забыла, что мы можем читать душу человека, его сущность и характер, как открытую книгу? Вот эта-то способность и всё, что обозначено странным и вычурным названием "искусство проникновения в сердце теней", и позволяет нам определять, кого можно и нужно делать донором, а кого не трогать.

Я спросила:

— А с Орденом у "Авроры" не бывает конфликтов?

Каспар усмехнулся.

— Орден нас боится. Поначалу — да, конечно, бывало всякое. Но теперь мы уже сильнее его.

— Вы поделили сферы влияния?

— Ну, как бы поделили.

— Что значит "как бы"?

— В планах Джулии на отдалённое будущее предусмотрено поглощение "Авророй" Ордена. Кстати… Ты почему сидишь так близко к огню? Отскочит искра — загоришься.

— Меня что-то тянет к теплу.

Каспар, сидевший в кресле откинувшись, подался вперёд.

— Здесь же Калифорния, а не Сибирь. Неужели ты мёрзнешь?

— Знобит что-то.

Каспар нахмурился.

— Знобит? А ну-ка, живо в постель! Регина, свяжись с доктором Гермионой. Скажи, Аврора заболела.

— Да что вы, не надо поднимать переполох по пустякам, — сказала я. — Я не заболела, просто слегка подмёрзла.

— Это ненормально, — возразил Каспар. — Если ты здорова, ты не должна мёрзнуть даже в Антарктиде.

Док Гермиона примчалась почти сразу. Меня тут же уложили в постель, и док прописала мне лечение кровью.

— Только без сливок, пожалуйста, — попросила я. — От них я себя чувствую так, будто анаши накурилась.

6.7. Десять тысяч над землёй

Мы летели в Россию.

Передо мной на столе лежал Устав Общества "Аврора" — пухлая брошюра в сто пятьдесят страниц, предназначенная для членов-хищников. Главы, разделы, параграфы, пункты и подпункты. Я листала, читала и не переставала поражаться.

— Кто это написал? — спросила я.

— Я, — ответила Юля. — Помогал мне Оскар. Он ушёл из Ордена через год после того, как добился для тебя замены смертного приговора на тюремное заключение.

— Из-за меня?

Юля улыбнулась.

— А из-за кого же ещё? В "Авроре" он занимает гораздо более высокий пост, чем занимал в Ордене.

— И вы переманили многих членов Ордена?

— Четверть. Мы также принимали и продолжаем принимать в наши ряды освободившихся из орденской тюрьмы. Орден их обидел, а мы принимаем с распростёртыми объятиями, лечим и даём работу. Иногда мы превращаем в хищников и принимаем в наши ряды новичков из людей, но не слишком часто. В основном, это молодёжь.

Я спросила:

— А какая же должность или работа уготована мне?

Юля взяла мои руки и ласково сжала.

— Аврора, ты можешь делать всё, что захочешь. А можешь и ничего не делать. Принимая во внимание то, сколько тебе довелось выстрадать, тебе нужен длительный отдых для восстановления здоровья. Тюрьма Ордена всё-таки не санаторий… Не беспокойся, мы обеспечим тебя всем необходимым. Ты не будешь ни в чём нуждаться.

Я усмехнулась.

— То есть, ты предлагаешь мне уйти на покой?

Она засмеялась.

— Решать тебе, конечно. И что бы ты ни решила, мы примем это. Как ты захочешь, так и будет.

— Я пока не знаю, что буду делать, — сказала я. — Чтобы принять решение, мне нужно некоторое время.

— В твоём распоряжении сколько угодно времени, — сказала Юля. Определяйся. Спешить не надо. И не стесняйся, если тебе что-то понадобится, обращайся прямо ко мне, а я позабочусь о том, чтобы твоё желание было тотчас же удовлетворено. Я занимаю в "Авроре" самое высокое положение — я её президент и хозяйка, но всё, что принадлежит мне, в равной степени и твоё. Как и я сама.

— Но с какой стати? — спросила я.

— Ты — мой учитель, Аврора, — сказала Юля. — И мой друг. Всё, что я создала, было создано с мыслями о тебе, с любовью к тебе… С надеждой, что ты будешь мной гордиться.

— То, что ты сделала за каких-то пять лет — просто невероятно, — сказала я. — Наверно, ты гений.

Юля улыбнулась.

— Для меня нет похвалы выше, чем твоя похвала. Я счастлива. Но я создавала всё это, конечно же, не одна. У меня хорошая команда.

— Подобрать хорошую команду тоже нужно уметь, — сказала я.

За иллюминатором плыли облака, посеребрённые луной. Роскошный салон самолёта был приглушённо освещён, я утопала в мягком кресле со светло-бежевой обивкой. На столике лежал раскрытый Устав. Мне было тепло и уютно. Юля, сидя рядом со мной, нежно обнимала меня за плечи. Мои крылья отдыхали, и вместо них меня несли в воздухе железные крылья самолёта. Я обвела взглядом салон.

— Всё это — тоже noblesse oblige?

Она улыбнулась.

— Да, моё положение обязывает меня ко многому. Кроме того, я нахожусь под пристальным вниманием многих — не скажу, что всех в мире, но весьма многих. Поэтому я уже не всегда могу использовать мои крылья, как рядовые авроровцы. Приходится быть осторожной, ведь я на виду.

Я спросила:

— А что будет, если кто-то из членов "Авроры" — я имею в виду нас, хищников — нарушит устав?

— Смотря как нарушит, — ответила Юля. — Санкции могут быть разными, в зависимости от степени серьёзности нарушения. Самая крайняя — изгнание из рядов "Авроры". Если такой изгнанный попадает в лапы к Ордену — я ему не завидую…

Кэльдбеорг — самое меньшее, на что он может при этом рассчитывать.

6.8. Гуманность

В кабинке лифта мы с Юлей спускались на подвальный этаж высокого офисного здания.

— Сейчас ты сама увидишь, как у нас всё поставлено.

На подвальном этаже был офис "Авроры" — один из многих. Офис как офис: светло, гладко, чисто и стильно. Строго, просто, но добротно.

— Ну вот, — сказала Юля, обводя взглядом помещение. — Примерно такие офисы у нас повсюду.

"Рисепшен": девушка в деловом костюме. Хищник чует другого хищника издалека, и меня не обманули ни румяна на её лице, ни подкрашенные губы. До сих пор я никогда не видела хищников, занятых на работе в офисе, и эта представительница нового поколения хищников, совсем не такая мрачная и нисколько не страшноватая, как некоторые члены Ордена, приятно меня удивила. Юля предъявила девушке своё удостоверение президента "Авроры", и девушка подобострастно привстала из-за своей стойки и прочистила горло, но у неё всё равно получилось глуховато:

— Госпожа президент… Добро пожаловать.

Она перевела взгляд на меня. Одета я была прилично, но мой измождённый вид и щетинистый череп вызывали некоторые сомнения. Юля сказала:

— Аврора в удостоверениях не нуждается.

Девушка на "рисепшене" смогла только сглотнуть и произвести своим телом комбинированное движение — кивок-поклон-реверанс.

— Мы в хранилище, — сказала Юля.

Хранилище — просторное, но довольно сумрачное и по человеческим меркам весьма прохладное помещение — чем-то напоминало морг. Прежде чем мы туда вошли, нам выдали белую спецодежду, бахилы, шапочки и маски. В нём было около пятидесяти больших резервуаров наподобие ванн, наполненных жидкостью, в которой, облачённые в водонепроницаемые костюмы, лежали люди. В жидкость они были погружены по подбородок, а воздушные пузыри на костюмах поддерживали их на плаву. От костюмов отходили тонкие трубки, по которым — я безошибочно это почуяла — текла кровь. Возле каждой ванны стояла капельница, из которой по трубке, подсоединенной к рукаву костюма, тек прозрачный раствор. Глаза всех людей в ваннах были закрыты: они как будто спали. Волосы у всех были

коротко острижены — и у мужчин, и у женщин. Мужчин было больше.

— Впечатляет, — сказала я. — Но чтобы содержать их, нужны деньги.

— Само собой, — улыбнулась Юля под своей маской. — Оборудование, костюмы, препараты — всё это стоит денег, но для того "Аврора" и вступила в деловой мир людей, чтобы их зарабатывать. Но во сколько бы всё это ни обходилось, для всех членов "Авроры", питающихся кровью, она по-прежнему бесплатна. Разумеется, чтобы получать её, они должны работать, и каждый член "Авроры" выполняет какие-либо обязанности. "Аврора" ещё не полностью перешла на донорскую кровь, но года через три переход завершится. И нам вообще больше не придётся убивать.

Если хищники были способны на гуманность, то это было её наивысшее проявление.

6.9. Продукт

— Не желаешь ли оценить качество продукта? — предложила Юля.

В соседнем помещении мы сняли спецодежду и маски и уселись в удобные мягкие кресла. Комната эта была по своему оформлению похожа на офис, в который мы вошли; здесь были красные кресла и маленькие невысокие стеклянные столики, аквариум с красочным рыбами и большой телевизор. Это было похоже на комнату отдыха. На стене висела таблица, озаглавленная: "Нормы потребления продукта".

— Продукта?

Юля улыбнулась.

— Да, так здесь принято называть кровь.

Таблица гласила следующее:

Рядовые члены "Авроры" — 1500 г/сутки

Чистильщики — 1800 г/сутки

Бойцы — 2000 г/сутки

Специальная категория — без ограничений

Я спросила:

— У "Авроры" есть бойцы?

— Разумеется, — ответила Юля. — Как говорится, хочешь мира — готовься к войне. Бойцы у нас есть, и было бы

беспечностью с нашей стороны, имея под боком Орден, их не завести.

— А если кто-то, уже употребив свою норму, захочет получить ещё? — спросила я.

— Ну, это исключено, — сказала Юля. — Если хищник сыт, по нему это видно. И если голоден — тоже.

— А что это за специальная категория?

— Высшее руководство "Авроры". Ну, и сама Аврора, конечно.

Вошла девушка в белой спецодежде и перчатках и внимательно взглянула на нас. Улыбнувшись, спросила:

— Спецкатегория?

— Ага, — ответила Юля весело. — Мне полторы тысячи грамм, пожалуйста.

Девушка перевела приветливый взгляд на меня.

— Вам?

— Ограничусь тысячей, — сказала я.

Девушка принесла и положила перед нами на столик прозрачные мягкие пакеты с носиками, которые были закручены пробками. Юля взяла свой, открутила пробку и принялась высасывать содержимое. Я взяла в руки второй пакет. Сквозь прозрачный хирургический пластик чувствовалось живое тепло, как будто я держала в руках некое непонятное существо без рук, без ног и без головы, состоявшее из одного живота, в котором булькала кровь.

— Свежая?

Юля, не отрываясь от своего пакета, кивнула. Я рискнула открутить пробку и сделать небольшой глоток.

— Ну, как? — спросила Юля.

— Немного непривычно.

6.10. Вы меня, наверно, не помните

Пятьдесят пар глаз изучали меня. Они рассматривали мой элегантный чёрный костюм, подаренный мне Юлей, который не очень хорошо сочетался с моей щетинистой головой, но никто не смел сказать мне, что меня уродует моя причёска. Все знали, что я недавно освободилась из орденской тюрьмы, в которой я — цитирую фразу из моей биографии — "подвергалась изощрённым пыткам и переносила страдания, которые не всякому под силу перенести".

Меня попросили рассказать, и я рассказывала. Пятьдесят пар ушей слушали мой рассказ о том, что это за место — тюрьма Кэльдбеорг, и каково мне там было сидеть. Почему-то всех это интересовало больше всего. Слушали внимательно, ловя каждое слово. Содрогались. Хмурились. Осторожно спрашивали. У кого-

то был приоткрыт рот. Я ничего не преувеличивала, рассказывала всё, как было, и в глазах Каспара, сидевшего в первом ряду, я читала подтверждение каждого моего слова. Он сопровождал меня на все встречи. На некоторых присутствовала и Юля, но сегодня её не было.

Было много молодых — новообращённых. Они волновались, когда я задерживала на ком-то из них свой взгляд. Волнение, смущение, а иногда и благоговейный трепет — вот что я видела на их лицах. Я не знала их, видела их в первый раз, но они все знали, кто я такая.

Сегодня с самого утра я чувствовала себя не очень хорошо, но ничего не сказала ни Каспару, ни доку. Преодолевая слабость, я стояла за небольшой кафедрой. Почему-то никому не пришло в голову поставить стул, а я бы от него не отказалась. Но просить принести его я не стала. Чтобы никому не показать, что мне было трудно стоять, я старалась опираться на кафедру лишь слегка, хотя у меня было большое желание просто повиснуть на ней. Это была моя единственная опора.

— Заключённые умирают там? — спросили меня.

— Впадают в анабиоз от плохих условий и плохого питания, — ответила я. — Их не возвращают к жизни, а просто избавляются от них. Да, это своего рода смерть.

Я чувствовала себя не совсем здоровой и испытала бы огромную признательность к тому, кто предложил бы мне присесть. Но никто не предлагал. Поднялась одна рука.

— Да, слушаю вас.

Встала молодая хищница. Ничего особенного: волосы русые, зачёсаны назад, тёмный свитер. Она очень сильно волновалась.

— Аврора… Вы меня, наверно, не помните… Конечно, вы меня не помните, потому что это было давно. Но я это запомнила на всю жизнь…

— Мы знакомы? — спросила я.

На неё стали оборачиваться. Она залепетала прерывающимся от волнения голосом:

— Мы встречались всего один раз, вы не можете помнить, прошло много времени… Я… Мне выпала честь быть спасённой вами. Вы меня спасли от мужчины… Который меня душил в парке… Я Катя… Я вас ещё хотела напоить чаем, но вы отказались… Сказали, что не пьёте его… Я тогда не знала, почему. Теперь знаю… Теперь я сама его уже не пью. Я Катя… Вы… Вы не помните?

Я смутно вспомнила её лицо, но даже не её лицо мне лучше вспомнилось, а спина мужчины, который её душил, и хруст его шеи. Да, кажется, она предлагала чай.

— Вы… Вы тогда мне говорили, чтобы я не ходила одна поздно вечером… Потому что… потому что…

— Катя, не волнуйтесь. Я помню этот случай. И я помню вас. Давно вы в Обществе?

— С самого начала. Вы правда меня помните?

— Да, помню. Приятно встретить вас снова.

— А можно… Можно мне… пожалуйста… подойти к вам?

— Прошу вас.

Она шла, провожаемая любопытными взглядами. Кто-то смотрел даже с завистью. От волнения она не смотрела себе под ноги и, поднимаясь на кафедру, запнулась.

— Осторожно, Катя!

Я подхватила её под руку, иначе она упала бы. От соприкосновения со мной она вся затрепетала. Казалось, она вот-вот упадёт в обморок от охвативших её чувств.

— А можно… Можно мне вас… — залепетала она.

Её руки дрожали, приподнятые, готовые меня обнять. Я позволила ей это сделать. И как раз вовремя: у меня закружилась голова и зазвенело в ушах. Я повисла на ней, и она от неожиданности пошатнулась.

— Катя, — прошептала я. — Я буду вам очень признательна, если вы поможете мне сойти с кафедры и куда-нибудь присесть…

— Что с вами?

— Вы не пугайтесь, Катенька… Просто немного закружилась голова. Мне бы присесть…

Её осенило. Глядя на меня сияющими глазами, она сказала:

— Вы тогда меня несли на руках… А теперь позвольте мне вас…

Признаться, я опасалась, что у неё не достанет сил, но она подняла меня легко. Днём она работала библиотекарем, а ночью — чистильщиком. В упоении прижимая меня к себе, как самую драгоценную на свете ношу, она шагнула, опять не глядя себе под ноги. Её нога ступила в пустоту: она не заметила края возвышения. Все повскакивали со своих мест, и я упала не на пол, а на два десятка вытянутых рук. Бедную Катю никто даже не подумал подхватить. За окружившими меня слушателями я не видела, куда и как она упала, но услышала звук падения.

— Катя! — звала я. — Помогите ей, она же расшиблась!

Моего призыва никто не послушал. Десяток счастливчиков, которым довелось подхватить меня, плотно меня обступили. Мне показалось, что им хотелось каждому оторвать себе от меня кусочек, и я в ужасе позвала:

— Каспар!

Каспар тут же вклинился и разорвал окружившее меня

кольцо.

— Пропустите! Расступитесь! — рявкнул он. — Аврора, тебе плохо?

— Забери меня отсюда… — простонала я, падая на его руки.

Он сгрёб меня в охапку и вынес из аудитории. На лестнице мы чуть не столкнулись с Юлей: она поднималась по ступенькам в сопровождении дока Гермионы, Цезаря и Оскара.

— Что случилось? — встревоженно воскликнула она. — Что с ней? Аврора!

Она выхватила меня у Каспара и понесла вниз, а Цезарь, Каспар, Оскар и док сдерживали толпу, которая бросилась за мной вдогонку. Цезарь, как Геркулес, заслонил собой всю ширину лестницы и стоял намертво, выдерживая натиск пятидесяти тел, а Каспар и Оскар ему изо всех сил помогали. Док Гермиона, побыв с ними секунду, бросилась следом за нами. Мои же мысли были об упавшей с кафедры Кате.

— Юля… Там Катя упала, — бормотала я сквозь звон в ушах. — Она ушиблась… Я хочу узнать… Они меня поймали, а её — нет…

— Что? О чём ты говоришь, Аврора? — не понимала Юля, неся меня вниз по лестнице.

— Катя… — звала я.

Через пять минут я лежала в большом мягком кресле в чьём-то кабинете. Возле меня хлопотала док Гермиона, Юля сидела рядом, с тревогой глядя на меня. Дверь кабинета открылась, и вошёл Каспар, а следом за ним робко прошла Катя. Увидев и узнав ещё и президента "Авроры", она окончательно остолбенела. Каспар спросил меня:

— Это её ты звала?

Я кивнула. Каспар слегка подтолкнул Катю вперёд:

— Проходи, не бойся.

Она робко подошла к моему креслу, прихрамывая, и спросила еле слышно:

— Вы меня звали, Аврора?

Я, приподняв голову с подушки, сказала:

— Кто-нибудь, усадите же её…

Каспар подвинул Кате стул.

— Садись.

Но она не стала садиться на стул, а опустилась на колени передо мной. Низко опустив голову и закрыв глаза, она забормотала:

— Простите меня, пожалуйста… Простите… Я такая неловкая…

— Катя, ну что вы, успокойтесь, — сказала я. — Вы сильно

ушиблись? Я вижу, вы хромаете.

— Ерунда… Пустяки… — бормотала она. — Простите меня…

— Док, — попросила я, — пожалуйста, осмотрите её. Что у неё с ногой?

— Присядьте на стул, дорогуша, — сказала док Гермиона Кате.

Осмотр показал, что у Кати был ушиб колена и локтя, а также растяжение связок.

— Ничего страшного, — сказала док Гермиона. — Тугая давящая повязка и холод — вот и всё лечение.

— Если можно, пусть эта повязка ей будет сделана, — попросила я.

Мои просьбы выполнялись беспрекословно. Принесли бинт, и док сама перебинтовала Кате ногу. Катя сидела, окружённая заботой, и не верила, что с ней это происходит наяву. Она продолжала бормотать извинения, но я перебила её:

— Катя, ну хватит уже просить прощения. Единственная пострадавшая здесь вы, а со мной всё в порядке.

Док хотела что-то возразить, но под взглядом Юли промолчала. Я попросила Каспара проводить Катю. Задержавшись у двери, она попросила что-нибудь на память. У меня ничего не было, чтобы подарить. Но, подумав, я подарила ей пёрышко из своего крыла.

6.11. Встреча

Из-за плотного графика встреч с членами "Авроры" у меня совсем не было времени навестить Карину, хотя я часто думала о ней и уже давно хотела её увидеть хотя бы одним глазком. Кажется, ей сейчас было уже десять лет, и она по-прежнему не знала, что у неё есть сестра. Хотя, может быть, ей лучше было не знать о такой сестре.

И всё-таки я отправилась в свои родные места.

Я приземлилась на крышу дома, стоявшего по соседству с моим и со щемящей тоской в сердце устремила взгляд на знакомые окна. Вот мой старый клён. А вот моё окно. Оно открыто и завешено тюлем. Уютный свет настольной лампы. Я села на ветку клёна — на ту самую, на которой я впервые увидела Эйне. Сквозь тюль было плохо видно, но мне и не нужно было видеть, чтобы понять, что я хочу туда проникнуть. Мои ноздри уловили запах, пленительнее которого мне ничего не доводилось испытывать. Всё моё нутро сладко сжалось от этого аромата, и весь мир перестал существовать для меня в этот миг. Безотчетно повинуясь охватившему меня желанию, я нарушила неприкосновенность жилища.

Моя рука откинула лёгкий белый тюль. Неслышно спустившись с подоконника в комнату, я осмотрелась. За письменным столом, озарённая светом настольной лампы и отблеском от монитора компьютера, спала хорошенькая, длинноволосая девочка в шортах и майке. Стол был завален учебниками. Щёчка школьницы покоилась на клетчатой странице толстой тетради. Я осторожно заглянула на обложку. Назимова Карина, 5 "А" класс.

Я склонилась над спящей девочкой. Её аромат кружил мне голову и пьянил, вызывая во мне сладостные спазмы, но это не были спазмы голода, это было нечто иное. Я потянулась к ней ртом, но не для того, чтобы вкусить её крови. Я погладила её мягкие каштановые волосы и поцеловала её в тёплую розовую щёчку. Её тёмные пушистые ресницы дрогнули, но она не проснулась.

Слегка обалдевшая от нахлынувших на меня ощущений, я стояла столбом, не отводя взгляда от спящей Карины. Что, если она проснётся и увидит меня? Нет, у меня и в мыслях не было причинить ей вред, но ведь она этого не знала. Понимая, что надо уходить, я всё-таки не могла сдвинуться с места, очарованная и потрясённая: странная слабость закралась во все мои суставы и мускулы. Вдруг Карина вздохнула, пошевелилась и открыла глаза.

В мои планы не входило показываться ей, но теперь было слишком поздно: она меня уже увидела. Подняв длинноволосую головку от страницы тетради, она смотрела на меня во все глаза, и трудно было понять, чего больше было на её лице — испуга или восторга. Чтобы успокоить её, я опустилась на колени и дотронулась пальцами до длинных свисающих прядей её волос.

— Кариночка… Куколка моя! Не бойся. Ты меня не знаешь, но я знаю тебя с самого твоего рождения и очень тебя люблю, поверь мне. Я никогда не сделаю тебе ничего плохого, не бойся меня.

Она, глядя на меня широко раскрытыми глазами, сказала чуть слышно:

— Я знаю тебя.

— Знаешь?

Она кивнула. И сказала — робко, как будто не была в этом уверена:

— Ты моя… мама.

— Почему ты так думаешь, куколка? — удивилась я.

Вместо ответа она достала из ящика стола сильно помятую фотографию, на которой была изображена невеста в гробу — бледная, красивая, с подкрашенными бровями, приподнятыми в

страдальческом недоумении, будто её смерть была внезапной и очень мучительной. Я сразу узнала снимок: он был одним из тех, что я послала Алле после своих "похорон". Снимок имел следы небрежного обращения: на одном уголке был сгиб, другой уголок вообще оторвали. Ненависть моей мачехи дошла до меня спустя годы: я чувствовала её запах, слышала биение сердца её тени.

— Это не я её помяла, она такая и была, — поспешно заверила Карина. — Не сердись, пожалуйста.

— Я и не сержусь, куколка моя, что ты, — пробормотала я. — Откуда это у тебя?

— Я нашла её, — ответила Карина. — За книгами на полке. Папа говорит, что мама уехала… Но она не настоящая моя мама, потому что настоящая мама так не сделала бы… Моя мама — ты, да?..

До чего порой изощрённо работает детская фантазия! Карина, найдя фотографию мёртвой невесты, выдумала невероятную историю с ней и собой в главных ролях — историю своего рождения. Мамы не было рядом с ней, так отчего бы красивой, страдальческой и печальной мёртвой невесте не стать её мамой? Её можно было хотя бы оплакивать. Сколько слёз пролилось на эту многострадальную фотографию, сколько раз она ночевала под подушкой! Мне до боли в сердце хотелось прижать Карину к себе и сказать: "Да, я твоя мама", — но это было бы обманом. Зачем увеличивать количество лжи, тем более что одна страшная тайна уже есть — тайна исчезновения матери Карины? Я протянула к ней руки, и она доверчиво обняла меня за шею, прижалась всем своим тоненьким тёплым девчоночьим телом. Как только тёплое и хрупкое кольцо её рук сомкнулось вокруг меня, я поняла, что отныне моё сердце принадлежит ей одной. Оно и раньше ей принадлежало, но я осознала это по-настоящему только сейчас.

— Когда ты умерла, тебе было очень больно? — спросила Карина почти шёпотом.

— О таких вещах нельзя спрашивать, — сказала я замогильным голосом.

— Прости, пожалуйста, — прошептала она испуганно.

Я зарылась лицом в её восхитительно пахнущие волосы.

— Нет… Нет, куколка, это была не совсем смерть… Да, здесь, на фотографии, я выгляжу как мёртвая, и на кладбище даже есть моя могила, но… Это трудно объяснить. Это тоже жизнь, хотя и другая.

Она прошептала:

— Ты холодная…

— Не бойся, детка.

— Я и не боюсь тебя… мамочка.

Я прижала её к себе крепче, погладила её шелковистые волосы.

— Кариночка… Я бы очень хотела быть твоей мамой, но это не так. Увы… Хотя я тебе и не чужая. Некому было рассказать тебе обо мне, и поэтому ты не могла знать, что у тебя была сестра.

— Сестра?

Её объятия ослабели, она смотрела мне в лицо.

— Да, куколка. Это я. Меня зовут Аврора. Раньше у меня было другое имя, но оно осталось в прошлом, им меня уже никто не называет. Тебе лучше никому не говорить, что я к тебе приходила, потому что тебе всё равно не поверят. Даже папе не говори. Сейчас мне пора уходить, родная… Пожалуйста, не оставляй окно открытым. Если приду я, я постучу. Но всё равно, если услышишь стук, сначала смотри, а потом открывай.

6.12. Сорок пять

Сорок пять молодых членов "Авроры" — все кандидаты в чистильщики — были все как на подбор красивыми юношами и девушками. Приём был организован в виде молодёжной вечеринки с дискотекой и проходил в ночном клубе "Аврора". (Он был специально для членов Общества). Официально вечеринка была приурочена к скорому вступлению этих молодых кандидатов в ряды чистильщиков, но Пандора сообщила мне по секрету, что истинная и главная цель этого мероприятия состояла в том, чтобы я выбрала одного из этих кандидатов себе в ученики.

— Оскар сам отбирал кандидатуры, — сказала она. — Это лучшие из лучших. Они превосходно показали себя в работе в "Авроре", и все они жаждут стать настоящими чистильщиками. Но только один из них удостоится чести стать учеником самой Авроры.

— Чья это была идея? — усмехнулась я.

— Разумеется, Джулии, — удивилась Пандора. — Разве она не сказала тебе об этом?

Я ответила:

— Мне никто ничего не говорил. Я не знала о том, что должна буду кого-то обучать. Разве я обязана это делать?

Позади меня раздался голос Юли:

— Нет, конечно, ты ничего не обязана. И никто тебя не станет принуждать. Но эти молодые люди так мечтают об этом! Неужели ты разобьёшь их заветную мечту?

Её рука обняла меня за плечо. Она сегодня была потрясающе красива: крупные каштановые локоны обрамляли её бледное лицо, а глаза, подчёркнутые тёмными тенями, таинственно

мерцали.

— Мой сын тоже здесь, — сказала она.

Проследив направление её взгляда, я увидела за одним из столиков Гришу в компании четырёх девушек. Они весело болтали и смеялись, пили коктейли.

— Он что, тоже… кандидат? — пробормотала я, запнувшись.

Юля с улыбкой кивнула.

— Он в "Авроре" с тех самых пор, как мы с его отцом поженились. Он проявил себя прекрасно. Он уже староста ячейки "Авроры" в своём университете.

Гриша заметил нас. Повинуясь знаку Юли, он поднялся из-за столика и пошёл к нам. Девушки, видя, к кому он идёт, провожали его с завистью во взглядах. А он подошёл развязной походкой молодого повесы, избалованного вниманием женского пола, с очаровательным нахальством уселся за столик рядом со мной и поцеловал мне руку — златокудрый голубоглазый Аполлон, уверенный в своей неотразимости.

— Привет, Аврора, — сказал он. — Привет, мам. Привет, Пандора.

Пандора, заблестев глазами и улыбкой, ответила, протягивая ему руку:

— Привет, привет, очаровашка.

Он галантно поцеловал протянутую руку, а Пандора ущипнула его за гладкую щёку.

6.13. Лучший

— Конечно, он же сын Джулии.

Шестеро молодых людей — три молодых человека и три девушки — сидели за столиком, уставленным бокалами.

— По-моему, нам вообще ничего не светит. И так ясно, что Аврора выберет его.

— Зачем вообще было всё это устраивать? Просто брала бы его сразу, безо всяких тусовок, так было бы честнее. У них, наверно, уже всё обговорено.

Я вышла из тени невидимости.

— Можно к вам, ребята?

Они, увидев меня, обомлели, а потом все вскочили, предлагая мне свои стулья:

— Садитесь, пожалуйста!

— Ну, больше чем на один стул я сесть не смогу, — сказала я.

Я села на ближайший ко мне стул, а занимавшая его девушка села на колени к молодому человеку. Они все не сводили взглядов с бокала крови, который был у меня в руках. Сделав выбор, я должна была вручить избранному бокал, а он должен

был его выпить.

— Почему же вы считаете, что у вас нет никаких шансов? — спросила я. — Только потому, что Гриша — сын президента "Авроры"? — Я поставила бокал на стол. — У него такие же шансы выпить этот бокал, как и у вас. Всё честно. Я пока не знаю, кого выберу. Может быть, это будет кто-то из вас… А может, и кто-то вон за тем столиком. Или вон за тем. А может, кто-то из тех, кто оттягивается на танцплощадке.

К столику подошёл Гриша.

— Аврора, — сказал он, — тебя зовёт мама. Она хочет с тобой о чём-то поговорить.

Взяв с собой бокал, я пошла за ним куда-то на второй этаж. Там он открыл какую-то дверь.

— Сюда.

Комната освещалась несколькими десятками свечей, расставленных повсюду: на полу, на тумбочке, на подоконнике, над изголовьем широкой кровати с белоснежным шёлковым бельём.

— И что всё это значит? — спросила я.

Гриша, взяв меня за руку, подвёл к кровати и усадил. Прикрыв дверь, он нажал кнопку на стоявшем в углу музыкальном центре. Глядя на меня чистыми голубыми глазами — сама невинность! — он начал вытворять под музыку бесстыдное и завораживающее безобразие. Мальчик, которому я подарила на день рождения ночной кругосветный полёт, извивался передо мной, будто его прекрасное молодое тело вовсе не имело костей, дразнил меня рельефной мускулистой грудью, поджарыми бёдрами и длинными стройными ногами. Брюки соскользнули с него, и я увидела его круглые упругие ягодицы, розовые, покрытые золотистым пушком — не попка, а персик. На нём были красные стринги, под которыми спереди бугрилось самое завораживающее безобразие. С кошачьей грацией он подполз ко мне по ковру и обвился вокруг меня. Опускаясь под его мягким давлением на шелковые простыни, усыпанные лепестками белых роз, я старалась не пролить кровь из бокала, который всё ещё держала в руке. Его горячие губы касались моей шеи, от его тёплого дыхания у меня бежали по всему телу мурашки.

— Что ты делаешь…

Его тёплый шёпот щекотал мне ухо:

— Окажи мне честь, Аврора… Стань моей наставницей.

— Ты хочешь, чтобы я выбрала тебя?

— Да… Я хочу учиться только у тебя.

— И почему же я должна предпочесть тебя всем остальным?

— Потому что я лучший.

— Ты, я вижу, заниженной самооценкой не страдаешь, дружок.

Рывок — и он оказался подо мной, а из бокала в моей руке на белоснежный шёлк не пролилось ни капли.

— Знаешь, мальчик, я не ожидала от тебя такого. Если ты думаешь, что всего на свете можно добиться через постель, то ты ошибаешься. Стриптизёр, впрочем, из тебя может получиться неплохой, а в остальном ты меня разочаровал.

Бокал, который он так желал получить, я выпила сама. Поставив его на тумбочку, я слезла с кровати.

6.14. Не родись красивой

Она сидела на диванчике в самом дальнем и тёмном углу, за пустым столиком. Серьёзная и мрачноватая, она не танцевала, ничего не пила и ни с кем не разговаривала. Она была некрасивая, похожая на усердную школьницу, с большими выпуклыми серыми глазами и жидкими русыми волосами, заплетёнными в две косички, в белой блузке навыпуск и серой юбке в складку. Она была такая тщедушная и узкоплечая, что ей можно было дать лет пятнадцать. Она была самая неказистая из всех сорока пяти претендентов и не вписывалась в общий стиль тусовки, но, вероятно, она кое-чего стоила, если сумела пройти отбор Оскара.

Она была так погружена в свои мысли, что не заметила, как я подошла. Увидев, что я сижу рядом, она немного вздрогнула и села прямо, будто аршин проглотила, не сводя с меня своих выпуклых, водянисто-серых глаз.

— Кажется, вы скучаете, — сказала я. — Не танцуете, не пьёте. Ни с кем не общаетесь. Почему?

— Я никого здесь не знаю, — ответила она. — И меня никто не знает.

— Тогда надо познакомиться, — улыбнулась я. — Как вас зовут?

— Кэт Вайсмюллер.

— Откуда вы родом?

— Из Германии. Я родилась в городке Боркенвирте. Это Северный Рейн-Вестфалия, недалеко от границы с Нидерландами. Крохотный городок, почти деревня.

— Несмотря на то, что вы почти из деревни, ваш английский безупречен.

Она смущённо улыбнулась.

— Благодарю вас. Не так уж и безупречен.

— Нет, я серьёзно. Чем вы занимаетесь, Кэт?

— Я только что закончила Гейдельбергский университет.

— И кто вы по специальности?

— Врач-терапевт.

— Сколько вам лет, Кэт?

— Двадцать четыре, а что?

Я улыбнулась.

— Вы очень юно выглядите.

— Мне все так говорят, — сказала она. — Принимают за школьницу.

— Почему вы хотите примкнуть к отряду чистильщиков?

На этот вопрос она ответила мне с немецкой чёткостью. Она сказала:

— По двум причинам. Во-первых, я хочу очищать общество от подонков, а во-вторых, мне очень нравится летать. Точнее, я очень хотела бы летать.

Я сказала:

— Ну, для того чтобы удовлетворить это желание, вовсе не обязательно становиться чистильщиком. Запишитесь в лётную школу.

Она покачала головой.

— Нет, я хочу летать не на самолёте, а на собственных крыльях. Это разные вещи.

Я продолжала испытывать её:

— Вы больше не сможете питаться по-человечески. Вы будете пить только кровь. Вас это не страшит?

Кэт ответила:

— Это так же страшно, как питаться мясом и внутренностями животных. Кровь — такая же ткань организма, как любая другая. Люди тоже иногда употребляют в пищу кровь, готовя из неё различные блюда.

Я сказала, вставая:

— Ну, пойдёмте, проверим, насколько далеко вы можете зайти.

Она вложила свою маленькую ручку в мою протянутую ладонь и тоже встала, блестя широко распахнутыми глазами. Окинув взглядом её полудетскую, щупленькую, плоскую фигурку, я усмехнулась. Сейчас это было её недостатком, но потом превратится в преимущество. Такая безобидная внешность позволит ей нападать внезапно на ничего не подозревающую жертву — будущего донора.

— Пойдёмте, Кэт, я вас угощу.

Держа её за руку, я подвела её к стойке бара и, приподняв её, как ребёнка, усадила на высокий табурет. Бармен тут же услужливо осведомился:

— Что Аврора желает?

Я усмехнулась:

— Что может желать Аврора? Конечно, кровь. Да побольше. У вас есть какая-нибудь большая ёмкость?

— Разумеется, — последовал ответ. — Сию минуту будет.

Кэт опять сидела прямо, как с проглоченным аршином. Она вся трепетала, догадываясь, что сейчас будет и что это значит для неё. Ждать пришлось минут пять. Через пять минут передо мной поставили стеклянную пивную кружку литровой ёмкости, полную тёплой крови почти до краёв. Я взглянула на Кэт и не удержалась от смеха: её глаза едва не вылезали из орбит.

— Маленьким бокальчиком вы не отделаетесь, — сказала я ей.

Она посмотрела на меня.

— Я должна это всё… выпить? — спросила она дрогнувшим голосом.

— Да, — сказала я. — Выпьете — возьму вас. А нет — ну, тогда не обессудьте.

Её пальцы слегка дрожали, когда она протягивала руку к кружке, на побледневшем лице была написана отчаянная решимость. Я пожалела её и взяла кружку первая.

— Погодите, вам столько не осилить. Если вы не возражаете, я немного уменьшу количество.

Я отпила примерно треть и только тогда вручила кружку девушке.

— Всё. Остальное — вам. Если не допьёте хотя бы глоток, я буду искать кого-нибудь другого, посмелее.

Оказалось, что за моими передвижениями внимательно следили. Как только Кэт взяла кружку, настала тишина, пляска цветных огней погасла и стало почти темно, а на Кэт упал сверху луч прожектора, озарив её неярким серебристым светом, похожим на лунный.

— Исторический момент, — шепнула я. — Эффектное оформление.

Блестели края кружки, блестели остекленевшие глаза Кэт, когда она подносила её к губам. В полной тишине она начала пить, и из-за краёв кружки были видны только её глаза, широко раскрытые, почти не мигающие. Стеклянное дно медленно поднималось. По подбородку Кэт потекли две тоненькие струйки, запятнав её белую блузку.

— Аккуратнее, — сказала я. — На себя выливать — нечестно.

Дно кружки задралось в самое верхнее положение и замерло в нём на пару секунд, а потом Кэт отняла края кружки ото рта. Раздались хлопки, сначала редкие, как первые капли дождя, и постепенно они перешли в стойкие и долгие, но сдержанные аплодисменты. Кэт, улыбаясь кровавым ртом, обводила вокруг себя обалдевшим взглядом. Зажёгся свет.

— Поздравляем вас, Кэт.

Подошедшие Юля и Оскар пожали ослабевшую руку девушки. Все остальные тоже подходили с поздравлениями. В их глазах читалось откровенное удивление: как могло этой пигалице повезти больше, чем нам? Чем она лучше нас? Почему выбрали её? Гриши в числе подходивших не было. Видимо, он расстроился. Впрочем, это был ему хороший урок.

6.15. Дважды два — четыре

— Папа сказал, что у меня не было никакой сестры. Если бы была, он бы знал.

Я нахмурилась.

— Ты рассказала ему обо мне?

Карина отрицательно качнула головой.

— Нет… Зачем ты сказала неправду? Ты мне никакая не сестра, а мама. Ведь правда? Да?..

Стол Карины был по-прежнему завален учебниками, в раскрытой тетрадке было недоделанное упражнение по русскому языку. На белом блюдечке лежало большое красное яблоко, я сидела на её стуле, а она — у меня на коленях, прильнув ко мне. Я подумала: если говорить правду, так до конца, а если лгать, то тоже. Сказал "а" — говори уж и "б". "Б" в данном случае означало бы то, что мне следовало сказать Карине, что Денис — не родной её папа, а она его так любит! Нет, уж лучше пусть она думает, что я её мама. В самом деле, какая разница? Всё равно настоящей матери она не знала.

— Ведь правда? Да? — настойчиво спрашивала она, заглядывая мне в глаза.

— Хорошо, родная… Пусть будет так. Я твоя мама.

Она поверила без колебаний: она уже давно верила, нужно было только подтверждение. Вцепившись в меня мёртвой хваткой, она прошептала:

— Я знала.

Я не могла сказать ей "нет": слишком крепко моё сердце увязло в плену её грустных карих глаз. И я сказала то, что повторяла, как заклинание, на протяжение всех пяти лет в замке Кэльдбеорг:

— Я люблю тебя, Карина.

Без неё мне не жить, и это было так же точно, как дважды два — четыре.

6.16. Родство по крови

В белой комнате было светло и тепло. У стены, оклеенной фотообоями с лесным пейзажем, стояла белая кроватка, и из сугроба белого постельного белья выглядывали выпуклые серые глаза и торчали серовато-русые косички. Глаза тревожно косились на резиновый медицинский жгут. Пальцы дока Гермионы зашуршали упаковкой одноразового шприца.

— Ну-с, приступим. Производим забор крови у Авроры.

Я сняла свою чёрную кожаную куртку и поставила локоть на обтянутую клеёнкой подушечку. Жгут перетянул мне руку. Ритмично сжимая и разжимая кулак, я смотрела на Кэт. Она свернулась под одеялом калачиком; все предварительные процедуры были над ней проведены, док также провела с ней разъяснительную беседу о том, какие ощущения она будет испытывать, и втолковала, что это нормально, и бояться ничего не надо.

Шприц наполнился тёмной холодной кровью. Я прижала к локтевому сгибу ватку, а док Гермиона подошла со шприцем к кровати Кэт.

— Кровь Авроры мы введём тебе в вену, дорогуша, — сказала она. — Давай ручку.

Кэт выпростала худенькую руку из-под одеяла, и док перетянула её жгутом. Я сказала, чтобы её подбодрить:

— Не бойся.

Она улыбалась. Игла вонзилась, и она немного вздрогнула, но улыбаться не перестала. Моя тёмная холодная кровь смешалась в вене с её алой тёплой кровью. Мои пять миллилитров в ближайшие сорок восемь часов превратят все её четыре с половиной литра в точно такую же тёмную холодную жидкость.

Игла была вынута, и Кэт спрятала руку под одеяло, натянутое до подбородка. Она улыбалась мне, и я тоже не могла ей не улыбнуться. Я сказала:

— Теперь в тебе моя кровь. Можно сказать, мы с тобой в какой-то мере породнились.

Её личико на глазах бледнело, губы серели, но она держалась спокойно. Док Гермиона сказала:

— Вы можете идти, Аврора. Ваше дальнейшее присутствие не обязательно.

Я встала. Из-под одеяла послышался тихий голосок:

— Аврора… Не уходите, пожалуйста.

Я остановилась, потом подошла к ней.

— Ты хочешь, чтобы я побыла с тобой?

— Да… Если вам не трудно.

— Мне вовсе не трудно. Я останусь с тобой. Док, вы не возражаете?

Док Гермиона ответила:

— Как пожелаете, Аврора.

6.17. Апартаменты

— Это твои апартаменты, — сказала Юля, обводя широким жестом просторную гостиную. — Дом только что построен. Я сама здесь всё обставила.

Моя новая квартира располагалась на самом верхнем, четырнадцатом этаже новостройки. Рядом был разбит небольшой скверик, из окон открывался вид на лесопарк и шоссе.

— Отдалённый шум транспорта не будет тебя беспокоить: здесь везде хорошая звукоизоляция. К тому же, движение по этому шоссе не слишком оживлённое. Кроме того, у тебя есть то, чего нет у других жильцов дома.

— И что же это?

Юля улыбнулась и распахнула большую стеклянную дверь.

— Пентхаус.

— В самом деле? Всю жизнь мечтала иметь квартиру с пентхаусом!

Мы вышли под открытое звёздное небо. Зелёный газончик, дорожки, какие-то диковинные растения с огромными листьями, похожие на доисторические древопапоротники, скамеечки, стол со стульями, декоративный бассейн с кувшинками, пара шезлонгов и пляжный зонтик — вся эта красота на крыше отныне принадлежала мне, и никому больше.

— Это весьма удобно для жильцов, имеющих крылья, — сказала Юля. — Хорошая посадочная площадка.

— Да уж, это точно, — усмехнулась я.

— Есть и обычный балкон, — продолжала Юля. — Точнее, лоджия. Пойдём, покажу.

Лоджия была уютно обставлена, почти как дополнительная комната. Здесь стоял диванчик-уголок со столиком и плетёное кресло-качалка, а для пущего уюта это помещение было обильно озеленено декоративными растениями, ползучими и вьющимися.

В моих апартаментах было пять комнат и раздельный санузел, прихожая и кухня. Я не удержалась от иронического замечания:

— Интересно, что я буду здесь готовить?

Юля развела руками:

— В любой квартире есть кухня. А пользоваться ею или нет — это личное дело каждого.

По-прежнему иронически настроенная, я подошла к холодильнику.

— А хотелось бы мне узнать… — начала я, берясь за ручку дверцы, — что здесь есть? — И закончила, открыв дверцу: — Так я и думала. Пусто.

— Ты можешь пользоваться морозильной камерой, — сказала Юля. — Можешь приготовить мороженое. Смешиваешь кровь со сливками и сахаром, можно добавить немного какого-нибудь фруктового сока, и ставишь в морозилку. Получается просто объеденье.

— А я не отравлюсь соком? — с сомнением спросила я.

— Не бойся. Доктор Гермиона гарантирует, что некоторые продукты, взятые в небольших количествах и смешанные с кровью, совершенно безопасны для нас.

Я прошлась по всем комнатам.

— И кто же будет содержать всю эту роскошь?

— Тебе не нужно ни о чём беспокоиться. Все расходы я беру на себя.

— То есть, я буду жить за твой счёт?

Юля привлекла меня к себе.

— Ну, зачем так ставить вопрос? Не всё ли равно? Считай, что эту квартиру даёт тебе "Аврора".

— То есть, ты.

— Нет… "Аврора" — это не только я. Это ещё многие другие. Считай, что это не только от меня, но и от них тоже. Это самое меньшее, что мы можем для тебя сделать.

6.18. Разбойницы

Я сама возилась с моей ученицей весь период её "младенчества", сама учила её летать и обучала её искусству проникновения в сердце теней. Два года она жила со мной в моей квартире, и мы не расставались ни днём, ни ночью.

Однажды на очередной учебной охоте мы увидели, как хищник-орденец поймал ребёнка. Моё сердце не могло этого стерпеть: я сразу подумала о Карине. Ребёнок был вырван из лап хищника, а сам охотник получил от меня удар острым каблуком в глаз.

— Почему ты это сделала, Аврора? — спросила Кэт.

— Потому что это ребёнок, — сказала я.

Это был не единичный случай. Мы с Кэт ещё несколько раз

помешали охоте членов Ордена, отбивая у них их добычу, пользуясь электрошоком и дымовыми шашками, состав которых был изобретён Кэт. За месяц таких развлечений мы спасли из лап членов Ордена сорок шесть человек.

А потом к нам в гости наведалась сама президент "Авроры".

— Ну, как успехи твоей ученицы, Аврора? — поинтересовалась она.

— Весьма изрядны, — ответила я. — Думаю, она готова к сдаче экзамена.

— Рада это слышать, — сказала Юля. — Я, собственно, пришла не только затем, чтобы узнать, как у неё дела. Нам стало известно, что кто-то нападает на членов Ордена… И отнимает у них добычу. Не просто отнимает, а спасает. Аврора, тебе, случайно, ничего об этом не известно?

Я напустила на себя непонимающий вид.

— А почему ты думаешь, что мне должно быть что-то известно?

Она заглянула мне в глаза.

— Аврора… Тебе от меня ничего не скрыть. Ты как-то к этому причастна?

В этот момент Кэт, услышавшая голоса, вышла из своей комнаты и замерла, увидев президента "Авроры".

— Здравствуйте…

Юля пронзила её проницательным взглядом.

— Кажется, и эта молодая особа что-то скрывает. Ну-ка, обе, признавайтесь!

Пришлось всё рассказать.

— И скольких вы уже таким образом спасли? — спросила Юля.

— Сорок шесть человек, — бойко ответила Кэт. — Нет, сорок семь, если считать сегодняшнего.

— Разбойницы, — сказала Юля.

6.19. Дым

— Неплохо, неплохо, — сказала Юля.

Мы сидели за столиком на территории моего пентхауса. Юля задумчиво смотрела вдаль, на городские огни. Их было больше, чем на небе звёзд, и они были гораздо ярче. Глядя на это море огней, я думала о том, какую уйму электроэнергии потребляет город, и что произойдёт, если её отключить во всём городе. Хаос и паника.

Задумчиво прищуренный, устремлённый вдаль взгляд Юли был рассеян и далёк. Она обдумывала какую-то идею. Кэт же переводила взгляд с неё на меня и обратно, стараясь угадать,

довольны ли мы ею.

— Покажите-ка, что вы за дымовые шашки используете, — попросила Юля.

— Состав разработан мной, — сказала Кэт, доставая из кармана шашку.

И, прежде чем я успела её остановить, она продемонстрировала шашку в действии. Крышу заволокло удушливым дымом, и мы все кашляли до слёз. Даже после того как дым рассеялся, в горле ещё першило.

— Вообще-то, я просила только показать, а не испытывать её действие на нас, — прохрипела Юля, переводя дух. — Впрочем, ничего, это было очень наглядно…

— Дым не ядовит, только раздражает дыхательные пути и глаза, — прокашляла Кэт. — Он разработан с учётом особенностей нашего дыхания… Его действие таково, что он заставляет сделать вдох… А потом… Что потом, вы только что почувствовали.

— Эффективно. — Юля вытерла платочком глаза. — Рецептик пока никому не раскрывайте. Ваше изобретение может оказаться весьма полезным.

6.20. Раз в истории

Пока Кэт сдавала экзамен, я ещё ни о чём не подозревала. Оказалось, что всё это время президент "Авроры" вынашивала план.

Она объявила о нём на собрании высшего руководства "Авроры". Она ставила перед "Авророй" новую задачу: не позволять членам Ордена убивать людей.

— Они убивают всех без разбора: как плохих людей, так и хороших. Они убивают детей и подростков. Беременных женщин. Грудных младенцев. Раньше они охотились на улице, но теперь дошло до того, что они стали нагло проникать в жилища людей. С таким положением нельзя мириться. В связи с этим у меня есть предложение. Я предлагаю отлавливать их во время охоты, помещать в изолятор и, кого возможно, убеждать перейти на нашу сторону, а отъявленных и неисправимых уничтожать. Такова вкратце суть моего предложения. Я готова выслушать ваши мнения об этом.

Разгорелась дискуссия. На замечание о том, что это, по сути дела, открытое объявление войны Ордену, Юля ответила:

— Да, я не спорю. Но разве не ясно, что "Аврора" и Орден слишком долго сосуществовать не смогут? Рано или поздно они должны вступить в войну. Должен остаться кто-то один: или они, или мы. К тому же, кто даст гарантию, что Орден не нападёт на

нас первый? Было бы слишком наивно полагать, что они будут мириться с существованием "Авроры".

Юлю спросили, отдаёт ли она себе отчёт в том, какими это грозит последствиями для "Авроры", и она ответила:

— Вполне отдаю. С того момента, как в Ордене поймут, что им объявлена война, каждый член "Авроры" будет в опасности. Разумеется, они будут защищаться в меру своих сил и наносить ответные удары. Орден всё ещё силён, но я верю, что мы сильнее. Нужно продумать способы защиты от их возможных ответных выпадов. Разумеется, прежде чем начинать эту войну, нужно подготовиться! Как же иначе? Я представила вам только идею, а не готовый план действий. План ещё нужно выработать.

Дебаты были долгими и напряжёнными. Мнения разделились. Некоторые считали, что лучше не менять существующего положения вещей и не идти на такой радикальный конфликт с Орденом; другие приняли предложение президента "Авроры" лишь наполовину, соглашаясь с тем, что членам Ордена нужно мешать убивать хороших, добропорядочных людей, но при этом предлагали их самих не трогать; третьи полностью поддерживали предложение Юли и были за то, чтобы прекратить существование Ордена. Голосованием решить вопрос не удалось. Тогда Юля поднялась со своего места и сказала:

— Мы зашли в тупик. Единственный выход, который я вижу, это спросить мнения Авроры. Как она решит, так мы и поступим. Вы согласны?

Все согласились. Я, до сих пор молчавшая, должна была сказать решающее слово: все смотрели на меня и ждали. Юля сказала:

— Аврора, мы ждём твоего слова. Каким бы оно ни было, оно будет принято, как приказ.

У меня затряслись колени. Но я нашла в себе силы сказать:

— Мне кажется, что ещё рано решать, быть войне или нет. Мы не спросили мнения тех, кому придётся воевать — рядовых членов Общества. Я осмелюсь предложить провести что-то вроде опроса. Может быть, они не хотят этого? Зачем навязывать им наше решение? Так всегда делалось, когда развязывались войны: решало меньшинство, а большинство было вынуждено переносить последствия их решения. А мы сделаем не так. Хоть раз в истории! И я обязуюсь принять мнение большинства, каково бы оно ни было.

— Хорошо, Аврора, — сказала Юля. — Мы сделаем, как ты сказала: проведём что-то вроде референдума. Но и ты сдержи своё обещание.

— Я от своих слов не отказываюсь, — ответила я.

Говоря всё это, я полагала, что не допущу войны. О, какой мудрой я себя считала! Я была уверена, что "народ" будет единогласно против войны с Орденом — ну, или хотя бы большинство. Я доверила проведение опроса Юле, и она сказала, чтобы я не беспокоилась: она всё сделает. И она сделала.

6.21. Девяносто девять процентов

Меня разбудило ласковое похлопывание по щекам. Надо мной склонилась Юля.

— Ну и соня! — сказала она. — Ты знаешь, который час? Шесть вечера.

— Я как раз поднимаюсь в это время, — ответила я, уклоняясь от её ладоней, гладящих мои щёки. — Ты же знаешь: я ночное существо. А в чём дело?

Она присела на край моей постели и положила мне на живот какую-то папку.

— Что это?

— Результаты опроса, который ты поручила мне провести. Спешу доложить, что твоё поручение выполнено. Мнение каждого члена "Авроры" было учтено — разумеется, обычные люди в опросе участия не принимали, были опрошены только чистильщики.

Я открыла папку. Тут были какие-то диаграммы, проценты по участкам, ещё что-то непонятное.

— Слушай, я что-то не совсем понимаю…

Юля открыла последнюю страницу.

— Вот главный результат.

На последнем листе было чёрным по белому написано, что девяносто девять процентов членов "Авроры" хотели воевать с Орденом. Я не могла поверить своим глазам. Я-то ожидала противоположного результата!

— Ну что, демократка ты наша? — сказала Юля. — Убедилась, что все авроровцы как один готовы тебя защищать?

Меня осенило…

— Постой, а какой вы задавали им вопрос?

— Очень простой, — ответила Юля. — Согласны ли они воевать с Орденом в целом и с его членами в отдельности, если Аврора будет в опасности. И девяносто девять процентов ответили "да". Один процент не дал уверенного ответа. Точнее, они тоже сказали "да", но те, кто опрашивал, почувствовали их неуверенность. Это слабые духом, их мы взяли на заметку. На них особых надежд возлагаться не будет, и ничего важного им тоже не поручат, потому что они ненадёжны.

— Подожди… Какая опасность? — Я уронила папку, листки выпали. — Разве речь шла обо мне? Мне показалось, что главная причина для войны — твоё желание устранить Орден как конкурента. При чём здесь я? Юля, тебе не кажется, что ты ввела в заблуждение всех, и меня в том числе?

Она собрала листки, аккуратно сложила в папку.

— Аврора… Мы не хотели тебе сообщать. За две недели до того совещания нами были пойманы двое членов Ордена. Они крутились возле твоей квартиры… Да, да, здесь. Мы их задержали и смогли узнать, что они были посланы, чтобы убить тебя.

— Убить?.. — Я натянула на себя одеяло.

— У них были мечи. Они собирались изрубить тебя на куски. Мы решили не говорить тебе, чтобы не пугать зря. Так что опасность действительно есть, Аврора… И мы сделаем всё, чтобы защитить тебя.

6.22. Убить Аврору

Их глаза смотрели на меня тупо и неотрывно. Их руки не были скованы, но они не могли двигаться: их напоили вином. У одного вместо глаза была чёрно-красная рана. У другого — сломан нос и разорваны ноздри. Я заглянула в их глаза глубже.

"Убить, убить Аврору" было там.

На столе лежали два самурайских меча. Я коснулась их рукояток и проникла в сердце их теней. Убить, убить Аврору, сказали они. Руки, державшие нас, намеревались убить Аврору. Мы должны были покрыться её кровью. Я могла бы и не смотреть в глаза подосланных убийц: одни только мечи могли бы мне рассказать более чем достаточно. Стоило мне их коснуться, как они заговорили. Им было незачем врать и выкручиваться, да они и не умели этого делать. Вещи никогда не лгут.

Рука Юли обняла меня за плечи.

— Пойдём, Аврора. Пойдём, ничего не бойся. Мы не позволим никому тронуть тебя и пальцем.

Я ещё мешкала уходить.

— Что с ними сделают?

— То же самое, что они хотели сделать с тобой. Изрубят на куски и выбросят шакалам.

Они услышали это и вздрогнули. Их дрожь отозвалась в моём сердце ответной дрожью.

— Нет… Не убивайте их.

— Что же ты прикажешь сделать с ними?

— Не знаю… Отпустите.

— Но они снова попытаются тебя убить!

— Я не хочу, чтобы их убивали.

— Хорошо, Аврора, как прикажешь. Но наказать их следует.

Я видела, что с ними сделали. Сначала одного из них — того, что с выбитым глазом — взяли за плечи и сильно выгнули ему спину, одновременно ударив в поясницу. За спиной у него распахнулись крылья — сизые, как у голубя. Два коротких сильных взмаха мечом — и пара крыльев лежала на полу, отделённая от тела. Несчастный даже не кричал, только жалобно и тонко блеял, и из глаз у него струились слёзы. Его сообщник, видевший это, лишился чувств, когда к нему подошли и тоже взяли за плечи. Вторая пара крыльев, дымчато-серая, упала на сизую.

— Глава 7. Война

7.1. Звёзды над Альпами

В камине потрескивал огонь. Сияли звёзды. Вверху были Альпы, внизу Альпы, справа и слева тоже Альпы.

Огонь трещал и гудел. Каспар подбросил в камин дров и долго подправлял их кочергой, чтобы пламя равномерно их охватило. Хотя топка камина не входила в обязанности начальника моей личной охраны, он всё же делал это.

— Они и здесь могут меня найти, — сказала я.

— Пусть попробуют, — усмехнулся Каспар.

Домик в швейцарских Альпах был моим домом уже год — ровно столько, сколько шла война между "Авророй" и Орденом. Это была война без взрывов и без стрельбы. Мало кто вообще знал, что она шла.

Бойцы "Авроры" по всему миру захватывали членов Ордена, и, как докладывала мне Юля (она сама докладывала мне обстановку), треть из них удавалось переманить в "Аврору", а две трети приходилось уничтожать.

Закутанная в плед-шотландку, я сидела у камина, глядя на пляску пламени и греясь его жаром, а Кэт командовала одним из таких отрядов. Один раз (за особые заслуги) её удостоили чести побывать у меня. Вот что она мне сказала:

— Многие члены Ордена сами хотят в "Аврору". Они понимают, что мы сильнее.

Над Альпами горели звёзды, но я не могла полететь к ним.

— В целях твоей же безопасности, — сказала Юля.

Я была объектом номер один и находилась под неусыпной охраной.

Стук в дверь, Каспар выпрямился и подошёл. В дверь просунулась рука с пластиковым полуторалитровым пакетом из "пункта питания". На пальце блеснуло жёлтое колечко.

— Хорошо, — сказал Каспар, принимая пакет.

Я поднесла носик пакета к губам и отпила треть. А потом сказала Каспару:

— Я хочу видеть того, кто мне это принёс.

Каспар кивнул.

— Сию минуту.

И вышел. А через три минуты дверь открылась, и оранжевый отблеск пламени, горящего в камине, озарил бледное остренькое личико темноволосой девушки. Я окинула её взглядом всю, от ровно поставленных вместе высоких ботинок солдатского образца до встрёпанной копны жестких темно-каштановых волос,

отдалённо напоминавших шевелюру Эйне. Миниатюрная, увешанная разнообразным оружием, с самурайским мечом за плечами, она стояла навытяжку, сжимая маленькие кулачки. А на пальце блестело то самое жёлтое колечко.

— Вы боец? — спросила я.

— Так точно, — был ответ.

— Вы не переживайте, у меня никаких претензий нет. Я просто хотела посмотреть на того, кто меня кормит. Ваше имя?

— Изабелла, — ответила она тихим, хрипловатым голосом. — Изабелла Хард.

Несмотря на миниатюрность и кажущуюся хрупкость, она была вся мускулы и нервы. Железная. И зубастая — маленький злой зверёк. Да, похоже, драться эта девочка умеет и любит. И каждый день получает свою норму в две тысячи грамм крови.

Каспар подошёл и со снисходительно-небрежным видом перечислил мне все заслуги, за которые данный боец удостоился чести снабжать пищей саму Аврору. Пока он рассказывал, Изабелла стояла неподвижно, вытянувшись в струнку, и в её немигающих, непроницаемых глазах плясали отблески пламени, ярко пылавшего в камине.

— Спасибо вам, Изабелла Хард, — сказала я.

В её зеркально-холодных глазах проступило живое, человеческое выражение: моё "спасибо" жарко заструилось в её холодных жилах и вспыхнуло в её тёмных зрачках.

— Служу "Авроре", — ответила она глуховато, но чётко.

Я про себя усмехнулась. Прозвучало как "Служу Советскому Союзу". Жестом отпустив Изабеллу, я приникла ртом к носику пакета с кровью, а она пружинисто повернулась кругом и вышла, бесшумно ступая по толстому ковру рифлёными подошвами своих грубых ботинок. Я невольно проводила её взглядом, залюбовавшись её плавной, кошачьей походкой. Походкой хищника.

Я подошла к окну. Звёзды горели, недосягаемые и холодные.

— Сегодня такая потрясающая ночь, — сказала я Каспару. — Мне очень хотелось бы прогуляться. Полететь к этим чистым звёздам.

— Нельзя, — ответил он. — Всё это…

— Знаю, знаю, — перебила я. — В целях моей безопасности. Мне уже осточертела эта безопасность! Может быть, я хочу опасности! Я хочу столкнуться с врагом, хочу драться! Я скоро просто рехнусь здесь! Каспар, я прошу тебя, отпусти меня хотя бы на полчасика полетать. У меня просто крылья чешутся.

— Джулия этого не одобрит, — сказал он.

— Да плевать мне на Джулию! — воскликнула я. — В конце

концов, кто я такая? Я ведь ваша Аврора, Аврора, которую вы почитаете, как божество! Вы обязаны меня слушаться! Разве не так?

— Так.

— Так какого же чёрта ты мне говоришь "нельзя"?! Как ты смеешь говорить мне это слово? Я хочу полетать, и ты не можешь запрещать мне это!

— Аврора, это опасно. Я должен беречь тебя, как зеницу ока. Если я тебя не уберегу…

— Сделаешь себе харакири. Отпусти меня. Прошу тебя.

— Ну хорошо, только с сопровождением. Не беспокойся, они будут держаться на расстоянии.

Это было презабавно. Объект номер один метался в звёздном небе над Альпами, а двадцать пять стражей, рассредоточившись, не спускали с него глаз. А когда объекту захотелось на сверхзвуковой скорости полететь в другое полушарие, у него образовался эскорт. Объект взгромоздился на вершину горы, а стража — на склонах и на соседних вершинах. Объекту захотелось промчаться над гладью океана навстречу солнцу на бреющем полёте, подцепляя на крылья солёные алмазные брызги, но и тут стража не отставала. Проверяя их бдительность, объект замер в воздухе и притворился, что падает. К нему ринулись сразу все. Двое подхватили и понесли, а все остальные образовали оцепление, летя впереди, с боков и позади, а также сверху.

Какой опасности я могла бы подвергнуться в воздухе? Я могу обогнать баллистическую ракету, обхитрить её, даже если бы на ней была система самонаведения. На самом быстром истребителе вам не догнать меня: я увильну, исчезну из виду, примощусь к вам на хвост, и вы будете гадать, куда я подевалась. Вам не сбить меня с земли, не догнать в небе, я недосягаема для вас. Вам не догнать меня, даже если бы вы очень захотели.

Но всё-таки есть способ меня поймать. Заставьте меня полюбить вас, и тогда я точно ваша, можете брать меня голыми руками. Я вам даже открою, как меня можно убить. Меня можно убить, лишь отрубив голову, все остальные раны любой тяжести для меня не смертельны. Но если вы, лёжа рядом со мной в постели, задумаете отрубить мне, спящей, голову, у вас ничего не выйдет. Следствием этого будет моё разбитое сердце и ваше, пронзённое тем самым мечом, которым вы хотели убить меня.

7.2. Триста семьдесят дней

За год, а точнее, за триста семьдесят дней, проведённые мной в комфортабельном плену горной усадьбы, я поняла: я больше так

не могу. Вы скажете: многовато мне потребовалось времени, чтобы это понять. Я не стану спорить. Скажем так: триста семьдесят дней — это отрезок времени, в течение которого я смогла выдерживать такую жизнь.

Триста семьдесят дней, находясь под неусыпной охраной своих верных подданных, королева Аврора получала из их рук и пищу, и новости. Если верить информации, получаемой из достоверных источников, то шло планомерное и неуклонное истребление членов конкурирующей организации — Ордена Железного Когтя. Только каждого пятого из них удавалось привлечь в "Аврору". Несла потери и "Аврора", но они были гораздо меньшими, чем урон, который терпел Орден. По последним данным, его численность сократилась более чем в два раза.

Триста семьдесят дней и столько же ночей Аврора грелась у камина, пила кровь из пакетов, слушала радио и смотрела телевизор до отупения. Выбор каналов был обширен: на крыше домика белела тарелка спутниковой антенны. Аврора была в безопасности, но её свобода была сильно ограничена. И настал-таки момент, когда она решила, что с неё хватит.

7.3. Побег

Если бы в это время рядом был Каспар, побег мне вряд ли удался бы. Мне помогло одно обстоятельство: молодая жена начальника моей охраны была беременна. И в один прекрасный день Каспар попросил у меня трёхдневный отгул.

— Понимаешь, такое дело… У меня жена рожает. Я должен быть с ней.

— Разумеется, — сказала я. — Ты и так торчишь тут со мной безвылазно, без выходных и отпуска. Конечно, лети к ней скорее. И передавай ей от меня привет.

Когда я говорила это, у меня ещё не было и мысли о побеге. Если бы она была, Каспар непременно почувствовал бы это и ни за что не отлучился бы. На время своего отсутствия он назначил своим заместителем Элвина Хоука, командира одного из пяти отрядов, нёсших службу по охране объекта номер один.

Хоук был двухметрового роста, широкоплечий и могучий, с крыльями цвета львиной гривы. Его глаза были такого светло-голубого оттенка, что казались почти белыми, с чёрными точками зрачков. Он был славный парень, и было жаль подводить его.

Я не думала о том, что это неразумно и небезопасно. Ощущение, что я нахожусь под арестом, так угнетало меня, что это становилось вконец невыносимо. Меня не пускали к Карине, Карину не пускали ко мне — "из соображений безопасности", но

какие тут, чёрт возьми, соображения?! Сколько я ни старалась, я не могла понять их логики. Нет, я не жаждала власти — подобных амбиций у меня не было, но, в конце концов, Аврора я или пустое место? Я не обязана была подчиняться Юле, по приказу которой меня охраняли так усиленно, что это в конечном счёте стало походить на новое тюремное заключение.

Они заверяли меня, что Карина под надёжной охраной. В последний раз я говорила с ней по телефону месяц назад, и моё сердце сжималось от звука её родного голоска. Как она там? Несмотря на все заверения, что с ней всё в порядке, на душе у меня было тревожно.

Мне надоело отсиживаться. Я устала находиться под охраной, связанная по рукам и ногам.

Хоть у меня и не было особых причин не доверять Юле, но мне нужно было самой увидеть, как обстоят дела. Да и её чрезмерная опека начала меня угнетать и раздражать.

В первую же ночь я не стала ложиться спать. Согласно заведенному правилу, если не спала я, то и мой страж не должен был смыкать глаз, и лишь с моего разрешения он мог немного отдохнуть. Уставившись в телевизор, я как бы забыла о Хоуке, и он не прикорнул за ночь ни на минуту.

Весь последующий день я тоже провела без сна. Не спал и Хоук, и я не позволяла ему смениться. Мой план был прост: максимально утомить его, а потом разрешить поспать, и в этот момент улизнуть. Единственным, что могло разрушить этот план, был непредвиденный визит Юли или возвращение Каспара раньше условленного срока. Вероятность того и другого была весьма велика.

К вечеру меня саму начало клонить в сон, а у моего стража, как мне казалось, не было сна ни в одном глазу. Изо всех сил стряхивая с себя сонную истому, я продержалась и вторую ночь, не позволяя Хоуку идти на отдых. Телевизор только утомлял глаза и усыплял, и поэтому я не стала его включать, а предпочла, как Штирлиц, всю ночь топить камин. Глядя на пляску языков пламени, я боялась закрыть глаза хотя бы на минуту, боялась заснуть и упустить время. Подкидывая в огонь полено за поленом, я не заметила, как дрова кончились.

— Разрешите обратиться… — послышалось за моим плечом.

Я вздрогнула и обернулась. Рядом стоял Хоук.

— В чём дело? — спросила я.

Кажется, мой голос прозвучал нервно. Как бы он чего-нибудь не заподозрил. Но Хоук сказал:

— Осмелюсь заметить… Вам бы поспать чуток. Вы уже вторую ночь не спите.

У меня дрогнуло сердце. Честное слово, в этот момент мне захотелось махнуть рукой на побег, лишь бы не подводить этого парня. Я уже была готова сдаться, но мысль о том, что придётся сидеть здесь ещё невесть сколько времени, заставила меня содрогнуться.

Желание расправить крылья было сильнее.

— У меня бессонница, — сказала я. — Не могу уснуть.

— Вы голодны? — спросил он. — Если хотите, я могу распорядиться…

— Нет, я ничего не хочу, — ответила я. — Лучше принесите ещё дров.

На подставку лёг ещё десяток поленьев. Я подбросила пару штук в огонь и сказала:

— Если хотите, можете посмотреть телевизор. Я понимаю, у вас скучная работа. Не буду также возражать, если вы вздремнёте. Вы вовсе не обязаны таращить глаза из-за моей бессонницы. Вам нужно отдохнуть.

— Вам тоже, — сказал Хоук.

— Я высплюсь в любое время, — вздохнула я. — А вы несёте службу. Чтобы лучше её нести, вам следует немного отдохнуть. Это мой приказ.

— Слушаюсь, — ответил Хоук. — Разрешите в таком случае на время моего отдыха сдать пост другому бойцу?

— Нет надобности, — сказала я. — Пусть все остаются на своих местах. Внешней охраны вполне достаточно, а вам вовсе не обязательно бдеть всё время. Вздремните часик. Думаю, вреда от этого не будет.

— Как скажете. Но если вам что-то понадобится, разбудите меня.

Он устроился отдыхать в кресле. Через десять минут он заснул, но я не спешила с побегом. Я ждала, чтобы Хоук заснул покрепче, и только минут через двадцать потихоньку поднялась. Укрыв его своим пледом и потихоньку вытащив у него катану, я пошла к себе в спальню.

Но я не легла. Я взяла листок бумаги и написала следующее:

Простите, что покинула вас. Я больше не могу находиться здесь, я как будто опять в тюрьме, только с лучшими условиями. Я хочу на свободу. Не волнуйтесь за меня, я могу за себя постоять. Я прошу не возлагать никакой вины за мой побег на начальника моей охраны и на временно замещавшего его Элвина Хоука и не налагать на них никакого наказания, равно как и ни на одного из других охранников. Они ни в чём не виноваты, просто таково было моё желание, с которым вы, надеюсь, будете

считаться. Ещё раз извиняюсь за мой поступок. Я понимаю, что вы хотите защитить меня, но я так больше не могу.

Аврора.

Оставив записку на столе, я открыла окно, забралась на подоконник и вдохнула ветер свободы. Он тоже обрадовался мне, стал ласково трепать мои волосы и гладить лицо, и я улыбнулась звёздному небу.

Я сразу развила максимальную скорость. Моя охрана не смогла бы быстро среагировать и задержать меня, даже если бы очень захотела.

7.4. Где бы я ни была

В сгущающихся сиреневых летних сумерках я легче пушинки приземлилась на крышу. Окно Карины(из сверхпрочного стеклопластика, а также оборудованное железной рольставней) было распахнуто настежь, ставня была поднята. Ведь сколько раз я просила её держать его закрытым!.. И где обещанная охрана? Я не чувствовала и тени присутствия поблизости кого-нибудь из наших. В груди вскипало негодование. Интересно, в чём ещё они меня обманывают?

А вот вражеское присутствие я почувствовала моментально. С ветки дерева в беспечно открытое окно заглядывал орденский хищник!.. Карина была в опасности!

Он не успел и пикнуть. Сорвавшись с крыши чёрным яростным смерчем, я обезглавила врага утащенной мной у Хоука катаной. Голова отлетела мячиком, тело рухнуло вниз, а я заняла его место на ветке и с тревогой устремила взгляд в окно.

Из комнаты веяло пленительным теплом и дорогим моему сердцу ароматом Карины. Одеяло зашевелилось, показалась сонно моргающая темноволосая головка.

— Карина, почему окно открыто? Что я тебе говорила насчёт него?

Я бесшумно спрыгнула с подоконника, и она, полусонная, узнав мой голос, сразу села в постели и протянула ко мне руки:

— Мамочка…

Ей, тёплой со сна, выбравшейся из-под одеяла, было, наверно, не слишком уютно в моих холодных объятиях, но она стискивала меня изо всех сил, а я стискивала её. Мы целый год не виделись.

— Кариночка, куколка моя… Ты забыла, что окно и ставню нужно держать закрытыми?

— Мамочка, тебя так долго не было… Я ждала тебя, вдруг ты придёшь… И на всякий случай оставила окно…

Я задохнулась от возмущения её беспечностью.

— Сколько раз я тебе говорила, и всё бесполезно! — прошипела я. — Ты что, совсем глупая?! А если бы в окно залетела не я, а кто-то другой?!

Карина испуганно заморгала и почему-то отодвинулась от меня.

— Зая, ты чего? — Я снова заключила её в объятия.

Она прошептала:

— Ты очень страшная, когда сердишься…

Я пожалела, что взяла такой тон. Значит, я одним своим видом могу её напугать? Наверно, у меня горят глаза и торчат зубы. Она сжималась в моих руках, как испуганная зверушка, и я чувствовала её страх — щекотный холодок по сердцу… Она впервые боялась меня.

— Родная, я очень люблю тебя, — пробормотала я, вороша пальцами её тёплые волосы. — Я просто беспокоилась… Пожалуйста, больше не оставляй окно открытым, хорошо? Это опасно. Ты поняла меня?

Она покорно кивнула. Отголоски страха всё ещё чувствовались в ней, и я рассердилась уже на саму себя — за то, что напугала её. Я не сказала ей, что только что убила под окном хищника из Ордена, хотя, может, и следовало. Чтобы она знала, кого бояться, чёрт возьми! Их, а не меня!

Немного взяв себя в руки, я улыбнулась.

— Я безумно соскучилась по тебе, куколка. Поцелуй маму.

Её губки осторожно, робко потянулись ко мне, и я тихонько прильнула к ним своими. Их тёплое, шелковисто-мягкое прикосновение пронзило меня до самого сердца, а к горлу вдруг подступило горькое чувство: я недостойна этого. Я, чудовище, ворую поцелуй у ангела. Но что делать, если я безумно её люблю?!

— Ты моё сокровище, — шепнула я. — Ты — всё, что у меня есть.

Я тонула в её глазах, пьянея от её запаха, а она, обмякнув под моим взглядом, снова доверчиво ко мне прижалась.

— Мамуля, я тоже ужасно соскучилась…

Она уже знала, кто я. Она видела мои крылья и зубы, знала кое-что об "Авроре" и об Ордене. И по-прежнему называла меня мамой. Отсиживаясь в Альпах, я безумно истосковалась по ней, и сейчас, держа её в объятиях, была на седьмом небе от счастья — уж простите за избитое выражение. Хотя бы только ради этого стоило сбежать из-под добровольного ареста.

Но где бы я ни была, моё сердце оставалось с ней.

На память я взяла её шёлковую косыночку и спрятала у себя на груди.

Я не сразу улетела. Понаблюдав за окрестностями, через пять минут я увидела двух наших, расположившихся на соседних крышах. Значит, охрана у Карины всё-таки была. Вопрос только, куда эти горе-стражи отлучались?

Если так же обстоят и все остальные дела… Вовремя я решила сбежать!

7.5. Старая знакомая

Аделаиду я застала за её любимым пасьянсом. Она встретила меня так, будто мы вчера расстались.

— А, это вы, милочка! Ну, как ваши дела? Я слышала, вы залегли на дно — так, кажется, это называется?

— Мне надоело там лежать, — засмеялась я. — Я решила всплыть на поверхность, чтобы глотнуть свободы. Может, это и неосторожно с моей стороны, и Юля с Оскаром будут очень недовольны, но я просто с ума сходила в четырёх стенах. Ну, а как вы?

Поправив ажурную шаль на плечах, она проговорила:

— Да ничего, в общем-то, и не изменилось. Всё так же летаю на охоту, раскладываю пасьянс и курю трубочку. Но вы, наверно, имеете в виду мои убеждения? Да, в свете последних событий это стало иметь большое значение… Орден и "Аврора", да. Вы знаете, я сама по себе, ни под чьи знамёна я становиться не желаю. Я всегда придерживалась нейтральной позиции — во все эпохи. И в семнадцатом году, и в тридцать седьмом, и сейчас не собираюсь изменять своему обыкновению. Меня это не касается. Я ни за красных, ни за белых, если можно так выразиться. Я, знаете ли, дорожу своим покоем. Всё это суета!

— Просто удивительно, как вы ухитряетесь так существовать, — сказала я. — Я полагала, что события, которые сейчас происходят, затрагивают всех нас.

— Сохранение нейтралитета — это тоже своего рода искусство, моя дорогая, — засмеялась Аделаида. — Важно убедить противоборствующие стороны, каково бы ни было их число, что вы не являетесь для них врагом. Конечно, на вас смотрят косо и те, и другие, но не трогают. А вам только того и надо.

— У меня бы, наверно, так не получилось, — усмехнулась я.

— Да, дорогая, куда уж вам! — иронично ответила Аделаида. — Вокруг вас и заварилась вся эта каша — как же вам не быть во всём этом замешанной? И замес, скажу я вам, получился крутой. А по большому счёту — суета! — И, показывая, как мало её всё это трогает, она сменила тему: — Я не прочь выкурить трубочку. Не составите ли вы мне компанию, как в

былые времена?

— Что ж, не откажусь, — сказала я. — Да, кстати, ведь я научилась пускать колечки.

— Ну! В самом деле? Что ж, продемонстрируйте мне ваше искусство.

И, как в старые времена, мы устроились на диване в гостиной подымить: Аделаида с трубкой, а я с сигаретой. В большое колечко Аделаиды я пускала своё, поменьше, и оно проскальзывало точно через центр.

— Хо-хо! — сказала Аделаида. — Ловко. Вы и впрямь научились. А ну-ка, ещё!

Округлив рот чёрной дыркой, она выпустила колечко в виде пухлого бублика, но я не сплоховала и проворно подпустила своё — и снова в центр. Так мы жонглировали колечками и соревновались, и Аделаида признала меня достойным противником. Мы расстались на вполне дружеской ноте.

7.6. Плен

— Опять каких-то кроликов квёлых подсунули… Видать, больные…

— Да у меня уже второй день в животе тянет…

Маленькая девочка плакала на улице, звала маму. Звала жалобно, испуганно, прижимая к себе игрушку — плюшевого зайку. Она потерялась. Была ночь. Жёлтые холодные глаза шакалов. Смердящие пасти, жёлтые клыки. Платьице девочки было в крови.

Это сон? Мне всё это снится? Нет, конечно, это не может быть наяву. Снова тюрьма Ордена? Мои пальцы коснулись холодной каменной кладки. Чёрточки, длинные и короткие, нацарапаны на стене. Три коротких, одна длинная. Ведь это мои чёрточки! Нет, нет, это кошмарный сон. И та девочка мне тоже приснилась, и шакалы. Сейчас я проснусь и окажусь…

Где?

Я знала, я чувствовала, что это ловушка, но я не могла оставить ребёнка в опасности: у меня сердце разрывалось при виде её испуганного, заплаканного, беспомощного личика и отчаянной хватки, которой она вцепилась в своего зайчика. Была ли она ранена, или кто-то специально измазал её платье кровью, чтобы привлечь шакалов — не знаю. Я представила на её месте Карину и не колебалась уже ни секунды. Я надеялась, что выкручусь, но, видимо, не получилось. А дальше — чёрный провал в памяти.

7.7. Пробуждение

Чьи-то жёсткие, как деревяшки, ладони довольно бесцеремонно похлопывали меня по щекам.

— Давай-давай-давай, открывай глазки, красавица, — будил меня негромкий сипловатый голос. — Ёлки зелёные, нас и так здесь как сельдей в бочке, так ещё тебя подсунули!

Сфокусировать взгляд на склонившемся надо мной лице мне удалось где-то с третьей попытки. В голове стоял звон. Разлепив губы, я пробормотала:

— Это Кэльдбеорг?..

Тип ухмыльнулся:

— Он самый… Чтоб ему провалиться! Тебя как звать-то? Что-то мне твоё личико вроде как знакомо.

С трудом ворочая языком, я ответила:

— Аврора…

Тип присвистнул.

— Ну ни хрена ж себе!

В камере зашевелились. Теперь я разглядела: в одиночке томились шесть узников, я оказалась седьмой. Лежала я прямо на голом полу, а единственную койку занимал крупный мужчина с сурово сложенным ртом и холодными глазами.

— Алекс, что это за делишки творятся? — обратился к нему обладатель деревянных ладоней. — Если она здесь — значит, Орден поимел "Аврору"?

Узники, подобравшись поближе, разглядывали меня. Не то чтобы враждебно, но и особой доброжелательности в их тёмных, вопрошающих глазах не было. Мне было не по себе под их взглядами. Как будто я в чём-то перед ними провинилась. Тип с твёрдыми ладонями был кривоногим коротышкой с влажными карими глазами и носом-картошкой, улыбчивым ртом и короткими беспокойными пальцами, в которых он всё время что-нибудь теребил. Его взгляд не задерживался ни на одном предмете дольше, чем на две секунды. Он с усмешкой спросил:

— Ты хоть знаешь, что за народ тут собрался? Нет? Так я тебе скажу. Мы раньше были в "Авроре", но получили пинка под зад. А теперь и ты среди нас. Забавно, правда?

— Дарий, харэ трепаться, — раздался низкий, сильный голос. — Не мне тебе напоминать, что многие из нас получили пинка за дело.

Голос принадлежал Алексу, возлежавшему на койке. Он неторопливо приподнялся, сел и спустил ноги на пол.

— Кое-кто из нас перешёл в "Аврору" из Ордена, — сказал он, обращаясь уже ко мне. — Поэтому мы и здесь. Но как ТЫ здесь оказалась? Ведь тебя должны были, по идее, охранять.

— Вышла погулять без охраны. — Я нашла в себе силы приподняться и сесть на полу. В голове сразу гулко зазвенело, пол поплыл подо мной. — Хотела проведать дочь. Мы с ней… не вместе.

Алекс, скользнув по моей фигуре взглядом, вдруг наклонился вперёд и вытащил у меня из-за пазухи косынку Карины — будто знал, где она лежит. Меня яростно обожгло изнутри, откуда-то взялись силы поймать его руку с косынкой за запястье.

— Я верну, — хмыкнул он.

— А разрешения тебя не учили спрашивать? — Я смотрела прямо в его холодные голубые глаза, стискивая его запястье — такое широкое, что пальцы вокруг него не смыкались.

Он был силён — здешние условия ещё не успели сломить его окончательно. Я попыталась проникнуть за ледяной экран внутрь его сознания…

Ей было семнадцать, в её жилах текла горячая кровь, и она восхитительно пахла. Он был пьян, одержим ею. Чтобы она всегда была с ним, он обратил её. Её организм не выдержал обращения — она умерла. Его, сходившего с ума от горя, ещё и привлекли к ответственности за проведение обращения без разрешения на то "Авроры". И он оказался вне её.

Запах Карины разбудил его сердце.

Я сказала:

— Лучше не надо.

Свободной рукой я забрала у него косынку и спрятала на место. Алекс понюхал свою руку — запах с косынки на ней остался. Лед в его взгляде растаял, сменяясь задумчивой нежностью. Его суровый рот тронула улыбка.

— Понимаю, — проговорил он совсем другим, заметно смягчившимся голосом. — Я бы тоже рвался к ней.

Закрыв глаза, он несколько секунд молчал, отдавшись очарованию аромата. Ни тени кровожадности не было на его лице — только эта грустная нежность. Взглянув мне в глаза снова, он понял, что я его прочитала, и потемнел лицом.

— Ты не должен был этого делать, — сказала я.

— Я знаю, — глухо отрезал он.

Сокамерники, притихнув, наблюдали. Когда я обернулась, они начали прятать глаза. Боялись, что ли, что я их тоже прочитаю и выясню их проступки? Мы поменялись ролями, и теперь настал их черёд чувствовать себя не в своей тарелке под моим взглядом. Насмешливость Дария куда-то пропала, его близко посаженные карие глаза забегали. Я отвела взгляд. В чём бы они ни провинились, сейчас это было неважно.

Встав, Алекс поднял меня с пола и усадил на койку.

— Ну, и что думаешь делать? — спросил он с усмешкой в глазах. — Тебе здесь не место, Аврора.

— Вам тоже, — сказала я. И добавила, окинув взглядом остальных: — Никому здесь не место. Кэльдбеорг нужно уничтожить.

Алекс хмыкнул.

— Неплохая идея. Может, бомбу сбросить? Вот только где её взять, бомбу-то?.. Ладно, отложим эти разговоры на потом, пока надо бы познакомиться. Меня зовут Алекс. Это Дарий. — Он кивнул в сторону обладателя деревянных ладоней и кривых ног. — Потом у нас ещё есть Лавиния и Виктория. А также Франц и Гайус.

— Очень приятно, — проронила я.

Узники заухмылялись.

— А уж нам-то как приятно, — подала голос одна из двух женщин. Виктория или Лавиния — я пока не различала.

7.8. Сокамерники

Лавиния когда-то была очень красивой женщиной. Её худое смуглое лицо с выступающими скулами ещё носило остатки былой красоты в виде тёмных дугообразных бровей и длинных густых ресниц. У неё были очень живые быстрые глаза чайного цвета.

Гайус был невысоким и щуплым, узкоплечим и кадыкастым. Выражение его лица было каким-то сомнамбулическим. Его рот был всегда приоткрыт чёрной щелью. Казалось, будто ему всё время хотелось чихнуть.

Франц был пропорционально сложенным и весьма высоким. У него был крупный ястребиный нос и пронзительные чёрные глаза, блестящие, как мокрые ягоды чёрной смородины. Даже в тюремной камере он сохранял горделивую осанку и чванливое выражение лица. Он был похож на вельможу. Он был не так ослаблен, как остальные: по-видимому, он был здесь недавно.

Виктория не была примечательна ничем. Серые глаза, серый цвет лица, вытянутый нос и унылый тонкогубый рот. Забитая и безликая.

Алекс был бы красив, если бы не холодное и жёсткое выражение лица. У него были горделивые брови и нос с горбинкой, мужественный подбородок с ямочкой, а сложен он был, как Аполлон. Как и Франц, он был ещё не полностью обессилен, и дух непокорности сверкал в его суровых глазах колючими искорками.

В замковом дворе загудел колокол: сигнал к отбою. Алекс сказал:

— Ладно, всем на боковую.

Все стали укладываться прямо на полу. Полагая, что койка принадлежит Алексу, я собралась было слезть на пол тоже, но он придавил моё плечо тяжёлой рукой. Я осталась сидеть, а он улёгся на пол.

Мне не оставалось ничего другого, как только устроиться на койке, подложив под голову мешочек с опилками, служивший подушкой.

Всё стихло.

Что стало с той девочкой? Может быть, её всё-таки сожрали шакалы, или убил кто-то из хищников, думала я. Перед глазами у меня стояло её залитое слезами личико и маленькие руки, вцепившиеся в заляпанного кровью плюшевого зайца, но я уже ничем не могла ей помочь. Мои зубы драли грязный матрас.

Алекс время от времени нюхал руку, на которой ещё держался запах с косынки Карины.

Через некоторое время я услышала кряхтение. Кажется, это была Виктория. Она никак не могла найти удобной позы и ворочалась на каменном полу, чем вызвала недовольство Дария.

— Тихо ты, хватит вертеться, — зашептал он сердито. — Спать не даёшь…

— Тело ноет, — пожаловалась та.

— У всех ноет, — ответил Дарий. — Но все молчат и не мешают соседям спать.

Виктория на какое-то время стихла, но потом снова начала покряхтывать. Не вытерпев, я слезла с койки, присела возле неё и тронула за плечо.

— Иди, ложись на койку, — сказала я шёпотом. — Там тебе будет удобнее.

Она приподняла голову. В сумраке на меня уставились два водянисто-серых изумлённых глаза.

— Аврора?..

— Нет, папа Римский, — усмехнулась я. — Иди, говорю.

Она недоуменно заморгала.

— А как же ты?

— На полу посплю, — сказала я.

Виктория начала отказываться, но я настояла. В итоге она заняла койку, а я улеглась на холодном каменном полу.

Камень был не самым удобным ложем, но зато стихло кряхтение Виктории.

Холодное тело осталось на холодном полу, под мраком каменных сводов, но жизнь в нём не замерла. Взгляд рассекал пространство, мчался над морской гладью к огням башен из бетона и пластика. Беззвучный крик взорвался в небе, и его

услышали те, кто должен был услышать.

"Я в Кэльдбеорге!"

7.9. От чистого сердца

— Встать! Руки за голову, локти в стену!

Я слышала эту команду в течение пяти лет бессчётное количество раз. Она означала, что настало время кормёжки. В двери камеры открывалась небольшая дополнительная дверца, в которую задвигалась клетка с кроликами. После того, как маленькая дверца закрывалась, можно было отойти от стены и приступить к еде.

Команда была исполнена узниками быстро и привычно. Я сделала это почти синхронно с ними, с удивлением обнаружив, что выработавшийся за пятилетний срок рефлекс ещё не забылся.

Кроликов было двенадцать.

— Что же это? — сказала Лавиния, пересчитав животных. — Здесь на шестерых, а нас теперь семеро — вместе с Авророй. Они там что, считать разучились?

Я сказала:

— Я не голодна. Меня можно не брать в расчёт.

Лавиния пожала плечами.

— Ну, как хочешь.

Все взяли себе двух кроликов: сначала Алекс, потом Дарий, Франц, Лавиния. Последними взяли себе пищу Виктория и Гайус. Я закрыла глаза, чтобы не видеть, как их голодные пасти впиваются в тёплых пушистых зверьков и тянут из них хоть и малопитательную, но живую кровь.

— Аврора, — услышала я тихий голос и открыла глаза.

Передо мной сидела на корточках невзрачная Виктория, протягивая мне кролика. Её окровавленные зубы были обнажены в смущённой улыбке.

— На, поешь. Нельзя же совсем голодом-то.

Сначала я не поняла: откуда взялся лишний кролик? А в следующую секунду сообразила, что Виктория делилась со мной своим пайком. В её глазах я прочла благодарность за то, что я уступила ей койку минувшей ночью.

— Спасибо, Виктория, — сказала я. — Но я правда не хочу. Пей сама.

— Бери, раз предлагают, — раздался голос Алекса. — Это от всего сердца. Или брезгуешь? Всё равно ничего другого здесь не дают.

Одного кролика он уже высосал — тушка лежала у его ног. Второго, ещё живого, он держал в руке и поглаживал. Я сказала:

— Я не брезгую. Я пять лет жила на этом.

— Тогда бери, — ответил он.

Я взяла кролика. Виктория простодушно улыбнулась, кивнула и отползла на своё место. Мне стало неловко оттого, что я хотела отказаться от её подношения. Раздвинув пальцами шерсть, я вонзила зубы в горячую плоть.

7.10. Шах и мат

Четыре дня я провела в битком набитой камере, питаясь кроличьей кровью. Молчаливо, не сговариваясь, то один, то другой из сокамерников делился со мной своим пайком. А то и двое сразу отдавали мне по кролику.

Флегматичный и с виду чванливый Франц сказал, глядя в пространство из-под полуопущенных век:

— Могу сказать лишь одно: твой захват был запланированной операцией, преследующая определённые цели. Наиболее вероятная цель — то, что Орден, держа тебя в заложниках, может оказывать давление на "Аврору". Выражаясь шахматной терминологией, ты — король, Джулия — ферзь, а мы — взятые пешки. Захватив тебя, Орден поставил "Авроре" мат и может теперь предъявлять ей какие угодно требования. Как это ни печально, эта партия "Авророй" проиграна.

— Рано ещё говорить, кто проиграл, а кто выиграл, — отрезал Алекс.

— К сожалению, мой юный друг, положение, сложившееся на доске, весьма неутешительно, — ответил Франц ровным, меланхоличным тоном, задумчиво поглаживая голову. — Плачь не плачь, факт — вещь упрямая. А факты таковы, что Аврора находится в застенках Ордена, и спасти её может только чудо. А сейчас позвольте мне завершить начатую мной партию.

И Франц закрыл глаза, отрешившись от всего окружающего. Никаких шахмат в камере не было: Франц играл в уме. Иногда его веки приподнимались, а губы шевелились, а временами он впадал в подобие транса, и тогда со стороны казалось, что он вообще умер.

— Наш Франц — чокнутый парень, — сообщил мне шёпотом Дарий. — Я никогда не понимал тех, кто играет в шахматы сам с собой, но Франц пошёл дальше. Он играет в уме! Сам себе ставит маты воображаемыми фигурами на представленной доске. Уж не знаю, как он умудряется держать перед собой эту картинку. Одним словом — чудак.

Я сунула руку за пазуху. Косыночка Карины была на месте. Странно было ощущать её дивный запах в этом отвратительном месте: никто из здешних обитателей не мог так пахнуть. Мне до боли в сердце хотелось её снова увидеть и прижать к себе, и меня

обожгло отчаянное желание выжить, выбраться во что бы то ни стало, даже если для этого придётся сравнять это место с землёй.

7.11. Свеча горела

Стул, на котором я сидела, стоял посередине сумрачной квадратной комнаты. На полу горела свеча. Со мной в комнате было ещё двое. Лиц их было не видно: пламя свечи освещало их со спины.

— Ты попалась, Аврора, — сказал один. — Теперь ты наша.

— И ты получишь за всё, — сказал второй.

Зажужжала машинка — маленькая, на батарейках, и с моей головы посыпались пряди волос. Мои руки были связаны за спинкой стула, но это было излишней мерой: я и так была слишком слаба, чтобы сопротивляться.

— Сейчас мы тебя приведём в надлежащий вид…

Машинка двигалась от лба вверх, а тот, кто орудовал ею, стоял у меня за спиной. Он грубо взял меня за нижнюю челюсть и наклонил мне голову набок, и машинка зажужжала вверх по виску.

— Вспоминаешь? Ты пять лет ходила с такой причёской.

Машинка переместилась на второй висок, а потом защекотала мне шею и затылок. По моей голове прошлась чья-то ладонь.

— Так-то лучше! Как здесь и положено. Ну вот, можно приступить и к основной процедуре.

Первый удар опрокинул меня вместе со стулом на пол. Я ударилась затылком о каменный пол. Мне не дали подняться: удары посыпались на меня со всех сторон. Били в живот, по почкам, по голове. Били, пока не запыхались. А потом, выгнув мне спину, меня ударили в поясницу. Помимо моей воли у меня за спиной раскрылись крылья. Меня опрокинули на спину и стали топтаться сапогами на белоснежных перьях. Слышался хруст.

С меня сорвали одежду. Один держал под мышки моё избитое, полупарализованное тело, а другой, торопливо работая пальцами, стал расстёгивать свои брюки. Свеча горела, потрескивая, а я думала только о том, как бы лежавшая в кармане моей куртки косынка Карины не выпала оттуда. Потом расстегнул брюки второй надзиратель, а первый держал меня. Натешившись, они потащили меня куда-то.

7.12. Так надо

Меня бросили на матрасы в моей камере, рядом швырнули мою скомканную одежду. Хрустнуло крыло, Виктория вскрикнула.

— Ну, кто хочет поиметь её?

Молчание.

— Вы мужчины или импотенты?!

Молчание.

— Да, конечно, на таком рационе у них хозяйство уже давно не заводится! Альберт, принеси-ка стаканчик крови! Человеческой!

Белобрысый Альберт ушёл. Слышно было, как всхлипывала Виктория. Альберт вернулся.

— Ну, кто хочет кровушки? — осклабился он.

Молчание.

— Как, неужели никто не хочет? Просто невероятно! Ну, тогда поставим вопрос по-другому… Если никто её не трахнет, то придётся её убить! Эй вы, тараканы полудохлые! Если вам дорога жизнь вашей Авроры, то давайте, вставляйте ей! Вот вам допинг для вашего атрофированного хозяйства, ха-ха! Чтобы оно заработало! Считаю да трёх. Если никто не выйдет, мы отрубим ей голову таким большим-пребольшим топориком, как последней скотине. Раз… Два…

— Я! — раздался неуверенный, дрожащий голос.

Смех.

— Ну, наконец-то нашёлся хоть один мужик! Давай, парень, иди сюда. Вот тебе, пей… Поднимет твоего малыша лучше всякой виагры, ха-ха-ха!

Надо мной стоял узкоплечий тщедушный Гайус. Алекс крикнул:

— Гайус, не смей! Они её не убьют, просто хотят взять тебя на понт!

Гайус часто-часто заморгал.

— Так надо, Алекс, так надо, — пробормотал он, принимая из рук надзирателя стакан с кровью. — Так надо, так надо, — продолжал он бормотать между глотками.

Выпив, он икнул и уставился на меня своими сомнамбулическими глазами. Надзиратель Альберт хлопнул его по плечу.

— Давай, мачо ты наш! Смелее! Это всего лишь баба! Наверно, у тебя давно не было женщины, а, приятель? Смотри, смотри, какая она хорошая! На воле она тебе точно бы не дала — гордая! Ничего, мы ей гордости-то поубавили… Мы даём тебе шанс, пользуйся!

Гайус смотрел на меня своими сомнамбулическими глазами и всё проглатывал что-то.

— Тебе не жить, Гайус, — пообещал Алекс.

— Ну, как — готов? — спросил Альберт, щупая Гайуса. — О,

да он в полной боевой готовности! Его солдатик встал по стойке "смирно"!

И оба надзирателя заржали, скаля ухоженные зубы. Альберт разбросал сапогами мои ноги в стороны.

— Ну, давай, гигант!

Гайус сглотнул и стал расстёгивать штаны. Алекс вскочил и бросился на него. Электрошок. Тело Алекса дёрнулось и упало на матрас.

— Не подходить, а то получите разряд в рёбра!

Гайус трясущимися руками никак не мог справиться с застёжкой. Второй надзиратель сам расстегнул ему штаны и толкнул на меня. Падая, он навалился на моё сломанное крыло.

У меня вырвался сдавленный вскрик.

— Прости меня, Аврора, — пробормотал Гайус. — Так надо…

Суетливо и беспорядочно копошась, он всё повторял: "Так надо". И, гладя меня по щекам, шептал: "Прости, прости, прости меня, Аврора, прости". Он целовал моё лицо мягкими, безвольными, вялыми и влажными губами, между поцелуями шепча "прости" и опять добавлял своё "так надо". Надзиратели ржали и подбадривали его похабными словами.

— Молодец, так её! Вот, смотрите все, как это надо делать!

Вдруг надо мной склонилась белобрысая арийская морда Альберта.

— А ты что не кричишь, сука? Не нравится? А если вот так?

И он схватил меня за крыло. Я закричала от адской боли, а он засмеялся, и зубы на его лице блестели, ровные, ухоженные. Пока Гайус судорожно елозил на мне, он выворачивал мне крыло и упивался звуками моего крика. А Гайус всё бормотал, задыхаясь: "Так надо… Прости… Так надо…"

Второй надзиратель снова ударил электрошоком очнувшегося Алекса. Виктория захлёбывалась рыданиями на груди у Лавинии.

Альберт оттащил от меня Гайуса.

— Всё, хватит, натешился… Убирай своего щекотунчика.

7.13. Замысел

— Множественные переломы обеих летательных конечностей. Четыре сломанных ребра. Ушибы внутренних органов.

Это заключение сделал флегматичный Франц, медленно и чутко ощупав меня длинными тонкими пальцами. И добавил:

— Не пытайся убрать крылья. Это ещё больше травмирует их.

Я лежала на спине с раскинутыми крыльями, и ширины камеры не хватало, чтобы распрямить их полностью. Виктория и Лавиния надели на меня бельё и брюки, обули, а куртку из-за крыльев надеть было невозможно, поэтому было решено просто

прикрыть меня ею. Едва шевеля одеревеневшими пальцами, я забралась в карман и облегчённо откинулась на подушки: моё главное сокровище, косынка Карины, была на месте. Я украдкой прижала её к губам и спрятала обратно.

Ночью из угла послышалась возня: на Гайуса навалились Алекс и Дарий. Дарий зажимал ему рот, а Алекс садил ему удар за ударом — молча, беспощадно. От его мощных ударов тщедушное тело Гайуса содрогалось и хлюпало. Франц сидел, прислонившись спиной и затылком к стене, а Лавиния и Виктория испуганно жались друг к другу.

Утром, когда рассвело, я увидела Гайуса: он лежал в углу, свернувшись клубком, и хрипло кашлял. Пол рядом с его головой был заплёван сгустками крови. Я попыталась приподняться и со стоном повалилась обратно.

— Лежи спокойно, — сказал Алекс, склоняясь надо мной.

— Зачем вы его так? — пробормотала я, еле ворочая в пересохшем рту языком.

Алекс поправил у меня по головой свёрнутое одеяло.

— Проучили его слегка, — усмехнулся он. — Но это так, ерунда. Главное вот что. Насчёт уничтожить Кэльдбеорг… У нас кое-какие мыслишки появились. Франц, давай, излагай.

Приподняв тяжёлые веки, Франц проговорил:

— Собственно, излагать тут особо нечего. Начальство держит в крепости запас человеческой крови для себя. Мои способности ещё не успели притупиться от здешних условий, и я выяснил кое-что. Я знаю, где этот запас находится, и у кого от него ключи. Если мы доберёмся до этой крови, мы восстановим силы, сможем вырваться отсюда. Нужно устроить большую смуту. Поднять на мятеж всех заключённых. Запалить пожар — поджечь запасы угля, взорвать керосиновый склад. Поджечь всё, что может гореть. Устроить хаос и неразбериху. План, как получить доступ к крови, у меня уже выработан. Остаётся претворить его в жизнь.

— Ну, как тебе план? — спросил Алекс. — Одобряешь?

— Вы слишком слабы по сравнению с охраной, — прошептала я. — Многие погибнут…

— Без жертв не обойдётся — на войне как на войне, — кивнул Алекс, и его взгляд озарился мрачным и жестоким блеском. — Но если поднимутся все, если начнётся заваруха, охране придётся здорово потрудиться, чтобы восстановить порядок. Пожар будет нам на руку. Те, кто подкрепит силы из их неприкосновенного запаса, будут уже в состоянии драться с охраной на равных.

— Но как вы поднимете всех заключённых? — спросила я, плохо слыша собственный голос. — Захотят ли все участвовать в

этом?

— Не беспокойся, захотят, — усмехнулся Алекс. — Ты должна только пообещать, что если дело выгорит, мы все снова будем в "Авроре", и нам простят все наши былые прегрешения. Это обещание заставит всех драться не на жизнь, а на смерть. Поднимутся даже те, кто близок к анабиозу.

— Я даю вам слово, — сказала я. — Вы уже прощены. Как вас отблагодарить — придумаем. Не сомневайтесь.

Алекс окинул сверкающим взглядом всех сокамерников, и все подобрались ближе, окружая меня.

— Вы слышали? — сказал Алекс. — Аврора дала слово. Дарий, ты берёшь на себя поджог. Франц, ты добываешь нам кровь. Девочки, вы остаётесь с Авророй и защищаете её. А я поднимаю бунт на корабле!

7.14. Мятеж

Роли были распределены, план согласован. Алекс проявил себя хорошим вожаком: одного взгляда в его суровые блестящие глаза было достаточно, чтобы ощутить на себе его направляющую волю. И кто угодно бы воспламенился, услышав его воодушевляющий, призывный шёпот у стены камеры:

— Сосед! Аврора с нами. Передай это дальше, а также то, что она сказала, слово в слово: "Вы нужны мне, друзья. Все ваши ошибки прощены, вы восстановлены в рядах "Авроры". Мне нужна вся ваша ярость и всё ваше мужество, чтобы сокрушить эти стены и вернуть свободу себе и вам. Моя благодарность не заставит себя ждать. Будьте готовы восстать, когда вас к этому призовут! Но до сигнала сидите тихо".

"Аврора с нами" и "Будьте готовы" облетело все камеры. Острый слух хищника — способность, притупляющаяся в последнюю очередь, и весь Кэльдбеорг почти моментально узнал, что я здесь. Медлить не следовало: охрана могла по поведению узников понять, что что-то назревает.

Во время кормёжки Алекс и Дарий затеяли шумную ссору с дракой — как будто не поделили кроликов. Надзиратели, туповатые сытые амбалы, услышав звуки скандала, заглянули в камеру через дверное окошечко.

— Что за буза? А ну прекратить!

— Да пошли вы все в манду! — хрипло прорычал Алекс, показывая хищный оскал. Схватив окровавленную тушку выпитого кролика, он потряс ею. — Разве это жрачка? Только два полуживых крола на рожу! Сами жрите вашу дохлятину, ублюдки!

И Алекс злобно швырнул тушку в окошечко, послав ей вдогонку ещё несколько ругательств, да таких отборных, что

глаза надзирателей выпучились и налились кровью, оба оскалили зубастые пасти и ворвались в камеру, готовые сокрушить Алексу все кости. Пока они охаживали его дубинками, Лавиния и Виктория быстро накинули им на головы свои куртки, а Дарий и Франц выхватили у них электрошокеры — новшество, начавшее использоваться в Кэльдбеорге, по-видимому, недавно. В мгновение ока оба надзирателя были вырублены. Алекс, вытащив у одного бесчувственного охранника из ножен саблю, откинул ногой куртку с его головы и рубанул. Не успели остальные моргнуть глазом, как он обезглавил и второго надзирателя. Окинув взглядом вытаращивших глаза сокамерников, усмехнулся:

— А чего с ними церемониться. Мочим всех, так быстрее и надёжнее!

— Это точно, — усмехнулся Дарий, хватая вторую саблю.

Алекс поднял отрубленную голову за волосы и мазнул кровавым срезом шеи себе по лицу. Дарий шёпотом выругался и сказал:

— Ну, ты на всю голову отмороженный!

Алекс только ухмыльнулся в ответ. Ещё одной паре подбежавших надзирателей следовало бы незамедлительно оповестить остальных о происшествии и поднять тревогу, но они на миг остолбенели. Всего на миг, но этот миг всё и решил. Один из них — вероятно, недавно принятый на службу и ещё неопытный, слегка опешил, увидев Алекса в "боевой раскраске", с окровавленной саблей в одной руке и отрубленной головой в другой. Алекс в этот момент был жуток — настоящий зверюга. Издав устрашающий рык, он с силой пушечного ядра метнул отрубленную голову в обалдевшего охранника-новичка и попал ему между глаз. Тот закачался, оглушённый. Второго надзирателя поразил Дарий, нестандартным способом использовав железную дубинку — в качестве метательного орудия. Одновременно с броском Алекса он запустил ею во второго охранника и проломил ему переносицу. Воспользовавшись кратковременной оглушённостью надзирателей, Алекс и Дарий бросились вперёд и обезглавили обоих. Так мятежники получили ещё пару сабель и электрошокеров. Один такой комплект получил Франц, вторым владел Дарий, третий, наряду с ключами, был у Алекса, а четвёртый оставили Виктории и Лавинии, чтобы те могли оборонять себя и меня.

Тревога не была вовремя поднята, и это дало нам преимущество. Несколько камер на нашем этаже были отперты, и томившиеся в них узники отправились за Францем на штурм хранилища крови, к ним присоединился и Алекс. Комплекты ключей второй пары убитых надзирателей дали двум узникам,

чтобы те отпирали другие камеры. Часть из них Дарий повёл с собой на поджог керосинового и угольного складов. Я услышала рёв Алекса:

— Аврора идёт!

А потом я услышала глухой грохот. Это взорвался керосиновый склад: Дарий выполнил свою задачу. Скоро с рёвом "Аврора идёт!" носились многие вырвавшиеся из камер узники: Францу удалось добраться до запасов крови. Человеческая кровь не только вернула им силы, но и привела их в состояние озверения, и они были готовы крушить всё, что попадалось им на пути. Те, кто сумел вооружиться, вступали в схватки с охраной и нередко выходили победителями. Крики боли, крики ярости и крики ужаса смешались в один сплошной ор. Кто-то убивал, кого-то убивали. Кто-то убегал, а кто-то преследовал, догонял и убивал.

Запахло гарью: мятежники поджигали всё подряд. Такого восстания не знали эти древние стены. Никто не отваживался до сих пор осуществить ничего подобного, и давний бунт, в результате которого заместитель начальника Кэльдбеорга покрылся слоем краски и перьев, был по сравнению с этим просто шуткой соскучившихся узников.

В моих крыльях не было ни одной целой косточки, на моём теле — ни одного живого места. Надо мной надругались три раза. Растерзанная и вывороченная наизнанку, я лежала посреди кромешного ада с единственным теплящимся во мне желанием снова хоть раз увидеть Карину. Плохо повинующейся, деревянной рукой я опять вытащила косыночку, и от пахнувшего мне в лицо родного запаха моё сердце сжалось. Вдруг в камеру ворвался Ингвар со свежим следом от сабельного удара на лице и с ковшиком, полным крови. Он весь пропах дымом, его фартук был в нескольких местах прожжён и окровавлен, но на его жирном и круглом, как луна, лице сияла улыбка. Лавиния схватилась было за саблю, а Виктория — за электрошокер, но Ингвар воскликнул:

— Всё в порядке, всё в порядке! Это для Авроры.

Он поднёс мне ковшик, до краёв полный крови, и от меня не укрылось, как вспыхнули глаза у моих сокамерниц. Я сказала:

— Дай сначала им.

Обе, Виктория и Лавиния, начали отказываться:

— Тебе сейчас это нужнее!

Я сказала:

— Если вы в "Авроре", то не обсуждайте моих приказов. Пейте. Это приказ.

Они выпили по несколько глотков, но нельзя было не видеть, что им хотелось ещё. Я была здесь всего несколько дней, а они —

несколько месяцев.

— Пейте всё, девочки, — сказала я. — Это приказ! Ослушаетесь — не приму обратно в "Аврору"!

Они не посмели ослушаться и выпили всё до дна. На глазах к ним возвращались силы, и после лёгкой судороги они вскочили на ноги.

— Аврора, мы добудем тебе ещё! Ты! — обратилась Лавиния к Ингвару. — Будь с Авророй, мы скоро вернёмся!

Она схватила ковшик, и они с Викторией выбежали из камеры. Я протянула руку Ингвару.

— Привет, старина…

— Привет, дорогуша. — Ингвар сел рядом со мной и взял мою руку. — Не ожидал тебя увидеть здесь снова.

— Ты с нами? — спросила я.

— А куда же я денусь? — ответил он, улыбаясь до ушей. — Как только я услышал, как все кричат: "Аврора идёт!" — я сразу понял, что Кэльдбеоргу конец. Все будто с ума посходили! Послушай… Когда эта заварушка кончится, ты примешь меня к себе в "Аврору"?

— Ты уже наш, — сказала я.

"Заварушка", а точнее, яростный и дикий мятеж в замке Кэльдбеорг окончился полной победой мятежников. Всё было в огне и дыму, когда меня выносили из камеры на воздух, всюду лежали обезглавленные тела надзирателей и узников, пахло палёным мясом: горел крольчатник. Горели все хозяйственные постройки, полыхали опустевшие камеры, клубы дыма окутали весь замковый двор. Ворота были открыты, мост опущен, и в Кэльдбеорге не осталось ни одного заключённого.

7.15. Последние минуты Августа Минервы

Я лежала на матрасе, укрытая куртками моих освободителей, под навесом скалы в маленькой пещере с широким входом: шёл дождь. В изголовье у меня был большой камень, который для мягкости был покрыт свёрнутой курткой, а из пещеры открывался вид на горящий замок. Возле меня сидели Лавиния и Виктория, у входа в пещеру стоял, прислонившись спиной к стене, Франц, а все бывшие узники мокли под дождём, но это обстоятельство ничуть их не огорчало: они были свободны, и это было главное.

Только что все они принесли мне присягу, и было провозглашено создание отряда "чёрные волки", единственной целью которого было истребление членов Ордена Железного Когтя. Все они должны были войти в него, и всех их было сто пятьдесят семь.

— Аврора, что с ним делать?

На каменный пол пещеры упал сам начальник тюрьмы — точнее, его толкнули Алекс и Дарий. До чего жалкий у него был вид! Как и на мне, на нём не осталось живого места: он был изранен, лишился крыльев, всё его лицо превратилось в сплошной кровоподтёк, и только глаза на нём ещё жили — тлели ненавистью. С трудом шевеля опухшими, разбитыми губами, он глухо проговорил:

— Жаль, что я не изничтожил тебя, когда ты отбывала свой срок, Аврора Магнус…

За эти слова Алекс ударил его.

— Аврору не так-то легко изничтожить, — сказал он. И добавил, обращаясь ко мне: — Он предан Ордену, Аврора. От него никакого толку.

Я смотрела на Августа "Дарта Вейдера" Минерву. Наше с ним физическое состояние было очень сходным, и была какая-то ирония в том, что одному искалеченному хищнику предстояло решать судьбу другого не менее искалеченного хищника. Разница была лишь в том, что один из них был начальником тюрьмы, а другая — бывшей узницей, и перевес был отнюдь не на стороне первого. И всё же, хоть Август Минерва был сейчас в плачевном состоянии, взгляд его оставался прежним — тем самым, за который я и прозвала его "Дартом Вейдером", но сейчас я его уже не боялась: мы поменялись ролями. И всё-таки в нём ещё оставалось нечто, что заставляло меня говорить ему "вы" и называть его "сэр".

— Мне очень жаль, сэр, — сказала я. — Боюсь, нам с вами не по пути.

Он усмехнулся разбитыми губами. Взгляд его был полон холодной ненависти, но страха в нём не было ни капли. Это был достойный противник, и отнестись к нему следовало, как к достойному противнику.

— Так каковы будут твои распоряжения насчёт него, Аврора? — спросил Алекс.

— Оставьте меня с ним наедине на пять минут, — сказала я. — Не беспокойтесь: господин Август Минерва не представляет для меня сейчас опасности.

— Если что, мы рядом, Аврора.

Все покинули пещеру, и я осталась один на один со взглядом Августа Минервы. Он сказал:

— Я вижу, ты у них главная.

— Да, они считают меня главной, — сказала я.

Он помолчал. Подобравшись к большому камню, он привалился к нему: ему было трудно даже сидеть.

— Что, плохо вам пришлось, сэр? — усмехнулась я.

Он проворчал:

— Да уж не лучше, чем тебе. — Устроившись поудобнее, он сказал: — Да, Аврора Магнус… Ну ты и птица. Я ещё тогда почувствовал, что от тебя будут беды. Надо, надо было мне заняться тобой вплотную!..

— Время упущено, сэр, — сказала я.

Он закрыл глаза на несколько секунд. Открыв их снова, проговорил устало:

— Полагаю, смертный приговор мне уже вынесен.

— Полагаю, да, сэр, — сказала я. — Даже если бы я захотела, я не смогла бы вас спасти.

— Понимаю, — усмехнулся он. — Твоя шайка жаждет моей крови. Ты отдашь меня им на растерзание?

— Я попытаюсь сделать всё, что в моих силах, сэр, — сказала я. И позвала: — Алекс…

Громко звать я не могла, но Алекс услышал мой тихий голос и тут же явился. В грязной, сильно запятнанной кровью арестантской одежде с закатанными до локтя рукавами, обритый наголо, он всё-таки был красив мужественной, жестокой и сильной красотой. Он был прямо-таки создан, чтобы возглавлять мятежи. Опираясь на обнажённую саблю, он опустился возле меня на колено.

Я сказала:

— Мы с господином Августом Минервой поговорили. Больше я ничего не хочу ему сказать.

Голубые глаза Алекса холодно заблестели.

— Я понял тебя, Аврора.

Я подняла руку и положила на его сильное, жилистое предплечье.

— Только без излишней жестокости, Алекс. Это ни к чему.

Его красивые губы презрительно искривились.

— После того, как он нас мучил, мы должны проявлять к нему милосердие?

Я сжала его руку, как могла.

— Алекс… Это моя просьба. Ты можешь её исполнить?

Он поднялся на ноги.

— Хорошо, Аврора, я постараюсь. Но не ручаюсь.

Господин Август Минерва доживал свои последние минуты, и, надо сказать, держался он хорошо. Его уволокли из пещеры, и я не видела его конца.

Мятеж увенчался успехом. Но это было ещё не всё.

7.16. Бой под дождём

Август Минерва успел сообщить, куда следует. На остров прибыл отряд бойцов Ордена — хорошо вооружённых и хорошо обученных, сытых, полных сил и не истощённых многомесячным пребыванием в замке Кэльдбеорг. Они налетели с гор, как большие чёрные птицы, и у них был приказ: всех по возможности перебить, а меня взять живьём.

Освободившим меня бывшим узникам и будущим "чёрным волкам" не оставалось ничего, как только принять бой, хотя силы были явно неравны. Никто не дрогнул, никто не побежал — да и бежать было некуда. Все как один яростно защищали пещеру, в которой лежала я, неспособная сама себя оборонять, и гибли один за другим, ценой своих жизней не подпуская бойцов Ордена ко мне. Виктория и Лавиния, остававшиеся возле меня, были готовы своими телами закрывать меня, а под дождём, на поле боя, то и дело слышался рёв Алекса, способный и мёртвого заставить сражаться.

— Ни шагу назад! Драться до конца!

И покуда я слышала этот рёв, подобный львиному рыку, я знала: мои "волки" дерутся, гибнут, но не сдаются. Когда я перестала его слышать, мне стало страшно.

Шёл один из затяжных унылых дождей, которые были столь часты на этом острове летом, и в пещеру веяло промозглой сыростью. В этом сыром, холодном, дождливом пространстве послышался свист — тонкий, как пение стрелы, но в нём было что-то грозное.

— Аврора! — закричал кто-то.

С неба посыпались серые демоны в масках и с горящими угольками глаз — иначе я их назвать не могу. Они спускались бесшумно и мягко, выхватывали из-за спины изогнутые и узкие мечи и молча бросались на бойцов Ордена.

Это был отряд "Авроры".

7.17. Серые призраки

Их помощь была хоть и слегка запоздалой, но это спасло меня и остатки храбро защищавших меня бывших узников Кэльдбеорга. Облачённые в серую камуфляжную форму, в серых масках, из-под которых горели глаза, они были похожи на ожившие тени, на призраков из преисподней, вооружённых молниями. У каждого из них было по два меча, из носков ботинок выдвигались лезвия кинжалов, и каждый такой боец стоил четверых. Когда в пещеру ворвались трое таких призрачных воинов в масках — один — стройный и изящный, второй — крепкого телосложения, а третий — настоящий Геракл, — Лавиния с Викторией вскочили, готовые защищать меня до

последней капли своей крови. Стройный воин, шедший впереди двух остальных, властным движением поднял руку в серой перчатке и сказал голосом Юли:

— Всё в порядке, свои.

Все три серых воина сняли маски, и оказались Юлей, Каспаром и Цезарем. Все трое бросились ко мне. Цезарь был вне себя.

— Что эти ублюдки с тобой сделали? — прорычал он.

— Мне не поздоровилось, ребята, — ответила я.

Юля покачала головой.

— Зачем же ты убежала от нас, Аврора? — проговорила она с укором. — Искала приключений? Что ж, ты их нашла. Они выдвинули возмутительные требования! В обмен на тебя они требовали, чтобы "Аврора" прекратила своё существование.

— Ничего, — улыбнулась я пересохшими губами. — Теперь мы надерём им задницу. Мне надоело отсиживаться, отныне я беру всё в свои руки. Кое-какие дела у вас организованы из рук вон плохо, теперь всё будет по-другому.

— Аврора… — начала Юля.

— Вот именно, — перебила я. — Аврора я или кто? Что написано в Уставе? Глава Общества — я. Ты сама так написала, изволь теперь соблюдать. Если не возражаешь, я вступлю в игру по-настоящему. Или ты против того, чтобы я принимала участие?

— Гм… разумеется, нет, — ответила Юля. — Но…

— Отставить "но", — оборвала я её, а мысленно послала вдогонку: "Кто наказал твоего отчима-извращенца? Кто учил тебя всему, что должен знать хищник? Почему мне приходится напоминать тебе об этом?"

— Я никогда не забываю об этом, — тихо сказала Юля, сжав мою руку. И добавила чуть громче: — Как скажешь, Аврора.

Кивнув Цезарю, она сказала:

— Ты можешь вызывать доктора Гермиону. Ситуация под контролем, опасности для неё нет.

Но дока Гермиону не пришлось вызывать: она сама вошла в пещеру, маленькая и решительная, в куртке с капюшоном, камуфляжных брюках и высоких ботинках. На ходу стягивая перчатки, она подошла ко мне и опустилась возле меня на колени. Юля и Каспар посторонились. Её тонкие белые пальчики начали нежно меня ощупывать. Между её бровей пролегла складка.

— Скажите, док, — прошептала я, — я потеряю крылья? Только не утешайте меня. Скажите правду.

Она улыбнулась и погладила меня по голове.

— Случай тяжёлый… Предстоит кропотливая работа. Но мы

восстановим вам крылья, Аврора, не сомневайтесь. Всё будет хорошо.

— Моя жена за свои слова отвечает, — сказал Цезарь.

Юля спросила:

— Каково состояние Авроры, доктор?

Док Гермиона поднялась на ноги.

— Скажем так: жить будет. Но для её перевозки ко мне в клинику нужен спецтранспорт. На руках её нести нельзя.

— Будет транспорт, — кивнула Юля.

— И ещё… — Док Гермиона покосилась на меня и взяла Юлю под руку. — Давайте выйдем.

Она хотела сообщить Юле о том, что сделали двое надзирателей в комнате со свечой, и что потом повторил сомнамбулический Гайус, шепча мне в лицо "прости меня" и "так надо". Когда Юля вошла, я прочла это в складке между её бровей. Она ничего не сказала, просто присела рядом и сжала мою руку.

— Аврора, подожди немного, скоро здесь будет вертолёт. Мы отвезём тебя в клинику к доктору Гермионе. Всё будет хорошо.

— Перед тем, как лететь в больницу, я должна тебе кое о чём сообщить, Юля, — сказала я.

— Я хочу, чтобы все бывшие заключённые Кэльдбеорга — все, кто остался жив — были возвращены в "Аврору", а те из них, кто в ней не состоял, были в неё приняты. Я обещала им это, и я сдержу своё обещание.

— Да, Аврора, — кивнула Юля. — Считай, что это уже сделано.

— И ещё… Будет сформирован отряд "чёрные волки". Все они войдут в него. Задача отряда — уничтожать членов Ордена… Пока док будет лечить меня, позаботься о том, чтобы была создана соответствующая база… Всё необходимое.

Юля повернулась к Каспару.

— Ты слышал? Займись этим.

— Слушаюсь, — ответил тот. — Всё будет сделано. Позвольте только один вопрос: кто будет командовать отрядом?

Я сказала:

— Я сама. Когда поправлюсь.

Юля начала:

— Но, может быть…

— Это уже решено, — прошептала я. — У меня с Орденом теперь личные счёты.

Из ста пятидесяти семи узников, вырвавшихся из замка Кэльдбеорг, после стычки с бойцами Ордена в живых осталось девяносто. Весь отряд Ордена был уничтожен бойцами "Авроры". А когда ко мне в пещеру вошёл Алекс, весь в пропитанных кровью

повязках — и на голове в том числе, — у меня на глазах впервые за долгое время выступили слёзы. Я ничего не могла выговорить, только протянула ему руку, а он опустился на колено и сжал её в своей.

— Это он, — сказала я Юле. — Он сделал всё это. Он лучший.

Каспар и Цезарь окидывали его оценивающими взглядами, а Юля спросила:

— Как ваше имя?

Алекс, выпрямившись, отчеканил:

— Александр Дилайла, госпожа президент.

Юля подошла и сказала, положив руку на плечо Алекса:

— За проявленное вами мужество объявляю вам благодарность. За что бы вы ни были исключены из "Авроры", это уже прощено и забыто.

— Гм, прошу прощения, госпожа президент… А остальные? — спросил он.

— И остальные тоже восстановлены, — улыбнулась Юля. — Можете им передать, что все они зачислены в новый отряд "чёрные волки", который будет в скором времени сформирован.

Алекс просиял и встал навытяжку.

— Разрешите идти?

Юля посмотрела на меня, а я сказала:

— Иди, Алекс.

Когда он вышел, Юля проговорила:

— И такой кадр оказался в Кэльдбеорге! Побольше бы таких в "Авроре"!

— Он уже был там, — сказала я. — Но его исключили.

— Мы поторопились, — признала Юля.

7.18. Прощание с островом

Послышался шум лопастей пропеллера: прибыл большой вертолёт. Из него вытащили громоздкое приспособление вроде носилок с фиксирующим каркасом для крыльев, внесли в пещеру и уложили меня на него, укрыли одеялом и вынесли из пещеры. Дождь ещё моросил. Убитые в схватке были уже уложены рядами: отдельно бывшие узники Кэльдбеорга, отдельно — бойцы Ордена.

— Подождите, — попросила я. — Я хочу взглянуть.

Я хотела взглянуть им в лица — и убитым, и живым. Меня пронесли на носилках мимо убитых заключённых Кэльдбеорга, аккуратно сложенных рядами с приставленными к плечам головами. Среди них я увидела Франца и Дария — их, сыгравших такую большую роль в моём освобождении. А ещё среди убитых лежал Ингвар — да, мой старый приятель-оптимист, виртуоз бритвы, погиб тоже.

— Всех их похоронить здесь как членов "Авроры", — сказала я. — А вот этих троих, — я показала на Франца, Дария и Ингвара, — с почестями.

— Они особо отличились? — спросила Юля, шагавшая рядом с носилками.

— Да, — сказала я. — Франц придумал весь план и добыл кровь для восстановления сил, а Дарий устроил пожар.

— А он? — Юля кивком показала на Ингвара.

Я задумалась.

— Он? Да нет… Он просто славный парень и мой друг.

Потом я посмотрела на живых. Алекс построил их на относительно ровной площадке у подступа к замку, и они стояли навытяжку, потрёпанные, грязные, окровавленные и ещё очень мало похожие на бойцов отряда "чёрные волки". Я махнула им рукой, и меня погрузили в вертолёт.

— Что сделать с замком? — спросила Юля.

— Если "Аврора" располагает взрывчаткой, то разнести его к чёртовой матери, — сказала я.

Юля улыбнулась.

— "Аврора" располагает всем, чем захочешь. Будет исполнено. От замка не останется камня на камне.

— Глава 8. "Чёрные волки"

8.1. Ещё одна причина

Сквозь прозрачный купол синело небо. Мои раскинутые в стороны крылья лежали на подставках, пронзённые десятками тонких спиц: аппарат, сконструированный доком Гермионой, способствовал правильному срастанию костей. Самой операции я не помню, так как мне дали общий наркоз, но могу с уверенностью сказать, что это была ювелирная работа. Каждый осколок был поставлен на своё место и зафиксирован. Док постаралась на совесть.

Дверь открылась.

— Можно к тебе?

Юля в белом плаще, перетянутом на талии широким лакированным поясом, вошла в комнату. Огромный букет белых роз с единственной красной розой посередине она положила мне на грудь.

— Тебя, наверно, интересует, как идёт подготовка "чёрных волков"? — спросила она.

— Да, пожалуй, мне это небезынтересно, — ответила я.

Она присела на круглый крутящийся табурет.

— База почти готова. Все члены отряда уже проходят обучение. Оружием они снабжены, форма разработана и сшита. Думаю, их внешний вид и экипировка тебе понравится.

— Дело не во внешнем виде, — сказала я. — А в том, как хорошо они подготовлены к выполнению задачи.

— Они тренируются день и ночь, — заверила Юля. — Настрой у них чрезвычайно решительный. Все с нетерпением ждут твоего прибытия. Пожалуй, из этих изгоев получатся отчаянные и безжалостные головорезы.

— Они больше не изгои, — сказала я. — Не надо к ним так относиться. Они — мои спасители. Да, однажды они нарушили сочинённый тобой Устав, за что были изгнаны, а потом попали в орденскую тюрьму, но они на деле показали, чего они действительно стоят.

— Я и не спорю с тобой, — улыбнулась Юля. — Это отчаянные ребята, к тому же, фанатично преданные тебе.

Мы помолчали. Над прозрачным куполом плыли облака. Юля сказала:

— Я уверена, что во всём этом деле — я имею в виду твой захват — не обошлось без чьей-то подлости. Вспомни, с кем ты встречалась, кого видела, когда сбежала из-под охраны?

— Я побывала только у Карины и Аделаиды, — сказала я. —

Но не хочешь же ты сказать, что Карина…

— Нет, нет, девочку я не подозреваю, что ты, — перебила Юля. — А вот Аделаида… Кто она?

— Аделаида Бенедиктус, — сказала я. — Но и её тоже я не могу представить в этой роли! Я хорошо её знаю, она кажется мне вполне безобидной. Кроме того, она сказала, что придерживается нейтралитета и держится в стороне от борьбы между Орденом и "Авророй".

Глаза Юли холодно сузились.

— Те, кто заявляет о своём нейтралитете, должны браться на подозрение чуть ли не в первую очередь, — сказала она. — В них кроется потенциальная опасность. И то, что ты её якобы хорошо знаешь, тоже не может служить достаточным оправданием. Невозможно кого-либо знать до конца. В общем, эта Аделаида Бенедиктус вызывает у меня подозрение… Я поручу Каспару заняться этим. Кстати, у меня для тебя сюрприз, — Юля улыбнулась. — Не волнуйся, приятный. Кое-кому не терпится с тобой увидеться.

Моё сердце радостно ёкнуло и сжалось.

— Неужели Карина?..

— Она самая, — с улыбкой кивнула Юля.

— Так с этого и следовало начинать! — воскликнула я. — Давай её сюда скорее!

Юля, впрочем, не спешила.

— Я подумала, что тебе будет приятно её увидеть, и я поручила Цезарю её сюда доставить, — сказала она. — Я его предупредила, чтобы он в разговоре с ней как-нибудь поосторожнее касался того, что с тобой случилось, но, боюсь, он в этом не преуспел… Она порядком напугана и взволнована.

— Старина Цезарь никогда не отличался деликатностью, — сказала я. — Но, может быть, уже довольно предисловий? Если она здесь, то веди её сюда скорее.

Юля уже пошла к двери, но почему-то замешкалась.

— Кстати, — сказала она. — У неё горе: её отца убили. Угадай, кто?

При этом известии во мне поднялась холодная ярость и негодование.

— Орден, кто же ещё, — процедила я.

— Да, — вздохнула Юля. — Как назло, у неё нет родных, кто мог бы взять её к себе. На неё столько свалилось… Смерть отца, да ещё Цезарь её напугал. И, по-моему, ей не по себе среди нас. В общем, её состояние оставляет желать лучшего. Надеюсь, доктору Гермионе удалось её хоть немного успокоить.

— В общем, давай её ко мне, — сказала я.

Она вышла, а я стала провожать взглядом плывущие надо мной облака. Ещё одна причина, чтобы истреблять их, безжалостно уничтожать, не щадя ни одного. Ни одного. Убивать их, пока их популяция не исчезнет полностью с лица земли! Чтобы сама память об Ордене стёрлась навеки.

8.2. Запах Карины

Она ещё не вошла, а я уже чуяла её, и каждый мой мускул напрягся, чтобы рвануться к ней навстречу. Встать не давал аппарат. Я нажала кнопку, и вся конструкция, на которой я лежала, задвигалась и приняла другое положение — с приподнятым головным концом.

— Заходи, детка, — послышался голос Юли. — Аврора тебя ждёт.

Дверь открылась, и в комнату робко вошла бледная и грустная Карина. Она остановилась, обводя испуганным взглядом холодно поблёскивавшую конструкцию из металлических спиц, пронзающих мои раскинутые крылья. Она изо всех сил сдерживалась, чтобы не заплакать. Я протянула к ней руку.

— Куколка моя…

Возможно, док Гермиона и пыталась её успокоить, но стоило Карине увидеть меня и услышать мой голос, как она тут же расклеилась. Она быстро подошла, села на край моей постели и опрокинулась на меня, обхватив меня руками и уткнувшись мне в плечо.

— Мама…

Юля подскочила, взяла её за плечи:

— Осторожно, не наваливайся так сильно… У Авроры сломаны рёбра.

— Да к чёрту мои рёбра, Юля, — сказала я, прижимая к себе Карину и погружая пальцы в шёлковые струи её волос. — Кариночка, родная моя, всё хорошо… Мама с тобой.

Она всхлипывала — часто, судорожно, и её горячие слёзы мочили мне рубашку.

— Мамочка… Они тебя мучили?.. пытали?

Да, меня мучили и пытали, насиловали и били, калечили и унижали, но все мои раны мгновенно исцелялись в её присутствии. Она была лёгонькая и тёплая, и мне не хотелось её от себя отпускать.

— Со мной всё хорошо, доченька, — пробормотала я. — У нас всё быстро заживает, так что я скоро буду в полном порядке. ("У нас" — у хищников, подразумевала я.)

— Что с твоими крыльями? — спросила она сквозь слёзы, трогая пальчиком моё крыло.

— Они сломаны, малыш, — ответила я. — Но очень скоро срастутся.

Может быть, мне это и почудилось, но от её прикосновения по моим крыльям как будто заструилась тёплая целительная сила. Я снова привлекла её к себе и зарылась губами в её волосы. Она гладила ладошкой моё плечо. Смерть отца — вот что было в её душе сейчас. Боль и растерянность. И страх.

— Это они убили папу, да? — всхлипнула она. ("Они" — Орден.)

— Да, куколка, — вздохнула я. — Но они за это поплатятся, обещаю.

— Мамочка, мне очень страшно…

— Не бойся, родная. У меня не получилось уберечь твоего папу, но тебя я не позволю тронуть никому.

— Я теперь одна…

— Нет, детка, ты не одна. Теперь защищать тебя будем мы.

— Кто — вы?

— Я. Юля. Каспар, Цезарь. Доктор Гермиона. Тебя никто не тронет, тебе не нужно нас бояться. Верить можно не всем из нас, но тем, кого я назвала, ты верить можешь. Мне ты можешь верить точно, потому что я тебя люблю. Ты моя куколка.

— Я знаю… Я тебе верю, мама. Тебе очень больно?

— Нет, малыш. Уже нет. Не думай об этом, всё будет хорошо.

8.3. Найти и наказать

Он учуял её, едва войдя в здание. Тот самый ангельский запах, который сводил его с ума в камере Кэльдбеорга — запах с шёлковой косынки. Она здесь, близко. Ощущение её присутствия мягко вошло ему куда-то под солнечное сплетение, и всё его нутро сжалось в мучительно-сладком спазме, так что он вынужден был даже на миг остановиться. Но в следующую секунду он ускорил шаг. Он летел на запах, не чуя под собой ног.

У окна стояла длинноволосая девочка. Она раздвигала тонкими пальцами полоски жалюзи, тайком глотая слёзы. Она вздрогнула и обернулась, услышав за спиной голос:

— Что с тобой, детка?

Это был не человек, она сразу поняла. Перед ней стоял хищник в чёрной форме и чёрных высоких ботинках, в чёрной шапочке и со сдвинутыми на лоб защитными очками на резинке. Он был очень сильный и опасный, и девочка вся сжалась под взглядом его холодных голубых глаз с тёмными ресницами.

— Почему ты плачешь? — спросил он. — Что у тебя случилось?

Его голос был суровый, низкий и мужественный. Холодная

рука взяла её за подбородок, и его взгляд из-под сдвинутых бровей пронзил душу девочки, как острый клинок, а верхняя губа приподнялась, приоткрыв оскал белых острых зубов.

— Я найду того, кто это сделал. Обещаю.

Юля задумчиво теребила пуговицу своего плаща.

— Карина не может оставаться одна, — сказала я. — Как с ней быть?

— Об этом не беспокойся, — ответила Юля. — Мы позаботимся о ней.

— О принятии её в "Аврору" не может быть и речи, — сказала я. — И уж тем более о…

— Нет, нет, я об этом и не говорю, — перебила Юля. — Во всяком случае, она должна сначала получить образование. У неё будет всё необходимое, обещаю тебе. Не волнуйся о ней, я возьму это дело под свой личный контроль.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказала Юля.

Вошёл Алекс. Щёлкнув каблуками, он вытянулся по стойке "смирно".

— Вот, кстати, и один из твоих "волков", — сказала Юля. — Он особо отличился во время подготовки на базе и был признан лучшим среди всего отряда. В качестве награды он был удостоен чести увидеться с тобой. Боец, — обратилась она к Алексу, — если вы желаете о чём-то спросить Аврору, вам предоставляется сейчас такая возможность.

Встав ещё прямее, Алекс сказал:

— От имени всего отряда я желаю тебе скорейшего выздоровления, Аврора. Позволь тебя спросить: как скоро ты будешь с нами?

— Уже скоро, — ответила я. — Раз уж ты здесь, Алекс, как ты смотришь на то, чтобы исполнить одну мою небольшую просьбу?

— Почту за честь! — отчеканил Алекс. — Я готов, Аврора.

— За дверью стоит девочка, — сказала я. — Её отец погиб от рук Ордена. Поручаю тебе разыскать того, кто это сделал, и наказать его. Это твоё персональное задание. По факту исполнения сразу же доложишь мне.

— Слушаюсь! Прикажешь приступать немедленно?

— Приступай. Можешь получить у девочки нужные тебе сведения.

— Мне уже известно всё, что мне потребуется для исполнения твоего поручения, Аврора.

— Что ж, прекрасно. Можешь идти. И будь добр, позови девочку сюда.

Дверь палаты открылась, и девочка снова увидела красивого

и опасного хищника. Прикрыв за собой дверь, он остановился и долго смотрел на неё, пока девочке не стало не по себе. Кивнув на дверь палаты, он сказал:

— Иди, Аврора тебя зовёт. — И добавил: — Я сделаю, что обещал. Я добуду тебе перо из его крыла.

8.4. Первые взмахи

— Ну, попробуйте пошевелить крыльями, — сказала док Гермиона.

Крылья двигались вполне хорошо, боли не было, но с непривычки я запыхалась.

— Похоже, мне придётся заново учиться летать, — сказала я.

— Да бросьте, — ответила док. — День-другой поразминаетесь и снова станете летать, как прежде.

Я убрала крылья. Получилось, как обычно, без боли и неприятных ощущений. Я снова их раскрыла, и они слушались меня идеально. Я сложила и распрямила их, подняла и опустила.

— Ну, как? — спросила Карина.

— Вроде бы всё в порядке, — сказала я. — Док… Я хочу сказать вам огромное спасибо. Вы самая лучшая.

8.5. Прощание

На мне была форма "волков", а за спиной висели два меча — основное оружие для уничтожения врага в ближнем бою путём отрубания головы. Поверьте, люди, мы не боимся ни серебряных пуль, ни чеснока, ни осинового кола в сердце, ни распятия. Убить нас можно, только отрубив голову. Также неверно и широко распространённое мнение, что мы мёртвые. Мы живые, но свойства нашего организма сильно отличаются от свойств человеческого.

Каспар ждал меня за дверью. Я уже десять минут не могла оторвать от себя цепкое тёплое кольцо рук Карины.

— Мамочка… Ну, можно мне с тобой?

— Нет, моя куколка, — сказала я твёрдо. — Туда тебе со мной нельзя.

— Ну, пожалуйста…

— Нет, родная. Это место не для тебя. На время каникул ты поедешь к доктору Гермионе. Она хорошая. У неё ты будешь в безопасности.

— А если… А если тебя опять… опять ранят?

— Ну, что за беда! Док мигом вылечит меня. Она меня не раз с того света вытаскивала.

— Я тебя ещё когда-нибудь… увижу?

— Ты будто навсегда со мной прощаешься… Ну, разумеется, мы ещё увидимся, куколка моя! Может быть, не так скоро, как хотелось бы, но обещаю: где бы ты ни была, я тебя найду. Я тебя очень, очень люблю, моя красавица.

То место, куда я отправлялась с Каспаром, едва срастив раздробленные крылья, было базой "чёрных волков". И разлука с Кариной мне предстояла долгая.

8.6. Последний пасьянс

Но я не сразу отправилась туда. Каспар сообщил, что арестован хищник, по наводке которого меня схватили.

— Она навела их на твой след — сразу же после твоего прихода стукнула им, и они тебя вычислили.

Когда я подошла к решётке камеры, она сидела на койке в своей ажурной шали и сеточке на волосах и размышляла над разложенным на одеяле пасьянсом, как будто по-прежнему находилась у себя дома. Увидев меня, она как ни в чём не бывало улыбнулась.

— А, милочка, здравствуйте… Значит, вот вы как выглядите, когда выходите на тропу войны. Что ж, форма вам очень к лицу. Чёрный цвет вам всегда шёл. Очень славно.

— Аделаида, это правда? — спросила я тихо. — Вы это сделали?

Она устало и горько усмехнулась.

— Смешной вопрос, дорогая. Раз я здесь, — она обвела взглядом камеру, — значит, сделала.

— Нет, Аделаида, скажите это, глядя мне в глаза, — потребовала я.

Она встретилась со мной взглядом и со смущённым видом опустила глаза, чуть улыбаясь, как будто её уличили в каком-то житейском грешке.

— Ну… Да, я это сделала, — сказала она. — Вы довольны?

Она созналась в этом так легко, как будто это была какая-то невинная шалость, за которую её ждёт лишь символическое наказание. Я спросила:

— Они вас заставили? Чем-то угрожали? Запугали?

Она покачала головой.

— Вы склонны драматизировать… Нет, всё гораздо прозаичнее. Меня никто не заставлял и не запугивал.

— Почему, Аделаида? — спросила я. — Я считала вас другом, а вы нанесли мне удар в спину. За что?

Она вздохнула, снова улыбнулась, удручённо разведя руками.

— Трудно сказать… Нет, лично против вас я ничего не имею. Но я подумала, если Орден вас получит, всё снова станет как

раньше. Прекратятся эти распри… Как было прежде хорошо!

— Вы ошиблись, — сказала я. — На этом всё бы не кончилось.

Она подняла брови.

— Вот как? — проговорила она озадаченно и как будто с досадой. — Вы так думаете? Гм, обидно… Право же, обидно. — Она помолчала, погружённая в глубокую задумчивость, а потом вдруг пожаловалась, сделав кислую гримасу: — Вы знаете, милочка, у меня здесь отобрали мою трубку и табак. По-моему, это зря, вы не находите? Мне так не по себе без курения! Как будто чего-то не хватает. Мне, право же, неловко вас просить…

Я распорядилась, чтобы Аделаиде вернули её трубку и табак. Получив их назад, она сразу повеселела и, улыбаясь, предложила:

— Не составите мне компанию? Впрочем, я знаю, что вы скажете. "Со стукачами не курю", не так ли?

— Ну почему же, — сказала я, доставая сигареты и зажигалку. — Можно и покурить.

Она, набив трубку и закурив, встала у решётки, прислонившись плечом к стене. Я тоже закурила, и некоторое время мы молчали, выпуская дым. Я сказала:

— Вы говорили, что соблюдаете нейтралитет… Однако в этом случае ваши действия были отнюдь не нейтральны. Они были весьма проорденского толка.

— Ну, как вам сказать! — Аделаида затянулась и выпустила три колечка. — Нейтралитет — вещь обманчивая… Иногда думаешь, что придерживаешься его, а на самом деле оказывается, что нет. Что я могу сказать? Кажется, я села в лужу. В бурные времена мне всегда удавалось оставаться на плаву, а сейчас я, похоже, попала под репрессии…

И она издала смешок, от которого мне стало не по себе. Будь я на её месте, мне было бы не до смеха. Мной овладели оторопь и недоумение.

— Аделаида, вы вообще понимаете… осознаёте степень серьёзности того, что вы сделали, и как вы за это поплатитесь? — спросила я. — Точнее, осознавали ли вы это тогда, в тот момент, когда вам пришла в голову эта идея?

Она вздохнула и улыбнулась грустно и ласково. Так не улыбаются предатели, мелькнуло у меня в голове.

— Даже не знаю, что сказать, милочка… Тогда мне казалось, что это хорошая идея. Сейчас… — Аделаида снова хихикнула. — Сейчас я на пути к осознанию, что эта идея была не очень хорошая. У меня есть все основания полагать, что я сделала глупость.

— Глупость? Думаю, это называется по-другому, Аделаида, —

сказала я с горечью.

— Ну, не судите меня слишком строго, — улыбнулась она. — Я всего лишь выжившая из ума старуха.

— Судить я вас не буду, — ответила я. — Приговор вам уже вынесен. К сожалению, состояние вашего рассудка в данном случае в расчёт не будет браться.

— И что же меня ждёт? — спросила она.

— Полагаю, смертная казнь, — сказала я. — Если я вас помилую, друзья меня не поймут. По-другому с такими, как вы, в военное время и не поступают.

В первую секунду на лице Аделаиды отразилось горестное недоумение; она приподняла брови, похлопала глазами и пробормотала, обречённо кивая:

— Вот как? Впрочем… Да, да, понимаю. Разумеется. Разумеется.

Недоумение на её лице сменилось прежним выражением беспечности и стоического спокойствия.

— И как же я буду умерщвлена? — поинтересовалась она, как будто спрашивала о погоде. — Наверно, через обезглавление на гильотине? Да, ведь другого способа лишить жизни такое существо, как мы с вами, нет. — Аделаида вздохнула, вынув изо рта чубук трубки. — Как во времена Великой французской революции!

— Больше всего меня убивает то, что вы сделали это сразу после того, как мы с вами сидели в вашей гостиной и пускали колечки, как старые друзья, — сказала я. — Но после моего дружеского визита к вам меня схватили и бросили в Кэльдбеорг. Не хочу говорить о том, что мне пришлось вынести там — скажу лишь, что я едва сумела выжить. Только ради Карины я выкарабкалась — у неё не осталось никого, кроме меня, и я должна думать о ней. Смерти как таковой я не боюсь, меня бросает в дрожь лишь при мысли о том, что моя девочка могла остаться совсем одна.

Аделаида грустно и удручённо пожала плечами.

— Мне очень жаль, — только и сказала она.

Она задумчиво выпустила большое колечко дыма, а сквозь него пропустила маленькое.

— Да, кстати, — сказала она как бы между прочим, — когда будете отдавать приказ о моей казни, нельзя ли сделать так, чтобы это произошло в как можно более короткие сроки? Ожидание так утомляет!

Горечь переполняла мою грудь во время всего этого разговора, и вытеснить её не помогал даже табачный дым. Аделаида была такой же, как всегда, какой я знала её в прежние

времена, как будто она и не делала того, что она сделала, а произошла какая-то ошибка. Умом я понимала, что это сделала она, но сердце отказывалось в это верить. Она не была ни обозлённой, ни напуганной, к перспективе смерти на гильотине относилась с каким-то равнодушием, но не раскаивалась. Может быть, если бы она выразила раскаяние в том, что сделала, я бы ещё задумалась, не стоит ли отменить приказ о смертной казни и заменить её каким-нибудь другим наказанием, но Аделаида считала, что ей не в чем раскаиваться. "Глупость" — так она называла то, что она сделала. Если бы она призналась, что её заставили, какими-либо угрозами или запугиванием вынудили так поступить, быть может, это тоже могло бы побудить меня удержать занесённый над ней карающий меч, но она, пожав плечами, сказала, что никто её к этому не вынуждал — она сама до этого додумалась. Моё сердце не хотело верить в то, что она предала меня, и склонялось проявить к ней милосердие, но все соломинки, за которые я хваталась, чтобы найти для этого повод, оборвались. Докуривая сигарету, я думала о том, что мне будет очень тяжело отдать этот приказ, но я уже знала, что отдам его.

— Благодарю вас, что вернули мне мою маленькую радость, — сказала Аделаида, любовно поглаживая свою трубку. — Без неё я не могу обходиться, а с ней везде чувствую себя как дома. Она поможет мне скоротать время. Да ещё пасьянс — привычка, знаете ли. Очень вам за всё это признательна.

— Прощайте, Аделаида. — Больше не глядя на неё, я потушила окурок о каблук ботинка и бросила в урну.

Каспар, когда я вышла к нему, спросил:

— Так что же, Аврора? Ей уже вынесен смертный приговор, нужно только твоё подтверждение либо отмена.

— Приговор подтверждаю, — сказала я. — И, пожалуйста, не тяните с его исполнением.

— Понял, — кивнул Каспар.

8.7. База

Под базу "чёрных волков" было приспособлено заброшенное бомбоубежище: потребовался только ремонт и некоторая модернизация. Оно было расположено вдали от любопытных людских глаз и было замаскировано под закрытый объект, на котором идёт работа по утилизации радиоактивных отходов. Каспар провёл меня по всем помещениям; кое-где ещё завершались отделочные работы, но в целом база была готова. На ней было своё хранилище донорской крови, электростанция и все необходимые удобства. На отдых бойцы располагались в

восемнадцатиместных отсеках, в каждом помещалось по две девятки — так подразделялся отряд "волков". У меня был свой кабинет и отдельная комната. В кабинете стоял большой стол и кожаное кресло, за которым раскинулось почти во всю стену чёрное знамя, в верхнем левом углу которого блестела золотая буква "А", окружённая золотым лавровым венцом, а под ней замер, поднявшись на дыбы, золотой крылатый волк, выполненный в геральдическом стиле. Он был изображён в профиль: у него было только одно крыло и один широко раскрытый от ярости глаз. Передние мохнатые лапы были приподняты, когти выпущены, брюхо было поджарым, с тонкой талией, а хвост по мохнатости мог сравниться разве что с конским. На древке знамени были золотые кисти, а полотнище было отделано по краям золотым галуном.

— Это знамя "волков".

Затем Каспар показал мне самое главное — оружейный склад. На большой стол он выкладывал все части комплекта вооружения бойца отряда "чёрные волки".

— Мы взяли за основу наше обычное вооружение, добавили только пару новинок. Во-первых, старое доброе холодное оружие.

Каспар положил передо мной две катаны и два бумеранга.

— Мечи — это само собой, ты знаешь. А бумеранги не простые, — пояснил он. — От обычных бумерангов у них только форма. На них есть система балансировки и ускоритель вращения, а также съёмные лезвия, которые можно затачивать, если они притупятся. Они остры, как бритва, и голову срезают на раз-два.

Я взвесила на руке бумеранг. Он был довольно лёгким, но выглядел очень прочным и смертельно опасным.

— Также у нас в ходу разрывные мини-снаряды, способные разнести голову противника на куски — огнестрельный аналог меча, — продолжал Каспар.

И он положил на стол компактное оружие, похожее на маленький автомат. Его надлежало носить в кобуре на правом бедре.

— Стрелять из этой умной крошки может даже младенец. Нужно только мало-мальски навести её на цель, а о точности попадания она позаботится сама. А это новинка — снаряды, испепеляющие тело врага полностью, ими можно стрелять из этого же оружия. Это недешёвое удовольствие, поэтому норма их расхода на одного бойца — двенадцать штук в неделю.

Далее Каспар выложил на стол комплект для захвата противника живьём: лассо, сетку, "летающие шприцы" со спиртом и хорошо знакомый мне электрошокер.

— Лассо из сверхпрочного полимерного материала, выдерживает вес бульдозера. Сетка из того же материала. Спирт способен так ослабить организм хищника, что десяти граммов достаточно, чтобы противника можно было брать голыми руками. Ну, а с электрошокером тебе встречаться не впервой. Ну, как тебе такой комплект вооружения?

— Посмотрим, каков он будет в действии, — сказала я. — Полагаю, мне нужно некоторое время, чтобы самой освоиться со всеми видами оружия.

Каспар улыбнулся.

— Я готов стать твоим инструктором.

— Большое спасибо.

8.8. Чёрная смерть

Свист лассо — крылья запутались. Свист катаны или вздох бумеранга — голова слетает с плеч. Одно нажатие на спусковой крючок — и голова врага лопается, как проткнутый воздушный шарик, а двенадцать раз в неделю можно позволить себе удовольствие обратить противника в кучку пепла, который развеется ветром. У каждого "чёрного волка" на поясе шнурок, на который подвешиваются перья. Сколько перьев — столько "волк" убил врагов.

Враг один — член Ордена.

Как выглядит "чёрный волк"? В полёте он похож на чёрную бесплотную тень, но плоть у него есть, хотя она и отличается от человеческой. Его коротко остриженная голова скрыта чёрной маской, как у воинов-ниндзя, а глаза скрыты за широким щитком тёмных очков, так что его лицо выглядит жутковато. Всё его оружие тёмного цвета, за исключением зеркально блестящих клинков мечей, и размещено на его теле так, чтобы его было удобно выхватить, но чтобы оно при этом не стесняло его движений. В Ордене "чёрных волков" называют "чёрной смертью". Что ж, это прозвище вполне справедливо: их форма чёрная, на лице они носят чёрные маски, и встреча с таким воином для члена Ордена смертельно опасна. Но "волки" не обижаются на прозвища, а делают своё дело.

Орден тоже не сидит сложа руки. В нём тоже есть отряды, нападающие на членов "Авроры", и авроровцы тоже гибнут. Так и должно быть, потому что это война.

Но членов Ордена гибнет больше.

"На помощь, на меня напали!"

На этот зов устремляются все, кто его слышит. Если поблизости есть тройка "волков" — а они обычно летают тройками — то вполне вероятно, что именно она и подоспеет на

помощь. "Волки" тоже члены "Авроры", и они спасают своих собратьев, подвергнувшихся нападению неприятеля.

Эта война для людей невидима. Максимум, что вы можете увидеть — это непонятные тени, мелькающие в небе. И скорее всего, вы примете их за колыхающиеся ветки деревьев или пролетающих птиц.

"Волки" беспощадны к врагу. Они редко берут пленных, чаще отправляют сразу на корм шакалам. Орден их люто ненавидит и за голову одного "волка" платит большое вознаграждение. Самая большая награда назначена за мою голову.

Но "волка" не так-то легко поймать. Один "волк" может противостоять пятерым врагам, но, как правило, "волки" не летают поодиночке. Самая маленькая группа — это тройка, но чаще всего они летают девятками. Пример: девятка "волков" подкараулила "карательный" орденский отряд из двадцати пяти членов, окружила и перебила всех до одного. У шакалов было пиршество.

Впрочем, если вы — хороший, безобидный человек, вам не нужно их бояться. Напротив, если вы попали в беду (например, вас схватил член Ордена), то они вас спасут. Если вы ранены, они окажут вам первую помощь и при надобности отнесут в больницу. "Волк" никогда не тронет вашего ребёнка, а потерявшегося малыша ещё и вернёт домой, обязательно защитит от шакалов или орденских кровопийц.

Но если вы маньяк, насильник, убийца, бандит, террорист, вор, наркоторговец или, не дай бог, член вооружённого бандформирования, то в этом случае пощады не ждите. Скорее всего, вы ляжете в ванну с водой, и питательные вещества будут поступать к вам внутривенно. Почему? Потому что "волки" — члены "Авроры", и её Устав распространяется и на них.

Вы думаете, что я смеюсь, шучу? Отнюдь. Мне не до шуток, потому что я командую "волками". "Чёрные волки" — мой отряд, который мстит Ордену за меня, за приёмного отца Карины, за маленькую девочку с плюшевым зайцем на безлюдной ночной улице и ещё за многое другое.

8.9. Мама

На шнурке у моего пояса — двадцать шесть перьев. Это мой личный результат. Признаюсь: он не самый лучший. Некоторые "волки" набили и побольше моего. А лучший счёт у Алекса: на его поясе висит сто пять перьев. Одно перо, рыжее, он отдал мне — для Карины. Он выполнил то, что обещал ей, — нашёл убийцу её приёмного отца.

Какой сегодня день? То ли вторник, то ли пятница. А число?

Может, 17-ое, а может, 25-ое. Дни и ночи слились в один нескончаемый день. Иногда мне случалось проводить безо всякого отдыха трое, а то и четверо суток, потом — душ, несколько часов сна и — снова в бой. Я и не заметила, как подкрался Новый год.

И в самый разгар, вернувшись на базу, я вдруг почуяла человека — здесь, куда ни разу не ступала человеческая нога.

— Аврора, к тебе гости, — сообщила Виктория.

— Скажи им, чтоб подождали, мне нужно привести себя в порядок.

— Они ждут тебя уже сутки, Аврора. Девочка замёрзла. У нас тут всего плюс четыре, а она, знаешь ли, теплокровная. И, к тому же, она голодная, а нам её кормить нечем, людской еды не держим.

У меня ёкнуло сердце. Запах был знакомый. Не может быть!

— Девочка?

— Они ждут в твоём кабинете.

Я сняла маску и наскоро умылась. В моём кресле, нахохлившись, как воробышек, сидела Карина в зимней куртке и меховых сапожках, а с ней был Каспар: он расхаживал из угла в угол. Как только я вошла, Карина вскочила, подбежала и повисла на моей шее, прильнула ко мне всем телом, да так крепко, что и не оторвать. От её сладкого запаха у меня закружилась голова.

— Куколка, тебе кто разрешил сюда… — начала я.

Каспар сказал:

— Решай, что с ней делать. Цезарь с доком там опять набедокурили… В общем, близнецы у них получились. Они ту комнату, которую она занимала, под детскую переделали. Они её не выгоняли, она сама не захотела остаться. А Джулию никак застать не могу. Я у наших поспрашивал — никто взять не может. Лира с Пандорой воюют, а Оскар меня к тебе отослал. Чтоб ты сама решала.

— Каспар, но какого чёрта ты её сюда притащил? — воскликнула я. — Как будто здесь для неё самое место! Здесь её мало того, что устроить негде, но и просто невозможно по условиям! Это не отель, а база "волков". Тут температура всего плюс четыре! Нам-то всё равно, а ей холодно! И кто её будет кормить? И кто будет за ней присматривать? Как ты себе вообще это представляешь? Каспар, ты хоть подумал немного, прежде чем её сюда тащить?

— Ну, я не знаю, — развёл он руками. — Я тебе сказал, как всё обстоит, а ты уж сама решай.

А Карина облапила меня ещё крепче и разревелась.

— Пожалуйста… Не бросай меня… Я тебя люблю… мама!

Не знаю, как это сказать. Наверно, нет таких слов, чтобы описать, что происходило у меня внутри. Как будто кто-то стиснул моё сердце раскалёнными клещами и перевернул его вокруг его оси. И как будто меня обожгло изнутри.

— Куколка, — пробормотала я. — Подожди, не плачь. Мы что-нибудь сейчас… придумаем.

Я оторопело смотрела вслед уходящему Каспару, не в силах сдвинуться с места. Ну, что мне со всем этим делать?!

— У меня никого нет, кроме тебя, — пробурчала Карина, уткнувшись в моё плечо. — Пожалуйста, не прогоняй меня, мне больше некуда идти.

— Всё с тобой понятно, — вздохнула я.

Я сбросила с себя всё оружие: оно мешало обнимать Карину.

— Я соскучилась, — проворковала она.

— Я тоже, куколка… Безумно. Только я не знаю, как с тобой быть. Честно. Здесь не самое подходящее для тебя место.

Её головокружительный запах бил мне в ноздри, снова вызывая во мне дрожь и сладкие спазмы в животе. Я не могу передать словами всю его прелесть, скажу только, что это был самый вкусный, самый нежный и пьянящий запах на свете. Он мог вызывать две реакции: безумный аппетит и безумную нежность. Нет! Никогда я не допустила бы даже мысли о том, чтобы рассматривать Карину в качестве пищи. Она называла меня "мама".

8.10. Пустяк

— Ребята, я понимаю, вы устали, но у меня для вас есть ещё одно небольшое задание. Даже нет, скорее просьба.

Восемнадцать только что вернувшихся домой "волков" стояли навытяжку и слушали.

— Мне неловко вас просить… Со мной приключилась одна невероятная штука. Даже не знаю, как объяснить.

— Аврора, — почтительно перебил Алекс. — Ты не обязана ничего объяснять. Просто скажи, что нужно, и мы всё сделаем.

Разве это их дело?! Я сама влезла к ней в окно, сама её поцеловала, сама согласилась, чтобы она звала меня мамой — значит, сама и должна со всем этим разбираться.

— Да сущий пустяк… У нас на базе гостья. Она замёрзла и более суток ничего не ела. Ей нужна человеческая еда. Я бы сама слетала за всем необходимым, но мне не хочется её оставлять одну. Она здесь впервые, и ей немного не по себе.

Алекс шагнул ко мне, втянул носом воздух и усмехнулся.

— Да, судя по запаху, это особенная гостья… Мы всё сделаем, Аврора, не беспокойся.

8.11. Выбор

Карина стащила с меня чёрную маску-шапочку, провела ладонью по моей стриженой голове и засмеялась, а я чмокнула её в нос. Я открыла шкаф и взяла с полки новый комплект постельного белья.

— Пока меня нет, кровать твоя. Меня не бывает на базе подолгу, так что кровать будет в твоём распоряжении почти всё время. Ну, а когда я вернусь… Думаю, мы с тобой не подерёмся. Что-нибудь придумаем.

Она кивнула. Я спросила:

— До какого числа у тебя новогодние каникулы?

— До одиннадцатого января, — ответила она.

— Так, а сегодня у нас… — Я взглянула на часы. — Если не врёт календарь, то тридцатое декабря. Гм… Даже не заметила, как пролетело время. Да, кстати, у тебя дневник с собой? Дай-ка, я посмотрю на твои оценки.

Она достала из своего рюкзачка дневник. Судя по оценкам, Карина училась хорошо: в табеле не было ни одного "трояка", только "5" и "4".

— Да ты молодец… Вся в меня.

Она засмеялась. Смех у неё был серебристый, звонкий, как бубенчик. Я боялась слишком крепко её обнимать, полагая, что мои холодные объятия для неё были не слишком приятны. Но она сама стиснула меня изо всех сил.

— Задала ты мне задачу, куколка… Ну ничего. Как-нибудь решим.

Она заглядывала мне в глаза.

— Тебе очень сильно некогда, да?

— Вообще-то, дел по горло… Идёт война, куколка. Люди воюют, и мы тоже решили повоевать… Глядишь, станет поменьше кровопийц. Слишком много нас развелось в последнее время.

Она опустила голову, вздохнула, задумалась. Она думала об отце. Я достала из-за пазухи рыжее перо из крыла убийцы.

— Он найден, куколка, — сказала я. — Найден и наказан.

Как у неё сверкнули глаза! Она схватила перо.

— Он всё-таки сделал это, — прошептала она, пожирая перо взглядом, как самый лучший подарок в мире. — Что с ним сделали? Как его наказали?

— Он мёртв, детка, — сказала я.

Она крепко прильнула ко мне.

— Папа был из детдома. У него нет родных. И у меня нет… Только ты. Ни в какой детдом я не хочу. Я хочу быть с тобой… Как только я увидела тебя, я сразу поняла это. Ты моя мама.

Я погладила её по волосам.

— Кариночка… Я не знаю, как это сказать. Не думаю, что я смогу быть тебе хорошей мамой. Мы даже не всегда сможем быть вместе. Моя жизнь… Это чёрт знает что, а не жизнь. А тебе нужна безопасность, стабильность. У тебя должна быть нормальная жизнь. Ты должна окончить школу, потом, может быть, институт… Найти работу. Мужа. Родить детей. И жить. Я не могу тебе всё это дать.

Когда она подняла лицо, её глаза были полны слёз.

— А какой смысл?.. Какой смысл учиться, получать профессию, находить работу, создавать семью, если в один прекрасный день прилетит крылатое чудовище и отнимет у тебя всё?

По её щекам скатились два солёных бриллианта. Я взяла её лицо в свои ладони.

— Карина, ты не должна так думать. Эта жестокая война ведётся нами как раз для того, чтобы такого не происходило. Я не буду сейчас вдаваться в детали и рассказывать тебе, какого я мнения об "Авроре" в целом, но некоторый смысл во всём этом всё же есть. Не знаю только, как долго это будет иметь смысл… Но сейчас это неважно. Ты слышала о "чёрных волках"?

— Они убивают членов Ордена, — сказала она.

— Да, — сказала я. — Они уничтожают таких, как те, кто убил твоего папу. Ты сейчас находишься в их логове, а перед тобой их вожак. Клянусь, Карина, я люблю тебя. Так люблю, как никого в жизни не любила. Но мы убийцы. Каждый день мы только и делаем, что убиваем. И ты хочешь быть со мной и называть меня мамой? Хорошо подумай, прежде чем делать такой выбор, куколка.

Её ресницы дрогнули, но она не отводила взгляда.

— Я его уже сделала, — сказала она. — Я тоже тебя люблю.

8.12. Гостинцы

Виктория внесла в комнату два больших пакета, коробку с электрочайником и четыре пластиковых пятилитровых бутыли с водой.

— Вот… Ребята принесли для девочки.

— Хорошо, Виктория, спасибо, — сказала я.

Виктория вышла. Я сказала Карине:

— Если тебе что-то понадобится, обращайся к Виктории. Она тут дежурит. Боец из неё неважный, но в штабе она незаменимый сотрудник. Давай посмотрим, что тут…

В одном пакете были продукты: молоко, йогурт, плавленый сыр, печенье, булочки, пряники. Ещё были фрукты, сладости и

даже жевательная резинка. Также была фарфоровая кружка с забавными медвежатами, пластиковые тарелочки и ложки, большая пачка чая в пакетиках, банка кофе и коробка сахара-рафинада. "Волки" хоть и не употребляли человеческой пищи, но в человеческих нуждах всё же разбирались.

— Ты посмотри, — улыбнулась я, доставая из пакета подарочный набор конфет в коробке с Дедом Морозом. — Они не забыли поздравить тебя с наступающим Новым годом. Да, сладким ты обеспечена.

Во втором пакете были тёплые вещи: толстый шерстяной свитер, ватное одеяло, шерстяные носки и большая пуховая шаль. А на самом дне пакета обнаружилась мягкая игрушка — медвежонок.

— Ой, спасибо! — Карина опять повисла на мне и чмокнула.

— Это не меня надо благодарить, а ребят, — сказала я. — Это они постарались, хотя это в их обязанности не входит. Ну, поешь, что ли.

Голодная Карина набросилась на еду. Она уплетала йогурт и булочки с конфетами, запивая горячим кофе с молоком. Когда она захотела положить в булочку плоский квадратик плавленого сыра, разрезать её оказалось нечем, и Карина попросила:

— Дай твой меч.

На мече могла быть кровь, а я не хотела, чтобы она попала на еду Карины: даже мизерная частичка засохшей крови хищника при попадании внутрь организма человека могла вызвать заражение.

— Боюсь, он не совсем чистый, куколка, — сказала я. — В качестве ножа его лучше не использовать.

Карина положила сыр на плоскую сторону булочки. В комнату заглянула Виктория.

— Извините… Ребята ждут. Спрашивают, можно ли им посмотреть на гостью. И ещё они притащили какую-то коробку, говорят — обогреватель.

— Хорошо, скажи им, что мы сейчас придём, — ответила я.

Дверь за Викторией закрылась, а Карина слегка поёжилась и икнула.

— Ну, доедай и пойдём, — сказала я. — У тебя есть возможность лично поблагодарить тех, кто всё это тебе принёс.

8.13. Знакомство

Восемнадцать фигур в чёрном образовали полукруг. Их маски были подняты, очки сдвинуты на лоб. Едва ощутив запах Карины, они начали приближаться, обступая её со всех сторон, а их глаза вспыхнули таким кровожадным огнём, что даже я забеспокоилась.

Послышался дрожащий голосок Карины:

— Мамочка!

Плечом разбив кольцо "волков", я прижала её к груди.

— Я с тобой, Карина.

Я кинула на "волков" свирепый взгляд, но они и без этого уже поняли свою ошибку. Они немного отступили, погасив в глазах плотоядный огонь, а на освободившееся место выступила Евгения, командир взвода-девятки номер восемь. Она приблизилась, дружелюбно тронув Карину за плечо, а та, сжавшись в комочек, зажмурилась и уткнулась лицом мне в грудь.

— Детка, не бойся нас… Мы ещё кое-что достали. С Новым годом тебя.

Стена из чёрных фигур расступилась, открыв взгляду Карины невысокую искусственную ёлочку, обмотанную серебряной мишурой. Алекс поднёс Карине коробку с ёлочными украшениями. Карина испуганно жалась ко мне и ничего не брала, и Алекс, поставив всё на пол у её ног, отошёл. Также "волки" раздобыли электрообогреватель.

— Чтобы ты не мёрзла. Нам отопление ни к чему, а тебе лишние несколько градусов не помешают.

Всегда суровое лицо Алекса смягчилось чуть приметной улыбкой, холодный взгляд потеплел: конфеты и мишку в пакет положил он. Взгляд Карины задержался на нём, а в руке она сжимала рыжее перо.

8.14. "Орден"

У меня было немного свободного времени, и я, одев Карину в тёплые вещи, предложила украсить ёлку. Но Карина, кутаясь в одеяло, сидела на кровати и не горела желанием принять в этом участие. Я принялась сама вешать на ёлку игрушки.

— Прямо как в детстве. Уж и не помню, когда я делала это в последний раз.

Карина сидела на кровати, вертя в пальцах перо из крыла убийцы.

— Наверно, я должна поблагодарить того "волка". Когда я была у тебя в больнице, он подошёл ко мне и спросил, что у меня случилось… Он только посмотрел на меня и сказал, что найдёт того, кто это сделал. И пообещал перо из его крыла. Он сдержал своё обещание… Наверно, я должна сказать ему спасибо. Но я даже не знаю, как его зовут.

— Думаю, я знаю, о ком ты говоришь, — сказала я. — Его зовут Алекс. Если хочешь, я могу вызвать его, и ты скажешь ему всё, что хочешь сказать.

— Но я его немножко боюсь, — сказала Карина. — Он такой… сильный. И у него такой взгляд!

— О да, Алекс способен одним взглядом повергнуть врага в трепет, — усмехнулась я. — Он один из лучших "волков" — наверно, даже самый лучший. Но тебе незачем его бояться.

Я велела Виктории вызвать Алекса сюда, и через три минуты он предстал перед нами. Образцово вытянувшись, он отрапортовал:

— По твоему приказу явился, Аврора.

Я сказала:

— Карина хочет тебе кое-что сказать.

Он посмотрел на Карину, а она стояла с пером в руке, почти касаясь своих губ его кончиком. Хоть Алекс и стоял перед ней по стойке "смирно", она всё равно цепенела под его взглядом. Наконец, она решилась. Шагнув к Алексу, она замерла перед ним, молча глядя на него, а потом сказала:

— Привет, Алекс… Я хотела сказать вам спасибо.

Она медленно и робко протянула ему руку. Алекс снял перчатку, опустился на колено и в высшей степени галантно приложился губами к дрожащим пальчикам Карины. Я и не подозревала, что он способен на такое. Поднявшись, он чеканно встал в прежнюю позу. Я сказала:

— От имени Карины объявляю тебе благодарность. И от себя тоже.

Карина отцепила со своей шапочки брошку и приколола на грудь Алексу, потом поцеловала его в холодную щёку. Я едва сдержалась, чтобы не улыбнуться, а Алекс принял эту награду с величайшей серьёзностью, будто это была не девчоночья безделушка, а самый настоящий орден.

8.15. Канун Нового года

За три часа до наступления Нового года я вернулась на базу. Виктория тут же доложила обстановку:

— Вернулась пятая группа. Им любопытно, кто там в твоей комнате. Я им сказала, что туда без твоего разрешения нельзя, но они очень хотят посмотреть на девочку. А она испугалась, закрылась там и не вылезает.

У двери моей комнаты столпилась вся пятая группа, как будто их туда тянуло магнитом. И у них я отметила знакомый опасный блеск в глазах.

— Это что за столпотворение? — спросила я сурово.

— Да мы просто на неё посмотреть хотим, и всё. А она стеснительная какая-то.

— А вам не приходит в голову, что вы её напугали? —

сказала я. — Хорошо придумали — ломиться всей толпой!

— Мы вовсе не хотели её пугать, честное слово, Аврора! Мы только познакомиться хотели.

— Вы бы ещё дверь выломали! А ну, пропустите.

Меня пропустили к двери. Я постучала и позвала:

— Карина, куколка моя! Это я, открой. Чего ты испугалась?

Из-за двери послышался голос Карины:

— Я не одета!

— Ну так оденься, — засмеялась я. — И нечего бояться, никто тебе ничего плохого не сделает.

Я слышала, что в комнате работал обогреватель, а Карина ходила из угла в угол.

— Куколка, открой скорее! Ты что, хочешь до Нового года там просидеть одна? Если не откроешь, я уйду надолго. И тогда как хочешь.

Она подошла к двери.

— Мама…

— Что, маленькая?

— Их там много?

— Одна девятка. Плюс я. Ну, открывай, глупенькая. А то уйду.

Щёлкнул замок. Я сказала "волкам" вполголоса:

— Вы только не вламывайтесь. Напугали ребёнка — и хватит с вас. — И добавила громко: — Кариночка, я захожу. Только я, а они подождут за дверью.

В комнате было градусов двадцать: обогреватель работал в режиме максимальной температуры. Карина, в свитере, колготках и носках, стояла посреди комнаты. В дверь просунулась любопытная голова, но я щёлкнула ей по лбу, и она убралась. Я закрыла дверь.

— Ну и жара у тебя тут! Ты что, целый день обогреватель не выключала?

Она сразу же прижалась ко мне.

— Мама, ну чего им от меня надо?

— Ничего им от тебя не надо, куколка, — сказала я. — Им просто интересно, кто тут прячется. Неужели ты всё ещё думаешь, что они могут причинить тебе зло? Говорю тебе, они тебя не тронут.

Я вручила Карине её джинсы и выключила обогреватель.

— Одевайся. Бояться нечего, я с тобой.

Карина стала обречённо натягивать джинсы.

8.16. С Новым годом

Очарованные запахом Карины, "волки" обступили её.

— Ух ты, какая!

Они трогали, гладили и нюхали её, а она затравленно озиралась, ища глазами меня. Я ободряюще улыбнулась ей, давая понять, что ситуация под контролем. "Волков" же интересовал вопрос:

— Аврора, это что — правда твоя дочка?

Я подтвердила это. Альбина, старшая пятой группы, хотела её поцеловать, но Карина истолковала её намерения превратно и с криком бросилась ко мне. "Волки" засмеялись,

Альбина проговорила недоуменно:

— Неужели я такая страшная?

Ей ответили:

— С тех пор, как ты в последний раз видела себя в зеркале, прошло двести лет!

Альбина показала шутнику кулак.

Удовлетворив их любопытство, я увела Карину обратно в комнату. Как только дверь закрылась, Карина сразу юркнула под одеяло. Вытащив из пакетика леденец, она сунула его в рот и съёжилась в комочек. Я обняла её.

— Я хочу, чтобы они тебя знали. И чтобы ты их знала и не боялась. Ни при мне, ни в моё отсутствие ни один "волк" не причинит тебе зла. А если кто-то всё-таки посмеет тебя обидеть, я самолично отрублю ему крылья.

Она содрогнулась.

— Не бойся, куколка, до этого не дойдёт… Всё будет хорошо.

В Новый год на базе была только пятая группа. Я уговорила Карину выйти к ним ещё раз. "Волки" были заняты тем, что украшали мишурой и серпантином койки. Карина, увидев койки, недоуменно спросила:

— А разве вы спите не в гробах?

Ответом ей был смех, а я сказала:

— Нет, детка, гробы — это сказка.

В главном отсеке для общего сбора стояла ёлка, худо-бедно обвешанная какими-то игрушками.

— Можно, я помогу? — робко вызвалась Карина.

Она стала вырезать из бумаги снежинки и обклеивать ими стены — насколько могла дотянуться. Чтобы она могла приклеить их повыше, Баярд, самый рослый "волк" в группе, посадил её к себе на плечо. Потом Карина вырезала из бумаги фонарики, и их подвесили к потолку. Новогоднее украшение получилось не бог весть какое, но дух Нового года проник и в такое мрачное место, как логово "чёрных волков".

8.17. Последние сомнения

Утром первого января я всё-таки покинула мою Карину, поручив Виктории присматривать за ней. Вернуться мне удалось только в ночь с четвёртого на пятое.

Виктория доложила, что уже почти все "волки" познакомились с ней и буквально завалили её подарками. Каждый считал чуть ли не своим долгом преподнести ей что-нибудь — мягкие игрушки, сладости, фрукты, духи, косметику. Девятка Алекса уже доставила для неё еду, и она ни в чём не нуждалась.

Входя в комнату, я споткнулась о большого плюшевого льва. Повсюду стояли корзинки и подарочные коробки. Карина сладко спала, закутавшись в одеяло, и я не решилась её будить и просить подвинуться. Свернув куртку и подложив её под голову, я улеглась на полу.

Меня разбудил шёпот:

— Мама… Что же ты на полу лежишь, иди сюда.

Повинуясь её рукам, я плюхнулась на кровать. Она пустила меня к себе под одеяло, в тёплый пьянящий омут своего аромата.

— Куколка, ты замёрзнешь со мной… — пробормотала я, с наслаждением растягиваясь в нагретой Кариной постели. — Я холодная.

— Я тебя согрею, — защекотал меня её шёпот.

Какое было счастье проснуться оттого, что её тёплые пальчики теребили меня за уши! Это было лучшее пробуждение в моей жизни. А открыв глаза, я сразу увидела её лицо, и мне, поверите ли, захотелось заплакать от нежности. И больше никогда её не покидать. Послать к чёрту и Орден, и "Аврору", и даже "волков".

— Доброе утро, мама.

За эти слова можно было отдать полжизни.

— Я даже не думала, что "волки" могут быть такими славными, — поделилась Карина. — Они столько всего мне подарили! Не знаю, куда девать. Может быть, ты скажешь им, что уже хватит?

Она выскочила из постели, попутно включила обогреватель, притащила на кровать игрушечного льва и опять сунула ноги под одеяло. Я залюбовалась ею, а от её запаха у меня внутри всё опять сладко сжалось. Карина вдруг напряглась, слегка отодвинувшись от меня.

— Ты что, куколка? — удивилась я.

— У тебя сейчас такой же взгляд, — сказала она тихо, отодвигаясь ещё немного и загораживаясь львом. — Какой был у них в тот раз. Как будто ты хочешь…

Я села.

— Да ты что, Карина! Ты же не думаешь, что я сделаю тебе что-то плохое, доченька? Иди ко мне, родная.

Она всё-таки дала себя обнять, хотя и с опаской. Она была вся напряжена, будто ждала, что я укушу её. Но когда я вместо этого её расцеловала, она обмякла и прижалась ко мне.

— Я просто балдею от твоего запаха, — призналась я. — Ты не представляешь, как он на всех действует. Ты и моих "волков" очаровываешь, и я не исключение.

Послышался вежливый стук в дверь. Это была Виктория.

— Алекс спрашивает, не нужно ли Карине чего-нибудь.

— Передай ему, что у неё есть всё и даже больше, — засмеялась я.

— Разрешите? — Виктория вошла в комнату с букетом белых роз и тарелочкой, полной крупной спелой земляники. — Алекс просил передать Карине. Это от него лично.

Розы были совершенно свежими, на бутонах блестели капельки воды, а ягоды были размером со сливу.

— Ого, — сказала я. — Это похоже на знак особого внимания.

8.18. Ничем не лучше

Я открыла дверь хранилища и взяла Карину за руку.

— Пойдём, куколка, не бойся.

Мы проходили между рядами ванн, в которых спали доноры. Карина смотрела в их лица со страхом.

— Они… живые?

— Да, детка, живые. Они погружены в глубокий сон. Все необходимые питательные вещества поступают им вот по этим трубкам, а они взамен дают нам свою кровь. Мы уже никого не убиваем ради утоления голода, в отличие от членов Ордена. Все эти люди — преступники, отбросы общества, подонки и мерзавцы. Своим собратьям, людям, они наносили только вред, и мы заставили их приносить пользу нам.

— Но они всё равно люди, — пробормотала Карина. — У них были семьи…

— Большинству из них было плевать на своих родных, — сказала я. — Да и близким этих людей родство с ними не приносило особого счастья. Полагаю, во всяком случае, это в какой-то мере лучше, чем убивать новых и новых людей, всех без разбора. Не намного, но всё же лучше. — Я взяла Карину за плечи и привлекла к себе. — Может быть, тебе это покажется весьма сомнительной гуманностью… Мы по-прежнему остаёмся хищниками, я этого не отрицаю. Но это всё, что мы можем сделать. Для чего? Прежде всего, для того чтобы противопоставить себя Ордену. Впрочем, суть у нас с ними одна и

та же. Мы такие же чудовища, как они.

— Ты не такая, мама.

— Такая, малыш. Ничем не лучше.

И, чтобы окончательно убедить её, я нацедила стаканчик крови из трубки. Карина со страхом наблюдала за мной, смотрела на тонкую струйку крови, вытекавшую из тела донора, а когда я у неё на глазах выпила эту кровь, она увидела дьявольский огонь в моих зрачках и окровавленный оскал моих клыков.

— Я такая же, куколка. Видишь?

Она боялась — я чувствовала её страх. Дрожа, как осиновый лист, она всё-таки не бросилась бежать, а шагнула ко мне и — смелая девочка! — обняла меня за шею.

— Что я могу поделать, если у меня такая мама? Мне остаётся только любить тебя такую, какая ты есть.

— Кривишь душой, детка, — усмехнулась я. — Говоришь, что любишь, а сама дрожишь от страха.

Она зажмурилась и прильнула ко мне всем телом.

— Я тебя не боюсь, мамочка… Не боюсь! Ты не сделаешь мне ничего плохого, я это знаю. Потому что ты меня тоже любишь.

Мне не оставалось ничего, как только обнять её.

— Люблю, куколка. Я это повторяла пять лет, чтобы не сойти с ума, пока сидела в тюрьме Кэльдбеорг. Ты помогла мне там выжить, родная, хотя в то время ты понятия обо мне не имела. И благодаря тебе я выживаю и сейчас.

8.19. Забери меня

Разумеется, на базе "волков" Карине было не место. К концу её каникул я встретилась с Юлей, и та мне сообщила, что уже всё готово для её перевода в школу-интернат для детей-сирот (построена и финансируется "Авророй").

— И там есть ячейка "Авроры"?

Юля улыбнулась.

— Конечно. Начиная с десятого класса.

Меня не было, когда Каспар забрал Карину с базы. Когда я вернулась, в комнате было пусто. На кровати я нашла записку.

Мамочка!

Меня переводят в какую-то другую школу. Это школа-интернат. Я не хочу жить в интернате! Пожалуйста, забери меня оттуда. Если ты не сделаешь этого, я буду считать, что ты меня бросила. И если ты меня любишь, как ты говоришь, ты сделаешь это немедленно. Я очень хочу быть с тобой, и больше никто мне не нужен.

Твоя куколка.

8.20. По ту сторону

Она бросила деревянную лопату, которой разгребала снег.

— Мама!

Нас разделяли прутья чугунной ограды. Я могла бы очень легко перемахнуть через эту ограду, но не стала этого делать. Я только взяла её просунутую сквозь прутья ручку в вязаной перчатке и поцеловала. Её глаза сияли, щёки рдели.

— Мама, ты пришла за мной? Ты заберёшь меня?

— Разве тебе плохо здесь?

— Я здесь одна… Юля меня навещала только один раз.

— Здесь плохие условия?

— Нет, условия хорошие… У меня отдельная комната, кормят три раза…

— Учителя хорошие?

— Да, но… Мама, ты меня разве не заберёшь?

Она прижалась к прутьям — сиротливая фигурка. Как зверёк в клетке. В глазах — боль и слёзы.

— Я буду навещать тебя, детка. Там, со мной, тебе нельзя оставаться.

— Почему нельзя? Мне там понравилось… Да, пусть там холодно, но там я с тобой, мама! Туда ты хотя бы иногда возвращаешься… а сюда ты не придёшь!

— Почему ты так думаешь? Нет, моя родная, я обязательно буду к тебе приходить. Потому что я не могу без тебя.

Она отступила от ограды, горько качая головой.

— Не придёшь… Ты забудешь про меня…

— Карина, как я могу про тебя забыть? Ведь ты моя куколка, моя родная девочка, я тебя люблю! Просто сейчас такое время… Пойми, родная. Здесь тебе будет лучше.

На её побледневших щеках ещё рдели маленькие пятнышки — остатки румянца. На ресницах повисли огромные капли.

— Никогда мне не будет лучше там, где нет тебя…

И она отступила ещё.

— Карина, стой! Нет, не уходи!

Я просунула руки сквозь прутья и успела схватить её. Притянув её к ограде, я положила ладонь ей на затылок и пригнула её голову так, что её лицо втиснулось меж прутьев.

— Я приду ещё, куколка. Не скучай, я обязательно приду. Живая или мёртвая… Вот, это тебе. — Я всунула ей в руку большую плитку шоколада и фарфоровую фигурку ангела. — Пусть он хранит тебя, пока меня нет. Но я приду, ты не сомневайся.

8.21. Если она не проснётся

Каспар выглядел виноватым, не мог смотреть мне в глаза.

— Аврора… На Карину было покушение. Орден пытался похитить её. Прости, мои люди сплоховали.

За два месяца я навестила её три раза. Она плакала. В последний раз она мне сказала: "Я боюсь, мама. Я видела какие-то чёрные тени над крышей вон того здания". И показала на здание напротив школы. Я сказала: "Не бойся, всё будет хорошо". И поручила Каспару присмотреть. А он просмотрел.

— Кто её отбил у похитителей? — спросила я. — Наши? "Волки"?

— Нет, — сказал Каспар. — Какая-то чужая — на первый взгляд, подозрительная особа. Она обратилась к первым встречным "волкам" и передала им девочку с рук на руки. Мы её на всякий случай задержали — подумали, что ты захочешь с ней побеседовать.

— Захочу, — кивнула я. — Но позже. Сначала к Карине.

"Волки" доставили Карину в центр к доку Гермионе: она была без сознания. Над прозрачным куполом синело мартовское небо. Глаза Карины были закрыты, как будто она спала, но это состояние не было сном. Док сказала, что не может сразу наверняка определить, какое нужно лечение. Она должна была её всесторонне обследовать.

Алекс тоже был здесь.

— Аврора, тебе следовало поручить её охрану мне, — сказал он.

На тумбочке возле кровати стояла фигурка ангела с отломанным крылом. Ею Карина выбила глаз одному похитителю. Она защищалась, как могла.

Руки Карины были тёплыми, она дышала, но не просыпалась и ни на что не реагировала. На первый взгляд это было похоже на обыкновенный сон, но док сказала, что это сон патологический. Карину нельзя было разбудить.

Я нагнулась к её ушку и позвала:

— Куколка… Доченька, ты меня слышишь? Это мама.

Она не открыла глаза, не улыбнулась. Каспар угрюмо молчал. Он чувствовал себя виноватым. В его взгляде сквозила тревога. Он смотрел на Карину и думал о том, что я с ним сделаю, если она не проснётся. Я сказала, отвечая на его мысль:

— Я отрублю тебе крылья, определённо.

Он вздрогнул: у меня жена и двое детей. Я сказала:

— Молись, чтобы она проснулась. Молись хоть самому дьяволу.

Как ему стало нехорошо! Он пошёл по коридору, сутулый и озабоченный, но я догнала его. Он вздрогнул, почувствовав мою руку на своём плече. Я повернула его к себе лицом, упёрлась своим лбом в его лоб.

— Каспар, кореш ты мой… Как ты мог подумать, что я могу искалечить тебя? — сказала я, глядя ему в глаза. — Да, ты виноват, ты недоглядел, не выполнил моё поручение. Но виноват не только ты. Я тоже. Мне следовало… Ладно, не будем сейчас говорить, что мне следовало… Это жжёт мне сердце.

— Что я могу сделать? — спросил он.

— Охраняй её, — сказала я. — Это теперь твой единственный пост.

Он кивнул — а что ему ещё оставалось?

После этого я направилась прямиком в изолятор. В камере было темно, и я, стоя в приглушённо освещённом коридоре, могла разглядеть только очертания фигуры, сидевшей с ногами на койке с тлеющей сигаретой между пальцев. Дежурный, стукнув по решётке, приказал:

— Задержанная, встать! С тобой хочет поговорить Аврора.

Фигура поднялась с койки и подошла к решётке. Свет озарил её лицо, и я узнала Эйне. Она была спокойна, уголки её губ были чуть приподняты — не то насмешливо, не то дружелюбно, не разберёшь. Как всегда, растрёпанная, с седой прядью, в потёртом кожаном костюме, она смотрела на меня сквозь сверхпрочные прутья решётки своими загадочными глазами.

— Ты? — пробормотала я.

— Привет, — сказала она.

Я смотрела на неё, а она посасывала докуренную уже почти до фильтра сигарету, выпуская дым в сторону.

— Это ты спасла её?

Она усмехнулась.

— Да никого я не спасала, — сказала она. — Девчонка так билась и царапалась, что эти идиоты уронили её. Одному она своей игрушкой глаз выбила. Мне оставалось её только подхватить. Я ничего не делала — в смысле героизма. Как она там?

— Не очень хорошо, — сказала я. — Она не просыпается.

Эйне нахмурилась.

— Не просыпается, говоришь? Значит, кто-то из этих ребят обладал искусством погружения жертвы в летаргию.

— И как её можно разбудить? — спросила я.

Эйне покачала головой, впилась губами в свой дотлевающий бычок.

— Дело плохо… Она может проснуться, а может и не проснуться. Всё будет зависеть от неё самой. Ничего сделать нельзя, можно только ждать и надеяться, что она выкарабкается.

Я шагнула к ней, взявшись руками за прутья решётки.

— Она моя дочь, — сказала я тихо. — Я люблю её. Если она не проснётся… — Я умолкла.

Эйне бросила окурок на пол и притоптала.

— Будем надеяться, что она проснётся. Слушай, у меня курево кончилось. Ты здесь командир? Так вот, если ко мне нет претензий, то либо прикажи меня выпустить отсюда, либо, если я застряла здесь надолго, обеспечь меня хотя бы сигаретами.

Я достала свои, проверила пачку — она была почти полная — и протянула Эйне.

— Вот спасибо, — усмехнулась она, сунув пачку в карман. — Это, как я понимаю, значит, что я тут застряла?

— Послушай… Как насчёт того, чтобы перейти к нам? — сказала я. — Ты ещё не в "Авроре", как я понимаю? Сейчас самое время сделать выбор.

Она усмехнулась, ковыряя ногтем одного пальца подушечку другого.

— Звучит заманчиво… Только вот я сама по себе. Ничей мундир надевать я не хочу.

— Аделаида говорила так же, — сказала я. — Ты знаешь, что с ней стало?

Эйне смотрела на меня иронически.

— Полагаю, вы её… — И она прочертила большим пальцем поперёк шеи.

Я рассказала ей, что сделала Аделаида, и что было сделано с ней. Эйне слушала, прислонившись к стене, достала из подаренной мной пачки сигарету и чиркнула зажигалкой.

— Она просто старая, выжившая из ума идиотка, — сказала она. — Нехорошо так о покойных, но всё-таки это было глупо с её стороны — настучать и пребывать в святой уверенности, что "Аврора" ей не отомстит. Жалко старушку… Она была забавная.

— Если ты не с "Авророй" — значит, ты с Орденом, — сказала я. — Следовательно, ты наш враг. Здесь делается так: захваченный член Ордена, не пожелавший перейти к нам, подлежит уничтожению.

— Вот как, — хмыкнула Эйне. — Радикально. И что ты посоветуешь?

— Переходи к нам. Твой поступок вполне в духе члена "Авроры".

Она выпустила длинную струю дыма, прищурившись.

— Да это и вышло-то вроде как случайно, — сказала она

сквозь зубы. — Смотрю — летит девчонка, а сверху в небе — два каких-то типа. Ну, значит, уронили или бросили. Я только подставила руки и сделала ноги, то есть, крылья. Ничего такого я не сделала.

— Но ты передала её "волкам", — сказала я.

— Только потому что это их работа, а я спасением людей не занимаюсь. — Она присела на корточки, прислонившись спиной к стене. — Нет, детка, не соблазняй меня. Можешь отправить меня на гильотину, если хочешь… Мне по барабану.

— Это было бы плохой благодарностью за спасение Карины, — сказала я. — Я дам тебе время подумать.

— Пустая трата времени, — сказала она. — Я уже сказала, что ни под чью дудку не пляшу и до "Авроры" мне нет дела. Я кошка, гуляющая сама по себе. Поступай со мной, как знаешь. Либо казни, либо отпусти.

С ней ничего нельзя было сделать, невозможно было её подчинить. Я отдала приказ выпустить её — на свой страх и риск. Если бы она была членом "Авроры", я бы объявила ей благодарность, а так ограничилась только тем, что отпустила. Стуча каблуками ботфорт, она прошла мимо меня с сигаретой в зубах на свободу, насмешливо отсалютовав мне рукой.

8.22. Радостная весть

Док Гермиона встретила меня радостной вестью:

— Проснулась спящая красавица!

Сквозь прозрачный купол на её волосы падал золотистый луч. Док Гермиона с чашкой в руках сидела рядом на круглом табурете и подносила к её рту ложку, а она, послушно открывая рот, ела что-то кашицеобразное. В её руках, сложенных на одеяле, был зажат фарфоровый ангел с отбитым крылом. Не чувствуя под собой ног, я подошла. Док спросила:

— Узнаёшь, кто это?

Карина, шевеля перемазанными пюре губами, сказала:

— Мама…

Я присела на край её постели и крепко поцеловала в обе щеки и в лоб.

— Привет, красавица. Ну и вздремнула же ты, скажу я тебе!

В горле у меня стоял ком, но я улыбалась ей, а она улыбалась мне. Я взяла у дока Гермионы чашку, зачерпнула пюре и поднесла ложку ко рту Карины. Она доверчиво открыла рот и приняла ложку.

8.23. Улучшение

В состоянии Карины настал переломный момент, после

которого она пошла на поправку — медленно, но верно. Её глазки прояснились, она немного приободрилась и уже сама поднимала голову от подушки. Поначалу она была очень слаба, но постепенно силы возвращались к ней, и, когда я к ней входила, она протягивала ко мне свои тонкие руки и могла приподняться и обнять меня.

— Мамочка… Я хочу на свежий воздух, — просила она.

Она бредила свежим воздухом, тоскливо смотрела сквозь купол на небо, и я не могла не выполнить её желание. Закутав её в одеяло, я вынесла её на улицу, и мы погуляли минут сорок. Сама идти она ещё не могла, и я несла её на руках. А после возвращения она съела свой обед: у неё вдруг проснулся аппетит.

Её аппетит радовал: она ела всё, что ни давали, а зачастую даже просила добавки. Силы к ней возвращались поразительно быстро. Через неделю она уже могла сама садиться в постели, а через полторы встала. Она стояла, пошатываясь на тонких ножках, как новорождённый жеребёнок, но когда попробовала пойти, всё-таки не удержалась и упала бы, если бы мы с доком не подхватили её.

"Волки" на протяжении всего периода болезни Карины живо интересовались её самочувствием. Док частенько жаловалась, что они приходили по несколько раз на дню, по трое, а то и по пятеро-шестеро — справиться о здоровье Карины и оставить ей букет цветов или мягкую игрушку.

— Уйми ты своих дьяволов, — просила док. — Объясни им, что девочке нужен покой, что её нельзя так дёргать!

Но "дьяволы" считали, что девочке нужен не покой, а внимание и поддержка. По инициативе Алекса "волками" был организован пост охраны у палаты Карины, хотя её также охраняла и служба безопасности "Авроры", главой которой был Каспар.

Признаюсь, я больше доверяла моим "волкам", хотя оснований сомневаться в людях Каспара у меня также не было. Но как бы то ни было, Карина оказалась под двойной охраной.

8.24. Пятый раз

Карина хлопала в ладоши и смеялась. Открыв дверь палаты, я увидела болтающиеся в воздухе подмётками кверху ботинки. Чуть ниже поблёскивала пряжка ремня, ещё ниже отливал голубизной тщательно выбритый подбородок, а на том месте, где при нормальных обстоятельствах и должны были располагаться ботинки, находились руки.

— Что тут происходит? — спросила я.

Подмётки описали полукруг и встали на пол. Алекс

вытянулся по стойке "смирно" и дал объяснение:

— Проиграл партию в шашки.

— Уже четвёртый раз, — добавила Карина. — Сейчас я его и в пятый раз обставлю!

Она снова расставила шашки на доске, Алекс сел на стул и через пять минут одержал победу. Карина не верила своим глазам, а Алекс подставил щёку и показал пальцем место, куда целовать.

— Не может быть! — вскричала Карина, разглядывая положение шашек на доске.

— Проиграла, проиграла, — усмехнулся Алекс.

Карина вздохнула и чмокнула его.

8.25. Первозданная нагота

— И что же они предлагают?

— Предлагают опять разделить мир. Как раньше: их территория, наша территория.

Юля курила тонкую сигарету в длинном мундштуке, откинувшись на спинку кресла. Её кабинет был наполнен оранжевым вечерним светом, проникавшим из-под поднятых жалюзи.

— Как меня утомили эти переговоры… И вообще за последнее время я так устала. Знаешь, чего мне хочется? — Она протянула вперёд ногу в облегающем изящном сапоге. — Махнуть на наш с тобой островок… Ты ещё не забыла, где он?

— При желании можно вспомнить, — усмехнулась я.

— Так вот, — продолжала она, пуская дым в потолок, — плюнуть на всё и махнуть туда… Поваляться там на пляже. — Она шаловливо подцепила носком сапога мою ногу. — Там нас никто не увидит… Можно покувыркаться на песочке… Там тепло. Мы разденемся и будем всё время ходить голышом, никого и ничего не стесняясь, в первозданной наготе. Так что ты думаешь насчёт их предложения?

— Они предлагают положение дел, которое было до войны. То есть, от чего ушли, к тому же и придём. Нет, Юля, так не годится.

Она закурила новую сигарету.

— Я тоже так думаю. Ну, значит, на завтрашней встрече из этого и будем исходить… Либо мир на наших условиях, либо война до победного конца.

8.26. Сбой

Мы стояли на крыльце. Солнце уже почти совсем зашло, западный край неба был багряным.

— Как там Карина? — спросила Юля.

— Готовится к выпускным экзаменам. Она за год всю программу десятого и одиннадцатого класса самостоятельно изучила, будет сдавать экстерном.

— Она молодец. В общем, так, Аврора… Ты пока боевые действия прекрати. Попридержи своих "волков". Им тоже надо отдохнуть, в конце концов. Как только завтрашние переговоры завершатся, я тебе сразу сообщу, и мы решим, что делать дальше.

На базе никого не было. Первым делом я сказала Виктории:

— Отзывай группы отовсюду и объявляй общий сбор.

— Есть.

В моём кабинете теперь стоял большой мягкий диван, а свою комнату я отдала в пользование Карине. Расстегнув куртку, я опустилась на диван и откинула голову назад, на спинку. Во всём теле была слабость. Пусть на базе были и не самые лучшие условия для человека, но здесь, рядом со мной, Карина была в безопасности. Пока она находилась здесь, я была за неё спокойна.

Сквозь звон в ушах я услышала лёгкие шаги. Мне не нужно было открывать глаза, чтобы понять, что это была она: её запах объявлял о ней задолго до её появления. К моему плечу прильнула её головка.

— Привет, мамочка… Ты выглядишь усталой.

Я открыла глаза, сморгнув мутную пелену, всмотрелась в личико Карины. Заставив себя улыбнуться, я сказала:

— Не более чем обычно, куколка.

Странно: мой язык ворочался во рту с трудом, как будто я была пьяной. И меня развозило с каждой минутой всё сильнее.

— Ты как будто сонная, мама.

— Может быть. — Я усиленно поморгала, потому что у меня то и дело мутилось перед глазами.

— Ложись скорее, тебе надо срочно отдохнуть.

— Да, куколка, прилягу… Нужно только дождаться возвращения ребят. Мне надо кое-что им сказать, и после этого я отдохну… Не волнуйся, родная.

— А что тебе нужно им сказать?

— Юля завтра отправляется на переговоры с Орденом… Они запросили мира. До того, как станут известны результаты переговоров, мы воздержимся от наших обычных действий. Пусть ребята отдохнут.

— И чем они будут заниматься?

— Пока поработают как обычные чистильщики.

Я хотела приподняться, чтобы снять куртку, но не смогла. Из меня будто разом ушли все силы. В ушах позванивало, по телу бегали мурашки. Я чувствовала, что заваливаюсь на бок, но

поделать ничего не могла.

— Мама, ты что?

Карина принялась меня тормошить. Она испугалась. Уложив меня, она побежала за Викторией. Виктория прибежала, но тоже не знала, что делать. Я не могла пошевелить и пальцем. Неужели паралич, промелькнуло в голове. Испуганная Карина гладила меня по лицу, чуть не плача. Я хотела сказать ей "куколка моя", но губы не слушались, получилось только мычание. Его звук напугал их ещё больше. Исполнительная, но туповатая Виктория, привыкшая выполнять приказы, растерялась.

— Мамочка, скажи, что нам делать? — спрашивала Карина.

Губы не слушались, я не могла ничего сказать. Тогда Карина, вытерев слёзы, сказала Виктории:

— Сделаем так: когда все вернутся на базу, пусть командиры всех групп придут сюда. Я знаю, что им сказать. А ты пока свяжись с доктором. Сообщи ей, что маме очень плохо. Нужно срочно что-то предпринимать.

Виктория была так растеряна, что подчинилась бы даже трёхлетнему ребёнку, если бы тот знал, что делать, а Карина отдавала разумные и чёткие распоряжения. И Виктория приняла её в качестве начальства.

— А президенту "Авроры" сообщать? — спросила она.

— У неё переговоры, — сказала Карина. — Пока не будем её беспокоить, ещё ничего не известно.

— Есть… — отозвалась Виктория и убежала.

Карина присела рядом со мной, взяла мою руку и приложила к своей щёчке.

— Мамочка, я правильно делаю? Если ты меня слышишь и понимаешь, дай мне знать… Если правильно, моргни два раза.

Моргать я ещё могла. "Умница моя", — моргнула я ей. Она уткнулась мне в плечо. Мне хотелось её погладить, но рука не поднималась.

Прибежала Виктория.

— Доктор скоро будет.

Карина уселась в моё кресло.

— Всё… Теперь, как только они прибудут, созови старших сюда. Желательно, чтобы они пришли все вместе, чтобы поговорить с ними всеми сразу, а не повторять каждому. Если кто-то прибудет раньше, пусть дождутся прибытия остальных.

— Поняла, — ответила Виктория.

Она вышла, а Карина уронила голову на руки. Мне хотелось ей сказать, что она всё делает верно — так, как я сама бы сделала.

Мои "волки", войдя, увидели, что их командир лежит, как бревно, а за его столом сидит испуганная девочка. Сначала они обступили меня:

— Аврора! Ты заболела? Что с тобой? Скажи хоть слово!

Карина позвала:

— Пожалуйста, послушайте меня…

"Волки" отреагировали не сразу. Она сказала более громким голосом, в котором послышались командные нотки:

— Я говорю от имени Авроры! Подойдите и послушайте!

Услышав это, они сразу обернулись и подошли к ней.

— Мы слушаем, детка, — сказал Алекс. — Что случилось? Что с Авророй?

Карина собралась с духом и сказала:

— Мама внезапно заболела, она не может сейчас говорить, поэтому я скажу всё то, что она хотела вам сообщить. Завтра будут переговоры с Орденом… Пока не станут известны их окончательные результаты, "волки" до особого распоряжения не должны предпринимать никаких действий. Вот… Можете пока только летать на охоту.

— Что ещё за переговоры? — нахмурились "волки". — Какие могут быть переговоры с этими ублюдками? Что там Джулия придумала? Вроде бы всё предельно ясно: мы бьём их, пока не перебьём всех до одного! Переговоры какие-то…

Они возмущались, а Карина растерянно молчала. Если бы я могла, я бы на них прикрикнула. Карина, как будто прочтя мои мысли, со слезами вскричала:

— Прекратите! Мама сказала ждать окончания переговоров… Это её приказ, понятно?! Если она не может говорить, это ещё не значит, что вам можно прямо тут, при ней, разговаривать и обсуждать то, что она приказала! Она всё слышит, между прочим! И, наверно, сердится! Ей очень плохо, а вы тут себя так ведёте! Совести у вас нет!

В общем, я бы сказала примерно то же самое, только обошлась бы меньшим количеством слов и при этом не плакала бы. Я бы просто сказала одно слово "отставить", и "волки" всё поняли бы. Впрочем, монолог Карины тоже произвёл на них впечатление, и они прекратили возмущаться. Алекс присел возле заплаканной Карины и накрыл её руку своей.

— Мы всё поняли, куколка, успокойся, — сказал он. — Хорошо, подождём. Но что нам сейчас-то делать? Аврора заболела, кто же будет вместо неё? По-хорошему надо бы назначить заместителя. Она ничего не говорила насчёт этого?

Я взглянула ему в глаза.

— Она что-то хочет сказать, — проговорил он, подходя. —

Аврора, ты как-нибудь дай нам понять, кто остаётся за старшего.

Карина подошла.

— Мамочка, покажи взглядом, — сказала она. — Я пойму.

Я взглянула на Алекса. Карина дотронулась до его рукава.

— Его, мама? Ты его имеешь в виду?

Я утвердительно моргнула ей. Карина подняла на Алекса взгляд. Алекс присел возле меня, сжав мою руку.

— Аврора, не беспокойся, я тебя не подведу. Мы подождём, пока Джулия не скажет, что они там решили. А ты выздоравливай скорее, потому что мы без тебя как без сердца. Но что бы они там ни говорили, подчиняемся мы всё равно только тебе. Мы твои.

Я показала взглядом на Карину. Алекс понял.

— За девочку не беспокойся. Мы её будем беречь как зеницу ока. Если что будет не так — я за всё отвечу, руби мне голову.

Она, внушала я ему, она для меня дороже всего! К чёрту и Орден, и "Аврору", только сберегите её.

— Всё будет хорошо, Аврора, — сказал он. — Она для нас всё равно что ты.

Я уже больше не могла ни моргать, ни телепатировать. Прибыла док, обследовала меня и сказала:

— Это следствие переутомления. Аврора в последнее время существовала в таком безумном режиме, что её нервная система дала серьёзный сбой. Ей нужен отдых, отдых и ещё раз отдых. А также усиленное питание, с чего мы сейчас и начнём.

У неё с собой была бутылка с коктейлем из крови, сливок и глюкозы и зонд. Зонд был просунут мне в горло, и коктейль влили прямо мне в желудок. Надо мной склонился Цезарь.

— Мы её отсюда забираем, — сказала док. — Здесь ей как следует отдохнуть вряд ли удастся. Милочка, — обратилась она к Карине, — ты отправишься с мамой или останешься здесь?

— Мамочка, я хочу быть рядом с тобой, — прильнула ко мне Карина.

Я уже не могла ничего сказать даже при помощи знаков. Мой мозг совсем завис. Алекс положил руку на плечо Карины, мягко привлёк её к себе.

— Куколка, Аврора велела нам заботиться о тебе и защищать тебя. Ты здесь дома, и мы все принадлежим как твоей маме, так и тебе. Оставайся с нами. А за маму не бойся, доктор её вылечит.

8.27. Письма

Об дощатый пол веранды щёлкнули каблуки новеньких ботинок, и стройная, подтянутая девушка в форме "чёрного волка", отдав мне честь, протянула мне белый конверт.

— Вам письмо.

На конверте значился адрес: "Маме от Карины". Я всмотрелась в миловидное молодое лицо курьера. Форма сидела на ней ловко, а на поясе висел шнурок всего с четырьмя перьями.

— Я вас что-то не припомню. Вы новенькая?

— Да, я из пополнения, — ответила девушка. — Меня зовут Агнесса Делакруа.

Янтарное сияние сосновых стволов в косых вечерних лучах, невозмутимая озёрная гладь. Тишина, изредка нарушаемая только мягким хлопаньем крыльев. Высокие звёзды, белая луна, птичья перекличка, бриллиантовая роса на листьях папоротника.

В этом чудесном месте я отдыхала после полуторамесячного курса лечения в клинике у дока Гермионы. Я была здесь в условном одиночестве — то есть, с невидимым присутствием охраны, посты которой были повсюду в сосновом бору вокруг моего дома. Я не обращала внимания на тени между стволов и мягкий скрип опавшей хвои под осторожной ступнёй: то была моя верная стража.

Невидимая война продолжалась. "Волками" командовал Алекс, Карина жила на базе и была там общей любимицей. Она сдала выпускные экзамены успешно и готовилась поступать в университет. Она решила связать свою дальнейшую карьеру с медициной: такое сильное впечатление произвела на неё док Гермиона.

Я распечатала письмо.

Мамочка!

Я очень рада, что ты хорошо себя чувствуешь. Я ужасно по тебе соскучилась, но меня к тебе не пускают. Меня это обстоятельство бесит чрезвычайно. К кому я только не обращалась! Все мне твердят, что тебе нужен покой, даже Юля. Я думала, что она как президент "Авроры" уладит это дело, но ни фига подобного: она меня тоже обломала. Я не могу понять, как мой визит может навредить твоему здоровью, поэтому прошу тебя повлиять на них всех. Я знаю, что ты можешь им приказать, и они исполнят что угодно. Я очень, очень к тебе хочу. До вступительных экзаменов времени ещё целый вагон, так что всё будет пучком.

Очень-очень тебя люблю и крепко целую.

Карина.

— Подождите здесь, — сказала я посланнице. — Я быстро черкну ответ.

Письма Карины доставлялись мне не по обычной и не по

электронной почте, а на быстрых крыльях "волков". В моём домике не было компьютера. "Волка", в отличие от компьютера, нельзя взломать, поэтому мы пользовались таким старомодным способом переписки.

Я написала два письма — Карине и Юле. Письмо к Карине получилось коротким, но нежным, а президенту "Авроры" я отправила приказ организовать прибытие Карины ко мне. Запечатав оба послания, я вышла на веранду, где ждала посланница.

— Оба письма должны быть вручены срочно, сегодня же.

8.28. Чудовище

Искры от костра летели к тёмно-синему небу, чёрные сосны молча слушали тишину, разлитую над холодной гладью озера. Карина зябко поёживалась и грела руки, протягивая их к огню.

— Что-то мы с тобой загулялись, куколка, — сказала я. — Может, пойдём домой? Уже поздно.

Карина потёрла ладонью о ладонь.

— Нет, давай ещё посидим тут. Это так здорово!

— Уже темно, страшно, — сказала я. — А возвращаться через лес.

— С тобой я ничего не боюсь, — засмеялась Карина, прижимаясь ко мне. — Кроме того, у нас куча охранников.

Она чувствовала себя в безопасности. Отблески огня плясали в её глазах и переливались на волосах, и она не знала, что из-за чёрных стволов к нам кралась смерть.

— Куколка, не двигайся, — сказала я.

Она удивлённо посмотрела на меня и открыла рот, но я приложила к губам палец. Карина, испуганно озираясь, подтянула молнию куртки повыше, а в это время за соснами, в темноте, вся наша охрана лишилась голов. Запах смерти, запах крови и запах страха пополз из леса к берегу.

Их было около десятка. Их фигуры ещё сливались с темнотой, а я уже почувствовала их страх. Моя рука легла на рукоять меча. Убийцы боялись своей жертвы. Чёрные тени едва выползли из леса, но вонь страха катилась впереди них и достигла моих ноздрей.

— Сиди здесь, малыш, — сказала я Карине.

Холодная ярость закалённой стали вспорола брюхо тьмы. Четыре головы полетели на песок, оставшиеся в живых бросились от меня наутёк. Мурашки азарта окатили меня, и я бросилась их преследовать. Мне удалось догнать и обезглавить двоих, и я уже наступала на пятки третьему, когда мою душу насквозь пронзил истошный крик Карины.

Мне доводилось видеть всякие ужасы, но то, что предстало моему взгляду, было в тысячу раз страшнее всего, что я когда-либо видела. На Карину напало огромное горбатое чудовище ростом со взрослого лося, на коротких, но мощных лапах и с огромной клыкастой пастью, а храбрая девочка отбивалась от него горящей веткой. Огонь отпугивал чудовище, но, отпрянув, оно снова бросалось на мою девочку. Карина кричала и отчаянно махала горящей веткой, пытаясь прогнать монстра.

Удар мечом в бок не убил чудовище, а только разозлил его. Оно повернулось ко мне по-волчьи, всем своим могучим туловищем, обдав меня смрадом своего дыхания, и жёсткая шерсть на его горбатом загривке встала дыбом. Я никогда прежде не видела таких монстров и не сразу поняла, что это была за тварь, но по холодным жёлтым глазам я узнала шакала. Он был раз в пять больше своих собратьев, а по уродству он был просто чемпионом. Толстые лапы, мощное буйволиное туловище, а пасть как два ковша экскаватора — настоящее исчадие ада. Мои удары мечом по его морде только злили его, и оно металось между мной и кричащей Кариной, продолжавшей хлестать его горящей веткой.

— Детка, отойди! — крикнула я ей. — Не привлекай его внимание!

Я всеми силами старалась отвлечь его на себя, и чудовище остановилось, решая, на кого броситься. Своей пастью-ковшом оно легко могло бы перекусить меня пополам и уже нацеливалось ухватить меня, но я отскочила, выдернула из костра горящую ветку и ткнула чудовищу в глаз. Шакал-переросток заревел, мотая мордой, а я, изловчившись, выколола ему и второй глаз. Ослепшее чудовище стало метаться из стороны в сторону, а потом вдруг бросилось на Карину. Она с криком побежала, но чудовище огромными прыжками нагоняло её. Когда ему оставался до Карины один прыжок, мой меч рассёк ему шею.

Тёмная кровь хлынула из рассечённых сосудов, и передние лапы шакала подкосились. Ткнувшись мордой в песок, оно изгибалось и хрипело, теряя кровь, а Карина, застыв на месте, с ужасом смотрела на его предсмертные судороги. Чудовище билось ещё целую минуту, потом его тело дёрнула последняя судорога, и оно повалилось на бок, вытянув лапы.

Окровавленный клинок рассёк тёмную гладь воды и вышел из неё чистым.

8.29. Храбрость

Розовый отблеск рассвета румянил небо, а серебристо-розовая гладь озера зябко дрожала.

— Ничего себе экземплярчик, — сказал Каспар, измеряя шагами длину туши. — Где они только такого нашли?

— Несомненно, это мутант, — сказала док, раздвигая руками в резиновых перчатках челюсти мёртвого монстра. — Шакалы не бывают такими огромными.

Юля толкнула носком сапога одну из шести срубленных мной голов, которые начальник моей охраны подобрал и сложил на песке. Неподалёку рядком лежали десять погибших охранников с приставленными к шеям головами.

— Как вы такое допустили?

Под суровым взглядом Юли начальник охраны ссутулился и даже несколько втянул голову в плечи.

Карина, проявившая беспримерную храбрость при встрече с чудовищем, сейчас выглядела испуганной и несчастной. Она старалась не смотреть в искажённые лица убитых. Я прижала её к себе.

— Всё уже позади, куколка.

К нам подошла Юля. Она заглянула в лицо Карины, ласково погладила её по плечу, а потом сказала мне:

— Решай, Аврора. Или усиливаем охрану, или ты покидаешь это место.

Я сказала:

— Мне кажется, что я уже пришла в норму. Мой отпуск слишком затянулся.

Док тем временем взяла все нужные ей материалы для анализов и упаковала свой чемоданчик. Они о чём-то посовещались с Каспаром в сторонке, а потом Каспар во всеуслышание объявил:

— Мы пришли к выводу, что этот шакал был специально натравлен на Аврору. От гибели её спасла лишь её необыкновенная храбрость.

— Да будет вам превозносить меня, — усмехнулась я. — С этим монстром справиться было для меня не так уж трудно. Да и для любого из вас это не было бы таким уж великим подвигом. А вот эта девочка, — я крепче притиснула к себе Карину, — встретила чудовище всего лишь с горящей палкой в руке и, представьте себе, противостояла ему. Вот кто здесь храбрый.

8.30. Для истории

Немного оправившись от потрясения, Карина даже захотела запечатлеть чудовище — "для истории". Боязливо приблизившись к лежащей на песке туше, она окинула её взглядом и поморщилась.

— Какой он мерзкий…

Но как ни ужасен был шакал, она всё-таки хотела его сфотографировать. Чтобы нагляднее были видны чудовищные размеры шакальей туши, она попросила меня встать рядом.

— Может, мне ещё и ногу на него поставить? — усмехнулась я.

Я сказала это в шутку, но Карине эта идея понравилась.

— А что, это мысль!

Она прикинула так и эдак и выбрала ракурс со стороны хребта шакала. Я поставила ботинок ему на бок, и Карина сделала снимок. Потом ей пришло в голову снять меня раздирающей ему пасть. Преодолев брезгливость, я приподняла тяжёлую голову шакала и раздвинула ему челюсти.

— Вот это кадр, — сказала Карина, щёлкнув фотоаппаратом. — Супер.

Потом она обняла меня за шею и чмокнула.

— Это было что-то! В одиночку справиться с таким монстром! Ты у меня герой, мамочка.

— Глава 9. Октавиан

9.1. Переговоры

Случилось то, чего никто не ждал: умер Великий Магистр Ордена, не успев назвать своего преемника. Предельно обескровленный войной Орден опять запросил мира. В штаб-квартиру "Авроры" для переговоров прибыли два старших магистра. С нашей стороны в переговорах принимали участие Юля, Каспар, Оскар и я. До чего же мы договорились, и к чему это привело?

Начало переговоров было назначено на одиннадцать вечера. Пустой и тёмный зал с пустым круглым столом и пустыми креслами ждал, когда в него войдут представители воюющих сторон. Зажглось приглушённое освещение: голубоватый свет шёл от искусно скрытого от глаз источника, озаряя в основном стол, а углы зала оставляя погружёнными в сумрак. У входа в зал стояли два больших стола, на котором участники переговоров оставляли своё оружие, перед тем как переступить порог.

Президент "Авроры" заняла своё место, и её примеру последовали все остальные. Круглый стол символизировал равенство сторон, но уже тот факт, что переговоры проходили на территории "Авроры", говорил о том, в каком положении находился Орден. Старшие магистры Ганимед Юстина и Канут Лоренция в долгополых официальных орденских одеждах с высокими воротниками выглядели так, будто были перенесены машиной времени из прошлого, то же можно было сказать об их помощниках, шестерых приближённых к ним младших магистрах. Их холодные мёртвые глаза темнели из-под полуопущенных усталых век, на высокомерных лбах лежал голубой отблеск, а за сомкнутыми губами прятались клыкастые пасти.

Призрак Эйне в одном из свободных кресел, окидывая господ хищников Ордена насмешливым взглядом, выпустил длинную струю дыма, стряхнул пепел на идеально гладкий и чистый пол. Отрыгнув, призрак закинул на стол переговоров ноги и сказал, демонстрируя всем грязные подмётки своих сапогов:

— Ну, и для чего вы так вырядились? Какого чёрта вы напялили на себя это старомодное барахло, которому место в музее? А, понимаю. Это дань древним традициям великого и могущественного Ордена Железного Когтя. Но послушайте, ребята, вы же надутые, как индюки, вы пыжитесь, как будто за вашими спинами вас поддерживает непобедимая армия, тогда как на самом деле у вас уже не осталось сил продолжать эту войну.

Никто, кроме меня, не услышал слов призрака. После обмена приветствиями президент "Авроры" спросила, как обстоят дела в Ордене. Это не значило, что она этого не знала; господин Ганимед Юстина также понимал, что она хорошо осведомлена, но на её вопрос ответил. Из его ответа следовало, что кончина Великого Магистра была для всех неожиданностью, но, учитывая весьма и весьма почтенный возраст Его Высокопревосходительства, это, в общем-то, и не слишком удивительно. (Собственно говоря, Великий Магистр не умер, а впал в анабиоз, из которого его не удавалось вывести никакими способами.) Плохо лишь то, что Великий Магистр не успел назначить своего преемника, а это означало, что Орден фактически остался без главы. Путём бросания жребия временно исполняющим обязанности главы Ордена был избран именно он, Ганимед Юстина, и поэтому он присутствует на сегодняшних переговорах в качестве официального представителя Ордена.

Поскольку инициатором переговоров был именно Орден, то его официальному представителю и было дано слово. Начал господин Ганимед Юстина с пространной и проникнутой трагическим и мрачным пафосом речи о братоубийственной войне, шедшей между Орденом и "Авророй", члены которых по своей сути были одинаковы: те и другие были хищниками, и способ поддержания жизни у них был один и тот же — употребление человеческой крови. Убийство хищниками друг друга — неслыханное, чудовищное явление, противоречащее установленному издревле в их сообществе принципу братства. В связи с упомянутым принципом братства господин Ганимед, испытывая терпение слушателей, углубился в историю возникновения Ордена, дабы воззвать к их чувству почтения перед прошлым. Хищники Ордена Железного Когтя не имели никакого отношения к Дракуле, они были гораздо древнее; ранние историки Ордена установили, что раса хищников уходит корнями в дохристианскую эпоху — во времена основания Рима, а первое их объединение в некое подобие братства относится к I веку новой эры. Сам же Орден Железного Когтя был основан в 663 году, и с момента основания до настоящего времени Великий Магистр сменился только три раза — в 1043, 1446 и 1736 годах. На протяжение всей своей истории Орден не менял устоев, и в том, что касается духа братства и взаимопомощи, оставался неизменным. Члены "Авроры", насколько было известно Ганимеду Юстине, также придерживаются такого принципа внутри своей организации, и это в какой-то мере роднит их с Орденом. Рознь между двумя этими сообществами только во взглядах на способ добычи пищи и в отношении к этой пище — то есть, к людям.

— Следует отметить, — добавил Ганимед Юстина, — что "Аврора", привлекая людей к сотрудничеству, участвуя в их делах и тем самым отходя от принципа тайны, соблюдаемого Орденом, всё же не раскрывает людям истинную природу своих членов, составляющих её костяк. В этом плане "Аврора" не слишком далеко ушла от Ордена. Члены "Авроры" чуть-чуть вышли из тени, но всё же не полностью себя обнаружили. В общем и целом нельзя сказать, что такой способ существования неприемлем для сообщества хищников, если соблюдать необходимые предосторожности, и в связи с этим Орден мог бы пересмотреть свои собственные традиции. Что касается нововведения "Авроры" — перехода на донорскую кровь и отказа от её добывания путём убийства, то здесь мы также не усматриваем неприемлемых для себя вещей. Конечно, убивать для собственного насыщения каждый раз новую жертву дешевле, а шакалы заметают все следы, но можно и использовать эту же жертву многократно — в качестве донора, таким образом обходясь меньшим их количеством. Выгода здесь в том, процент жертв, ставших нашей добычей, незаметно растворится в общем количестве людей, исчезающих и гибнущих по причинам, не имеющим к нам отношения. При условии, что помещения, где содержатся доноры, достаточно хорошо укрыты и замаскированы, и если есть средства на их содержание — а у "Авроры", насколько мы понимаем, средства для этого есть, — то почему бы не перейти на такой способ питания и нам? Критерий же отбора человеческих особей для превращения в доноров — по нашему разумению, не принципиальный вопрос, из-за которого стоит ломать копья.

— Значит ли это, — спросила президент "Авроры", — что Орден согласен влиться в "Аврору"?

— Скажем так, мы согласны для начала перенять у вас вышеупомянутые нововведения, — ответил старший магистр Ганимед Юстина. — А упразднение Ордена как сообщества, организации хищников, неприемлемо для нас. У Ордена слишком долгая история, чтобы вот так стирать его с лица Земли. Другое дело — пересмотреть некоторые его принципы, кое от чего отказаться, воспринять что-то новое. Зачем продолжать жестоко истреблять друг друга, если можно сосуществовать мирно на сходных принципах?

— Нам война также не приносит удовольствия, — сказала президент "Авроры". — И мы были бы рады её закончить, если бы были уверены, что Орден полностью воспримет наши идеи. Мы не настаиваем на упразднении Ордена, мы заинтересованы лишь в том, чтобы все его члены приняли наш устав и стали жить в

соответствии с ним.

— Полагаю, вопрос об уставе должен рассматриваться в гораздо более подробном виде, — сказал Ганимед Юстина. — Должны быть рассмотрены все его пункты, а затем внесены коррективы в наш собственный устав. Это большая работа.

— Безусловно, — согласилась президент "Авроры". — Это дело не одного дня. Но главное сейчас — прийти к определённому соглашению и действовать в соответствии с ним. Можете ли вы дать гарантию, что все члены Ордена согласятся с такой постановкой вопроса о мире, и впоследствии не окажется так, что часть из них не согласна на наши условия?

— Иными словами, вы хотите знать, обладаю ли я достаточными полномочиями вести переговоры? — улыбнулся Ганимед Юстина. — Я нахожусь здесь в качестве выразителя воли Ордена, и если бы я не знал, чего хотят его члены, было бы преждевременно начинать какие-либо переговоры вообще. А они хотят одного — прекращения войны. Ваши условия для нас не новость, и мы долго думали, прежде чем решиться на такой шаг. Я полагаю, что особых осложнений не возникнет. Если и найдутся какие-либо несогласные, то их будет ничтожное меньшинство.

Призрак Эйне, развалившись в кресле и покачивая закинутыми на стол ногами, слушал все эти разговоры с усмешкой.

— Короче, старик, так и скажи прямым текстом, что Орден с этой войной оказался в заднице, — сказал он, потушив окурок о край стола. — Кончай свой трёп, просто признай это.

Снова никто не услышал этих слов, кроме меня.

— Хорошо, — кивнула президент "Авроры". — Ну, а как быть с Великим Магистром? Пока его голова находится у него на плечах, он не может считаться мёртвым. А если он жив, то он всё ещё является главой Ордена.

— Только формально, — заверил Ганимед Юстина. — Он глава, который уже ничего не решает по вполне объективным причинам. Шансы, что Его Высокопревосходительство придёт в сознание, почти равны нулю. Ему без малого шестьсот лет, и состояние, в которое он впал, объясняется его крайне преклонным возрастом.

— И всё-таки не стоит сбрасывать его со счетов, — сказала президент "Авроры". — Что, если он каким-то чудом придёт в себя, и его мнение не совпадёт с вашим?

Господин Ганимед Юстина весь прищурился в улыбке.

— Ну, я полагаю, если такое и произойдёт — что, повторяю, крайне маловероятно, — то мы уж как-нибудь найдём способ убедить его. Ведь он окажется в меньшинстве.

— Кстати, о меньшинстве, — вдруг вмешался Оскар. — Я не вижу среди вас третьего старшего магистра. Господин Октавиан Британия не разделяет ваших взглядов?

— Совершенно верно, — ответил Ганимед Юстина. — Старший магистр Ордена Октавиан

Британия не присоединился к нам, так как он занимает позицию упорного сопротивления.

— Ну вот, а вы говорите, что осложнений не возникнет, — проговорила президент "Авроры". — Будь он рядовым членом Ордена, его мнение можно было бы не принимать в расчёт, но он занимает высокое положение, а следовательно, обладает и властью. Это-то как раз и может создать определённые осложнения. С этого и следовало начинать нашу встречу. Увы, господин Ганимед Юстина, мы можем пойти с вами на мир только при полном вашем согласии с нашими условиями, а не при двух третьих его.

Ганимед Юстина попытался заверить представителей "Авроры" в том, что ему в самом скором времени удастся переубедить Октавиана, но президент "Авроры" твёрдо заявила, что садиться за стол переговоров не имеет смысла, если в рядах Ордена нет единодушия. Результат переговоров оказался нулевым — во многом из-за того, что старшие магистры Ганимед Юстина и Канут Лоренция поторопились заявить о готовности Ордена принять условия "Авроры".

Кресло, в котором сидел призрак, опустело.

9.2. Истинный Орден

Отсутствие Октавиана Британии на переговорах имело даже большие последствия, чем кто-либо мог предположить. Он возглавил оппозицию непримиримо настроенных членов Ордена, и его группировка объявила войну не только нам, но и той части Ордена, которая вроде бы соглашалась на наши условия. Эта группировка имела экстремистский уклон и начала свою собственную войну против всех.

Мы узнали о её существовании ранним сентябрьским утром, в пять часов. Едва услышав о нападении на офис "Авроры" в Брюсселе, мы с Алексом подняли пять взводов "чёрных волков" и прибыли на место происшествия. Драться там было уже не с кем — нападавших и след простыл, но нашим глазам предстала жуткая картина учинённого ими бесчинства. Помимо полного разгрома в самом офисе — разбитых окон, поломанной мебели, уничтоженной техники, мы обнаружили, что нападению подвергся и прилегавший к нему пункт питания. Хранилище донорской крови было взломано, весь персонал убит, а вода в

ваннах доноров стала красной от крови. Все доноры были мертвы, а их кровью были забрызганы стены не только хранилища, но и офиса. На одной из стен была надпись кровью: "Смерть Авроре!"

Мы не сразу разобрались в ситуации и подумали, что это дело рук Ордена. Прежде чем мы начали принимать меры по собственной защите, подобным нападениям подверглись офисы в Глазго, Лондоне, Атланте, Санкт-Петербурге и Дрездене. Всего за пару дней мы потеряли двести пятьдесят доноров и оборудования почти на двадцать миллионов долларов. Юля послала гневную ноту Ганимеду Юстине, но тот клятвенно заверял, что ничего подобного он не приказывал делать, более того — он сам только что подвергся нападению и чудом спасся. Как бы то ни было, нужно было принимать срочные меры по защите оставшихся пунктов питания и выделять бойцов для охраны других офисов, также в самом спешном порядке набирать новых доноров вместо погибших. "Авроре" пришлось напрячься, мобилизовать все свои силы и привлечь резервы для борьбы с новой напастью, названия которой мы пока ещё не знали.

От кровавой резни неизвестный враг перешёл к взрывам. Их прогремело пять по разным городам, где располагались филиалы "Авроры"; взбудораженное общество людей удалось убедить, что это действия мусульманских террористов. Ещё два теракта удалось предотвратить, и от захваченных в ходе этих операций террористов мы и узнали, как называется новая организация. Она называлась "Истинный Орден", и возглавлял её Октавиан Британия.

"Истинный Орден" не гнушался и мелкими пакостями, подстраивая их одну за другой. Каждая из них в отдельности не была особенно вредоносной, но они следовали почти непрерывно, а из большой кучи пустяков складывается большая головная боль. Не успевала "Аврора" устранить последствия одной такой выходки, как за ней тотчас следовала новая, и "Авроре" снова приходилось ломать голову над тем, как справиться с очередной "свиньёй", подложенной "Истинным Орденом". Это была изматывающая война, заставлявшая "Аврору" напрягать все силы и сражаться на многих фронтах одновременно. Если бы "Истинный Орден" ограничивался только попытками подорвать репутацию "Авроры" и помешать ей вести дела, это было бы ещё полбеды, но истинноорденцы совершали и настоящие нападения, пуская в ход самые гнусные приёмы. Они похищали у людей их детей, а потом присылали безутешным родителям требования выкупа якобы от имени "Авроры", чем попортили нам немало крови и нервов. Чего стоило каждый раз разыскивать похищенных детей и убеждать их родителей в том, что "Аврора" к похищениям

не причастна! Это было уже серьёзно, и нужно было во что бы то ни стало одолеть "Истинный Орден".

Для борьбы с этой группировкой пришлось организовать дополнительный набор в отряд "чёрные волки", в связи с чем пришлось расширять территорию базы. Между Орденом и "Авророй" было заключено мирное соглашение, чтобы можно было все силы сосредоточить на борьбе с истинноорденцами. А потом случилось то, что если не повергло всех в шок, то как минимум крупно озадачило.

Из подземной усыпальницы Ордена исчезло тело погружённого в анабиоз Великого Магистра. Похитили ли его, или же он сам очнулся и сбежал — никто не имел понятия. А вскоре после этого Ганимед Юстина получил от его имени жуткое послание.

Я видела его собственными глазами. Оно было написано, а точнее, вырезано на обнажённом и обезглавленном теле члена Ордена, и состояло всего из четырёх слов: "Самозванцу от Великого Магистра". Означало ли это, что Великий Магистр вышел из состояния анабиоза? Оскар, обследовавший это послание, сказал:

— Здесь что-то не то. Не могу понять, что, но у меня есть сомнения в том, что это мог послать Великий Магистр. Здесь определённо что-то не то.

Но "что-то не то" было слишком расплывчатым определением сути происходящего. Реальная же перспектива того, что Великий Магистр очнулся и готовит возмездие отступникам, приводила орденцев в трепет. Многие из них уже сожалели, что проявили слабость и поддались "Авроре", тем более что "Истинный Орден" начал забрасывать их такими жуткими посланиями — якобы от имени самого Великого Магистра. Он призывал своих заблудших детей свернуть с ложного пути, на который их завела "Аврора", и вернуться в лоно Ордена — истинного, первозданного Ордена, с его законами, не искажёнными "Авророй", и обычаями, не попранными ею. И на многих членов Ордена это действовало: они объявляли себя последователями "Истинного Ордена", полагая, что его возглавляет сам Великий Магистр, и уходили в подполье. Ряды "Истинного Ордена" пополнялись, а "Аврора" боролась на пределе своих возможностей.

9.3. В клочья

— Эти выродки взорвали Джулию, — мрачно сообщил Каспар. — Подложили в машину взрывное устройство.

Я похолодела.

— Она…

— Нет, она почти не пострадала, — успокоил меня Каспар. — Погибли водитель и телохранитель, а её только слегка контузило взрывной волной.

Я пожелала осмотреть место взрыва и остатки машины. Взрыв прогремел во дворе здания, в котором располагалась штаб-квартира "Авроры". Зрелище было жуткое. От машины остался только искорёженный обгоревший остов, а весь двор был усыпан ошмётками и обломками, среди которых был не только металл, но и клочки разорванной плоти.

— Где она? — спросила я.

— Джулия сейчас у дока, — ответил Каспар.

— Летим к ней.

Юля сидела на койке, а док заклеивала ей пластырем ссадину на лбу. У президента "Авроры" был слегка потрёпанный и закопчённый вид, но при моём появлении она тут же поднялась на ноги. Глаза на её слегка чумазом лице поблёскивали колючими искорками.

— Сиди, сиди, — сказала я.

Я обняла её, ощутив при этом железное напряжение её тела. Она не казалась напуганной. Это был не испуг, а гнев, и она еле сдерживала его: у неё подрагивали пальцы, а губы были сурово сжаты.

— Что с Эдвардом и Джудом? — спросила она Каспара.

— В клочья, — ответил тот.

— Проклятье!

Юля ударила кулаком в стену. От её удара на стене осталась вмятина, посыпалась штукатурка. Я сказала:

— Мы предпримем все меры по розыску организаторов.

Её ноздри дрогнули.

— Не стоит, — сказала она. — Что толку искать исполнителей? Будет лучше, если мне принесут голову их главаря — кто бы он ни был, Октавиан или сам Великий Магистр! Без него они ломаного гроша стоить не будут.

Каспар сказал:

— Вам следует укрыться в безопасном месте, госпожа президент.

Она сверкнула глазами.

— И не подумаю. Им меня не запугать!

Каспар покачал головой.

— Они могут повторить попытку.

Юля метнула на него колючий взгляд.

— Чтобы не допустить этого, вам следует лучше делать свою работу. Разве не вы заведуете службой безопасности?

Каспар промолчал.

9.4. Туфельки

Вторая попытка не заставила себя ждать: уже через две недели прогремел новый взрыв. Всех нас потрясла циничность этого акта.

В конце рабочего дня, когда Юля садилась в машину, чтобы ехать к себе домой, откуда-то появилась маленькая девочка. Юркий ребёнок ускользнул от рук охраны и метнул в машину гранату. Юлю спас новый телохранитель, прикрыв её своим телом. Малышка, бросившая гранату, сама пострадала от взрыва. Выбравшись из-под тела спасшего её охранника, Юля подползла к ребёнку. Изувеченная девочка была без сознания.

Юля сама доставила её в центр к доку Гермионе. У ребёнка была тяжёлая травма головы и многочисленные ожоги. Несмотря на все меры, принятые командой врачей под руководством дока, девочка умерла спустя сутки, не приходя в сознание.

Когда я вошла в палату, девочки уже не было, её постель была аккуратно застелена. На краю пустой койки сидела Юля, держа на коленях детские туфельки. Её плечи беззвучно вздрагивали. Заметив меня, она торопливо отёрла глаза и подняла голову.

— Она умерла, — сказала она глухо.

— Да, я уже знаю, — ответила я.

Минут пять мы молчали. Следы слёз на лице Юли медленно таяли, уступая место ожесточённой решимости. Она закурила, хотя в палате было нельзя курить. Одной рукой поднося ко рту сигарету, другую она держала на туфельках.

— Пусть твои "волки" добудут его голову, — сказала она сипло, поглаживая туфельки. — Такое нельзя прощать.

— Не мы ли сами начали всё это? — сказала я.

Она колюче блеснула глазами, сжала туфельки.

— Теперь это уже не имеет значения.

Я хотела добавить, что именно она начала всё это, но промолчала. Теперь уже в самом деле не было смысла искать виноватых.

9.5. Где Октавиан?

Президент "Авроры" всё-таки приняла решение поселиться на базе "волков", которая считалась наиболее безопасным местом. Это была крепость, атаковать которую не решались даже последователи Октавиана (или Великого Магистра). Президент "Авроры" взяла с собой в убежище и своего приёмного сына.

— Гриша хочет стать "чёрным волком", — сказала Юля. — Сколько я ни отговаривала его, он упрямо твердит, что это его

давняя мечта.

Она подумывала о том, чтобы уволить Каспара, но моё заступничество спасло моего друга от опалы. Я сразу же привлекла его к разработке плана операции по захвату Октавиана. Его люди должны были осуществлять разведку, а "волки" — наносить удар. Октавиан и члены его группировки — а с ними и Великий Магистр — нигде надолго не задерживались, постоянно кочевали по всему миру, поэтому выследить их было трудно. Из-за их подвижности приходилось подолгу гнаться по их следу, который нередко в конце концов обрывался, и нужно было всё начинать с начала. У захваченных в плен рядовых членов группировки нам не удавалось выяснить, где скрываются главари: они не владели этой информацией.

9.6. Прах в ноздрях

Четыре дня непрерывной погони, схватка с шестью "истинноорденцами", голод, усталость и головная боль. Нужна была передышка, и я с моей группой "волков" приземлилась на крышу небоскрёба.

— Привал, — скомандовала я.

Всыпав во фляжку с водой сухую кровь из пакетика, я взболтала эту смесь и выпила, то же самое сделали "волки". Этого должно было хватить, чтобы мы могли добраться до базы. Примостив меч между ногами, я закурила. Пламя зажигалки, которое я прикрывала рукой от ветра, уютно грело мне руку. Привалившись спиной к ближайшей вертикальной поверхности, и закрыла глаза.

— Разбудите меня через час, — сказала я четырём "волкам", оставшимся на страже возле меня.

И я провалилась в дрёму.

— Аврора, прости, что будим тебя раньше, но к нам приближается группа боевиков Октавиана, — услышала я.

Я проспала только двадцать минут. На пробуждение и приведение себя в боевую готовность в моём распоряжении было лишь несколько секунд. Мы пустили в ход все виды оружия — от испепеляющих снарядов до бумерангов, и из десяти пар вражеских глаз погасли семь: головы слетели с плеч. С нашей стороны погиб один "волк" — Аксель Колла. Я отделалась царапиной на лице. Огни ночного города плыли вокруг меня в тошнотворной круговерти, и я присела на крышу.

— Надо возвращаться на базу, Аврора.

Я сказала:

— Сначала похороним Акселя.

Тело Акселя было сожжено в печи крематория, и урну с его

прахом мы забрали с собой, чтобы поместить её в особый колумбарий, где хранился прах погибших бойцов "Авроры", тела которых по каким-либо причинам не достались шакалам. Но в колумбарии перед нами предстала ужасная картина: все урны были выброшены из ячеек. Весь пол покрывал слой праха, всюду валялись опустошённые урны. Несколько секунд мы не могли опомниться.

— Кто мог совершить такое кощунство? — пробормотал один из "волков".

— Ясно, кто, — сказала я. — Те, с кем мы только что бились. Больше некому.

Так оно и было. Всё, что мы могли сделать, это собрать просыпанный прах в урны и расставить их по местам. Конечно, весь прах смешался, и пришлось насыпать его в урны без принадлежности какому-то конкретному покойному. Закончив с этим, мы поставили в одну из свободных ячеек прах Акселя и подписали его временной табличкой — маркером на пластмассовой пластинке. Высморкавшись, я увидела на платке что-то чёрное. Хоть я и редко дышала, но прах осел в моих ноздрях.

9.7. Усталость

Наше возвращение было печальным. Я сразу же рассказала Юле о происшествии в колумбарии. Она была возмущена и отдала Каспару приказ обеспечить неприкосновенность праха в колумбарии. Он пообещал обнести его оградой, а сверху натянуть сетку, на которую будет подаваться напряжение.

Я чувствовала безмерную усталость. Меня бесило всё: и эта война, и Октавиан вместе с призраком Великого Магистра, и Юлины властолюбивые амбиции. Себя я ненавидела тоже. Только один человек мог — хотя бы на время — согреть моё ожесточённое сердце, и к этому человеку я поспешила направить свои усталые стопы.

Своего любимого человечка я застала в моём кабинете. Она сидела в моём кресле, развалившись и закинув стройные длинные ножки на стол, а на моём диване сидел стильно одетый парень с мраморно-бледной кожей и холодной кровью. Голубой лёд глаз, нога, небрежно закинутая на другую, перстень на пальце, две расстёгнутые верхние пуговицы рубашки, русые кудри — передо мной был никто иной, как Гриша, приёмный сын президента "Авроры". Мне почему-то вспомнились упругие персиковые ягодицы, и я на мгновение смешалась. Он обольстительно улыбнулся мне и даже не соизволил встать.

— Привет, Аврора.

Мне, привыкшей к почтительности со стороны всех без исключения авроровцев, это показалось чуть ли не верхом нахальства. Этот балованный мальчишка, видимо, полагал, что ему позволено всё. А ещё меня взбесило то, что он разглядывал ножки Карины, которые та как будто специально выставляла перед ним напоказ. Надо бы узнать, что тут произошло без меня.

— Вам не кажется, что вы чересчур фамильярно здороваетесь со мной, юноша? — сказала я сурово. — И вставать перед старшими вас не учили?

Это несколько сбило с него фамильярно-вальяжный вид. Он поднялся с дивана.

— Извини, Аврора, — сказал он смущённо. — Я хотел с тобой поговорить, но вот уже несколько дней не могу застать тебя.

— Правильно, — сказала я. — Потому что я не сижу на месте. — И добавила, взглянув на покачивающуюся в кресле Карину: — А ты, я вижу, тут не скучал в столь приятном обществе.

Я сбросила ноги Карины со стола, согнала её с кресла и опустилась в него сама. Сняв сероватые, покрытые тонким слоем праха перчатки, я откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

— Ты устала, мамочка? — спросила Карина, прильнув к моему плечу.

— Чертовски, — сказала я, не открывая глаз. — Я не спала четверо суток и ужасно хочу наконец вздремнуть хотя бы пару часиков.

— Ты опять ведёшь образ жизни, из-за которого ты заболела, — укоризненно сказала Карина. — Если так будет продолжаться, ты снова свалишься!

Я с трудом открыла глаза. Под веки мне как будто песку насыпали. Во мне клокотало раздражение, но я сумела сдержаться.

— Ничего не поделаешь, — сказала я сухо. — Сейчас такое время.

Тут опять выступил Гриша.

— Аврора, можно с тобой поговорить?

— Позже, — простонала я, снова закрывая глаза и откидывая голову назад, на спинку кресла. — Ты не видишь, что мне сейчас не до разговоров?

Тихо, но упрямо Гриша возразил:

— Прошу прощения, но это очень важно для меня. Позже я опять могу тебя не застать.

Усилием воли я заставила себя разлепить шершавые веки и посмотреть в его красивое, гладкое лицо.

— Ну почему тебе приспичило именно сейчас со мной

разговаривать? Я еле живая от усталости. Впрочем, я знаю, о чём ты пришёл говорить… Об этом не может быть и речи.

Его пухлые губы дрогнули.

— Почему?

— Да потому. Тебе не место в стае "волков"… Не обижайся, мальчик, но я боюсь, что ты весьма слабо представляешь себе, что значит быть "чёрным волком". Может быть, с людьми ты круто расправляешься, но доводилось ли тебе когда-нибудь сходиться в схватке с равным тебе по силе существом, а то и с несколькими сразу?

— Нет, не доводилось, — сказал он. — Да, у меня нет такого опыта. Ну и что? Я знаю, что недавнее пополнение рядов "волков" тоже не всё сплошь состоит из опытных… Многие из них взяли в руки оружие впервые. Это не причина, чтобы мне отказывать. Я научусь всему очень быстро.

— Зачем тебе это? — спросила я. — Если для того, чтобы потешить своё самолюбие, похвастаться перед друзьями формой "волков", то до свиданья… Даже не суйся. Не трать моё время и не подвергай свою жизнь опасности, с которой у тебя кишка тонка столкнуться. Лучше оставайся под крылышком у мамы… Тусуйся в клубах, снимай девочек. Это то, что у тебя получается лучше всего. Вот и продолжай это делать.

Казалось, что он вот-вот заплачет. Но он сдержался, только заиграл желваками на скулах.

— Они два раза чуть не убили маму, — проговорил он глухо. — Этого недостаточно?

— Ах, вот как, — усмехнулась я. — Что ж, это веский аргумент. Вот только твоя мама против того, чтобы ты вступал в ряды "волков". Боюсь, она тебя к нам не отпустит. Я не хочу с ней ссориться. Она всё-таки президент "Авроры".

— Но ты — сама Аврора, — стоял на своём Гриша. — Стоит тебе сказать слово, и она не посмеет ослушаться.

— Я не хочу ставить вопрос таким образом, — сказала я. — Ещё раз обсуди это с мамой. Если она согласится, то пусть сама скажет мне об этом. Тогда и поговорим.

Я говорила с ним, изо всех сил стараясь держать глаза открытыми. Я произносила слова, чувствуя, что мой мозг неумолимо отключается. Гриша ещё что-то говорил, но до меня доносилось только невнятное бормотание. Потом я услышала, как Карина сказала:

— Мама устала и не в духе. Лучше потом.

В самом деле, какого чёрта ему делать здесь? Единственная вещь, которая у него хорошо получается, это вертеть задом… Весьма неплохим, кстати. Где уж этому холеному оболтусу. Через

месяц сбежит. Или погибнет. На что он надеется? Надеть форму, щеголять перед девочками? Терпеть не могу таких. С другой стороны, жалко. Молодой и красивый, жаль отправлять его в этот ад. Он разглядывал её. А она и ноги на стол. Козявка, а туда же. Только пусть попробует.

Мои мысли спутались, и я провалилась в сон.

9.8. Сквозь ресницы

— Мамуля, ты ложись, — защекотал моё ухо тёплый шёпот. — Не спи в кресле.

Я смогла ответить только "м-м-м". Сквозь сон я чувствовала, что кто-то возится у моих ног. Запахло обувным кремом. Шуршала щётка, потом полировала тряпка. Запах кожи и волос Карины. Моя рука нащупала, пальцы зарылись в шёлковые пряди. Под моей ладонью оказалась нежная щёчка, покрытая персиковым пушком. Она уселась ко мне на колени, и я утонула в её вкусном тёплом запахе.

— Я почистила тебе ботинки, мамочка. А то они были какие-то пыльные.

Если бы она знала, что это за пыль.

— Это не пыль, куколка. Сегодня кто-то разгромил колумбарий. Нам пришлось собирать прах обратно в урны.

Она содрогнулась.

— Ой…

— Не бойся. Это всего лишь зола.

— Нет, я не поэтому… Просто это так отвратительно. Всё равно что раскопать могилы и выбросить покойников из гробов. Кто это сделал?

— Люди из группировки Октавиана.

Она водила пальчиком по моим щекам — подлизывалась.

— Мама, а почему ты не хочешь принять Гришу в отряд?

Глаза открывать не хотелось. Я нежилась под тяжестью её юного тела, и не хотелось ничем портить это блаженство. Однако, упоминание о Грише всё-таки слегка испортило его.

— А тебе он что, нравится?

Она смутилась, замолчала. Сидела, сопя рядом с моим ухом. Он нравился ей, его мертвенная красота завораживала её. Это был самый классный парень, которого она когда-либо встречала. Такой классный. Клёвый.

— Он… симпатичненький, — сказала она.

Я ощутила укол в кишки и приоткрыла глаза. Симпатичненький!

— Только не вздумай с ним что-нибудь замутить, — сказала я, глядя на неё сквозь ресницы. — Он тот ещё оболтус.

Вертел передо мной своим персиковым задом, хотела я сказать, но прикусила язык. Ещё подумает, что у меня с ним что-то было. Она поёрзала у меня на коленях, и её глаз горел лукавством и девчоночьим норовом. Если девочке нравится мальчик, поди, попробуй её удержать!.. За этой хитрой козой нужен глаз да глаз, но у меня нет, просто катастрофически нет времени!

А она уже задабривала меня, целуя тёплыми и мягкими губками мой холодный пересохший рот. Я подставляла губы, держа их плотно сжатыми. Глаза снова закрылись, кресло поплыло из-под меня. Я снова отключалась.

— Пойдём на диванчик, мамуля.

Я позволила ласковым рукам Карины освободить меня от куртки и ботинок, а также укрыть меня пледом.

— Не уходи, куколка…

— Я с тобой, мама.

Она присела рядом. Согретая её теплом, я опять провалилась в чёрную пропасть.

9.9. Я хочу спать

Мне не дали как следует поспать. Мою дрёму прервал стук каблуков за дверью и запах Юлиных духов. Они вошли вместе — президент "Авроры" и её приёмный сын.

— Прости, Аврора, — сказала Юля. — Мы не хотели тебя будить… Отдыхай, мы зайдём позже.

Я приподняла голову с подушки. Череп вместе с мозгами в нём весил целую тонну. Как много значит хороший сон и как он мне сейчас нужен! Четверо суток на ногах, точнее, на крыльях — это вам не шутки. При других обстоятельствах я послала бы к чёрту любого, но меня посетила президент "Авроры" собственной персоной, а её я не могла послать к чёрту. Раздирая слипающиеся веки, я промямлила:

— Ничего… Мне не впервой. Проходите, чувствуйте себя как дома…

Юля, простучав каблучками мимо меня и обдав меня волной аромата своих духов, присела в моё кресло, а Гриша остался стоять у стола. Юля не стала тянуть кота за хвост и сразу заговорила по делу.

— В принципе, если Грише так хочется, я не против того, чтобы он вступил в твой отряд. В самом деле, хватит ему лоботрясничать… Пора становиться настоящим мужчиной и членом "Авроры". Если он хочет сделать для "Авроры" что-то реальное, то лучше службы в отряде "чёрных волков" и не придумать.

Уронив голову обратно на подушку, я две минуты слушала её идеологическую муть, изложенную также и в предисловии Устава "Авроры". И она говорила это с самым серьёзным видом.

— Ладно, — перебила я. — Если он сделал такой выбор, то пусть потом не сожалеет. На его счастье, обучение новичков ещё не закончилось.

— Значит, ты принимаешь меня? — спросил Гриша, а сам весь просиял.

И чему он только радуется?!

— Да, да, — проворчала я, натягивая на себя плед. — Иди… Получай форму и приводи в надлежащий вид причёску.

Он потрогал свою роскошную шевелюру.

— А это обязательно?..

— Обязательно, обязательно, — усмехнулась я. — Обратись к Виктории, она поможет тебе устроиться. Но запомни: нянчится с тобой и водить тебя за ручку я не собираюсь. Конечно, ты сын президента "Авроры", но как только ты наденешь форму "волков", ты перестанешь чем-либо выделяться. Никаких привилегий. Будешь нарушать дисциплину — накажу, мало не покажется. Понял?

— Так точно! — радостно воскликнул он.

— Всё, проваливай, — сказала я. — Я хочу спать.

Уткнувшись в подушку, я закрыла глаза.

9.10. Приглядывать, но не опекать

Я определила Гришу во взвод к Алексу: он был не только самый опытный, но и самый суровый командир. А что? Пусть мальчишка не думает, что быть "чёрным волком" — это только лишь носить чёрную форму и настоящие острые мечи. Я даже сказала Алексу, чтобы он был построже с Гришей, хоть тот и президентский сынок.

— Я сделаю из него "волка", — пообещал тот.

А когда Алекс что-то обещал, он это выполнял. Подумав, я всё-таки наказала ему по-отечески за ним приглядывать. Но не слишком опекать.

9.11. Никаких происшествий

Я вернулась на базу в три часа ночи.

Дежурный вскочил. Приложив к губам палец, я сказала "ш-ш", и он доложил шёпотом:

— Никаких происшествий… Всё спокойно. Группы с шестой по одиннадцатую прибыли на отдых в двадцать три тридцать.

В раздевалке шептались. Не иначе, как между двумя

"волками" противоположного пола вспыхнула романтическая искорка. Нет, это строго запрещено, и все "волки" безоговорочно подчинялись этому запрету, но какая-то парочка его сейчас нарушала. Я скрипнула зубами, вспомнив доклад дежурного. Никаких происшествий, говоришь? Всё, говоришь, спокойно? А это что за безобразие у тебя под носом творится?

Через секунду я поняла, что это было не просто безобразие, а вопиющее безобразие. Запах Карины! К кому же моя доченька сюда пробралась среди ночи? Ну, я ей задам!

Так и есть: в раздевалке была Карина. Она сидела на коленках у молодого "волка", обнимая его за плечи. Их лица были близко, он наматывал на палец прядку её волос, а она поглаживала его по затылку.

— Там так жутко, — шептала она. — Холодно… И ты тоже такой холодный.

Как она проскользнула незамеченной мимо дежурного? Играя её волосами, "волк" также шёпотом спросил:

— Но ты же меня не боишься, котёнок?

— Нет, тебя я не боюсь, — прошептала она игриво. И поёжилась: — Вот только холодно.

— Надо было одеться потеплее, — сказал "волк".

— Если бы я стала одеваться, мама бы проснулась, — ответила Карина. — Она всё слышит и чует, прямо ужас…

"Волк" снял форменную куртку и накинул Карине на плечи.

— Прости, по-другому согреть тебя не могу, — сказал он.

— Спасибо, — прошептала Карина, кутаясь в куртку.

Она смотрела на него и хотела спросить: у тебя, наверно, было уже много девчонок. Он пропускал меж пальцев прядки её волос и думал: но ни одна из них не была такой сладенькой, как ты. Я не сразу узнала в этом "волке" Гришу. В "волчьей" форме и без своей копны кудрей он выглядел совсем иначе. Облик избалованного юнца-повесы остался в прошлом, теперь он выглядел мужественно и внушительно. Но облик — это ещё не всё, ведь верно? Мне показалось, что замашки у него пока оставались прежними.

— Можно тебя поцеловать? — спросил он.

Карина зарделась, опустила ресницы, а из-под ресниц глаз так и горит. Только не это! Я же ей сто раз говорила, чем чреваты подобные поцелуи! Неужели решится?

— В щёчку, — пояснил он.

Карина подставила щёчку, и он её поцеловал — вполне целомудренно. Но этой прыткой козочке оказалось мало. Зажмурившись и сложив губки бантиком, она потянулась к нему. Я уже была готова выскочить из своего укрытия и вмешаться, но

Гриша деликатно, одним пальцем остановил её надвигающийся ротик.

— Не стоит, — сказал он ласково.

Карина открыла глаза.

— Почему? — спросила она удивлённо и обиженно. — Ты… не хочешь? Я тебе не нравлюсь?

Гриша улыбнулся и сказал:

— Я очень хотел бы, но не буду. Именно потому, что ты мне нравишься. Я не хочу, чтобы у тебя были какие-то проблемы. Если я тебя поцелую по-настоящему, ты потом не сможешь ничего есть. У всей еды будет отвратительный вкус.

Надо же! Оказывается, он умел думать не только о своём удовольствии. Однако Карина, подумав, спросила:

— А сколько это будет длиться?

— Пару дней.

Карина подумала ещё и сказала:

— Ладно. Пару дней я как-нибудь переморщусь.

И опять сложила губки бантиком. Но Гриша чмокнул её в носик, в подбородок, в обе щеки. Покрывая поцелуями всё её лицо, он называл её нежными прозвищами.

— Котёнок… Малыш… Ягодка моя…

Я решила, что пора вмешаться, и вышла из тени на свет. Голубки увидели меня, и на этом их воркование закончилось. Карина соскочила с колен Гриши, с поразительной молниеносностью нацепила на себя маску ангельской невинности и затараторила:

— Ой, мама! А мне что-то не спалось, и я пошла прогуляться. Вот, случайно встретила Гришу…

— Так уж ли случайно? — усмехнулась я. И добавила сурово: — Марш к себе в комнату. С тобой мы ещё поговорим.

Я и не подозревала, что моя дочурка могла быть не только ласковой кошечкой, но и норовистой лошадкой. Своенравно вскинув голову и сверкнув глазами, она пулей промчалась мимо меня — я едва успела за ворот стащить с неё куртку Гриши, а то она так и убежала бы в ней. Возвращая куртку её владельцу, стоявшему навытяжку, я сказала:

— Впредь не используй обмундирование не по его прямому назначению. Даже если хочешь показаться галантным. — И добавила, понизив голос: — Ещё раз увижу, что ты клеишься к моей дочери — по стенке размажу. Сейчас иди в мой кабинет и жди меня там.

Гриша прищёлкнул каблуками и чётким шагом отправился туда, куда ему было сказано.

9.12. Фирменные часики

Разбирательство я провела быстро, не поднимая лишнего шума, чтобы зря не будить усталых "волков". На руке у дежурного красовались золотые "ролексы". Я отвела его в сторонку.

— Отличные часики, — как бы вскользь заметила я. — Фирменные. Дорогие, наверно?

Дежурный "волк" замялся с ответом. Я не стала дожидаться, пока он соизволит заговорить.

— Догадываюсь, за что тебе их подарили. Как тебе не стыдно? Такой поступок недостоин звания "чёрного волка". Конечно, тебе кажется, что это пустяк, но я так не считаю. Сегодня ты позволил себя подкупить своему соратнику, разрешив ему устроить свидание в раздевалке, а завтра, быть может, ты предашь нас, а? Я верю своим "волкам" как самой себе и всецело полагаюсь на них, и до сих пор они неизменно оправдывали моё доверие… До сих пор они не давали мне малейшего повода сомневаться в них, но то, что я увидела сегодня, очень огорчает меня. Оказывается, мои "волки" хитрят со мной и обманывают меня.

Может быть, эти слова были и громковаты, но для воспитательных целей послужили неплохо и угодили парню в самое сердце. Он пришёл в ужас. Сорвав с себя часы, как будто они обжигали ему руку, он протянул их мне.

— Аврора, прости меня, — забормотал он трясущимися губами. — Этого больше не повторится. Пусть это не послужит тебе поводом сомневаться в нашей преданности тебе! Я сделаю всё, чтобы загладить свою провинность, только не прогоняй меня!..

Я положила руку ему на плечо и сказала тихо, но проникновенно:

— Хорошо, я дам тебе шанс реабилитироваться. Но если до конца этой недели тебя не будет в числе особо отличившихся бойцов, у меня будет повод усомниться в том, нужен ли ты нашему отряду.

Провинившийся дежурный просиял и вытянулся в струнку.

— Я не подведу тебя, Аврора, я клянусь.

— Жажду поскорее в этом убедиться, — усмехнулась я.

Забрав у него часы, я велела ему потихоньку разбудить Алекса и передать ему, что я жду его в своём кабинете.

9.13. На ковре

— Что тебе за это будет?

— Не знаю, малыш. Аврора строгая, но справедливая. Надеюсь, из-за личных мотивов она не станет перегибать палку.

— Мама любит меня и сделает всё, что я попрошу. Если что, я попробую её как-нибудь уломать.

— Спасибо тебе, пуговка. Но думаю, что это не очень хорошая идея.

Почему он так думал, Гриша не успел объяснить: я вошла в кабинет. При моём появлении он встал, а Карина тут же повисла на моей шее и принялась ласться:

— Мамочка, ну, пожалуйста… Что тут такого? Мы с Гришей не делали ничего плохого, просто разговаривали.

Мягко, но решительно разняв её руки, я сказала:

— Кажется, я кому-то велела идти в свою комнату. Я пообещала, что мы с тобой поговорим, и я сдержу своё обещание, но это будет позже. Иди к себе.

Карина надулась и убежала, хлопнув дверью. Я вынула из кармана часы и показала Грише.

— Это твои?

— Не могу знать точно, — ответил он. — У меня когда-то были похожие.

— Гм, значит, были. — Я села за свой стол. — А мне почему-то кажется, что они именно твои.

Пришёл Алекс, одетый аккуратно и по всей форме. Остановившись перед моим столом, он отрапортовал:

— Явился по твоему приказу, Аврора.

— Прости, что пришлось тебя разбудить, — сказала я. — В сущности, происшествие пустяковое, но оно касается твоих непосредственных подчинённых. Точнее, одного из них. Поэтому я тебя и вызвала.

Алекс бросил краткий взгляд на Гришу, нахмурился, потом перевёл взгляд обратно на меня.

— Что случилось, Аврора? Этот молодец что-то натворил?

— Я сожалею, что пришлось тебя из-за этого разбудить, но я подумала, что следует всё-таки прояснить ситуацию. Я считаю твою группу лучшей. Она всегда славилась своей дисциплиной и слаженностью, поэтому я и определила этого новобранца именно к тебе. Но, кажется, над ним нужно ещё поработать. Сегодня он устроил романтическое свидание в неположенное время в неположенном месте, а чтобы дежурный никому не докладывал, он подкупил его подарком. — Я взяла со стола часы и показала Алексу. — Конечно, это не такое уж серьёзное нарушение, но и оно не должно быть оставленным без внимания. Иначе, если так и дальше пойдёт, то что станет с нашей дисциплиной? Поэтому я прошу тебя принять меры. Какие — ты сам знаешь, не мне тебя учить.

Алекс посуровел, подтянулся.

— Слушаюсь. Меры будут приняты.

— Хорошо, — сказала я. — В таком случае оба свободны.

9.14. Хищники и жертвы

— Ты ещё не спишь, куколка?

Разумеется, Карина не спала. Как она могла спать, будучи так взволнована происходящим? Её глаза были закрыты, но ушки слишком уж рдели.

— Не притворяйся, я знаю, что ты не спишь. И знаю, что ты подслушивала под дверью.

Она втянула голову в плечи. Я села рядом с ней и поцеловала её в ухо. Она открыла глаза.

— Его накажут?

— Боюсь, что да, — сказала я. — Алекс очень строгий. Если честно, я этому парнишке не завидую.

Она повернулась и посмотрела мне в глаза.

— Это из-за меня ты с ним так обошлась, да? Мама, это несправедливо! За что ты его так невзлюбила? Что плохого он сделал?

— Поверь, куколка, ничего личного здесь нет. — Я заправила прядку волос ей за ушко. — Думаю, за всё время, что ты провела здесь, ты успела неплохо узнать наши порядки. Ни одному "волку" не позволено то, что позволил себе он. Если он думает, что высокое положение его приёмной матери даёт ему право делать всё, что ему вздумается, то он сильно ошибается. Ничего, здесь его быстренько обтешут и объяснят, что к чему. У него хороший командир, он научит его уму-разуму. В конце концов, он сам сюда напросился, по собственному желанию. Даже его мать просила меня за него. Что ж, я приняла его, но предупредила, что спуску ему здесь не дадут, чьим бы сыном он ни был. Если он воспринял это предупреждение недостаточно серьёзно — что ж, тем хуже для него. Мы здесь шуток не шутим, ты сама знаешь.

Карина села в постели, обхватив руками колени.

— Скажи мне честно, мама… Ты просто не хочешь, чтобы мы с ним встречались?

Как я могла кривить душой, глядя в эти серьёзные вопрошающие глаза? Но что мне ей сказать? Кто я, чтобы воспитывать её, учить чему-то хорошему? Могу ли я вообще научить её чему-то стоящему, принимая во внимание то, кем, а точнее, чем я являюсь? Я увязла по самую макушку, и возврата для меня уже нет, а она ещё может спастись, всё зависит только от её выбора. Но могу ли я повлиять на её выбор?

— Хорошо, скажу честно. Да, я не в восторге, куколка. Больше всего на свете я хочу, чтобы ты осталась человеком, а если ты

станешь встречаться с Гришей, едва ли это удастся. Я очень боюсь, как бы ты не повторила выбор, когда-то сделанный мной. Я сделала его, и ты видишь, к чему это привело. Уже нельзя ничего вернуть назад и исправить. А ты ещё можешь этого избежать, всё в твоих руках.

Она долго молчала. Я могла бы прочесть её мысли, но не стала: предпочла дождаться, пока она сама их озвучит.

— Знаешь, мама, если бы ты сделала другой выбор, ещё не известно, была бы твоя доля лучше. В этом мире всё устроено жестоко: если ты не хищник, то ты — жертва. Сомневаюсь, что жертвой быть лучше.

Признаюсь, от её слов у меня пробежали по спине мурашки.

— Ты сама так считаешь, или ты это от кого-то услышала, куколка?

Она опустила глаза.

— Гриша так говорит. Но я с ним согласна. Этот мир в самом деле жесток и абсурден. Настолько жесток и абсурден, что иногда даже страшно становится. Мне очень страшно, мамочка. Я совсем одна.

Я прижала её к себе. Она обхватила меня так крепко, будто боялась сорваться куда-то. Мы сидели так, и её дыхание щекотало мне шею. Её щека была тёплая и мокрая.

— Родная моя, ты не одна. Покуда я жива, я буду защищать тебя от этого жестокого и абсурдного мира. До последнего издыхания. Ты — всё, что у меня есть.

9.15. Шебби

— Вы должны действовать немедленно. Октавиан не задерживается нигде более чем на сутки. В последний раз я видел его шесть часов назад.

Забавная аналогия: предателя звали Иуда. Его полное орденское имя было Иуда Ватшеба, но он сам называл себя Шебби. Он сдался добровольно и пожелал поговорить с Авророй, сказав, что у него есть для неё интересная информация. Когда его, грязного, заросшего чёрной щетиной, с копной сальных нечесаных волос, вели по коридору, ему случайно повстречалась Карина.

— Неплохо вы тут устроились, — заметил он, облизнувшись и бросив на Карину плотоядный взгляд. — Вы людишек прямо тут держите, чтобы за едой далеко не летать? Аппетитная малышка! Может, за мою информацию я заслуживаю вознаграждения в виде такого лакомого кусочка, а?

Карина шарахнулась к стене, а конвоировавший перебежчика Алекс отвесил ему знатную затрещину. Сплюнув в ладонь два

окровавленных зуба, Шебби усмехнулся:

— Так и знал, что мне окажут тёплый приём.

Держался он нагловато и бесшабашно, а в глазах у него была холодная чёрная бездна. Представ передо мной, он первым делом попросил стул, пояснив, что устал с дороги. Алекс, многозначительно сверкнув обнажённым мечом, сказал ему, чтобы он не умничал, но я велела принести для пленного хотя бы табуретку. Табуретку принесли, и Шебби уселся, почёсывая многодневную щетину.

— Вот спасибо, — сказал он, вперив в меня холодный взгляд. — Раньше я думал, что слухи о твоём благородстве, мягко скажем, слегка преувеличенны… Но теперь вижу, что это и впрямь не сказки.

— Хватит болтать, — оборвал его Алекс. — Говори, что у тебя.

— А я не с тобой разговариваю, варвар, — отпарировал Шебби. — Я пришёл поговорить с Авророй, у меня есть для неё информация, которая её заинтересует.

— Что за информация? — спросила я. — Учти, если это какое-нибудь фуфло, на моё благородство не рассчитывай.

— Помилуйте, зачем же мне, пардон, гнать фуфло? — ухмыльнулся Шебби. — Я пришёл, чтобы выдать вам местонахождение источника вашей головной боли, а именно, вождя шайки под названием "Истинный Орден", вашего врага и моего бывшего босса, Октавиана. Что мне будет за такую информацию?

— Если твои сведения окажутся верными и помогут нам его поймать, то мы сохраним тебе жизнь, — сказала я. — Даю слово.

— Я и не сомневался, — осклабился Шебби окровавленным ртом со свежеобразовавшейся щербиной.

— Чем же тебе так не угодил твой босс, что ты решил его предать? — усмехнулась я.

Лицо Шебби стало мрачным и серьёзным.

— У меня есть на то веские причины, — сказал он. — Одна из них — я уверен, что он обречён на поражение. Так почему бы не приблизить его конец? Чтобы вся эта заваруха поскорее кончилась. Есть ещё парочка причин, но они личного свойства. Позвольте мне тут о них не распространяться.

— Ладно, твои личные счёты с ним меня не волнуют, — сказала я. — Итак, где он сейчас?

Шебби опять заухмылялся.

— Если вы дадите мне клочок бумаги и ручку, я вам напишу.

— Что-то не нравится мне его рожа, Аврора, — сказал Алекс. — Я ему не верю. Это какой-то подвох.

— Посмотрим, — сказала я.

Шебби выводил на листке бумаги корявые буквы, неуклюже держа ручку в левой руке, когда в мой кабинет вбежала Карина.

— Мама, там какого-то жуткого типа привели, он… — начала она, но осеклась, увидев того самого "жуткого типа".

Шебби оторвался от бумаги, поднял взгляд и расплылся в щербатой ухмылке.

— Мама? — повторил он. — Вот так дела! А я мечтал тобой полакомиться, крошка… Извини, не знал.

Он и сейчас вожделел её крови и не скрывал этого. Карина попятилась. Алекс, одной рукой приобняв её за плечи, выставил вперёд обнажённый меч.

— Не бойся, детка. Он не посмеет тебя тронуть. Если он хотя бы дёрнется, я снесу ему башку.

Шебби тем временем закончил выводить каракули.

— Спасибо, что предупредил, — усмехнулся он. — Не буду делать резких движений. Без головы я не хочу остаться.

Я спросила:

— Великий Магистр с ними?

Шебби хихикнул.

— Великий Магистр… Ох и развели же они вас с этой дохлой старухой! — Заметив наши непонимающие взгляды, он ухмыльнулся: — Ну да, старухой. Вы что, не знали, что наш Великий Магистр — баба? Ну так вот, разводы это всё. Они её тело всюду с собой таскают, как будто она ими руководит, хотя там за главного Октавиан.

Перед моими глазами встало видение, явившееся мне во время моего посвящения в члены Ордена. Я видела лысую старуху на троне. Выходит, я видела Великого Магистра, только не знала, что это он. То есть, она.

Я подвинула к себе листок. На нём было написано всего два слова: "каирское кладбище". Зачем Шебби понадобилось писать их на бумаге, когда он мог просто произнести их? Вслух он сказал:

— Вы должны действовать немедленно. Октавиан не задерживается нигде более чем на сутки. В последний раз я видел его шесть часов назад.

Было шесть часов вечера.

9.16. Жди меня

— Куколка, через десять минут мы отправляемся.

Как только я вошла в комнату, Карина подбежала и повисла на мне.

— Мамочка, будь осторожна, — прошептала она. — Ради

меня.

Мне хотелось её успокоить, но слова почему-то не находились, да и времени было мало. В горле стояла сухая горечь.

— Я скоро вернусь, родная. Не бойся за меня, просто жди.

Она уткнулась лбом мне в плечо.

— Я буду очень сильно ждать.

В дверь постучали, и Карина вздрогнула. Вошла Юля — с необычной просьбой.

— Аврора, я знаю, что времени мало, но я прошу тебя отпустить Карину буквально на минутку. Мой сын просит разрешения увидеться с ней перед вылетом. Он ждёт её в моей комнате.

Я усмехнулась.

— А почему он просит через тебя? Самому прийти — кишка тонка?

Карина вся напряглась и навострила уши, её глаза заблестели.

— Пожалуйста, мамочка… Можно? — принялась она упрашивать.

Я уже хотела сказать "нет", но рука Юли мягко легла мне на плечо.

— Аврора, ну, не будь такой суровой. Ты же понимаешь…

Да, Аврора всегда всё понимала, она обязана была понимать в любую секунду. Если я не дам им сейчас увидеться, а с этим оболтусом что-нибудь случится? Ведь сама буду мучиться. Я выпустила Карину из объятий и взяла за руку.

— Ладно, пошли.

Я сама отвела её к Грише, дала им три минуты на прощание, а сама стала ждать за дверью. Юля стояла рядом с чуть приметной улыбкой на губах, но я слишком хорошо её знала, чтобы не заметить тревоги в её глазах. Она молчала, я тоже не знала, что сказать. В комнате тоже было подозрительно тихо, не было слышно даже шёпота. Три минуты истекли, я открыла дверь и поняла, почему там была такая тишина. Грише с Кариной было не до разговоров: она повисла на его шее, а он, одной рукой прижимая её к себе, другой поглаживал её ниже талии, и они взасос целовались. В первый миг я остолбенела, а потом мои кулаки сами собой сжались. Заметив мой лютый взгляд, Гриша заторопился прощаться.

— Всё, пуговка, мне пора, — сказал он, чмокая Карину в нос. — Я принесу тебе из Египта какую-нибудь безделушку.

9.17. Операция "Египетская мумия"

Можно ли жить в могиле? Звучит невероятно, но можно, если она находится на старом кладбище в Каире. Покойника закапывают в землю без гроба, а над могилой возводят небольшую постройку в виде сарайчика или домика. Могильные постройки там разнообразные — от древних, полуразвалившихся, до вполне новых. Одни усопшие покоятся в бедных могилах с хлипкими, скромными постройками, а у покойников побогаче последние пристанища добротные, каменные. Решив, что грех оставлять это бесплатное жильё пустующим, дома мёртвых облюбовали живые люди — беженцы, бездомные, бедняки, беглые преступники. За несколько сотен лет Каир оброс это кладбище кругом, и оно оказалось в самом его центре. Эта местная достопримечательность не входит ни в один туристический маршрут; по сути дела, это уже не кладбище, а большая вонючая трущоба, район, по вполне понятным причинам далеко не благополучный.

Согласитесь, для охоты это идеальное место.

Шебби не обманул: именно это место выбрал Октавиан для своего очередного привала, тем более что пищи вокруг было полным-полно. Впрочем, он мог уйти оттуда в любой момент, поэтому мы спешили. По словам Шебби, Октавиан расположился там с отрядом численностью около четырёх десятков приспешников; поскольку времени на проверку и уточнение этих данных не было, пришлось поверить ему на слово. На операцию по захвату Октавиана отправилось сто пятьдесят "волков" и спецотряд Каспара — ещё сто тридцать бойцов.

В небе стояла большая яркая луна. Каир жил своей обычной жизнью, не зная, что он окружён. На самые высокие здания по всему городу бесшумно спустились чёрные крылатые тени; их задачей было следить за кладбищем сверху и не давать окружённым разлетаться.

Кладбище было оцеплено тихо, в считанные минуты. Я сказала Алексу то, что всё время не давало мне покоя:

— Мальчишка попытается геройствовать. Если ты не позволишь ему нелепо и бессмысленно погибнуть, я буду тебе очень признательна.

Луна стояла в небе, спокойная и белая, равнодушно глядя на молчаливую бойню, завязавшуюся на узких улочках старого кладбища. Людей Октавиана было меньше, но они дрались с чудовищной яростью. Каждый из них стоил десятка. Сорок самых отчаянных убийц Октавиана приняли бой, а сам вождь обратился в бегство, не желая погибнуть в этой резне. Группа Алекса бросилась в погоню.

9.18. Белая луна

Белая луна видела, как три чёрных тени летели на меня: ветер от взмахов их крыльев уже касался моего лица. У них было три самурайских меча, а у меня — только два. Это было бы пустяком, если бы сзади на меня не мчались ещё три таких же тени с мечами. Сбоку чернел прямоугольник двери могильной постройки.

Поскальзываясь на лужах чёрной крови и падая в грязь, между могилами бежала с криком перепуганная растрёпанная женщина с двумя босыми детьми-оборванцами.

Тени летели на меня, а я стояла неподвижно. Когда до удара оставалась ровно секунда, я прыгнула в могильный домик, и все шестеро крылатых демонов с мечами на бешеной скорости столкнулись между собой. От столкновения у них произошла путаница и свалка. Хрустнуло чьё-то крыло, послышался короткий вскрик, кто-то двинул кому-то в челюсть.

— Идиот!

— Сам кретин! Где она?

Рядом со мной в темноте кто-то дышал. Это был маленький тёплый комочек живой плоти, пронизанной сосудами, по которым текла горячая кровь. У меня не было времени разговаривать с ним; в крыше могильной постройки была большая дыра, и через неё я вылезла наверх, а оттуда спрыгнула прямо на головы шестерых моих преследователей. Два моих меча разрубили два черепа, как арбузы, потом они вспороли один живот, и я, просунув руку в рану, вытащила наружу кишки. Вырвав их совсем, я бросила их холодным жёлтым огонькам, уже ждавшим своей добычи.

Женщина с детьми всё бежала, ребятишки не поспевали, путаясь у матери под ногами. Она споткнулась, упала и не могла подняться, а дети, вместо того чтобы бежать дальше, остановились. Я нажала на спусковой крючок, и чёрный мячик головы бросившегося на меня хищника разлетелся вдребезги, как гнилая тыква. Моё бедро словно огрели хлыстом, но я не обратила внимания. Я взлетела на крышу ближайшей могильной постройки, и это выявило, что в строю остались только двое из шестерых моих противников: они бросились за мной. Четверо остались внизу: двое с разрубленными черепами подёргивались в судорогах, третий хрипел, обследуя рану в животе и пытаясь выяснить, какие органы отсутствуют, а четвёртый был обезглавлен. Я не упускала из виду женщину с детьми: она пыталась подняться, но у неё была подвёрнута нога. Над ней уже кружилась крылатая смерть.

Я поскакала по крышам могил, и некоторые ветхие постройки опасно пошатывались и скрипели. Мои преследователи были тяжелее меня, и уже через десять секунд погони под одним из них провалилась крыша, и он рухнул внутрь постройки. Второй, сообразив, что безопаснее и эффективнее использовать крылья, взлетел. Мне только того и надо было: засвистел бумеранг, и голова преследовавшего меня хищника слетела с плеч. Тем временем тот, что провалился сквозь ветхую крышу, выбрался из постройки, злой как чёрт и с явным намерением меня прикончить. На свою беду, он выскочил слишком высоко и оказался как раз на пути бумеранга. Бумеранг снёс ему полчерепа и вернулся ко мне.

Женщину с детьми я успела спасти, испепелив кружившего над ними хищника. Матери всё-таки удалось подняться на ноги, и она побежала прихрамывающей трусцой прочь, таща за руки ревущих детишек. Не знаю, кого она больше испугалась — того, кто на неё напал, или меня. Взлетев на посеребрённую лунным светом кладбищенскую стену, я окинула взглядом окрестности и оценила обстановку. "Волки" дрались прекрасно, и перевес был уже на нашей стороне. Главное, чтобы Алекс не упустил Октавиана, иначе всё это будет бессмысленно.

— Такого ты ещё не видела, — сказала я белому диску луны.

— Аврора, сколько ещё ты будешь рисковать своей жизнью? — послышалось рядом. — Победа уже наша, ребята сами справятся. Джулия поручила мне присматривать за тобой… Она боится за тебя. Пойдём, я отведу тебя в безопасное место.

— Да иди ты к чёрту, Каспар, — сказала я. — Ничего со мной не случится.

И спрыгнула со стены.

9.19. Может, тебе это удастся

Я снова ринулась в гущу боя, почти уверенная в своей неуязвимости, и ввязалась в схватку с двумя людьми Октавиана. Я уложила их и, торжествуя, выпрямилась, чтобы перевести дух. Услышав свист в воздухе, я увидела мчащуюся на меня тень со сверкающим мечом. Клыки чудовища были обнажены, глаза горели, и меч оно держало в вытянутой руке, чтобы с лёту насадить меня на него, как шашлык на шампур. Слишком мало времени, мелькнуло в голове. Мне не уйти. Я сказала Карине: "Жди". Она ждёт, волнуется, надеется, что всё опять обойдётся, и я войду, обниму её и назову своей куколкой. Возможно, на этот раз она меня не дождётся. Вся моя жизнь калейдоскопом завертелась вокруг летящего на меня чудовища: Эйне на ветке клёна, говорящая голова Таниного убийцы, искажённое лицо

Аллы, кричащее мне: "Наркоманка!" Конверт с деньгами, малышка в розовой курточке, невеста в гробу. Тёплые руки Карины и её шёпот: "Мама!"

Всю эту круговерть вдруг заслонила собой другая фигура, внезапно возникшая передо мной как будто из-под земли. Летящее жало меча вошло ей в спину, вышло из живота и вошло мне в живот. Метр ненавидящей стали пронзил мои кишки и вышел из моей поясницы.

— Теперь тебе никуда от меня не деться, детка. Я буду вечно с тобой.

Седая прядь серебрилась в лунном свете, в глубине тёмных глаз мерцали искорки, её кровь смешивалась с моей, мы были насажены на один шампур, как два куска баранины — лицом друг к другу, грудь к груди, живот к животу. Земля качалась под ногами, но её рука поддерживала меня, и по пронзившему нас железу мне передавался пульс её жизни, её поиск, её одиночество. Одной рукой обхватив меня, другой она вынула изо рта сигарету и уронила на землю.

— Здорово нас пригвоздили, да?

Другое чудовище, подскочившее откуда-то из тьмы, уже заносило меч, чтобы снести голову то ли ей, то ли мне; скорее всего, мне, потому что её голова была ему явно не нужна. Мы с ней стояли, как сиамские близнецы, сросшиеся животами, и объединявшей нас пуповиной был длинный узкий кусок железа.

— Аврора! — Кто-то летел к нам с другой стороны, отчаянно пытаясь успеть, а меч был уже занесён. — Аврора!

Она сказала:

— Что ж, неплохой конец, детка. Можно было бы придумать и что-нибудь получше, но и так сойдёт.

Я спросила:

— Что ты ищешь?

— Не знаю, — сказала она. — Покой? Вряд ли. Аделаида стремилась к покою, и она его нашла на гильотине. Любовь? То же вряд ли, потому что железный прут от перил крыльца ранил мне сердце. Теперь ты чувствуешь, каково это — быть насаженной на вертел? Да, неприятно… Дружбу? И это вряд ли, потому что друзья могут предать — это ты тоже испытала на своей шкуре, не так ли? Я не знаю, что я ищу. Да теперь уже и не найду. Может, тебе это удастся.

Меч был занесён, чтобы срубить мне голову и оборвать мою жизнь единственно возможным способом, но её рука упёрлась ладонью мне в лицо и отогнула меня назад, как тот прут в перилах крыльца. И железо, продолжая своё движение по дугообразной траектории, встретилось с её длинной белой шеей.

Кровь выплеснулась мне в лицо, и мы упали: я, с головой на плечах, и она, без головы — в одну сторону, а её голова с седой прядью в растрёпанных волосах — в другую. Мы лежали, соединённые железной пуповиной, которая пульсировала:

— Может, тебе это удастся. Может, тебе это удастся. Может, тебе это удастся.

Её рука ещё обнимала меня, а чудовище, увидев, что оно поразило не ту цель, зарычало удивлённо и злобно. Но недолго ему было удивляться: подоспело новое разящее железо и снесло ему голову. Надо мной с победоносным мечом в руке стоял Каспар, мой старый друг, с которым мы стояли в вертикальных ямах-"гробах" в тюрьме Кэльдбеорг, и который не должен был стать врагом.

— Аврора! — закричал он, бросаясь ко мне.

Я лежала с ёкающими кишками, сочащимися кровью, пронзёнными железной пуповиной, по которой в меня ещё втекало может, тебе это удастся; обнимаемая её рукой, я улыбалась светлеющему небу и повторяла:

— Может, мне это удастся. Может, мне это удастся. Может, мне это удастся.

9.20. Утро

— Аврора ранена!

Я оставалась в сознании, и мне было чертовски больно, когда нас с Эйне укладывали на носилки под светлеющим небом зловонного кладбища-трущобы. Железную пуповину нельзя было вытаскивать: это было бы всё равно что вынуть затычку из бочки, и всё её содержимое вытекло бы. Меня собирались транспортировать вместе с телом Эйне и уже в условиях больницы проводить операцию по отделению меня от моего страшного близнеца. Каспар держал мою руку, гладил по волосам и повторял:

— Держись, старушка… Это пустяки. Главное — голова цела.

Облизнув пересохшие губы, я схватила Каспара за рукав и прохрипела:

— Доложи обстановку…

Склонившись надо мной, он негромко сказал:

— Весь отряд Октавиана, располагавшийся на кладбище, ликвидирован. Наши потери минимальны.

— А Октавиан? Опять ушёл?

Каспар усмехнулся.

— Нет, Аврора, на этот раз мы его не упустили. Готовься раздавать награды.

— Значит, Алекс его накрыл?

— Они загнали его в пустыню. Он убегал с кучкой охранников, но его окружили, и ему пришлось принять бой. Живым он не дался, но и группа Алекса немного поредела.

Я застонала:

— Там же Гриша… Он цел?

Каспар покачал головой.

— Малышу сильно досталось. На нём нет живого места. Его уже отправили в клинику к доку Гермионе, куда сейчас отправишься и ты, старушка.

— Голова Эйне, — пробормотала я. — Надо взять… не забудьте…

— Возьмём, — заверил Каспар. — Не тревожься и не разговаривай.

— Карина… — прошептала я, и меня накрыла коричневая жужжащая пелена.

Утро только начиналось.

9.21. Рождение железа

Я парила в заоблачных высотах, подо мной мчались кудрявые облака-айсберги, зарумяненные розовыми лучами восходящего солнца, а над головой сияла райская небесная синь. Меня обнимала рука Эйне, а я обнимала её, и мы были по-прежнему крепко соединены железной пуповиной. Ветер свистел в ушах, а внутри пульсировало "может, тебе это удастся".

Гришу, видно, доставили раньше, и Карина была уже в холле клиники дока Гермионы, в накинутом на плечи белом халате, заплаканная. Четверо "волков" несли странное и жуткое существо, наполовину мёртвое, наполовину живое, с четырьмя ногами и двумя спинами, но с одной головой, пронзённое мечом, с окровавленным лицом, в одежде, насквозь пропитавшейся кровью — собственной и чужой. "Маму везут", — то ли услышала Карина, то ли сама догадалась, потому что она выбежала навстречу носилкам, а я с моим обезглавленным близнецом даже не была прикрыта простынёй, и взгляду Карины это зрелище предстало во всей красе. Я ни в коем случае не хотела предстать перед ней в таком виде, но я не знала, что она уже здесь, иначе я бы распорядилась удалить её отсюда заранее. Такую картину было нелегко вынести и людям с крепкими нервами, а Карину, на которую уже свалилось известие о том, что Гриша ранен, это просто подкосило. Она решила, что я убита: она смотрела не на мою уцелевшую голову, а на пронзающий меня меч и на прилипшую к моему телу, пропитанную кровью одежду. Её истошный крик пронзил меня страшнее любого железа, и я бы бросилась подхватить её, если бы не была пригвождена к телу

Эйне. Её схватил в свои могучие объятия Цезарь.

— Лапочка, солнышко, не пугайся! С мамой всё будет в порядке, это пустяки… Была бы голова цела, а тело заживёт, — успокоительно говорил он, хотя она не могла его слышать: она потеряла сознание.

— Идиоты, кретины, тупицы, — бессильно ругала я всех окружающих. — Не могли вы, что ли, увести её?.. или прикрыть меня?..

Цезарь куда-то унёс Карину, а меня и тело Эйне переложили на операционный стол. Док Гермиона деловито командовала:

— Два литра крови со сливками и глюкозой. Стерильные полотенца, салфетки, вату. Лазерную установку.

Железная пуповина была перерезана, и мой придаток в виде обезглавленного тела Эйне убрали со стола. Но нужно было ещё извлечь из меня то железо, которое сидело во мне, и я чувствовала, что будет море крови: для того и были все эти кипы полотенец и салфеток. Резервуар блендера с коктейлем поднесли к моему рту.

— Пейте, Аврора, — сказала док Гермиона.

Она заставила меня выпить всё до дна, и мне так захорошело, что я даже почти перестала чувствовать боль. Меня накрыла волна всеохватывающей любви, и я признавалась в ней всем, кого видела перед собой: доку Гермионе, её ассистентам, облачённому в медицинскую спецодежду Каспару, который не отходил от меня и держал мою руку.

— Каспар, старина, как я тебя люблю… Ты мой самый лучший друг… Док, вы — супер… Если бы не ваши зубки, я бы сказала, что вы — ангел… Ребята, вы молодцы… Вы здорово работаете… Карина! Карина, детка моя… Где она, что с ней? Как она?

Каспар, склоняясь надо мной, успокаивал:

— Всё нормально, старушка, всё хорошо.

Сантиметр за сантиметром из меня вытаскивали окаянное железо, пропитавшиеся кровью салфетки и полотенца отбрасывались одно за другим, а я могла думать и говорить только о Карине. Я словно в бреду звала её, а из меня рождалось железо. Вот оно наконец всё вышло, и в меня влили ещё литр коктейля.

9.22. Тьма за окном

Разбудило меня чьё-то тихое всхлипывание. За окном была тьма, а возле меня, уткнувшись лицом в край моей подушки, сидела Карина. Её плечи вздрагивали, и до моего слуха доносились тоненькие всхлипы. Моё сердце ёкнуло от нежной

жалости.

— Карина, золотце моё… Куколка! Что ты, не плачь… Всё хорошо.

Она подняла заплаканное лицо, бросилась на меня, стиснула, вцепилась и очень долго не отпускала.

— Мамочка… Мамуля, как ты?

— Да уже почти хорошо, — сказала я. — А ты почему не спишь? Сейчас как будто ночь.

— Не могу… Не могу спать. Мамочка, тебя очень тяжело ранили, и я думала, что ты…

— Ну что ты, родная. Если моя голова на плечах — значит, я выживу. Если бы её сняли — ну, тогда мне конец.

Она осторожно и боязливо положила руку мне на живот.

— Я видела тебя на носилках, всю в крови, — прошептала она жалобно, с содроганием. — С тобой был ещё кто-то, без головы. И вы были насквозь проткнуты мечом!

— Мне очень жаль, что ты это увидела, куколка, — сказала я. — Не знаю, как это получилось… Была суматоха, и никто не позаботился о том, чтобы оградить тебя от этого зрелища. Я уже всех отругала за это.

Она прильнула ко мне всем телом, прижалась к моей щеке.

— Я бы не смогла пережить это ещё раз, мама…

— Этого больше не будет, малыш. Обещаю, ты больше никогда не увидишь меня с мечом в животе.

Её пальцы ворошили мне волосы. Она доверчиво и нежно прижималась к моему плечу.

— Значит, и Гриша тоже поправится?

Признаюсь, моё пронзённое железом нутро слегка ёкнуло, но я сказала:

— Да, само собой. — И поинтересовалась: — Как он там, кстати?

— Он лежит, как пришпиленная бабочка, — сказала Карина. — С таким же аппаратом на крыльях, какой был у тебя.

Я прижалась губами к её лбу.

— Иди, отдохни, моя маленькая. Ты устала, тебе надо поспать.

9.23. Конец Октавиана и глупая девчонка

Телохранители несли Октавиана с подбитым крылом, преследуемые "волками" во главе с Алексом. Он терял телохранителей одного за другим: "волки" испепеляли их. Но телохранители были такие отборные ребята, что многим "волкам" не поздоровилось в этой погоне, в том числе и Грише. В конце концов у Октавиана остался только один, последний

телохранитель, который нёс его, потому что сам вожак "Истинного Ордена" не мог лететь из-за сломанного крыла. Когда и последнего телохранителя испепелили, Октавиан всё равно не пожелал сдаваться. Он вступил с Алексом в поединок.

— Дрался он до последнего, — проговорил Алекс задумчиво. — Трусом я бы его не назвал. Даже когда я обрубил ему оба крыла, он ещё стоял на ногах и отбивался. Я ему много раз предлагал сдаться, обещал, что "Аврора" сохранит ему жизнь, но он отвечал каждый раз одно и то же: "В гробу я видал вашу "Аврору"". Под конец он был уже совсем слабый, и я, чтобы его не мучить, просто снёс ему голову… Не знаю, честно ли это было.

— Как бы там ни было, с ним покончено, — сказала я.

А на диванчике в моей палате спала Карина, наплакавшаяся и усталая. Взгляд Алекса задумчиво остановился на ней. Почему так? Он нашёл убийцу её отца, он приносил ей еду, он охранял её, он заботился о ней, а она этого как будто не видела. Не замечала. Может быть, даже и не знала, потому что не в его привычках было на каждом шагу трубить о том, что он делал. А этот юнец пришёл и получил всё: и её поцелуи, и её слёзы, и её мысли. А что он сделал для этого? Да ничего. Просто нашёптывал ей в раздевалке всякие глупости. Глупая девчонка. Вот именно: девчонка, и ей гораздо более пристало любить сверстника, мальчишку, чем… Впрочем, хватит. Глупо на что-то надеяться, лучше об этом не думать. Сейчас не время.

На его куртке поблёскивала брошка, когда-то приколотая Кариной; он носил её, как орден. За голову Октавиана ему была пожаловала настоящая награда, но любым орденам и медалям он бы предпочёл её улыбку.

9.24. Должницы

Крышка серебристого глубокого ящика открылась, и седой туман заклубился вокруг растрёпанной жёсткой гривы, теперь уже полуседой. Хоть грива была вымыта и заботливо расчёсана, она всё равно оставалась жёсткой и непокорной. На ресницах поблёскивал иней, озарённый зеленоватым светом, исходившим от стенок холодильника. Её кусок железной пуповины был уже извлечён, шею пересекала тонкая коричневая полоска со стежками шва.

— Может, мне это удастся, — прошептала я.

— Что удастся? — спросила Карина.

Я ещё не решила, что делать с телом Эйне: предать земле, кремировать или сбросить в воду. Она лежала в холодильнике, спокойная и чуть насмешливая, с инеем на ресницах и швом на шее, почти совсем седая, под тонкой белой простынёй. Может,

тебе это удастся — благословение это или проклятие? Что-то перешло мне от неё по связавшей нас железной пуповине, и я пока ещё сама не могла разобраться, что именно. Но похоронить её следовало достойно, в этом не было никаких сомнений.

— Мы с тобой её должницы, куколка, — сказала я, обнимая Карину за талию и подводя её поближе, чтобы она хорошо могла разглядеть это лицо. — Запомни её, родная. Её звали Эйне, и с неё всё началось. Для неё уже всё закончилось, а для нас… Не знаю.

Карина посмотрела на меня и вдруг сказала:

— Мам, у тебя вот тут… — Она дотронулась до моих волос над лбом. — Седина. Прямо целая прядь. Её раньше не было, я точно помню.

9.25. Десять суток

Я встретилась с Великим Магистром, когда мы уже ничего не могли сказать друг другу. Странная это была встреча. Тот, а точнее, та, чьё имя и лицо были покрыты такой таинственностью, предстала передо мной в самом неприглядном виде — в виде останков.

В последние три века она никуда не выходила из своего комфортного подземелья, управляя Орденом оттуда, пока не впала в анабиоз от старости. Её титулом прикрывался Октавиан, совершая все свои бесчинства, хотя она не имела к ним никакого отношения, так как не выходила из анабиоза. Её похитили из усыпальницы, чтобы устрашить членов Ордена, и этот трюк неплохо сработал. В последнее время ей, завзятой домоседке, довелось изрядно попутешествовать вместе с Октавианом, и она была захвачена на каирском кладбище, хотя её вполне можно было там оставить: там ей было самое место. Её роскошный чёрный полированный гроб был поцарапан и измазан грязью, а её дорогое, старинного фасона чёрно-золотое платье пропиталось кровью — её собственной. Кто-то из наших бойцов отрубил ей голову, чтобы её уж наверняка можно было считать мёртвой.

— Теперь её имя может быть названо. Её звали Оттилия Персиваль.

Это сказал Оскар. А ещё он сказал:

— Лет триста назад она была ещё красавицей.

То, что от неё осталось, было уродливо. Это была отталкивающая, жуткая мумия в роскошном платье из чёрного бархата и золотого шёлка, с кружевом, вышивкой и подвесками из бриллиантов и рубинов, но никакая роскошь не могла скрыть её уродливой старости. На её почти голом высохшем черепе кое-где виднелся редкий седой пушок, кожа приобрела вид и цвет

пергамента, а в щели приоткрытого рта торчали длинные, изогнутые жёлтые зубы — гораздо длиннее, чем у любого из хищников. Мне подумалось: неужели и я превращусь в такое же чудовище, если мне доведётся дожить до шестисот лет?

Я спросила:

— Кто отсёк ей голову?

Выяснить это удалось не сразу. Среди "волков" его не оказалось: это был один из бойцов Каспара. Каспар лично привёл его ко мне; оба, видно, ожидали от меня приказа о награждении, но я сказала:

— Десять суток ареста.

— За что? — одновременно воскликнули оба.

— Не тебе, Каспар, а твоему бойцу, — усмехнулась я.

— Но почему, Аврора? — спросил Каспар в крайнем недоумении. — По моему понятию, за это следовало бы наградить!

— За какой подвиг? — хмыкнула я. — Может за то, что он вступил с Великим Магистром в бой и победил её? Такого не было. Госпожа Великий Магистр находилась в анабиозе и не могла оказать никакого сопротивления. Кроме того, разве мы находимся с Орденом в состоянии войны? Кажется, мы заключили мирное соглашение, не так ли? А теперь из-за действий этого бойца наши отношения с Орденом снова могут обостриться. Вряд ли они будут благодарны нам за то, что мы подняли руку на Великого Магистра, пусть и находящегося в необратимом анабиозе. Не исключаю, что это приведёт к продолжению нашего конфликта.

— Я не думаю, что они пожелают продолжения войны, — сказал Каспар. — Они не в состоянии её вести, потому что слишком измотаны. Кроме того, ещё не все последователи Октавиана найдены и уничтожены. Мы обезглавили его шайку, но её члены будут нам мстить, а это значит, что в ближайшее время Ордену будет не до войны с "Авророй".

— В ближайшее время, может быть, им будет и не до войны с нами, — сказала я. — А потом? Кто знает! Нет, наградить твоего бойца за этот поступок я не могу. Десять суток ареста — это минимум, что я могу дать ему за это. Возможно, Орден, узнав, что он сделал, может потребовать для него ещё более сурового наказания. Во всяком случае, из-за его чрезмерного рвения у нас появилась новая головная боль — как утрясти эту ситуацию с Орденом? Итак, дружок, десять суток. — Я похлопала бойца по плечу. — Разве был приказ уничтожать Великого Магистра? Нет, не было. Это значит, что тебе не следовало поднимать на неё руку. Не обижайся.

9.26. Молчаливый разговор

Что получили участники операции "Египетская мумия", за исключением бойца, отрубившего голову Великому Магистру? Благодарность и трёхдневный отпуск. У всех было ощущение, что война кончилась, но предстояло ещё выследить и обезвредить остатки "Истинного Ордена".

Гриша лежал, как пришпиленная коллекционная бабочка, с раскинутыми крыльями. Спицы и пластины ортопедического аппарата поблёскивали в голубоватом свете ночника. Он лежал с закрытыми глазами, но Карину почуял, вероятно, ещё издалека. Не открывая глаз, он улыбнулся и сказал:

— Привет, пуговка.

У Карины тряслись губы, а в глазах стояли слёзы. Гриша открыл глаза и долго в молчании смотрел на неё, потом проговорил тихо и огорчённо:

— Я же говорил тебе, что не надо. Что, на гематогене сидишь?..

— Ага, — вздохнула Карина, вытирая слёзы. — Но это ничего, ты не переживай… Всё уже почти нормально.

Рука Гриши поползла по одеялу к Карине, приподнялась. Карина подсела к нему и сжала её. Сколько она ни вытирала слёзы, они всё равно набегали ей на глаза.

— Доктор сказала, что всё будет хорошо, ты поправишься.

Он улыбнулся.

— Обязательно, пуговка.

— Я буду к тебе приходить каждый день, — пообещала Карина.

При этом она совершенно не думала о том, разрешу ли я ей это, а Гриша, конечно, подумал. Наши с ним взгляды встретились. Он понял всё, что я хотела сказать, и я тоже поняла всё, что хотел ответить он. Карина не заметила нашего молчаливого разговора: она поглаживала руку Гриши.

9.27. Последний рассвет Эйне

Идея о том, какими должны быть похороны Эйне, окончательно оформилась. Я сделала все необходимые распоряжения.

Юля высказала предложение, чтобы Эйне было посмертно присвоено членство в "Авроре", но я отклонила его. Зачем это делать посмертно, против её воли, если при жизни она не принадлежала к "Авроре"? У меня была другая мысль.

На холодный и суровый фьорд мы с Кариной прибыли ещё до рассвета. В небе ещё были видны звёзды, а его восточный край

только начинал желтеть. На скалистой круче была выдолблена могила, гора камней возвышалась рядом. Дул холодный бриз, бухта фьорда была погружена во мрак и представляла собой неуклюжую кучу тёмных холмов, сгрудившихся у воды. Старая одинокая сосна неподалёку была как будто нарисована чёрной краской на фоне тёмно-синего неба.

— Тут как-то жутковато, мамуля, — пробормотала Карина, поёживаясь от предрассветного холода. В руках у неё был букетик цветов.

— Это пока темно, — сказала я. — А когда рассветёт, будет очень красиво. Это любимое место Эйне.

Рядом с кучей камней стояла каменная скульптура, изображавшая сидящую чёрную кошку. Карина подошла к ней и потрогала её изящное ухо.

— А это что?

— Вместо памятника, — сказала я. — Она будет охранять покой Эйне.

— А почему кошка?

— Эйне как-то сказала, что она — кошка, гуляющая сама по себе. Вот пусть на её могиле и будет кошка. Она даже чем-то её напоминает.

Карина, погладив изогнутую, длинную спину кошки, проговорила задумчиво:

— Красивая…

Вскоре после нашего прибытия четыре "волка" доставили гроб: их тёмные крылатые фигуры, несущие на верёвках продолговатый ящик, вырисовались на фоне неба. Гроб был осторожно опущен у могилы и повёрнут ножным концом на восток, крышку сняли и положили рядом. Карина боязливо пряталась за моим плечом.

— Что ты, куколка? — спросила я.

— Жутко…

Я обняла её за плечи.

— Бояться нечего, родная.

Рассвет набирал силу, небо светлело, звёзды блекли. В голубых сумерках стал виден мраморный овал лица Эйне и её сложенные на груди руки, а полуседые волосы серебрились. Её лицо было обращено к востоку, и первые лучи зари должны были осветить его. Кошка, навострив уши, вслушивалась в тишину.

Когда небо на востоке окрасилось в розовый цвет, я отдала "волкам" команду "смирно". Свет солнца должен был вот-вот брызнуть из-за горизонта, в посветлевшем воздухе была разлита резкая свежесть, а старая сосна начала приобретать свои обычные краски. Карина, переступая озябшими ногами и сжимая свой

букетик, смотрела на рассвет.

И вот заря взорвалась. Густо-розовый свет озарил вытянутые фигуры "волков" и кучу камней, загорелся янтарём на стволе сосны, а шлифованная поверхность кошачьего изваяния заблестела, чем-то похожая на настоящую гладкую шёрстку. Спокойное лицо Эйне засияло, его мертвенная белизна проступила чётче, и казалось, что её глаза вот-вот откроются навстречу рассвету, но они были закрыты навек. Эйне была одета в её излюбленном стиле: на ней был новый чёрный кожаный костюм, а обута она была в самые высокие ботфорты, которые только удалось найти. Правда, костюм был надет не на голое тело: под жакетом была белая блузка с жёстким воротничком мужского фасона, а шов на шее был скрыт чёрным шёлковым шейным платком.

Заря была уже в разгаре, когда прибыли Оскар и Юля с букетами цветов. Юля кивнула Карине и встала рядом со мной, а Оскар подошёл к гробу и долго смотрел в лицо Эйне.

Я взяла Карину за руку.

— Пойдём, золотце.

Она робко повиновалась. Я подвела её к гробу и сказала:

— Положи ей свой букетик.

Карина положила букет на живот Эйне, чуть ниже её рук, а я, приподняв неподвижную мраморно-белую руку Эйне, положила под неё пачку сигарет с зажигалкой. Букет я передвинула чуть выше и прижала его второй её рукой. Руки не упали, а прочно лежали на сигаретах и букете: Эйне приняла наши прощальные подарки. Взглянув на Карину, я увидела, что она плачет. Она раньше не видела Эйне и совсем не знала её, но плакала просто так — оттого что ей было невыносимо грустно.

По моему знаку гроб закрыли, и "волки" спустили его в могилу. Камень за камнем начал падать на крышку. Карина плакала, а мои глаза были сухи, слёз не было, но в груди от этого невыносимо саднило. Карина стеснялась своих слёз и прятала их за платочком, но я сказала ей:

— Ничего, куколка, поплачь. И за меня тоже.

Могила была засыпана, и на месте ямы образовался холмик, рядом с которым сидела чёрная кошка и смотрела на рассвет. Никаких плит с надписями не было. По моей команде "волки" отсалютовали над могилой мечами, и я сделала это вместе с ними. Оскар и Юля возложили свои цветы. Никто никому не выражал соболезнований. Я, окинув взглядом фьорд, сказала Карине:

— Ну вот, смотри. Совсем не жутко, а очень даже красиво.

Она сквозь слёзы улыбнулась и кивнула.

9.28. Нежность на острие меча

И снова океан городских огней, крыша небоскрёба. На крыше стояли две фигуры: подняв лица к ночному небу, они смотрели на звёзды. Одна фигурка, маленькая и стройная, с развевающимися по ветру длинными волосами, подняла руки к небу:

— Как я хочу летать! Ну, почему у меня нет крыльев?!

Другая фигура, мужская, крепко сложенная, в чёрной шапочке, ответила:

— Потому и нет, что не положено людям иметь крылья.

— Ну, почему мама не разрешает мне стать одной из вас?

— Это вовсе не так уж здорово, как тебе кажется, куколка. За пару крыльев ты будешь расплачиваться вечной жаждой крови.

Длинноволосая фигурка встала на край крыши.

— А если я прыгну, ты меня поймаешь?

— Делать мне больше нечего! — усмехнулась фигура в шапочке. — Отойди от края, у меня для тебя кое-что есть…

Из большой мужской руки в чёрной кожаной перчатке на узкую девичью ладошку скользнула золотая цепочка с кулоном из горного хрусталя в форме капли. Прозвучал серебристый смех.

— Ой, а это по какому поводу?

— Да ни по какому… Просто так.

Нежность, неуклюже взобравшись на острие меча, изо всех сил старалась не сорваться. Чувство, которое тщательно пряталось под наглухо застёгнутой форменной курткой, сейчас осторожно пыталось выглянуть наружу, но всё же было отделено от маленькой тёплой руки кожаной перчаткой. Неулыбчивый рот сурово сжался, не пропустив глупость, готовую сорваться с языка. В самом деле, к чему?.. Ведь она девчонка, ещё совсем ребёнок.

Тёплые губы прижались к холодной щеке.

— Спасибо… Она очень красивая.

Строго сложенные бледные губы коснулись гладкого юного лба.

— Рад, что тебе нравится. Носи на здоровье, детка.

Стук моих каблуков о крышу заставил их обоих слегка вздрогнуть. Алекс, не моргнув глазом, вытянулся, повернулся ко мне лицом и приподнял подбородок, а Карина лучезарно улыбнулась.

— Привет, мама! А мы только что от Гриши. Алекс объявил ему благодарность, а я попросилась с ним за компанию… Завтра будут снимать аппарат. Классно, правда?

9.29. Последний удар

Тело Великого Магистра было возвращено в усыпальницу, и

нам пришлось давать объяснения и приносить извинения руководству Ордена. Юле, мне и Оскару пришлось смиренно принять на себя град упрёков и пустить в ход всю возможную дипломатию, чтобы успокоить их истерику. Дабы исключить возможность нового конфликта и дать хоть какое-то удовлетворение скорбящим членам Ордена, пришлось принести в жертву бойца, проявившего самодеятельность: он был уволен и исключён из "Авроры".

Октавиан был мёртв, но война была ещё не окончена, и мы всё ещё несли потери в стычках с разрозненными остатками "Истинного Ордена". Хотя мы были почти уверены в том, что у них уже не будет сколько-нибудь достойного вожака, нужно было довести уничтожение "Истинного Ордена" до конца. И это надо было сделать как следует.

Едва оправившись, Гриша вернулся в ряды "волков" и сразу же ринулся зачищать остатки банды Октавиана. А те, как ни были деморализованы, всё-таки ухитрились напоследок нанести болезненный удар — не по силам "Авроры", а скорее по сердцам Юли и Карины.

Группа Алекса вернулась на базу изрядно поредевшей. Звук их шагов насторожил моё ухо и заставил сжаться сердце: "волки" ступали необыкновенно тихо и устало. Юля тоже насторожилась. Пепел с её сигары упал мимо пепельницы, и она вздрогнула, услышав за дверью голос Алекса:

— Разрешите войти?

Стискивая пальцами сигару, она жестоко мяла её. Она не могла подняться с кресла, и я сама открыла дверь. Алекс стоял на пороге, весь забрызганный кровью и грязью, с тёмным от щетины подбородком. Я даже не сразу узнала его.

— Разрешите? — повторил он глухо.

Под мышкой он держал чёрный пластиковый пакет, в котором было что-то похожее по очертаниям на мяч. Я молча кивнула, и он вошёл. Каблуки его ботинок стукнули приглушённо, но чётко. Заговорить он смог не сразу, несколько секунд молча смотрел на Юлю.

— Простите, что я в таком виде, — сказал он наконец. — Но я решил доложить незамедлительно.

Юля неотрывно смотрела на округлый предмет в чёрном пакете, а её пальцы крошили сигару. Алекс, кладя пакет на стол, сказал:

— Боюсь, у меня печальные новости. Я… Простите, я не уберёг вашего сына. Здесь то, что осталось от него… Всё, что удалось сохранить.

Растерзанная сигара упала в пепельницу, и бледные пальцы

Юли потянулись к пакету. Заглянув туда, она не закричала, не лишилась чувств: у неё только чуть дрогнули губы.

— Как это произошло? — глухо спросила она.

Алекс стал чётко и последовательно рассказывать, а я, признаться, почти не слушала его: меня беспокоило другое. Сюда шла Карина. Даже не шла, а бежала: от уцелевших "волков" она узнала страшную весть. Я вышла за дверь, и вовремя: Карина билась в руках Виктории.

— Пропусти меня! — кричала она. — Пусти сейчас же!

Удерживая её, Виктория повторяла:

— Нельзя, нельзя. Сейчас туда нельзя.

Увидев меня, Карина сразу бросилась ко мне.

— Мама, я не верю! Он не мог!.. Он мне обещал…

Я, как могла, удерживала её, но, боясь причинить ей боль, держала недостаточно крепко, и ей удалось прорваться. Но дальше порога она не прошла: её не пустил

Алекс, грудью преградив ей путь. Из его железной хватки она, сколько ни билась, так и не смогла вырваться.

— Тише, милая. Не надо.

Алекс легко подхватил её на руки, как тряпичную куклу, а она осыпала его плечи градом ударов и кричала. Он отнёс её в её комнату, уложил на кровать и ещё пару минут удерживал.

— Я сожалею, детка… Это случилось. Никто из нас от этого не застрахован, "волки" рискуют жизнью ежеминутно.

Вряд ли это могло её утешить, и Алекс это понимал. Смертельно усталый, весь покрытый грязью и кровью, чужой и своей, он хотел только одного: чтобы она обняла его и сказала, как она рада видеть его живым. Он с болью смотрел, как она рыдала, а потом тихо позвал её:

— Карина…

Звук её имени, произнесённый его низким и суровым, мужественно-хрипловатым голосом, был необычен: чаще он называл её так же, как я — "куколка". Она услышала и вздрогнула. И увидела его — может быть, впервые. Она увидела на нём кровь и ужаснулась.

— Если ещё и тебя убьют, я не выдержу… Я больше не могу так!

Он молча прижал Карину к себе, а она обняла его за шею. Она во весь голос рыдала и уже сама не отпустила его, когда он, увидев меня, попытался мягко освободиться от кольца её рук. Он сказал ласково:

— Пусти, детка. Мне надо привести себя в порядок. Хотя бы умыться и побриться. Я ещё зайду к тебе.

Сидя рядом с Кариной, я не знала, что ей сказать: слов

утешения не было. Да если бы они и были, приняла бы она их? Оставалось только дать ей выплакать её первое настоящее горе. Оставив с ней Викторию, я вернулась к Юле.

Она всё так же сидела, неотрывно глядя на чёрный пакет остановившимся взглядом и терзая в пальцах новую сигару.

— Вот что я предлагаю, — сказала она. — Всех, кто ещё остался от этой шайки, на месте мы убивать не будем. Будем захватывать их живыми и сажать в камеры, где они будут дожидаться казни. Насчёт способа казни надо подумать… Она должна быть мучительной. Как насчёт того, чтобы сначала четвертовать, потом выпустить кишки, а уж потом обезглавить?

— По-моему, это уж слишком, — сказала я. — Не надо никого мучить. Думаю, вполне достаточно просто истребить их.

В сухих глазах Юли сверкнул ледяной отблеск ярости.

— Какая жалостливая! Разве не справедливо предать их точно такой же смерти, какой умер мой сын? И ещё… Думаю, следует истребить и всех бывших членов Ордена.

— Ты в своём уме, Юля? — поразилась я. — Мы же заключили мир!

Она швырнула в пепельницу остатки сигары, которую она опять беспощадно изорвала и раскрошила.

— Мы зря это сделали. Нужно было идти до конца и изничтожить их всех до последнего!..

— В этом я участвовать не буду, — сказала я. — Если ты хочешь устроить резню, я слагаю с себя командование "волками" и ухожу из "Авроры". Не скрою: всё это мне уже давно чертовски надоело. Прости, Юля, что говорю тебе это в такой тяжёлый момент, но "Аврора" никогда не была моей. Она твоё детище, ты всё это придумала и создала, использовав меня как символ. Я по своей природе одиночка, проживу как-нибудь.

Юля подняла взгляд. Её губы задрожали.

— Аврора, нет… Ты не должна уходить, не должна бросать нас. Это же будет катастрофа! Нет, об этом не может быть и речи. "Аврора" не может без тебя. Если тебя не будет с нами, всё потеряет всякий смысл.

— А был ли он вообще когда-нибудь, этот смысл? — усмехнулась я. — Ладно, не будем сейчас заводить споры… Я соболезную тебе от всего сердца, но согласиться с тем, что ты предлагаешь, не могу. Остынь немного, успокойся, и тогда поговорим.

Карина уже не кричала и не рыдала: она лежала на спине, глядя в потолок мёртвым, неподвижным взглядом. Я отпустила Викторию, а сама вновь села рядом с Кариной, но опять не смогла придумать никаких утешительных слов.

Алекс сдержал своё слово и зашёл к Карине — уже чистый и тщательно выбритый. Увидев меня, он вытянулся и замер.

— Ладно, расслабься, — сказала я.

Алекс подошёл поближе к кровати Карины.

— Я хотел узнать, как она, — сказал он.

— Сам видишь, — ответила я. — Пока неважно.

9.30. Рядовой

— Мне пора, куколка.

Карина вздрогнула, услышав эти слова. Она приподняла голову от подушки и посмотрела на меня.

— Куда ты, мама?

Я ответила:

— Мы производим зачистку. Выслеживаем остатки шайки Октавиана. Их осталось мало, и они теперь мало на что способны без своего лидера, но дело надо доводить до конца.

Карина села, прямая, как стрела, и бледная.

— Мама, не надо… Я не хочу тебя потерять. Я не вынесу, если и ты тоже…

Я засмеялась:

— Да что со мной может случиться, малыш? Ведь до сих пор же ничего не случилось.

— Но ещё может случиться! Мама, я умоляю тебя, пожалуйста… Пусть "волки" занимаются этим, а ты сама останься. Пожалуйста!

Я сказала:

— Карина, я не могу отсиживаться на базе. Это просто не в моём характере.

— Но Юля же может! — не унималась Карина.

— Это её выбор. Но я не стала бы возражать против того, чтобы она взяла меч и попробовала сама слетать хотя бы в один рейд. Тогда она, может быть, сто раз подумала бы, прежде чем отдать малейший приказ.

Вдруг раздался голос Юли:

— Если ты думаешь, что я предпочитаю отсиживаться в безопасном месте и отдавать оттуда приказы, то ты ошибаешься. Не думай, что я буду тебе обузой, я могу оказать реальную помощь.

— Хорошо, — сказала я. — Если ты так жаждешь помочь, то пойдёшь на правах рядового. Никакой самодеятельности, будешь делать только то, что тебе говорят.

— Могла бы и не говорить, — отозвалась Юля. — Я и так безоговорочно тебе подчиняюсь.

— Я имею в виду — не пытаться командовать, — уточнила

я. — Это здесь ты президент, а если пойдёшь с нами, то забудь все свои президентские замашки, понятно?

— Слушаюсь, — усмехнулась она.

— Тогда иди получать форму и оружие.

9.31. Крысиная охота

Мы выбрались из канализации. Рассвет над городом был лимонно-жёлтый и холодный. Одиннадцать перемазанных в дерьме "волков" стояли навытяжку, а Юля, морщась, вытряхивала из ботинка на снег содержимое канализации.

— Не могли они, что ли, спрятаться где почище? — ворчала она.

— Отставить разговоры, — сурово оборвала я. — Старший, доложить результаты.

Старший группы отчеканил:

— Три вражеских элемента ликвидированы. С нашей стороны потерь нет.

Юля, набрав горсть снега, умывалась. Её угораздило искупаться с головы до ног, и она была очень зла. Мы полночи гонялись за тремя истинноорденцами по всей канализационной системе города, наглотались дерьма и промокли, но цель была достигнута. Это мы называли "крысиной охотой".

— Чёрт, грязновато, — отплёвывалась Юля. — Фу, меня прямо выворачивает!..

— А ты что думала? — усмехнулась я. — Нам приходится драться не только в поднебесье. Ну что, жалеешь, что пошла?

— Всё было бы замечательно, если бы было посуше и не так воняло, — буркнула она в ответ.

Я распорядилась:

— Прочесать весь город на предмет возможных оставшихся вражеских элементов. Трое берут северную часть, трое южную, трое восточную, а двое и мы с президентом возьмём западную. До начала дневной человеческой активности в городе осталось два часа, так что надо успеть.

К восьми часам утра было установлено, что город чист.

9.32. Грязная работа

— Я бы не прочь принять сейчас душ, — сказала Юля.

— Это придётся отложить, — ответила я. — Разведка докладывает, что в соседнем городе обнаружены следы пребывания истинноорденцев. Похоже, крупная группировка обосновалась в канализации и жрёт жителей без разбора. Снова предстоит крысиная охота.

— Опять лезть в дерьмо?! — вскричала Юля.

— Ты сама вызвалась помогать, — ответила я сухо. — Впрочем, я тебя не держу. Можешь лететь на базу и мыться.

Юля помешкала и сказала:

— Нет, я с вами. Я хочу убивать этих мерзавцев.

— Тогда полетели.

Данные разведки подтвердились: в городской канализации уютно расположилась группа из шестнадцати "крыс". Снова нырнув в дерьмо, мы обрушились на них. Юле опять "повезло": вспоротый ею живот "крысы" излил на неё поток недавно высосанной, уже начавшей сворачиваться крови.

На этой охоте мы потеряли одного бойца — Эрику Райнер. Перед возвращением на базу я велела всем искупаться в ближайшем проточном водоёме, чтобы смыть основную грязь. Мы разбили на реке лёд и по очереди искупались в проруби, ныряя в воду прямо в одежде. У Юли был с собой пакетик шампуня, и она долго мыла голову, ворча:

— Теперь сколько ни мой, волосы всё равно будут пахнуть…

На базу мы вернулись только к вечеру. Незадолго до нас вернулись две другие группы, которые, по всей видимости, тоже охотились не в самых чистых местах: вся душевая была занята, а в ящике лежала куча грязной одежды.

Юля пошла мыться последней, попросив Викторию принести её махровый халат, полотенце и тапочки.

Карина на этот раз не вышла меня встречать, и мне стало тревожно. Остановившись в дверях её комнаты, я увидела её сидящей на кровати — грустную, нахохлившуюся. Я улыбнулась ей, но она не улыбнулась в ответ, не бросилась ко мне и не повисла на моей шее.

— Всё хорошо, родная. Видишь — я вернулась, целая и невредимая.

Её глаза были усталыми: она не спала всё это время ни минуты. Когда моя ладонь коснулась её щеки, она закрыла их.

— Я так устала за тебя бояться, мама.

Измотанная бессонным ожиданием и тревогой, она была бледной, как юная хищница. Я откинула одеяло и заставила её улечься, укрыла её и поцеловала.

— Всё, малыш, теперь спи. Скоро всё это закончится.

9.33. Замок из песка

Каспар прибыл на базу для сопровождения Юли: она возвращалась домой. С собой они уносили урну с прахом.

— У меня для вас послание от вашего мужа. Он хотел бы, чтобы вы…

— Я и сама собираюсь слетать к нему в Питер, узнать, как

дела, — перебила Каспара Юля. — Летим к нему прямо сейчас, а потом в штаб-квартиру "Авроры".

А я, назначив Алекса моим заместителем, взяла Карину на мой любимый необитаемый остров, где мы с Юлей когда-то отдыхали. Карине было просто необходимо увидеть небо и подставить побледневшее лицо солнечным лучам, послушать шум океана и взбодриться под прозрачными струями родника в глубине острова.

Тёплый песок утекал между пальцев Карины, а в её каштановых блестящих волосах белел цветок лилии.

— С самого детства не играла с песком, — сказала Карина с задумчивой улыбкой. — Всегда мечтала построить из песка большой-большой замок.

— Давай построим, — согласилась я.

Её глаза были печальны. Наверно, даже всей моей любви было мало, чтобы прогнать эту тоску. Хотя на её глазах не было видно слёз, в душе у неё была пустота. У меня не поворачивался язык, чтобы сказать ей, что она ещё встретит хорошего парня: слишком свежа была рана в её сердце. Мы строили на берегу песчаный замок с башнями и рвом, трудились над зубцами на замковой стене, изображали даже кирпичную кладку. Мы знали, что скоро прилив не оставит от наших трудов и следа, но сейчас это было неважно. Солнце в безоблачном небе грело, лазурная волна шептала. Это был кусочек рая посреди кромешного ада, чудесный сон, которому, как и всем снам, суждено было закончиться. Но, пока он продолжался, нам было хорошо.

9.34. Подземный ад и наземный рай

— Мама, давай ещё слетаем на тот остров. Мне там понравилось.

— Прости, куколка, прямо сейчас я не могу. Давай попозже.

— Мамочка, я сойду с ума здесь!

Я вздохнула. Мои мечи в ножнах жаждали вражеской крови, а Карина просила солнца и тепла. Я и сама понимала, что ей не место здесь, но что я могла поделать? В римских катакомбах бесследно пропала целая экскурсия, и по данным разведки, это было дело рук обосновавшейся там группировки оставшихся в живых истинноорденцев.

— Мы срочно летим в Рим, — сказала я. — Похоже, там орудуют наши крысы. Они сожрали туристов, представляешь? С ними надо разобраться. Мы слетаем туда, а после этого мы с тобой рванём на остров, моя красавица. Обещаю.

Карина вздохнула и опустила голову.

— Мама, я свихнусь, — глухо простонала она. — Я серьёзно.

— А может, потерпишь?

Она печально покачала головой. Я не знала, что ответить. В этот момент в дверь постучал Алекс: он пришёл за подтверждением на трёхдневный отпуск, который я ему пожаловала за отличную службу.

— Мама, если ты не можешь полететь со мной сама, то, может быть, ты отпустишь меня с Алексом, раз уж у него отпуск? — с надеждой заглядывая мне в глаза, спросила Карина. — Если он будет со мной, ты точно можешь за меня не беспокоиться.

Хотя на лице Алекса не дрогнул ни один мускул, от меня не укрылось, как под его безупречно сидящей, застёгнутой по самое горло форменной курткой шевельнулось чувство. Его суровое сердце ёкнуло и сжалось, но язык его остался по-прежнему нем.

Я заметила:

— А ты у Алекса спросила? Может быть, у него есть свои планы на отпуск, и работа телохранителем в них совсем не входит? А вдруг он хотел, скажем, навестить подругу, а тут ты со своими прихотями?

Брови Карины удивлённо взлетели, она посмотрела на Алекса.

— Алекс, у тебя что, есть девушка?

— Гм, никак нет, — сдержанно ответил тот.

— Ну вот, видишь, — сказала Карина. — Какая у него может быть девушка, мама? О чём ты? Из-за этой вашей войны у вас всех нет никакой личной жизни. Я думаю, Алекс не будет против. Алекс, ты ведь не против?

— Если Аврора прикажет, — ответил он.

— Я могу приказать, — сказала я. — Но ты-то сам — как?

— Я готов, — заявил Алекс, встав подчёркнуто прямо.

— Ой, здорово, — обрадовалась Карина. — Спасибо тебе большое!

Она обняла его за плечи и чмокнула в щёку. Не представляю, как можно оставаться каменным в объятиях Карины, утопая в её головокружительном аромате, но Алексу это удалось. С тем же успехом Карина могла обнимать статую.

— Хорошо, — сказала я. — Но ты отвечаешь за неё головой, Алекс.

Я объяснила Алексу, как найти тот остров. Карина надела купальник и парео, а сверху накинула пальто — чтобы не замёрзнуть в полёте. Она обняла плечи Алекса, когда тот поднимал её на руки, и улыбнулась ему ясно и доверчиво. Бережно прижав её к себе, он раскинул крылья, огромные,

огненно-красные с чёрными пятнышками на концах маховых перьев, и взмыл в небо.

Беготня по римским катакомбам заняла целую ночь. Там определённо пахло смертью, и можно было не сомневаться, что найти туристов живыми вряд ли удастся: все они стали пищей истинноорденцев, облюбовавших эти катакомбы. Кое-где слышалось сытое урчание шакальих животов: эти твари тоже попировали на славу. Трудность этой операции состояла в том, что не мы одни бродили по подземным ходам. Мы чуть не столкнулись с поисковой группой, состоявшей из местной полиции и спасателей, и нескольким "волкам" пришлось отвлекать их внимание, пока другие преследовали "крыс". На этот раз их решено было захватить живыми, и для этого мы стреляли в них шприцами с 96-процентным спиртом. Десять граммов C2H5OH вырубали их полностью, и нам оставалось только выносить их бесчувственные тела наружу. Всего мы нашли и вытащили из катакомб девять истинноорденцев.

Набегающие на берег пенные гряды мерцали зеленоватым светом, в фиолетово-синем небе мерцала россыпь звёзд. На песке, глядя на подсвеченный голубым горизонт, сидели две фигуры — локоть к локтю. У одной была толстая тёмная коса, другая — с круглым лысым черепом.

— У тебя когда-нибудь была девушка? — спросила одна фигура другую.

— Да, была когда-то давно, — ответила другая фигура, сидевшая рядом. — Но мы расстались.

— Почему?

— Я вступил в "Аврору", а она осталась в Ордене.

— И ты больше никогда с ней не виделся?

— Только один раз.

— И?..

— Она схватила маленькую девочку и хотела выпить её кровь. Я сделал то, что должен был сделать.

— Что ты сделал?

— Отнял у неё девочку.

Фигурка с косой спросила с содроганием:

— А с ней ты что сделал?.. Убил?

Другая фигура покачала бритой головой.

— Нет. Я отрубил ей одно крыло. Сначала я не узнал её, а когда узнал, было уже поздно.

Фигуры долго молчали. Потом обладательница толстой косы робко погладила собеседника по плечу и сказала:

— Сочувствую тебе… Ты, наверно, любил её.

— Это была не любовь, — ответил тот мрачно.

— А что же?

— Не знаю. Давай не будем на эту тему, детка.

— Ладно, как скажешь.

— Тебе не холодно, куколка?

— Да, чуть-чуть. Стало прохладно.

Бритоголовая фигура сняла куртку и накинула собеседнице на плечи.

— Ух, какая она у тебя холодная, — поёжилась та.

О чём-то вспомнив, она впала в печальную задумчивость. Видно, ей вспомнилось, как один молодой "волк" точно так же накинул ей на плечи холодную куртку, и как они чуть не поцеловались ночью в раздевалке.

Её собеседник тоже находился в тяжёлой задумчивости. Пора это признать, мрачно думал он. Нет смысла отрицать, убеждать себя в обратном, пытаться выдать это за что-то другое. Пора это признать и смириться с этим, потому что бороться против этого невозможно. Он пытался с этим бороться — честно пытался, но ничего не вышло.

У неё в руке было рыжее перо, она вертела его в пальцах. "Волк" узнал его.

— Я стояла у окна, одна-одинёшенька… В целом мире. А всем было плевать — так мне тогда казалось. Ты шёл к маме в палату… Наверно, по какому-то делу. Ты мог бы пройти мимо меня, но ты не прошёл. Ты остановился и спросил, что случилось. Тебе было не всё равно. Знаешь, когда я впервые тебя увидела, я жутко испугалась… — Она тихо засмеялась, потом склонила голову на плечо "волка". — Я тогда ещё не знала, какой ты.

"Волк" взял у неё рыжее перо и тоже повертел в пальцах. Да, с той самой первой встречи он не переставал думать о ней. Тогда он ещё не понимал, что это такое. Ерунда, говорил он себе, этого не может быть, она всего лишь девочка. Сейчас не время — вот что он говорил себе чаще всего.

— И какой я? — усмехнулся он.

— Самый сильный. Самый лучший. С тобой я ничего не боюсь! Я знаю, ты защитишь меня от всего и от всех. — Она вздохнула. И вдруг попросила: — Скажи это!

— Что сказать? — нахмурился "волк".

— То, что ты давно хочешь мне сказать, но почему-то молчишь. Ты, наверно, сам в это не можешь поверить, да? Скажи, пожалуйста! — Её ручка проскользнула ему под локоть. — Скажи, я хочу это услышать.

Он не был до конца уверен, что это то самое, но ничего другого не было. Он сказал, не веря собственным ушам:

— Я люблю тебя, Карина.

Она засмеялась, вскочила и закружилась на песке, потом остановилась как вкопанная, сверкая глазами и маня улыбкой. "Волк" тоже поднялся.

— Не играй со мной, — сказал он. — У меня нет времени на глупости.

Она шагнула к нему и прижалась к его груди.

— Обними меня… Пожалуйста, обними.

Его руки поднялись и обняли её.

— Глава 10. Мир

10.1. Новый командир

Теперь, когда война кончилась, и уничтожать стало некого, что оставалось делать "чёрным волкам"? Было решено, что они станут особым подразделением, функция которого будет состоять в поддержании внутреннего порядка в рядах "Авроры".

Я чувствовала безмерную усталость. Я и прежде её чувствовала, но раньше был стимул и смысл её побеждать, а сейчас со мной происходило что-то непонятное. Крылья и сердце налились свинцовой тяжестью, шею пригибал книзу невидимый груз, который мешал даже думать. Когда я объявила о своём намерении уйти с поста командира "чёрных волков", все члены отряда выразили единогласный протест. Они заявили, что не примут другого командира — например, Каспара, который, кстати сказать, давно мечтал возглавить "волков" и не раз намекал мне об этом. Но я сказала:

— Ребята, я устала. Я вас очень люблю, но чувствую, что больше не могу. Насчёт нового командира не беспокойтесь: никто чужой к вам не придёт. Отряд возглавит один из вас, и вы его хорошо знаете. Алекс, подойди сюда.

Он не сразу двинулся с места. Пару секунд он постоял, как бы в раздумье, а потом подошёл, как всегда, чётким и скорым шагом. Я положила руку ему на плечо и повернула его лицом ко всем остальным "волкам".

— Вот ваш новый командир. Думаю, он сможет надлежащим образом исполнять эти обязанности. Тем более что у него уже есть такой опыт.

Возник ещё один вопрос: кто будет непосредственным начальником командира отряда "чёрных волков"? Невзирая на намёки Каспара о том, что он хотел бы влить отряд в своё ведомство, тем более что предписанная им отныне функция вроде бы совпадала с функцией возглавляемой им службы безопасности, я прямым указом подчинила командира отряда президенту "Авроры".

— Аврора, но тем самым ты создаёшь подразделение, которое будет, по сути, дублировать службу безопасности, — заметил Каспар. — Тебе, конечно, лучше знать, но я полагал, что так вроде бы не делается. Или, может быть, ты имеешь что-то против моей кандидатуры? Признаю, поводы для твоего недовольства мной, увы, были… Но я всеми силами старался загладить свою вину.

Я обняла его.

— Ну что ты, старина, против тебя лично я, конечно же, ничего не имею. Всё в порядке, я не держу никакой обиды на тебя. Ты как был моим лучшим другом, так им и останешься, что бы ни случилось. Просто "волки" — гордые ребята. Думаю, после того как ими командовала сама Аврора, они не захотят подчиняться кому-либо, кто стоит должностью ниже президента. Это уж как минимум. Твоя служба останется твоей службой, а "волки" станут президентской гвардией.

10.2. Бьянка

Сбросив со своих плеч это бремя, я исполнила свою давнюю мечту снова пожить одиночкой в каком-нибудь уединённом месте. Я забралась, как я думала, в неизведанную глушь — на маленький безымянный островок в Индийском океане. Два дня я наслаждалась пением тропических птиц, сочной зеленью девственного леса и полным уединением, пока на третью ночь не проснулась от острого ощущения чьего-то присутствия. Чужак прятался в лесу, не приближаясь ко мне, но присматриваясь. Это было не животное, но и не человек. Мне потребовалась пара секунд, чтобы проникнуть в сердце его тени и понять, что это был последний из истинноорденцев. Спустя ещё секунду мне стало ясно, что он очень ослаблен — возможно, ранен, поэтому и не торопится нападать на меня.

— Выходи! — позвала я. — Я почуяла тебя, и теперь тебе от меня всё равно не спрятаться.

Сначала я увидела тускло мерцающие глаза, похожие на глаза голодного шакала. Они зажглись в темноте под раскидистыми ветками, а потом из мрака проступило тёмное и очень худое лицо с падающими на лоб грязными прядями волос. Из зарослей вышла истощенная и чумазая женщина со спутанными волосами — живой скелет, обтянутый кожей. Болтавшиеся на ней отрепья одежды были цвета земли. Единственной чистой и светлой вещью у неё был широкий мачете, рукоять которого она сжимала в костлявой руке. Поднять его она ещё могла, но вряд ли у неё достало бы сил нанести им приличный удар. Однако широкий клинок поблёскивал холодно и грозно, и я слегка напряглась, так как была безоружна. Незнакомка, угрожающе направляя в мою сторону своё оружие, шагнула вперёд, на свободное от деревьев пространство, и сказала хриплым и глухим, мёртвым голосом:

— Это мой остров. Убирайся отсюда прочь, а не то тебе не поздоровится!

Да, похоже, особым гостеприимством она не отличалась.

— Да уж, вдвоём нам здесь точно не ужиться, — усмехнулась

я. — Жаль покидать этот милый островок, но мне не хотелось бы делить его с такой нелюбезной соседкой. Я уйду, не беспокойся. Уж прости моё любопытство, но позволь узнать, кто ты такая и как давно торчишь здесь?

— Я Бьянка, — ответила неприветливая островитянка, опуская оружие. — Мой отряд был поголовно истреблён "волками", я одна осталась в живых. Улететь отсюда я не могу, потому что ваши чёрные псы искалечили меня, отрубили крылья. Как давно я здесь торчу, я не знаю. Я потеряла счёт времени. Питаюсь кровью зверей. Так и живу.

— И никто из ваших не заглядывал сюда, чтобы забрать тебя? — спросила я.

— Обо мне забыли, — угрюмо ответила Бьянка. — Меня никто не слышит.

— Тогда ты, наверно, не в курсе последних новостей, — сказала я. — Тебя и не может никто услышать, потому что движение Октавиана угасло, и все его последователи ушли в небытие. Война кончилась. Вы проиграли.

Она не удивилась, только стала ещё угрюмее, хотя это казалось уже невозможным. Она выпустила из рук мачете и осела на землю, как будто её внезапно покинули немногие остатки сил, ещё теплившиеся в ней. Вперив в меня взгляд холодных глаз, сузившихся то ли от дурноты, то ли от ненависти, она проговорила с усмешкой:

— А ты… Смотри, какая сытая, откормленная! Небось, летаешь, где хочешь — крылья-то есть… Сосёшь кровь людишек. Всё тебе нипочём, да? Ну конечно, как же может быть иначе…

10.3. Удар милосердия

— Аврора! Не может быть!

Она оживилась, села прямее, её глаза замерцали ярче.

— Вот так сюрприз… Сама, собственной персоной — здесь! Вот уж не ждала, что когда-нибудь тебя увижу. — Несмотря на слабость, Бьянка даже засмеялась — глухо, сипло. — Кто бы мог подумать, что ты сама ко мне придёшь… Сказать кому — не поверят. Это надо же, какой чести я удостоилась — лицезреть саму Аврору собственными глазами… Уж не по мою ли душу ты пришла, а? Хотя что я говорю: кому теперь до меня дело? Я слишком мелкая букашка, чтобы сама Аврора беспокоилась из-за меня.

Она умолкла и прикрыла веками впалые глаза. Она вдруг почему-то до боли в сердце напомнила мне Эйне, и я, повинуясь какому-то странному порыву, подошла к ней ближе.

— Так значит, Аврора, — вздохнула она. — О, где мои силы!

Встретились бы мы этак с полгодика назад — не знаю, ушла ли бы ты живой. Какую злую шутку сыграла со мной судьба!.. Сколько раз я мечтала встретиться с тобой лицом к лицу, сойтись с тобой в поединке… Сколько раз я представляла себе, как я тебя убиваю! Но тогда я была полна сил, а сейчас… Сейчас ты передо мной, но у меня нет сил с тобой драться. Какая ирония…

Бьянка открыла глаза и снова устремила на меня мутный взгляд.

— Послушай, Аврора, может, ты нанесёшь мне, так сказать, coup de grace — убьёшь меня из сострадания? — сказала она, протягивая мне мачете. — Ты же видишь, какое жалкое существование я здесь влачу. У меня нет никаких шансов завершить его достойно. Так пусть я хоть умру не от голода, а от твоей руки… А? Один удар — и всё. Конец мучениям.

Я нерешительно взяла у неё мачете, но не спешила наносить удар, о котором она меня просила. Признаться, у меня давно не было желания с кем-либо драться: я была уже сыта этим по горло. Умом я понимала эту несчастную: на её месте я, возможно, попросила бы о том же самом. Но у меня не поднималась на неё рука, а в сердце уже не осталось злости, без которой невозможно начать драться. Я телепатически связалась с Каспаром и сообщила ему о своей находке.

— Тебя заберут, — сказала я Бьянке. — И предадут суду.

— Нет! — закричала она с жутко искажённым лицом, цепляясь за мои ноги. — Если в тебе есть хоть капля великодушия, ты не отдашь меня своим псам! Ну что тебе стоит?! Конечно, тебе зазорно пачкать руки о такое ничтожество, как я, но я прошу тебя, удостой меня своего удара! О лучшем конце я и мечтать не смею!

— Я не хочу убивать тебя, — сказала я, отбрасывая мачете в кусты. — Ты не можешь мне противостоять. Ты даже на ногах не держишься. Я так не привыкла.

— Ах, вот как! Не привыкла!.. Ну, тогда…

Ощетинившись и оскалив длинные жёлтые клыки, она встала на четвереньки, став очень похожа на крайне отощавшего шакала. По-звериному рыча, она прыгнула на меня и впилась зубами мне в ногу. Вскрикнув от боли, я свободной ногой пнула её в живот, и она отлетела на несколько метров. Зажав рукой рану, я смотрела на Бьянку: она лежала неподвижно во влажной траве. Неужели я одним ударом вышибла из неё весь дух? Или, может быть, я поторопилась выкинуть мачете?

Бьянка всё-таки пришла в себя через несколько минут. Открыв глаза и увидев меня, она простонала:

— Ты всё ещё не убила меня? Прошу тебя, убей меня до того, как прилетят твои псы. Если у тебя есть хоть капля совести… К поверженному врагу нужно проявлять милосердие.

— Да, я слышала об этом, — сказала я. — Это рыцарский кодекс чести, но я не знаю, какое он имеет отношение к нам. Полагаю, никакого. И вообще, мне уже не хочется никого делить на друзей и врагов. Всё это мне порядком надоело.

Из последних сил она опять попыталась на меня броситься, но я отшвырнула её, и она, ударившись о землю, опять потеряла сознание. Я устало села на землю, прислонившись спиной к стволу дерева. Кто бы знал, как мне уже невмоготу!

10.4. Предел

Пару раз Бьянка приходила в себя и делала слабые попытки напасть на меня, но я каждый раз вырубала её ударом — так мы и скоротали время до прибытия Каспара. Он прилетел примерно через час, но не один, а в сопровождении Алекса и целой группы "волков".

— Аврора, как ты? — Каспар сразу же бросился ко мне, осматривая меня и ощупывая.

— Сам видишь — в порядке, — ответила я. И усмехнулась, окинув взглядом десяток "волков" с обнажёнными мечами: — Куда вас столько прилетело! Врага обезвреживать, что ли? А враг-то — даже и не враг, а так.

Алекс подошёл к лежавшей на земле Бьянке и легонько толкнул её в бок носком ботинка — брезгливо, как какую-нибудь падаль:

— Дохлая, что ли?

Бьянка открыла глаза, обвела вокруг себя туманящимся взглядом. Разлепив пересохшие губы, она выдавила еле слышно:

— Псы проклятые… Ненавижу…

Алекс усмехнулся:

— Ишь ты, живая. А я уж думал — сдохла. От неё уже мертвечиной несёт.

Бьянка прохрипела:

— И от тебя несло бы не лучше, если бы ты полгода питался одной лишь козьей кровью, авроровский пёс…

Алекс, наступив ботинком ей на горло, процедил:

— Заткнись, дохлятина.

"Волки", сочтя угрозу минимальной, вложили мечи в ножны. Каспар уже обрабатывал укус на моей ноге: сделав на моих брюках надрез в этом месте, он промокнул рану ватным тампоном, смоченным в какой-то резко пахнущей жидкости, наложил марлевую салфетку и прибинтовал. Бьянка тем

временем собрала последние силы и поднялась на четвереньки. У неё тряслась голова, как у страдающей паркинсонизмом старухи, из приоткрытого клыкастого рта падала тягучая слюна, а взгляд был подёрнут мутной пеленой бессильной ярости. Она пыталась встать, но у неё дрожали и подгибались колени. Она представляла собой жалкое зрелище.

— Я вам всем… глотки вырву, — прохрипела она.

Было ясно, что ни на что подобное она уже не способна, однако она всё же сделала попытку. И получила от Алекса тяжкий удар ботинком в грудь, от которого она отлетела шагов на двадцать, с ужасающим хрустом ударилась спиной о ствол дерева и рухнула в траву. Изо рта у неё хлынул поток чёрной крови, её тело несколько раз судорожно дёрнулось и замерло, уставившись застывшим взглядом в тёмное небо. В мою руку вонзилась игла шприца.

— Профилактика инфекции, — сказал Каспар, надавливая на поршень. — Вряд ли у этой дряни зубы стерильно чистые. Тяпнула-то она тебя неслабо.

Алекс занёс над Бьянкой меч. Я закрыла глаза, чтобы не видеть, но это не спасло: удар был прекрасно слышен. Так же, как в спине Бьянки, ударившейся о дерево, во мне что-то хрустнуло. К горлу подступили слёзы, но я сдерживала их, как могла, кусая губу.

— Аврора, как ты? — спросил Каспар озабоченно.

— В порядке, — ответила я сдавленно, не открывая глаз.

Послышался голос Алекса:

— Что прикажешь делать с телом?

Мой язык не поворачивался. Каспар сказал:

— Бросьте в воду.

На это Алекс сдержанно ответил:

— Я слушаю только приказы Авроры.

— Давайте не будем рядиться, — сказал Каспар. — Делайте с телом что угодно. Это не имеет значения.

Алекс заупрямился:

— Пусть Аврора скажет мне это, и я исполню всё так, как она скажет.

Я выдавила:

— Избавься от тела, Алекс. Поскорее.

— Слушаюсь, — отозвался тот. — А что прикажешь после этого? Тебе нужна наша помощь? Сопровождение?

Они были готовы на руках нести меня, куда я прикажу — хоть на край света. В глазах каждого была готовность отдать свою жизнь за мою. Наверно, больше нигде я не найду такой беззаветной преданности.

— Нет, ничего не нужно, — выговорила я. — Вы свободны.

Пожалуйста, уходите поскорее, потому что я сейчас рассыплюсь на куски. Я не хочу, чтобы это кто-то видел. Ещё недавно у меня внутри был твёрдый стержень, а сейчас там всё разболталось, как в старом механизме. Наверно, настал мой предел. Потолок моих возможностей.

10.5. Друзья

Я осталась наедине с Каспаром. Уткнувшись лбом в ствол дерева, я стиснула зубы, но слёзы текли по моему лицу. Перед глазами у меня без конца прокручивались эти кадры: удар ботинка, отлетающее измождённое тело, удар о дерево, кровь, судороги. А в ушах звучал удар меча.

На плечи мне легли руки Каспара.

— Ты что, старушка?

Меня неукротимо трясло. Каспар привлёк меня к себе, обнял. Я всхлипывала у него на плече.

— Ну что ты, что ты, родная! Ты чего раскисла? Ну-ка…

Хорошо, что Алекс и "волки" не видели, как я раскисла. Что они обо мне подумали бы! А Каспар — старый друг, он никому не скажет.

— Понимаешь, она хотела, чтобы я убила её сама, — выговорила я сквозь рыдания. — Я сама, а не "волки"… Она просила меня… А я смалодушничала… позвала вас. Она просила удар милосердия.

— Она просила — она получила, — сказал Каспар. — Алекс прикончил её. Что ещё нужно?

— Она просила меня, а не его!..

— И из-за этого ты хнычешь? Как тебе не стыдно! Вспомни тюрьму Ордена. Да, тяжёлое было время, но я всегда восхищался твоей стойкостью… Ты держалась лучше всех. Кремень! Железо! Тебя мучили, морили голодом, били, но не выжали из тебя ни одной слезинки. Ты выстояла, не сломалась! А сейчас… хлюпаешь. Ну, как тебе не стыдно!

— Наверно, кончился мой запас прочности, — всхлипнула я, утыкаясь лбом Каспару в плечо.

— Не говори глупостей, — улыбнулся он, поднимая моё лицо за подбородок и заглядывая мне в глаза. — Ты особенная. Ты никогда не сломаешься.

— Странно, я почему-то в этом не так уверена, — вздохнула я. И спросила, посмотрев ему в глаза: — Скажи, Каспар, ты меня любишь?

Он без колебаний ответил:

— Конечно, люблю, старушка. А ты в этом сомневаешься?

— Тогда почему ты женился на Регине?

Он улыбнулся.

— Я не знаю, как тебе ответить, Аврора. Право же, ты ставишь меня в тупик.

— Ладно, не отвечай, — сказала я. — Сама не знаю, зачем спросила.

Врёшь: знаешь. Потому что ты до сих пор одна, старушка.

А Каспар вдруг взял и поцеловал меня. Прямо-таки задушил поцелуем, прижав к стволу дерева, и из его объятий было неимоверно трудно вырваться. Не скрою: это было очень сладко, но я всё-таки прекратила это.

— Это не очень хорошая идея, старина. Ты женат, у тебя дети. Ну, и всё такое. Не мне тебе рассказывать. В общем, нам лучше остаться друзьями.

Его страстные объятия ослабли и перешли в дружеское пожатие рук.

— Как скажешь, Аврора. Друзья так друзья.

И мы остались друзьями.

10.6. Большая девочка

За последние несколько месяцев я сменила много городов, нигде не задерживаясь надолго. Наверно, быть перекати-поле написано мне на роду, и это невозможно изменить ничем, никакими средствами, даже такими радикальными, как замужество и рождение детей. Впрочем, таким способом ещё никто не пытался привязать меня к месту, поэтому в этом отношении я могу быть и не совсем точна.

Карина почти совсем выросла. Она поступила в Гейдельбергский университет на медицинский факультет — разумеется, не без помощи дока Гермионы и Юли. А под новый год она преподнесла мне сюрприз, собравшись выходить замуж. Узнала я об этом не от неё самой, а от Алекса, который разыскал меня в моём любимом городе — в Париже.

Местом нашей встречи стал Люксембургский сад. Я шла, стуча каблуками по звонкой промёрзшей аллее, а он шёл мне навстречу — в форме "волка", подтянутый и выбритый, в безупречно начищенных ботинках. Я удивилась:

— О, а ты какими судьбами здесь?

Он остановился передо мной по стойке "смирно", хотя на мне уже не было формы, и я не являлась его командиром.

— Аврора, мне нужно с тобой поговорить, — сказал он. — Дело в том, что я собираюсь жениться…

Не дослушав, я принялась его поздравлять:

— Ну наконец-то! А я уж думала, что ты так и останешься вечным холостяком! И кому же это так повезло?

Сияя ему улыбкой, я почувствовала в груди укол печали: дождалась. Ещё одного мужчину упустила, старушка. Хотя, впрочем, какого чёрта? О чём я говорю? С какой стати я считаю Каспара и Алекса моими мужчинами? Они никогда не были моими.

— Значит, она тебе не сказала? — проговорил Алекс, замешкавшись.

— Она? — насторожилась я. — Кто это — она?

— Карина, — сказал Алекс осторожно. — Вообще-то, я пришёл к тебе просить её руки.

Меня поразила не столько его церемонность — в наши-то дни просить руки, как встарь! — сколько имя его избранницы. Я решила, что ослышалась.

— Постой, — сказала я, беря его за язычок замка молнии на куртке. — Какую Карину ты имеешь в виду?.. Мою? Мою Карину?

— Да, её, — ответил он.

— С какой стати ты просишь у меня её руки? — окончательно обалдела и запуталась я.

Услышав это, обычно неулыбчивый Алекс изменил своему обыкновению — удивлённо улыбнулся:

— Как это — с какой? Потому что мы хотим пожениться.

— Постой, постой, я что-то не въезжаю, — сказала я. — Повтори ещё раз. Ты хочешь сказать, что эта балбеска собралась за тебя замуж?

— Не называй её так, — сказал Алекс серьёзно. — Она очень хорошая девочка.

— В том-то и дело, что девочка! — воскликнула я. — Ей об учёбе думать надо, а она… замуж!

— Одно другому не мешает, — рассудительно заметил Алекс. — Пусть учится, разве я против? Обручальное кольцо на пальце не будет ей помехой для получения образования.

Глядя в его правдивые и суровые глаза, я спросила:

— Но почему? Почему тебе понадобилась именно она, почему не кто-нибудь другой?

Алекс достойно выдержал мой испытующий взор.

— Странный вопрос, Аврора, — сказал он. — И ещё более странно, что ты его задаёшь, вместо того чтобы просто заглянуть в моё сердце.

— Но я… Я думала, что у тебя к ней только отеческие чувства, — пробормотала я. — Чёрт побери, Алекс, ты же в самом деле годишься ей в отцы! Я не верю, чтобы ты, взрослый, серьёзный мужчина, мог влюбиться в девчонку! Ведь это ты тогда

положил в пакет с тёплыми вещами плюшевого мишку, когда она впервые оказалась на базе "волков", и я попросила вас добыть для неё человеческой еды!

Алекс улыбнулся.

— Если ты не заметила, она очень подросла с тех пор.

Я уже раскрыла рот, чтобы привести ещё один довод, но Алекс опередил меня ответом:

— Не бойся, я не возражаю против того, чтобы она оставалась человеком. А если она захочет обратиться, то это тоже будет только по её воле.

— Постой! — перебила я. — Что ты всё "я" да "я", как будто ты всё уже за всех решил? Что говорит она сама?

— А это ты у неё спроси, — улыбнулся Алекс.

Как раз в этот момент у меня зазвонил телефон, и я услышала голос Карины:

— Привет, мамочка. Ты сейчас далеко? Я хотела бы с тобой поговорить.

— Да, поговорить нам необходимо, — сказала я. — Я сейчас встретилась с Алексом, и он мне такое сказал… Не знаю, что и думать. Что это за ерунда с замужеством?

— Это не ерунда, мама, — сказала она чуть обиженно. — Это правда.

— Куколка, я ничего не понимаю! — вскричала я. — Всё это как-то слишком скоропалительно и совершенно непостижимо. Я не верю, что ты всерьёз приняла такое решение.

— Придётся поверить, мама, — засмеялась она. — Я уже большая девочка.

10.7. Призрак

Всё это не укладывалось у меня в голове. Это было бы более понятно, если бы я видела развитие их отношений, что-то вроде романа. Всё, что я видела, нельзя было назвать романом даже с большой натяжкой: лишь пара встреч, невинные прикосновения да трёхдневный отпуск на острове. И после этого-то — вдруг свадьба. Или я ослепла, или Алекс ухитрялся ухаживать за Кариной так скрытно, что я ничего не заметила. Я была поражена, мне не верилось, что моя маленькая Карина, моя куколка — уже невеста. Но кого она выбрала! Будь это даже обычный парень, человек, я бы и то усомнилась в серьёзности и зрелости этого шага, но "чёрный волк"!.. Нет, Алекс был моим другом и соратником, я хорошо его знала и ничуть не сомневалась в его достоинствах, но он был "чёрным волком" и хищником. А она — человеком. Думаю, дальше не нужно объяснять.

В ту же ночь, не утерпев, я прилетела к Карине в университет.

Стоя под окнами жилого корпуса, я нашла её окно. Оно светилось приглушённым светом: Карина ещё не спала — скорее всего, что-то читала. Я набрала её номер.

— Да, — ответил мне через секунду её голос.

— Кариночка, милая, я стою у тебя под окном. Я не нахожу себе места, я хочу с тобой поговорить. Или выйди ко мне, или открой окно и впусти меня.

— Сейчас. — В окне появился знакомый силуэт, и оно открылось. — Залетай, мам.

Я впорхнула в её окно. У неё на прикроватной тумбочке горела лампа, на экране ноутбука был текст на английском языке, а вся кровать была завалена открытыми книгами. Похоже, Карина не собиралась в ближайшее время ложиться спать.

— Над рефератом парюсь, — объяснила она. — Сдавать уже завтра. Я тут слегка запустила это дело, так что теперь приходится штурмовать.

Я сказала:

— Тогда не буду отнимать у тебя время. Кроме реферата, тебе надо ещё хоть немного поспать.

— Да ничего, — улыбнулась она. — Мне осталось всего пару страничек дописать. Успею. Что ты хотела, мама? Я слушаю.

Она сбросила со стула одежду и предложила мне сесть. Я села, а она устроилась в крутящемся кресле перед компьютерным столом.

— Родная моя, у меня всё никак не укладывается в голове эта твоя затея выйти замуж… Неужели это серьёзно?

Она качнулась в кресле и кивнула.

— Но ведь тебе нужно учиться, детка.

— А мы и не торопимся, — сказала Карина. — Мы подумали и решили, что пожениться мы можем во время больших летних каникул.

Я задала вопрос, который меня донимал больше всего:

— Карина, почему именно он? Ты хоть любишь его?

Взгляд Карины был ясный, серьёзный и спокойный. Играя поясом халата, она сказала:

— Он настоящий мужчина. Я хочу быть с ним.

— Быстро же ты забыла Гришу, — тихо заметила я. — Помнится, ты так страдала по нему, что мне казалось, ты ещё долго не сможешь ни с кем встречаться.

Брови Карины чуть нахмурились, но она расправила их и улыбнулась задумчиво и грустно.

— Я тогда была маленькая и глупая.

Я не сдержала усмешки.

— А сейчас ты большая и умная, да?

— Я порой сама поражаюсь тому, как быстро я меняюсь, — проговорила Карина, водя пальцами по клавиатуре. — Многое изменилось с тех пор, мама. Я стала другая.

— Так, может быть, эти изменения ещё не завершились? — предположила я. — И стоит подождать со свадьбой? Не исключено, что ещё что-нибудь изменится. Ты можешь встретить человека, который окажется твоей судьбой.

— Не исключено, что что-нибудь изменится, — задумчиво кивнула Карина. — Да, скорее всего, изменится. Но Алекса я не разлюблю.

— Карина, я не понимаю тебя, — призналась я.

Она улыбнулась, распахнув мне навстречу чайный омут своих глаз.

— Мамочка, ты же умеешь читать в сердце теней. Моё сердце открыто, прочти в нём сама всё то, что ты не понимаешь из моих слов.

В её сердце была сильная мужская фигура с ярко-красными крыльями, на кончиках маховых перьев были чёрные отметины. Прямой строгий взгляд, суровый неулыбчивый рот, сильные руки. "Я найду того, кто это сделал". На широкой ладони, обтянутой чёрной кожаной перчаткой, поблёскивала золотая цепочка с хрустальным кулоном-капелькой. Фиолетово-синее звёздное небо, прибой и мужской локоть рядом. Широкое твёрдое плечо, тяжёлая рука скользит по волосам. Суровый взгляд смягчается от нежности, неулыбчивые губы улыбаются. "Я люблю тебя, куколка".

А где-то вдалеке, за туманной дымкой проступал смутный образ молодого "волка": он удалялся, уходил в туман.

— Я не знаю, почему именно он. Он просто есть, и всё. Я не могу это объяснить. И знаешь, он будет любить меня независимо от того, останусь ли я человеком или стану одной из вас. Он говорит, что я тёплая и восхитительно пахну, и от этого он любит меня ещё сильнее. Он не врёт, мама. Хоть я и не умею проникать в сердце теней, но я это чувствую.

Я привела последний довод:

— Карина, он намного старше тебя. Тебе не кажется, что ты ищешь в нём отца, а не любимого мужчину?

Она засмеялась.

— Мамочка, если любимый мужчина ещё и немножко отец — разве это не здорово?! Отбрось ты все эти сомнения. Я знаю, что ты меня очень любишь, мама, но прожить мою жизнь за меня ты не сможешь. Спасибо тебе за то, что ты беспокоишься обо мне: я знаю, ты желаешь мне добра. Но позволь мне самой решать, как я буду жить.

Карина выросла. У неё было своё мнение, воля и характер, и

мне оставалось только, уважая их, отступить. Если она решила так, я не могла заставить её думать иначе. Я вылетела из её окна в темноту, как призрак.

10.8. Зимний вечер

Лицо моего родного города — как лицо старого друга спустя многие годы: и знакомое, и вместе с тем изменившееся. Навострив все чувства, я стояла под снегопадом возле уютно светившейся витрины супермаркета и наблюдала сквозь стекло, как люди покупали еду. Они делали это точно так же, как делали всегда: брали продукты с полок и складывали в тележки на колёсиках.

— Девушка, вам не холодно так?

Кто ты, молодой и улыбчивый? Зачем ты мне льстишь, обращаясь ко мне "девушка"? Тёплая кровь течёт в твоём сильном молодом теле, одетом в короткий серый пуховик, белый свитер и обыкновенные голубые джинсы, смелое сердце бьётся в семьдесят раз чаще моего, и ты зачем-то задержался с двумя пакетами возле меня. Что ты во мне нашёл?

— Простите, это вы меня спрашиваете?

Ясноглазый молодой человек ростом метр восемьдесят шесть снова одарил меня своей обаятельной открытой улыбкой и кивнул.

— Легковато вы одеты для минус семнадцати, — сказал он. — За здоровье своё не боитесь?

Моя кожаная куртка была расстёгнута, а под ней была только трикотажная футболка. Обходясь без шарфа и без шапки в самый лютый мороз, я как-то не задумывалась о том, что кому-то это может показаться странным.

— Нет, за здоровье я давно не боюсь, — сказала я.

— А как вас зовут? — спросил он.

— Аврора, — ответила я.

Он улыбнулся:

— Какое красивое имя. Оно вам очень подходит. А меня зовут Сергей.

— Очень приятно, — сказала я. — И что же дальше, Сергей?

Как становится неинтересно, когда наперёд знаешь, что человек собирается сказать!

Прыткий молодой человек явно запал на меня и собирался пригласить к себе. Надо отключить сверхспособности и хоть немного побыть с ним на равных.

— Я тут живу неподалёку, — сказал Сергей. — Может, зайдёте ко мне погреться?

Через пятнадцать минут я сидела на его кухне, а он

выкладывал из пакетов продукты в холодильник. На плите шумел чайник. Этот уютный звук я не слышала уже целую вечность и ни с кем не сидела вот так на кухне. Симпатичный молодой продавец бытовой техники Сергей Измайлов, двадцати шести лет отроду, заваривал чай и рассказывал о себе.

Закончив излагать свою краткую биографию, он спросил:

— А вы? Чем вы занимаетесь?

Я задумалась. Сказать ему, кто я такая? Не поверит. Впрочем, не всё ли равно, поверит он или нет?

— Я работаю в обществе "Аврора", — сказала я. — Может, слышали?

— О, я сам в нём подрабатываю, — обрадовался он. — Только я что-то вас не припомню. В нашем городе только одна ячейка, и я знаю всех, кто в неё входит.

— Я не из вашей ячейки, — сказала я.

Сергей налил чай в две чашки, достал печенье и булочки.

— А ещё что-нибудь о себе расскажите, — попросил он. — Вы какая-то грустная. Почему? У вас что-то случилось?

— Да нет, ничего не случилось, — сказала я. — Хотя, впрочем… Моя дочь Карина собирается выходить летом замуж, а я всё никак не могу с этим смириться. Это кажется мне какой-то дикостью.

Сергей посмотрел на меня изумлённо.

— Что вы говорите! У вас уже такая взрослая дочь?

Я усмехнулась.

— А что, по мне не видно?

Сергей, растерянно улыбаясь, отщипнул от булки два кусочка.

— Когда я вас увидел, я подумал, что мы с вами ровесники.

— Вы мне льстите, юноша, — сказала я. — А я не люблю лесть, особенно такую неприкрытую.

— Да я и не думал вам льстить! — воскликнул он. — Я бы ни за что не поверил. Серьёзно, вы не выглядите на столько.

А ведь и в самом деле: я нисколько не изменилась, не постарела ни на год — по крайней мере, внешне.

— Пейте чай, остынет.

— Вы знаете, я чай не пью.

— Тогда, может, кофе? У меня есть.

Как ему сказать? Но с какой стати я так боюсь его напугать? Наверно, потому что он такой симпатичный. Хороший, славный, милый парень, давно таких не встречала. Вот такого бы парня Карине!

— Понимаете, Сергей, я вообще не ем ничего человеческого.

Аврора, вспыхнуло у него в голове. Он сопоставил, прикинул,

и его осенило, да так, что он чуть не расплескал свой чай.

— Я, кажется, знаю, кто вы такая…

Я-то думала, что ты простой парень, а ты, оказывается, кандидат в чистильщики. Зачем же ты так мечтаешь стать крылатым чудовищем, Серёжа? Что ты увидел в этом хорошего?

— А я-то, дурак, предлагаю вам чай! — Сергей убрал со стола чашки и печенье. — Простите, мне нечем вас угостить.

— Спасибо, Серёжа, ничего не нужно. Значит, ты меня знаешь?

— Я много о вас слышал от моего руководителя. Он, знаете ли… такой же, как вы. Не ест человеческого.

Сергей открыл кухонный шкафчик, достал потрёпанную брошюру и положил на стол. Это был устав "Авроры" с моей биографией в начале. Мне хотелось сказать ему: выброси эту чушь и беги от своего руководителя, куда глаза глядят, пока он окончательно тебя не втянул. Но я только спросила, дотронувшись пальцем до грязноватой обложки:

— Ты веришь во всё это?

Сергей сел на своё место, взял брошюру в руки.

— Восемь лет назад мой отец пропал без вести. И только полтора года назад я узнал от своего руководителя правду о том, куда он исчез.

— Я знаю, Сергей, можешь не рассказывать, — сказала я. — Ты всерьёз собрался примкнуть к чистильщикам "Авроры"?

— Я готовлюсь, — ответил он. — Пока учу устав. Просто не могу поверить, что познакомился с вами лично… Вот так, на улице!

— В этой жизни всё бывает, — усмехнулась я.

Мне стало тоскливо.

10.9. Ячейка

Забавная подборка вывесок над общим входом: "Стоматология", "Сантехника", "Всё для сада", "Общество АВРОРА". "Аврора" — в самом дальнем конце коридора, часы работы — с 16 до 22 часов, понедельник, среда, суббота.

Передняя комнатка была тесной. За заваленным бумагами столом сидел интеллигентный молодой человек в белой рубашке и участливо слушал изобилующий всхлипами рассказ очень расстроенной полной женщины, одновременно делая записи в тетради.

— … и с тех пор некому стало за ним ухаживать. И денег на лечение нет, хотя я уже на третью работу устроилась…

Сергей шёпотом сказал мне:

— Здесь у нас приёмная для посетителей.

Дверь из приёмной вела в более просторную комнату с длинным овальным столом. На мягком диване у стены сидели двое: бледный длинноволосый мужчина в чёрном костюме и сиреневых очках и худенькая девушка в белой блузке и бежевой юбке, очень похожая на прилежную студентку. Сиреневые очки скрывали выражение глаз длинноволосого мужчины, но мне не нужно было заглядывать в них, чтобы понять, кто он такой.

— Здравствуйте, Корнелий Эмильевич, — поздоровался с ним Сергей. — Смотрите, с кем я познакомился!

Были времена, когда Корнелий Эмильевич звался Корнелием Эмилией и более или менее придерживался вековых порядков Ордена, но с появлением "Авроры" он одним из первых примкнул к ней, сумел уцелеть в войне и теперь возглавлял ячейку "Авроры" в моём родном городе. Увидев меня, он встал, и девушка тоже поднялась.

— Не верю своим глазам! Неужели Аврора? Какая честь для нас! — Он почтительно сжал мою руку. — Позволь представить тебе Ксению, мою юную протеже.

10.10. Сердца на ладони

Я сидела во главе овального стола, Корнелий — на другом конце, напротив меня, а справа и слева на меня были устремлены по три пары глаз. Шесть молодых неофитов, у двоих из которых ещё даже не выросли крылья. Сергей и Ксения скромно сидели на диване: они были единственными людьми на этом собрании.

— Друзья, сегодня нас посетила Аврора. Я уже предоставил ей полный отчёт о работе нашей ячейки, но наша встреча была бы неполной без знакомства с личным составом… Сегодня, ребятки, исповедь будет принимать у вас Аврора. Вот так. Трепещите.

И они трепетали, по очереди подходя ко мне. Их сердца были у меня как на ладони.

— Ну, как ты их находишь? — спросил меня Корнелий.

Что я могла сказать?

— Они молодцы.

10.11. Гостеприимство

— Осмелюсь спросить тебя, Аврора, — обратился ко мне Корнелий, — не будет ли для тебя удобнее расположиться на отдых у кого-нибудь из нас?

— Мне всё равно, где отдыхать, — сказала я. — За особым комфортом я не гонюсь. Ценя ваше гостеприимство, я всё же не хочу никого обременять.

Корнелий округлил глаза за сиреневыми линзами:

— О чём ты говоришь, Аврора? Как ты можешь кого-то обременить? Каждый из нас почтёт за счастье принять тебя в своём доме.

Я посмотрела на Сергея.

— Я уже побывала в гостях у этого юноши, и мне у него понравилось. Если он не будет возражать, я бы хотела побывать под его гостеприимной крышей ещё раз.

Сергей встал, и на него обратились завистливые взгляды его соратников по ячейке.

— Моё жилище к твоим услугам, — сказал он.

А худенькая Ксения, похоже, ревновала его ко мне, но под моим взглядом засмущалась и попыталась сделать вид, что очень рада за своего товарища.

10.12. Белое и красное

Уже нет школы, в которой я училась, снесён дом, в котором я жила, а мой университет переименован и реорганизован. По всем официальным документам я мертва, существует свидетельство о моей смерти и моя могила на кладбище.

Короче, меня нет, как и многих, кто гулял на свадьбе Карины, которая состоялась в июле на базе "чёрных волков". Юля предлагала провести её в клубе для членов "Авроры", но Карина настояла на базе, поскольку это был дом и место службы её жениха.

Юля сделала всё, чтобы на время свадьбы сделать мрачное "волчье" логово чертогом праздника. На украшение базы ушли сотни белых и красных воздушных шариков, сотни белых и алых роз, сотни метров белой и красной материи для драпировки стен. Полы были устланы красными дорожками с белыми продольными полосками по краям, столы покрыты красными скатертями с белой полосой посередине, а все "волки" получили к своему обмундированию парадные детали — белые рубашки, белые перчатки и чёрные галстуки. К куртке на груди справа у каждого был приколот белый атласный бантик. Алекс остался в форме, надев только белую рубашку и галстук. От остальных "волков" он отличался только белым бутоном на груди и золотой эполетой на плече.

Карина опять поразила меня, выбрав вместо белого платья красное, с красной фатой и длинными, выше локтя, красными атласными перчатками. Единственной белой деталью в её туалете были ленточки на запястьях. Её лицо было бледным от пудры, а губы кроваво алели.

Я и не представляла себе, сколько лакомств можно

изготовить из крови: пирожные, желе, мороженое, коктейли, мармелад, зефир, даже шипучку вроде шампанского. Был и свадебный торт — красный с белыми сахарными узорами и прослойками из воздушного сливочного крема. Наверное, для Карины это свадебное угощение было бы настоящим кошмаром, но выход из положения был найден. До свадьбы они с Алексом ни разу не целовались, а теперь поцелуй оказался не только уместным, но и просто необходимым, иначе Карина оказалась бы в глупом положении — не смогла бы взять в рот ни одно из угощений. Когда бледные суровые губы Алекса приблизились к алым губам Карины, моё сердце ёкнуло: нет, только не это! Но было уже поздно: они слились в долгом поцелуе.

Маленькая красная перчатка на большой белой: Карина и Алекс резали торт.

— Жена будет тобой командовать, Алекс, — засмеялся Цезарь. — Её рука была сверху.

На это Алекс ответил, что готов подчиниться любимой.

— Но ты же подчиняешься только Авроре, — заметил с усмешкой Каспар.

— Теперь — Авроре и моей половине, — уточнил Алекс.

Рука Алекса, которая, казалось, была предназначена только для меча, осторожно держала маленькую тёплую руку Карины: они танцевали посреди зала свой свадебный танец. Карина с искусственно наведённой бледностью на лице внешне казалась одной из нас, она даже охотно пила кровавые коктейли и пробовала все виды угощений, но при этом от неё за километр пахло человеком, и в один этот аромат можно было влюбиться.

Алые крылья Алекса раскинулись и унесли молодожёнов в кругосветное свадебное путешествие: Карина непременно желала увидеть самые красивые места на земле.

10.13. Северный рассвет

Моя тоска звала меня на север, к скалам у холодного моря, озарённым розовыми лучами восходящего северного солнца.

Я сидела в одиночестве на холодном камне, слушая рокот прибоя внизу. Чёрная кошка по-прежнему устремляла никогда не спящий взгляд на восток, к восходящему солнцу. Чего или кого я ждала в этом памятном месте? Нет, некому было прилететь сюда, кроме призрака давно минувшего прошлого, призрака боли, выточенной беспрестанной лаской холодных волн. Всё кануло в эту суровую воду, легло на тёмное дно, подальше от моего сердца. И хорошо, что так.

Над моей головой кружились птицы, в небе застыли перламутровые облака. Рассвет набрал силу.

От долгого глубокого вдоха у меня напряглась грудь. В ней холодным камнем висело ненужное сердце, ленивое и тяжёлое. Вырвать бы его совсем, а то оно одно весит больше, чем всё остальное тело, так что моим крыльям трудно его нести.

Вот и всё. Неужели всё? Неужели больше ничего не будет? Твоя щека к моей щеке, твой голос в песне ветра, звёзды в твоих глазах, иней на твоих ресницах — ничего этого уже не будет никогда и ни с кем.

10.14. Ужас!

Суровую гармонию природных звуков нарушил чужеродный, искусственный звук — звонок мобильного в моём кармане. Кому я ещё понадобилась? Кто мог звонить — Юля, Оскар, Карина? Мне не хотелось отвечать никому. Я ещё не достала телефон из кармана, но уже знала, что звонила Карина, и что ей сейчас было плохо. Я не могла не ответить.

— Что случилось, куколка?

— Мамочка, это какой-то ужас!

Не успели они с Алексом пожениться, как уже начались проблемы. За внешней сдержанностью командира "волков" скрывался бешеный темперамент, он-то и напугал Карину.

— Мама, ты не представляешь себе, что он сделал с Герхардом! А у нас с ним ничего не было, ну вот ничегошеньки! Мы с ним просто посидели в кафе самым невинным образом, а он такое ему устроил!

— Погоди, погоди. Для начала скажи, что ещё за Герхард?

Герхард был виновен лишь в том, что он учился с Кариной на одном факультете, и она ему нравилась. Карина сказала ему, что она замужем, но не сказала, кто её муж. А если бы и сказала, то Герхард не поверил бы. Их вечерний поход в кафе закончился для Герхарда плачевно: едва они с Кариной вышли на улицу, как на них налетело чудовище с красными крыльями. Оно подхватило Герхарда и взмыло с ним в небо, выше самых высоких небоскрёбов. Подняв его километра на два, оно бросило его, но не дало упасть и подхватило, а потом снова взвилось выше прежнего, снова выпустило Герхарда и снова поймало. Так оно забавлялось с беднягой, пока съеденный им ужин не выпал на землю в виде осадков.

Краснокрылым чудовищем был, конечно, Алекс. Он не причинил Герхарду физического вреда, но поверг его в такой шок, что у парня затмило рассудок. Взлетев в воздух нормальным человеком, обратно на землю он спустился сумасшедшим.

— Мама, я просто в шоке.

— Я во всём разберусь, куколка, не переживай.

И я полетела разбираться.

10.15. Цветы на скалах

За окном кабинета дока Гермионы было ещё темно, на столе уютно горела лампа, озаряя блеском чисто вымытые шелковистые волосы дока, склонившейся над какими-то бумагами. Карина сидела на диване, обхватив руками колени.

— Что с парнем? — спросила я у дока.

— С ним всё будет в порядке, — ответила она, подняв на меня взгляд. — У него психическая травма, но думаю, что нам удастся сделать так, чтобы он не страдал от её последствий. Мы сотрём этот эпизод из его памяти.

— А где наш ревнивец? — усмехнулась я.

Док улыбнулась.

— Улетел. Они с Кариной дуются друг на друга, как малые дети.

Я подошла к Карине и погладила её по русалочьим волосам, распущенным по спине. Она доверчиво прильнула щекой к моей руке.

— Мамочка… Я даже не подозревала, что он такой жестокий. Он даже не позволил мне ничего объяснить. Ведь у нас с Герхардом ничего не было!

Я заглянула ей в глаза.

— Уже жалеешь, что вышла за него замуж?

Она вздохнула.

— Не знаю… Он такой сильный и по-настоящему меня любит. Но порой он меня пугает. Откуда он знал, что я в кафе с Герхардом? Мне кажется, он следит за каждым моим шагом. А если он за мной следит, значит, он мне не доверяет!

Алекса я нашла в двух кварталах отсюда, на крыше высотки. Он угрюмо стоял на краю крыши и созерцал с высоты городской пейзаж. Отблеск вечерних огней города озарял его нахмуренный лоб.

— Натворил ты дел, — сказала я, опуская руку ему на плечо.

Он мрачно молчал. Я слегка сжала его плечи.

— Ну, чего ты, старина? Неужели ты сам не мог понять, что у Карины с этим парнем ничего нет? Разве обязательно было так неистовствовать?

Он проговорил с горечью:

— Она меня боится.

— Сам виноват, — сказала я.

— Знаю, — вздохнул он.

— Ты что, правда за ней следишь? — спросила я.

— Да не слежу я, — мрачно отозвался он. — Дел у меня, что ли, других нет? Просто хотел сделать ей сюрприз… — Он достал из кармана свёрток. — Вот, подарок ей нёс. А когда увидел, что она с этим парнем, у меня в голове как будто всё вскипело.

Я усмехнулась.

— "Вскипело"… У тебя что, вместо головы чайник?

Уголок его рта дрогнул в усмешке.

— Да нет, просто… девчонка она ещё. Может, не перебесилась…

— А кто тебя заставлял жениться на девчонке? — Я провела ладонью по его гладкому затылку. — Остуди свой чайник, старик, и лети скорее к ней мириться.

Он неуверенно пожал плечами. Я сказала:

— Если хочешь покорить её сердце, будь не жестоким и неистовым, а нежным. Ведь ты умеешь, если захочешь. У тебя это так трогательно получается.

Я вернулась к Карине. Она сидела, нахохлившись, как грустный воробышек, и думала об Алексе. Вскинув на меня взгляд, она робко спросила:

— Он очень на меня сердится? Я знаю, мне не надо было идти с Герхардом в кафе.

Сердился ли Алекс? Полагаю, слово "сердиться" здесь не очень подходит. Его не было два часа, и Карина вся извелась. Мы с доком успокаивали её, как могли, но она не успокаивалась, пока за дверью не послышалась поступь того, о ком она думала. Он вошёл, неуклюже и робко прижимая к груди букетик эдельвейсов, за которыми он летал высоко в горы. Увидев его, Карина порывисто вскочила, но не решалась сделать шаг ему навстречу. Он тоже замер, вглядываясь в неё: боится или нет?

— Ой, какая прелесть, — сказала Карина, протягивая руку к эдельвейсам. — Это мне?

— Тебе, малыш. — Алекс шагнул к ней и вручил ей букетик.

Карина схватила цветы и прижалась к груди Алекса.

— Прости меня, я тебя очень люблю, — выпалила она скороговоркой.

— Это ты меня прости, моя маленькая. — Алекс с неуклюжей нежностью обнял её.

— Удивительно, как суровые скалы могут производить на свет такие нежные цветы, — проговорила док Гермиона задумчиво.

— Глава 11. Может быть, мне это удастся

11.1. О вреде курения

Шестиклассница Лена осталась дома одна и решила побаловаться с сигаретой. Она вышла на балкон в своей квартире на девятом этаже. Конечно, она не могла знать, что по краю крыши соседнего двенадцатиэтажного дома разгуливает худая и бледная женщина в чёрном облегающем костюме. Её сапоги с высокими каблуками ступали по парапету в такой опасной близости к краю, что у Лены ослабели коленки и похолодело в животе, а сигарета застыла между пальцев. Женщина между тем заметила Лену, остановилась и присела на корточки, облокотившись на колени. Она находилась в таком шатком, леденящем кровь равновесии, что качнись она чуть вперёд, и… Подумать страшно. Чёрная щель её рта растянулась в улыбку, и она сказала:

— Что, Леночка, одна дома?

Её голос прозвучал очень близко, как будто она это сказала Лене на ухо — Лена даже вздрогнула. Не успела она удивиться, откуда эта страшноватая особа знала её имя, как произошло новое холодящее спину чудо. Женщина пружинисто подскочила и совершила головокружительный длинный прыжок с края крыши прямо на перила балкона — никакому каскадёру этакий трюк не снился. Балкон был не застеклённый, и поэтому она беспрепятственно приземлилась на самые носочки сапог, бесшумно спустила ноги на балкон и оказалась прямо перед Леной. Было трудно понять, старая она или молодая: единственная седая прядь в тёмных волосах свешивалась ей на лицо, но на её бледной коже не было видно морщин, из чего Лена сделала вывод, что незнакомка была всё-таки молодая. Её губы были такие бледные, что рот казался чёрной щелью. Красива ли она была? У неё были большие светло-голубые глаза с тёмными ресницами и тёмные брови, и во всём её лице было что-то мальчишеское, вызывающе-упрямое. Взяв сигарету из онемевших пальцев Лены, бледная незнакомка поднесла её с своим губам, затянулась и выпустила дым колечком, а потом выбросила сигарету вниз с балкона.

— Не надо, Леночка. Лучше не пробуй. Давай-ка сюда и пачку.

Лена ошеломлённо отдала ей всю пачку, и незнакомка с седой прядью сунула её в карман своей куртки.

— Не порти себе здоровье смолоду.

Погладив Лену по голове, она поцеловала её в щёку холодными губами. От неё веяло холодом, как от куска льда. Снова взобравшись на перила балкона, незнакомка прыгнула обратно на крышу и исчезла.

11.2. Пианино против телевизора

Был жаркий летний вечер, родители были дома. Папа смотрел телевизор, мама варила на кухне земляничное варенье. Балкон был открыт. Лена сидела за пианино, но не играла: она косилась на залитую солнцем крышу соседнего двенадцатиэтажного дома. По её спине бегали мурашки.

Предчувствие её не обмануло: на краю крыши опять стояла она, эта женщина. Она стояла, широко расставив ноги в сапогах с высокими каблуками, и улыбалась Лене чёрной щелью рта, а ветер шевелил на её лбу седую прядь. Втекавший через открытую балконную дверь воздух колыхал белый тюль, а потом тюль отдёрнулся в сторону: женщина вошла в комнату. Седая прядь свешивалась ей на лицо. Лена обмерла: странная женщина, не сводя с неё жутковатых светлых глаз, шла прямо к ней, высокая и стройная, как фотомодель, и толстый ворс ковра заглушал стук её высоких каблуков. Сапоги у неё были не однотонно чёрные, а с рисунком наподобие змеиной кожи, куртка была точно такая же. Несмотря на весь свой ужас, Лена подумала: как ей не жарко в кожаной куртке в такую пору?

Отец продолжал спокойно смотреть телевизор, как будто ничего не видел. Лена не могла даже закричать: горло ссохлось.

— Не бойся, Леночка. Я не причиню тебе вреда. — Женщина ступала по ковру, осматриваясь. — Уютно у вас.

Она прошлась по комнате, разглядывала книги на полках, скользнула ладонью по полированной поверхности пианино.

— Умеешь играть?

Лена кивнула, сглотнув колючий ком. Женщина улыбнулась.

— Сыграй что-нибудь, детка.

Лена положила дрожащие пальцы на клавиатуру и заиграла. Она сама поразилась, как хорошо она играла. Папа, смотревший телевизор, удивлённо посмотрел на неё.

— Лена, не играй, из-за тебя ничего не слышно, — сказал он.

Женщина ласково положила холодную руку Лене на плечо.

— Играй, Леночка.

Она посмотрела на телевизор, и он сам собой выключился. Папа озадаченно уставился в погасший экран.

— Это ещё что за ерунда? — пробормотал он.

Он подошёл к телевизору и снова включил его, но тот снова

выключился. Он пробовал его включать снова и снова, но телевизор всякий раз выключался, а Лена играла. Женщина, сидя на подоконнике с ногами, с улыбкой слушала, обхватив руками колени. Папа рассерженно стукнул по телевизору кулаком, но всё безрезультатно.

— Да что с этим дурацким ящиком?!

Он не видел женщину на подоконнике, как будто её и не было в комнате. Лене хотелось крикнуть ему: "Разве ты не видишь?!" Но гостья приложила палец к губам:

— Не надо. Просто играй, моя хорошая. У тебя так здорово получается.

С кухни доносился аромат земляничного варенья. Женщина слезла с подоконника и пошла на кухню. Лена помертвела и оборвала игру. Женщина тут же вернулась.

— Почему ты перестала? Играй, ты молодец. А за маму не бойся, я не сделаю ей ничего плохого.

Лена снова заиграла. Женщина улыбнулась и кивнула, пошла на кухню. Папа безуспешно бился над телевизором, шёпотом ругаясь. И воскликнул раздражённо:

— Ленка, прекрати музыку!

Женщина услышала это. Уже через мгновение она стояла в дверях комнаты с нахмуренными бровями.

— Чем она тебе помешала? — спросила она холодно.

Папа удивлённо выпрямился и посмотрел на Лену.

— Это ты сказала?

Женщина шагнула к нему и щёлкнула его по лбу:

— Это я сказала!

Папа схватился за лоб и выбежал из комнаты. Женщина уселась в кресло и кивнула Лене:

— Играй, детка. Всё хорошо.

У них в квартире была гостья, но видела её, похоже, только одна Лена. Мама пришла с кухни, и папа показал ей, как телевизор выключается, но мама не могла ничем помочь. Она развела руками и сказала:

— Видно, с ним что-то случилось.

— Я и сам это вижу, блин! — сердито воскликнул папа. — Вопрос в том, что!

Лена играла.

— Лена, потише, — сказала мама.

Лена посмотрела на женщину. Та покачала головой, и Лена продолжала играть. Мама подошла к креслу, собираясь сесть, и женщина проворно выскочила из него. Мама села и стала слушать, как Лена играла.

— Да что такое с этим теликом! — недоумевал папа.

Мама махнула на него рукой:

— Да ну его! Послушай лучше.

Ленины пальцы проворно бегали по клавишам, музыка лилась легко и свободно. Папа оставил попытки разобраться с телевизором и тоже стал слушать. Женщина улыбалась. Поцеловав Лену в затылок, она исчезла за белым тюлем.

11.3. Ночная жара

Жара стояла такая, что даже на ночь балкон оставляли открытым. Родители спали. Лена лежала в своей постели, но не спала. Было очень жарко.

Вдруг из двери комнаты повеяло холодом, и в дверном проёме показалась тёмная фигура. Её глаза в темноте мерцали двумя тусклыми красноватыми искорками. Она присела к Лене на кровать и провела холодной рукой по её лбу.

— Какая ты горячая, Леночка… Жарко? Иди сюда, детка, я дам тебе прохладу.

Голос был тихий и ласковый, прикосновение холодной руки было даже приятным. Фигура раскрыла объятия, и Лена уселась к ней на колени. И впервые решилась заговорить с гостьей.

— Кто вы?

Гостья ответила:

— Меня зовут Аврора.

— Почему я вас вижу, а мама с папой — нет?

— Потому что я так хочу. Не нужно, чтобы они меня видели.

— Почему вы ко мне приходите?

— Ты мне очень нравишься.

— А что вы делали на той крыше?

— Когда-то давно я часто бывала там. Я хотела посмотреть, всё ли там по-старому.

— И как?

— Знаешь, ничего не изменилось.

В прохладных объятиях Авроры Лене было уже не жарко. Да и в комнате стало прохладнее, даже постель остыла. Лена улеглась, а гостья по имени Аврора снова погладила её по волосам. Веки Лены отяжелели, и она закрыла глаза.

11.4. Отдых на балконе

Когда Лена проснулась, родители уже ушли на работу. День снова начинался жаркий, и Лена пошла открывать балконную дверь.

Открыв её, она замерла: на балконе, свернувшись калачиком, лежала Аврора. Лена пару секунд стояла, глядя на неё, и вдруг заметила, что она не дышала. Сколько Лена ни приглядывалась,

дыхания она не наблюдала. Аврора лежала бледная и холодная, и Лена, перепугавшись, принялась её тормошить:

— Аврора! Аврора!

Тёмные ресницы поднялись, и на Лену взглянули странные, светло-голубые, почти белые глаза.

— Что такое? Что случилось, Леночка?

Лена растерянно выпрямилась.

— Вы… Вы не дышали. Я… Я подумала, что вы…Что вы мёртвая.

— Нет, Леночка, я не мёртвая, — сказала Аврора. — Не пугайся. Просто я очень редко дышу. Можно мне тут немного вздремнуть? Здесь так спокойно…

Лена принесла подушку и подложила ей под голову.

— Спасибо, моя хорошая, — сказала Аврора, опуская на подушку голову и закрывая глаза. — Я посплю чуть-чуть, если не возражаешь.

Целый день до самого вечера Аврора спала на балконе. Лена боялась шуметь, ходила тихонько, почти на цыпочках, не включала телевизор и не играла на пианино.

Вечером, когда пришла с работы мама, Лена бросилась к балкону, чтобы предупредить Аврору, но там лежала только подушка — ещё с вмятиной от головы.

11.5. Дождь

Дождь лил как из ведра, и город промок до нитки. Балконная дверь была закрыта, Лена сидела за столом и делала уроки — письменное упражнение по английскому. Краем глаза она заметила в окне тень и обернулась. К балконной двери прильнула Аврора, её ладонь лежала на стекле. Лена соскочила со стула и открыла балконную дверь.

— Привет, Аврора! Давно тебя не было!

— Здравствуй, Леночка. У меня были дела… Я ужасно соскучилась по тебе.

Волосы Авроры были мокрыми, и Лена принесла полотенце.

— Ты замёрзла? Может, чаю?

Аврора улыбнулась и отрицательно качнула головой.

— Нет, детка, спасибо. Я чай не пью.

— Не пьёшь? — удивилась Лена. — А что ты пьёшь? Может, кофе?

— Нет.

Лена озадаченно задумалась.

— Чем же тебя угостить? Может, суп будешь? Он вкусный.

— Нет, ничего не надо, — сказала Аврора, привлекая Лену к

себе. — Лучше расскажи что-нибудь. Как у тебя дела?

Лена рассказывала. Аврора слушала с улыбкой, время от времени касаясь пальцами её волос. Взглянув на раскрытую тетрадку на столе, спросила:

— Английский?

— Ага, — вздохнула Лена. — Грамматическое упражнение. А ещё задали сочинение на тему "Моя квартира". Прямо не знаю…

Аврора подвинула к себе тетрадь, взяла ручку. Повертев её в своих тонких бледных пальцах с длинными желтоватыми ногтями, сказала:

— Ну что ж, посмотрим…

11.6. Объятия крыльев

В ноябре у Лены был день рождения. Родители купили ей в подарок компьютер, и она была на седьмом небе от радости. Было чаепитие с тортом, в гости пришли обе бабушки и три Лениных подруги, Маша, Ангелина и Надя. Но чего-то не хватало, потому что не пришла Аврора.

Лене ещё хотелось поиграть в компьютерные игры, но родители отправили её спать. У них в комнате всё ещё тихо бормотал телевизор, а Лена лежала в постели без сна. Её донимало странное беспокойство, и по спине бежали мурашки: так она всегда предчувствовала приход Авроры. Предчувствие не обмануло и на сей раз: прильнув к окну своей комнаты, она разглядела в сумраке фигуру на крыше соседнего дома. Без сомнения, это была Аврора, и она, наверно, хотела войти. Но как её впустить? Родители ещё не спали, а своё окно Лена открыть не могла: оно было утеплено и закрыто на зиму. Тёмная фигура прыгнула с крыши на их балкон, и Лена бросилась в комнату родителей.

Застыв в дверях, она с изумлением наблюдала за проникновением Авроры. Снаружи к стеклу прильнуло бледное лицо с улыбающейся щелью рта, а потом ручка двери сама повернулась, и дверь открылась. Родители как будто не замечали этого и продолжали, лёжа на диване, смотреть телевизор, а Аврора вошла в комнату, и её длинный кожаный плащ заблестел в свете экрана.

— Тебе не кажется, что от балкона как будто дует? — сонно пробормотала мама, натягивая одеяло.

— Да нет, — ответил папа.

Аврора уже закрыла за собой балконную дверь и, бесшумно ступая по ковру сапогами на высоких каблуках, направилась прямо к Лене, стоявшей в дверях комнаты. Подхватив её, она покружила её в объятиях и поцеловала холодными губами в нос.

— Я не слишком поздно, малыш? Ты, наверно, уже спала, — сказала она тихо.

— Нет, я рада, что ты пришла, — ответила Лена, обнимая её за шею. — Я весь день тебя ждала. Пойдём в мою комнату.

Она показала Авроре свой новый компьютер, и они немного поиграли. Лену удивил и позабавил азарт, с которым Аврора увлеклась компьютерной игрой, и детская радость, которой сияли её странные светлые глаза.

— Ты как будто целую вечность не играла, — заметила Лена.

Аврора улыбнулась:

— Так оно и есть. Компьютер — отличный подарок, но не советую просиживать за ним дни напролёт.

— Мама мне тоже так сказала, — ответила Лена.

— Кстати, о подарках. — Аврора полезла во внутренний карман. — У меня тоже есть для тебя кое-что.

С этими словами она достала из кармана цепочку с кулоном в форме капельки, прозрачным и сверкающим, как слезинка.

— Ой, какая красота! — восхитилась Лена. — Спасибо!

Она полюбовалась цепочкой, надела её и поцеловала Аврору в холодную щёку.

— Я давно хотела тебя спросить: как ты это делаешь? Ну, прыгаешь с крыши того дома на наш балкон и обратно. Ведь это очень далеко и очень высоко!

Глаза Авроры таинственно замерцали.

— Ты хочешь это узнать?

— Хочу, — сказала Лена.

— Что ж, могу показать, — сказала Аврора. — Только оденься. Ночь холодная.

Лена выключила компьютер и стала торопливо одеваться. Она натянула колготки, джинсы, футболку и свитер, а потом остановилась:

— А как мы выйдем? Тебя предки не видят, а я как пройду незамеченной?

Аврора улыбнулась.

— Не беспокойся. Они уже спят.

Родители действительно уже спали. Аврора взглянула на телевизор, и он сам собой выключился, и они с Леной вышли на балкон. Окна одно за другим гасли, но город ещё не спал. В холодном ноябрьском сумраке глаза Авроры тускло светились красноватыми огоньками, и Лене на мгновение стало жутко: что она за существо? А Аврора сказала:

— Держись за мои плечи, малыш.

Она подхватила Лену на руки, а в следующее мгновение уже стояла на балконных перилах. Лена похолодела от ужаса.

— Мы же упадём…

Момент отрыва Лена не почувствовала: они уже были в воздухе, балкон удалялся с головокружительной скоростью, а за спиной у Авроры Лена увидела огромные белоснежные крылья. Ниточка, на которой висело замирающее сердце Лены, оборвалась, и оно провалилось куда-то в живот, а под куртку проникло холодное дыхание тёмного осеннего неба. Они летели высоко над городом, над крышами, уличными фонарями и машинами, казавшимися отсюда игрушечными. Ветер свистел в ушах, в глазах у Лены начало двоиться, а живот наполнился тягучей дурнотой.

— Пожалуйста, хватит, — еле шевеля губами, чуть слышно пролепетала она. — Мне страшно…

Полёт замедлился, и они спланировали на крышу торгового центра, ярко сиявшего окнами, несмотря на поздний час. В красном свете огромных букв глаза Авроры стали фиолетовыми. Присесть Лене было некуда, и Аврора встала на одно колено, усадив Лену на другое и прижав её к себе.

— Тебе нехорошо, Леночка?

Лена не сразу смогла ответить. Она была так потрясена произошедшим, что забыла, как нужно правильно издавать звуки членораздельной речи. Белое крыло Авроры заслоняло её от пронзительного холодного ветра, на высоте чувствовавшегося сильнее, чем внизу.

— Я думала, ты не боишься высоты, если выходишь на балкон на девятом этаже, — сказала Аврора.

Лена сама не могла понять, отчего ей стало дурно. Но главным было не это: больше всего Лену сейчас потрясал вид белого крыла, заботливо заслонявшего её от ветра. Она потрогала его пальцем, ощутив шелковистое покрытие из перьев. К ней вернулся дар речи, и она спросила:

— Они настоящие?

Вместо ответа Аврора с улыбкой пошевелила обоими крыльями. Они расправились, поднялись и опустились, обняли Лену, и от их щекотного прикосновения её пробрал по коже мороз, и она сильно содрогнулась всем телом. Аврора засмеялась.

— Ты что, малыш? Не бойся!

Лена пролепетала:

— Кто ты? Ты… ангел?

Аврора покачала головой.

— Нет, моя детка. Я не ангел, но и не человек тоже. Но тебе меня бояться не нужно, я не сделаю тебе ничего плохого. Никогда, поверь мне. — Её холодные пальцы погладили щёку Лены. — Если ты плохо себя чувствуешь, может, вернёмся домой?

— Нет, я чувствую себя не плохо… — Лена не знала, как это выразить, в какие слова облечь то, что она сейчас чувствовала. И, придумав, засмеялась: — Просто меня ещё никто не обнимал… крыльями!

Аврора поцеловала её в обе щеки.

— С днём рождения тебя, милая. Ну как, полетаем ещё?

— Да! — сказала Лена.

Она крепко обняла Аврору за шею, та подхватила её на руки, и белые крылья снова подняли их в тёмное небо.

11.7. Единственный друг

— На месте этого прекрасного жилого комплекса когда-то был мой дом, — сказала Аврора.

Она шла по парапету крыши спокойно, даже не балансируя руками, но не просто так, а по самому его краю. От этого зрелища у Лены холодело в животе и кружилась голова, хотя она и знала, что даже если Аврора потеряет равновесие, её спасут крылья. Над их головами было тёмное небо, а на четырнадцать этажей вниз — газон, голубые ели, детская площадка и подземный гараж. На крыше было не темно, сюда долетал свет от окон, фонарей и торгового центра. На волосах Авроры играли тусклые блики — жёлтый, красный, сиреневый.

— А там, где сейчас вон тот торговый центр, раньше был детский сад, в который я ходила, — продолжала она, прохаживаясь по парапету то в одну, то в другую сторону.

— Значит, до того как стать ангелом, ты была человеком? — сказала Лена, у которой ёкало сердце и леденели кишки всякий раз, когда Аврора делала разворот на парапете, чтобы пойти в другую сторону.

Аврора села, обхватив колени руками.

— Была, — сказала она. — Только я не ангел, милая.

— Как же не ангел, если у тебя такие крылья? — удивилась Лена. — Если бы ты была каким-нибудь злым существом, у тебя были бы какие-нибудь мерзкие перепончатые крылья… Как у летучей мыши.

Аврора усмехнулась.

— Твои представления не соответствуют действительности, Леночка. Впрочем… Если я скажу тебе, кто я на самом деле, боюсь, ты испугаешься и оттолкнёшь меня. А ты мой единственный друг, детка.

— Неужели у тебя никого нет? — поразилась Лена. — Совсем?

— Мои родители и сестра давно умерли, — сказала Аврора. — Моя дочь выросла и вышла замуж, ей теперь не до

меня. Моя подруга, которую я любила больше всех на свете, теперь внушает мне страх своим стремлением к власти. Она очень изменилась… А те, кто называет себя моими друзьями, на самом деле очень далеки от меня, и я не знаю, могу ли я действительно считать их таковыми. Я одна, детка. Лишь твоё тепло согревает мне сердце, и я тебе за это очень благодарна.

Лена подошла к ней и в порыве сочувствия погладила её по волосам. Аврора, закрыв глаза, прильнула щекой к Лениной ладони, а Лена поцеловала её в щёку и коснулась губами её жёстких ресниц и холодных гладких век — просто так, потому что у неё был в сердце кусочек чего-то тёплого и трепетного, а Аврора в этом нуждалась. За спиной Авроры расправились крылья, и она вдруг взмыла в тёмное небо. Она описывала широкие круги, поднимаясь по спирали всё выше, и Лена уже забеспокоилась, не забыла ли она про неё, но Аврора, полетав, стала снижаться и, зайдя на посадку по широкому кругу, приземлилась на крышу. Несколько мгновений она сидела, упираясь в крышу одним коленом и пальцами руки, раскинув в стороны крылья и низко нагнув голову, а потом подняла лицо, и Лена увидела, что она улыбается, а её глаза влажно блестят. Она подошла к Авроре, и та привлекла её к себе и обняла крыльями. Стоя в двойных объятиях её рук и крыльев, Лена гладила седую прядку волос на её лбу, а на ресницах Авроры повисли две крупные прозрачный капли. Лена осторожно смахнула их пальцем, а Аврора улыбнулась.

— Спасибо тебе, милая.

11.8. Голоса

— Мне это чудится, или ты иногда разговариваешь сама с собой? — спросила мама.

Что Лена могла ответить? Аврора приходила, в основном, когда она была одна, но пару раз она навещала Лену вечером, когда родители были дома. Разумеется, она проскальзывала мимо них невидимкой, но в комнате у Лены они разговаривали, и родители могли что-то услышать, хотя они и старались говорить негромко.

— Нет, мама, тебе послышалось, — сказала Лена. — Я же не чокнутая, чтобы сама с собой разговаривать.

— Гм, — сказала мама.

Видимо, она сомневалась.

11.9. Признак ангела

— Странные ты задаёшь вопросы, — сказал папа. — Могут ли люди превращаться в ангелов после смерти? Чего не знаю, того не знаю. Это ты лучше спроси у бабушки, она в вопросах религии

разбирается получше нас.

Лена спросила. Бабушка ответила, что ангелы есть ангелы, а люди есть люди, и человек стать ангелом в принципе не может. Есть святые, но это тоже совсем другое.

— А почему ты спрашиваешь, Леночка?

— Да так, — сказала Лена. — Интересно.

Может ли бабушка ошибаться? С одной стороны, у неё гораздо больше опыта, потому что она уже старая, но с другой — заблуждаться может любой человек, даже пожилой. Всё это не так просто, сделала вывод Лена. Но сомнение всё-таки закралось к ней в душу. Белые крылья — признак ли это ангельской сущности?

11.10. Хуже СПИДа

— Я люблю тебя, Леночка, — сказала Аврора. — Вот всё, что тебе следует знать. Остальное неважно.

— Бабушка сказала, что люди не могут превращаться в ангелов, — сказала Лена.

— Разве я говорила, что я ангел? — Аврора перевернула страницу.

Сидя на подоконнике, она с карандашом в руке проверяла Ленину домашнюю работу по русскому языку.

— Дай-ка резинку, — сказала она. — У тебя неправильно подчёркнуто. Это дополнение, а не обстоятельство.

Лена принесла резинку. Аврора исправила подчёркивание, но слишком сильно нажала на карандаш, и он сломался. Точилка куда-то делась, и Лена принесла нож. Очинивая его, Аврора вздрогнула, и на страницу раскрытой тетради упала тёмная капля — не красная, а чёрная с каким-то буроватым оттенком. Лена хотела стереть её пальцем, но Аврора выхватила у неё тетрадь.

— Нет, Лена!

Она вырвала страницу с каплей и скомкала.

— Ой, зачем? — испугалась Лена.

— Перепиши всё, — сказала Аврора.

— Дай, я сначала тебе йодом помажу, — предложила Лена.

— Не нужно, — ответила Аврора, сунув пораненный палец в рот. — Перепиши всё аккуратно. У тебя почти всё правильно, только кое-что не так подчёркнуто.

Пока Лена заново переписывала упражнение, она посасывала палец. Потом Лена рассказала ей урок по истории и по географии, а математику проверять Аврора не взялась.

— У меня самой с точными науками в школе было слабовато, — сказала она. — Я гуманитарий.

— Ты училась в школе? — спросила Лена.

— Разумеется, — ответила Аврора. — И в институте. Правда, так и не окончила его.

Она замолкла, глядя в окно, поверх крыши соседнего дома. Лена тихо спросила:

— Потому что ты умерла, да?

— В каком-то смысле, — ответила Аврора непонятно.

Лена взяла нож, которым порезалась Аврора.

— У тебя какая-то кровь странная, — заметила она.

— Дай сюда. — Аврора забрала у неё нож и сунула в карман. — Я его возьму, им уже нельзя ничего резать.

— Почему? — удивилась Лена. — Если он тупой, его можно наточить.

— Не тупой, — сказала Аврора.

— А, из-за крови? — догадалась Лена. — Так его можно вымыть.

— Даже если вымыть, всё равно уже не стоит им пользоваться, — сказала Аврора. — Купите другой.

— У тебя что, кровь какая-то заразная? — нахмурилась Лена.

— Да, Леночка, заразная, — ответила Аврора глухо. — Вам с ней лучше не соприкасаться.

— У тебя что, СПИД? — шёпотом спросила Лена.

Аврора покачала головой.

— Нет… Гораздо хуже. Извини, малыш, мне пора.

Она слезла с подоконника и открыла балконную дверь.

— Подожди! — Лена кинулась за пластырем, нашла, принесла. — Надо заклеить!

А заклеивать было нечего: порез уже затянулся. Не дав изумлённой Лене времени опомниться, Аврора выскользнула через балкон.

11.11. ЧП

У Лены случилось ЧП: урод и придурок Казаков бросил её ранец с учебниками в канализационный люк. И это накануне двух контрольных — по математике и по русскому! Родители были на работе, никто помочь Лене не мог. Она сидела на автобусной остановке и плакала. Если бы Аврора была здесь!

Не успела Лена о ней подумать, как услышала:

— Что случилось, солнышко?

Лена вздрогнула и подняла голову. Перед ней стояла Аврора, пронзительный декабрьский ветер трепал её волосы. Она подошла к Лене и ласково вытерла ей слёзы. Её светлые и блестящие, как льдинки, глаза пронзили Лену насквозь.

— Казаков, — пробормотала Лена. — Мой ранец…

— Пойдём, — сказала Аврора.

Через пять минут они стояли возле открытого люка. Аврора сняла свой плащ и вручила Лене:

— Подержи-ка.

Она спустилась в люк, а Лена поразилась: как она не мёрзнет в тонком кожаном плаще в декабре месяце? Через три секунды на накатанную снежную корку рядом с люком упал Ленин ранец, а потом вылезла Аврора. Отряхнувшись, она сказала:

— Всё нормально, он даже не подмок. Застрял между трубами.

Счастливая Лена схватила свой ранец, а Аврора, улыбаясь, надела плащ.

— Аврора, огромное тебе спасибо! — воскликнула Лена. — Что бы я делала без тебя?

Потом они шли по улице, держась за руки; Лена ела купленную Авророй шоколадку и рассказывала о том, какой Казаков придурок и урод.

Контрольные на следующий день Лена написала хорошо: по математике — на четыре, по русскому — на пять. Выходя вечером из школы, она увидела стоявших под старым клёном мальчишек своего класса, которые собрались все вместе и глазели на что-то, задрав головы. Лена взглянула вверх и чуть не расхохоталась: на дереве висел ранец Казакова. Сам Казаков, размазывая слёзы, пытался взобраться по стволу, но дотянуться до ранца не мог: ветка была слишком тонкая и могла обломиться. Лена подошла и спросила у крайнего мальчишки:

— Кто его туда зашвырнул?

— Какой-то десятиклассник, — ответил тот. — Подошёл, сказал Казакову: "Ты придурок и урод" — и зафигачил. Ни с того ни с сего!

В этот вечер Лена задержалась: она досматривала, чем всё закончится у Казакова с ранцем. Своими силами мальчишкам снять его не удалось, пришлось звать на помощь физрука, который принёс длинный шест и снял зацепившийся ранец. Отругав мальчишек, физрук ушёл к себе в спортзал, а Лена пошла домой. Она догадывалась, чьих рук это дело, только не знала, при чём здесь был десятиклассник. Впрочем, это могло быть и просто совпадение, но очень справедливое.

11.12. Беспокойная ночь

Лена купила для Авроры подарок на Новый год — тёплый красный шарф. Аврора ходила вообще без шарфа, без перчаток и без шапки, и эту вещь Лена сочла нужной. Деньги на покупку шарфа она заработала сама. Она сделала у одной бабушки уборку, и та дала ей немного денег; для второй бабушки Лена

сходила в магазин за продуктами и в аптеку, и сдачу та разрешила ей оставить себе. Ещё она постаралась для тёти Оли из соседней квартиры, посидев с её заболевшим сынишкой Димкой, пока та ходила по каким-то делам в банк и на почту, — за это Лена также получила небольшое вознаграждение. К этим деньгам Лена прибавила сбережения из своей копилки и купила прекрасный, пушистый шарф цвета спелого помидора.

Кстати сказать, папа тридцатого декабря хорошо оттянулся на корпоративной вечеринке на работе, явившись домой тридцать первого в девять утра и сразу завалившись спать. Мама была очень недовольна. Весь день они с Леной готовили праздничное угощение, а папа спал. Проснулся он только после обеда, мятый и хмурый, в не слишком праздничном настроении, и попросил пива. Мама показала ему кукиш, и папа поплёлся за пивом сам, сказав, что придёт через двадцать минут.

Он не пришёл ни через двадцать минут, ни через час, ни через три. Мама начала беспокоиться. Она обзвонила все больницы и морги; хотя папы там, к счастью, не оказалось, но и местонахождение его было по-прежнему неизвестно. Теперь не праздничное настроение было и у них с Леной. И новогодняя программа по телевизору была им не в радость, и кусок не лез в горло; мама каждые пять минут вскакивала и смотрела в окно, прислушивалась к шагам на лестнице и вздыхала:

— Да что же это такое?

Так они и встретили Новый год — без папы. Мама всю ночь сидела, тупо уставившись на экран и слушая юмористов, без тени улыбки на лице. Не до веселья было и Лене: она поглядывала на крышу соседнего дома. Под утро мама задремала прямо в кресле перед телевизором, а у Лены не было сна ни в одном глазу. Когда к стеклу балконной двери приникло бледное лицо Авроры, Лена приложила палец к губам и показала на маму.

Аврора вошла неслышно. Она склонилась над мамой и долго всматривалась, хмуря брови, потом взяла Лену за руку, и они прошли в её комнату.

— Значит, ушёл за пивом и не вернулся?

Лена вздохнула. Достав из-под подушки шарф, она набросила его Авроре на шею.

— Это тебе… С Новым годом.

Аврора прижала её к себе.

— Спасибо, зайка… Это самый дорогой подарок, который я когда-либо получала. Не в смысле цены, а… Ну, ты понимаешь.

Лена обняла её и устало склонила голову ей на плечо.

— Как ты думаешь, папа жив? Может, с ним что-то случилось?

— Если хочешь, я попробую его найти и привести домой, — сказала Аврора.

— Пожалуйста, Аврора, найди его… — Лена обняла её изо всех сил и всхлипнула. — Я очень тебя прошу… Я буду очень тебе благодарна! Если ты можешь, верни папу домой…

— Я найду его, детка, — твёрдо пообещала Аврора. — Всё будет хорошо, не расстраивайся.

11.13. Новогоднее чудо

В полпятого утра первого января в отделение милиции вошла бледная женщина в кожаном плаще и красном шарфе, стуча по растрескавшемуся линолеуму высокими каблуками сапог из змеиной кожи. Нагнувшись к окошку дежурного, она спросила:

— Хвалынский Вадим Дмитриевич здесь находится?

Дежурный хотел спросить… Впрочем, он уже не помнил, что хотел спросить. Глядя в светлые гипнотические глаза незнакомки, он тихо ответил:

— Сейчас посмотрю… — Посмотрев, он с удивлением и радостью сообщил: — О, Хвалынский! Да вот он!

— Значит, здесь, — сказала незнакомка в зелёном шарфе. И грозно спросила: — По какому поводу задержан?

— Так это… Хулиганские действия в общественном месте, — разведя руками, ответил дежурный.

— В обезьяннике? — спросил улыбчивый лысый незнакомец в коричневом пальто и крапчатом кашне.

— Ага, — расплылся в ответной улыбке дежурный.

— Так наверно, сынок, его можно уже выпустить? — ласково сказала старушка в синем платке.

— Да конечно, можно, — радостно ответил дежурный. — Сейчас, бабуся, отпустим!

— Только ты, сынок, сначала вот этот листок из журнальчика вырви, — сказал добрый старичок в серой кепке. — И съешь. Это же вкусно!

Дежурный с удовольствием сожрал листок из журнала. Ничего вкуснее в своей жизни он не пробовал. Он и не знал, что бумага такая вкусная. Как много он потерял, не зная об этом! Подумав, он вырвал и съел второй листок. Ему понравилось ещё больше, и он запихал в рот третий.

В замке загромыхал ключ, и Вадим Дмитриевич Хвалынский вздрогнул. Его одиночество в закрытом пространстве подошло к концу. По его подсчётам, сейчас должно было быть уже утро. Отлично он провёл новогоднюю ночь, нечего сказать!

— Хвалынский, на выход, — услышал он. — За тобой пришли.

Вадим Дмитриевич, не веря своему счастью, встал и вышел из сумрачной камеры в коридор, который тоже был не слишком хорошо освещён, но всё же лучше, чем камера. Рядом с отпиравшим дверь лейтенантом стояла незнакомая бледная женщина в красном шарфе и кожаном плаще, с седой прядью на лбу. Он изумлённо уставился на неё, а та обратилась к лейтенанту:

— А протокольчик его задержания можно увидеть?

— Разумеется, — ответил тот с каким-то остекленевшим взглядом.

Женщина сказала, кивнув Вадиму Дмитриевичу:

— Пойдёмте, Хвалынский. Вас дома ждут.

Ничего не понимая, Вадим Дмитриевич пошёл за незнакомкой. Её каблуки стучали по старому, истёртому линолеуму, полы длинного кожаного плаща покачивались. Вадим Дмитриевич видел эту женщину впервые. Может, это жена уже побеспокоилась насчёт адвоката? Однако, быстро!

— Простите, а вы адвокат? — спросил он.

Незнакомка, обернувшись, ответила с усмешкой:

— Адвокат, адвокат.

Когда они подошли к дежурной части, перед Вадимом Дмитриевичем предстало престранное зрелище: дежурный вырывал листки из журнала и с урчанием их пожирал, как блины в масленицу. Незнакомке в красном шарфе поднесли какие-то листки, и она, пробежав их глазами, протянула листки в окошко дежурному:

— Вот, возьми ещё протокольчик, сынок. Он-то повкуснее будет!

Дежурный, жуя бумагу, выхватил у неё протокол с такой радостью, будто ему поднесли поросёнка с гречневой кашей.

— Шпашыбо, — прошамкал он набитым бумагой ртом.

Вадим Дмитриевич с ужасом смотрел на тронувшегося умом дежурного и лейтенанта, спокойно взиравшего на уничтожение документов отрешённым, равнодушным взглядом. А незнакомка спросила:

— Где у вас тут туалет?

— По коридору и направо, — ответил равнодушный лейтенант.

— Пойдёмте, вам надо умыться, — сказала незнакомка Вадиму Дмитриевичу.

Вадиму Дмитриевичу не оставалось ничего, как только следовать за ней. Пару раз он ещё оглянулся на совсем сбрендившего дежурного и спросил:

— А он что — вроде как не в себе?

— Вероятнее всего, алкогольный психоз, — ответила незнакомка. — Перебрал человек накануне, а последствия проявились только сейчас. Такое бывает.

— Н-да, это ж сколько нужно было выпить? — покачал головой Вадим Дмитриевич. — Он вроде и не похож на особо пьющего…

11.14. Борода

В туалете он взглянул на себя в зеркало. Выглядел он не так уж плохо, только ссадина на брови. Плеснув себе в лицо водой, он спросил:

— Вас Наташа наняла?

— Нет, я здесь по просьбе вашей дочери, — ответила незнакомка.

— Лены? — удивился Вадим Дмитриевич. — А она как узнала, что я здесь?

— Она попросила меня вас разыскать и привести домой, и я выполняю её просьбу, — ответила незнакомка. — Вам ничего не предъявят, даже штрафа не выпишут. Вы сами видели, протокола больше нет.

— Ну и методы у вас, — усмехнулся Вадим Дмитриевич, сморкаясь.

— Вам повезло, — сказала незнакомка в красном шарфе. — Не сойди дежурный с ума, вы бы не отделались так легко.

— Постойте, а лейтенант? — вспомнил Вадим Дмитриевич. — У него был такой вид, будто так и надо! Это как-то странно, не находите? Или он тоже сошёл с ума?

— Не забивайте себе голову, — улыбнулась незнакомка. — Вам это на руку, вот и не беспокойтесь.

— В самом деле, — согласился Вадим Дмитриевич, стряхивая с мокрых рук воду. — Надо поскорее попасть домой, а то там Наташка с Ленкой, наверно, с ума сходят! Ну и угораздило же меня! Вот тебе и сходил за пивом…

— Погодите, ещё не всё. — Незнакомка поставила перед Вадимом Дмитриевичем флакон геля для бритья и положила бритвенный станок. — Вам надо побриться.

Вадим Дмитриевич нахмурился и пощипал свою аккуратно подстриженную бороду.

— Но я не хочу бриться, — сказал он. — Мне и так нравится.

Незнакомка положила руку ему на плечо и сказала тихо, заглядывая Вадиму Дмитриевичу в глаза:

— А вот вашей жене ваша борода не нравится. Она считает, что вам так не идёт, борода вас старит, да и колючая. Я думаю, она будет меньше на вас сердиться за ваши приключения, если вы

ей угодите.

— Откуда вы знаете? — пробормотал Вадим Дмитриевич. — Она сама вам так сказала?

— Делайте, как я говорю, — сказала незнакомка. — Не тратьте время на пререкания. Чем скорее вы побреетесь, тем скорее будете дома. К тому же, кто знает, сколько будет длиться психоз у дежурного?

Всё это было очень странно, но Вадим Дмитриевич чувствовал, что незнакомка была права — непонятно, каким образом, но права.

— Сделайте жене такой подарок на Новый год, — сказала она.

Вадим Дмитриевич в последний раз пощипал бороду.

— А, чёрт, ладно! Прощай, моя борода!

Густо намазавшись гелем, он уже занёс бритву, но замешкался и робко спросил:

— А может, хотя бы усы можно оставить?

Незнакомка покачала головой.

— Нет. Брейтесь полностью.

Вадим Дмитриевич вздохнул и начал соскребать с лица растительность.

11.15. Под фонарями

Через десять минут, трогая непривычно гладкий подбородок, он вышел из туалета следом за своим странным адвокатом. Дежурный съел уже полжурнала, и незнакомка сказала ему:

— Ну всё, хватит. А то живот заболит.

Дежурный икнул и перестал жевать бумагу. С не прожёванным клочком во рту он сидел с ошарашенным видом, пытаясь понять, что происходит, а незнакомка в это время, схватив Вадима Дмитриевича за руку, шепнула:

— Быстрее, пока он не очнулся!

Они оказались на улице. Морозец сразу защипал выбритые щёки Вадима Дмитриевича, и он поднял воротник куртки, поёживаясь.

— Сколько сейчас времени, не скажете? — спросил он у незнакомки в красном шарфе.

— Автобусы ещё не ходят, — ответила она. — Придётся идти пешком. Ничего, вам это пойдёт на пользу: проветритесь и разомнётесь.

Они шли вдвоём по пустой улице под фонарями, каблуки незнакомки звонко скрипели по снежному накату.

— А откуда Лена вас знает? — спросил Вадим Дмитриевич.

— Я здесь живу неподалёку, мы ходим в один магазин за

продуктами, — ответила незнакомка.

Поскольку Вадим Дмитриевич сам за продуктами не ходил, доверяя это дело жене и дочери, то ему пришлось поверить ей на слово. Он, однако, поинтересовался:

— А можно узнать, как вас зовут?

— Аврора, — ответила та.

— Гм, запоминающееся имя, — заметил Вадим Дмитриевич. — Аврора… и всё?

— Большего вам знать не нужно, — сказала Аврора. И так убедительно она это сказала, что Вадиму Дмитриевичу больше не хотелось спрашивать ни о чём. Ему лишь хотелось поскорее добраться домой.

Они шли по безлюдной улице под фонарями.

11.16. Ё-моё!

Первым, что дежурный увидел, придя в себя, был журнал, из которого была выдрана половина страниц, а во рту у него был противный вкус бумаги. Лейтенант, вытаращив на него глаза, сказал:

— Серёга, ты чё сделал-то? Ты зачем журнал сожрал?

Дежурный не мог ничего толком сказать в своё оправдание, он и сам был потрясен этим фактом.

— Так дедуля сказал, что он вкусный, — пробормотал он и сам содрогнулся от чуши, которую он только что произнёс.

— Какой, на хрен, дедуля, ты чё? — воскликнул лейтенант. — Мужик от нас только что вышел, адвокат!

— Нет, сначала была какая-то бабка, — припомнил дежурный. — Вот только что ей было надо, я не помню. Шапка на ней была красная.

— Да какая, на фиг, шапка? Безо всякой шапки он был, волосы такие седые, зачёсанные, и с портфельчиком! — стоял на своём лейтенант.

— Был какой-то мужик, только лысый, — вспомнилось дежурному. — Пальто коричневое, кашне в крапинку… Улыбчивый такой!

— Какие лысые мужики, перекрестись! — не соглашался лейтенант. — Седой такой, представительный, вежливый! С портфелем кожаным.

— Да не было никакого седого! — рассердился дежурный. — Лысый был, старуха была, ещё дедок в кепке. Он мне ещё протокол подсунул пожевать… — Дежурный осёкся и в ужасе умолк.

Лейтенант вытаращился на него:

— Ты чё, и протокол сожрал?

Дежурный схватился за голову:

— Ё… Чё ж я сделал-то?! А ты… Ты кого-то из камеры выпустил?

— Ну да, выпустил парнишку, — признал лейтенант. — По ошибке его загребли, не того взяли. Чего он у нас место занимать будет?

— Какой парнишка, ты чё городишь? — вскричал дежурный. — Дядька был, лет пятьдесят! И фамилия такая, на "Г". Глебов, что ли?

— Гуляев, — припомнил лейтенант. — Или Гулькин… Лет девятнадцать, со страха чуть не обделался!

— У меня ж было записано, — хватился дежурный.

А журнал-то был съеден! И в компьютере ничего не было…

— Ё-моё, — протянул он, вцепившись себе в волосы.

11.17. Возвращение блудного папы

Пообещав найти папу, Аврора выскользнула через балкон, как обычно, а Лена стала ждать, не смыкая глаз. Усталая мама спала в кресле, по телевизору шла скучная дребедень: какой-то певец, сидя на табуретке, пел в микрофон и тренькал на гитаре. Лена ждала, прислушиваясь к каждому шороху.

В ожидании прошло два часа. В шесть утра Лена услышала на лестнице шаги и нутром почувствовала, что это папа. Мама крепко уснула и не слышала, как Лена прокралась в прихожую и открыла дверь. Это в самом деле был папа — в той же самой одежде, в которой он уходил, только почему-то без бороды.

— Папа, где ты был? — шёпотом спросила Лена. — Мы с мамой так беспокоились!

Папа ничего не сказал, только присел и прижал Лену к себе.

— Прости, зайчонок… — прошептал он спустя пару секунд. — Папа нашёл себе приключений на одно место. Если бы не эта твоя Аврора, не знаю, когда бы я вернулся. Она сказала, вы с ней познакомились в магазине.

Лена улыбнулась: Аврора сдержала слово.

— Да, — ответила она. — Я её частенько там вижу. Она очень хорошая. Папа, а почему ты без бороды?

— Надоела, вот и сбрил, — ответил папа, прижимая Лену к себе крепче. — В ней жарко, и она меня старит. Как мама? Сильно на меня сердится?

— Она очень переживала и беспокоилась, — сказала Лена. — Сейчас она уснула.

Папа вошёл в комнату и склонился над спящей мамой. Мама, что-то почувствовав, открыла глаза и увидела папу. Она не

начала ругаться и кричать, просто устремила на него такой взгляд, что папа тут же присел на корточки, виновато склонив голову, и чмокнул маму в колено.

— Солнышко, прости, — сказал он. — Меня менты загребли… Не волнуйся, всё уже в порядке. Разобрались и отпустили.

Мама испустила длинный, очень длинный вздох и закрыла лицо руками. Папа, отнимая её руки от лица, спросил:

— Натуля, ты ничего не замечаешь?

Мама погладила его по бритой щеке. По её лицу было непонятно, то ли она собиралась засмеяться, то ли заплакать; погладив папу сначала по щеке, потом по подбородку, она вдруг фыркнула, и Лена с облегчением увидела, что она улыбается.

— Наконец-то ты сбрил эту дурацкую бороду… Без неё ты на десять лет моложе.

Лене почудилось, что на перилах балкона кто-то сидел, но едва она посмотрела в эту сторону, как фигура исчезла. Но Лена знала, кто это был.

11.18. Не человек и не ангел

Аврора сидела на своём излюбленном месте — подоконнике, поставив на него ноги в высоких сапогах из змеиной кожи и обхватив колени руками: она почему-то редко сидела на стульях и в кресле, предпочитая куда-нибудь взгромоздиться. Лена тоже взобралась на подоконник и уселась напротив неё в такой же позе — места едва хватило. В молчании прошла минута.

— Ну, и что ты на меня так смотришь? — усмехнулась Аврора.

Лена заговорила не сразу. Пока она формулировала ответ, Аврора смотрела ей в глаза, а потом вдруг сама озвучила то, что Лена хотела сказать.

— Ты всё ещё задаёшься вопросом, кто я, не так ли? Всё-таки усомнилась в том, что я ангел?

У Лены пробежала по спине волна неприятных холодных мурашек. Аврора прочла её мысли? Нет, это было не так уж странно, учитывая то, каким необычным существом она была. Но её взгляд, обычно ласковый, сейчас был жутковатым — гипнотизирующим, что ли. В светлых глазах Авроры открылась чёрная бездна, и Лена провалилась в её холодные глубины. Это внезапное погружение было не из приятных. При этом Лена чувствовала, как будто её мозг покрывается изморозью, и одновременно было ощущение присутствия внутри её мыслей чужого, очень внимательного взгляда, читавшего их, как книгу. Оцепенев, Лена тонула в этом чёрном холоде, пока Аврора не отвела взгляд.

— Это не может так продолжаться, — глухо прозвучал её голос, возвращая Лену к реальности.

Аврора спустилась с подоконника, прошлась по комнате. Лена неотрывно следила за ней взглядом.

— Кем ты меня считаешь, малыш? — спросила Аврора, остановившись у стола и снова вскинув на Лену взгляд, но уже не такой пронизывающий и страшный.

Приведя в движение оцепеневшие голосовые связки, Лена хрипло ответила:

— Своим другом. — И повторила уже чуть увереннее: — Да, я считаю тебя своим другом.

"Другом, — подумала она про себя. — Хоть ты и…"

— Странная? — с усмешкой озвучила Аврора Ленину мысль.

Лена кивнула. Аврора, задумчиво и горько улыбаясь, покачала головой.

— Это ненадолго… Пока не поймёшь, кто я есть. Удивляюсь, как ты до сих пор не поняла.

Лена сейчас при всём желании не смогла бы слезть с подоконника: казалось, будто она приросла к нему. Что она должна была понять? И так было ясно, что Аврора не такая, как все, что она необычное существо. Вопрос лишь в том…

— Да, вопрос в том, какое именно, — договорила Аврора. — Ладно, не буду больше ходить вокруг да около. Я не ем человеческую пищу, потому что… — Она достала из кармана прозрачный пакетик из мягкого пластика с завинчивающейся крышечкой, в котором плескалась тёмно-красная, густая жидкость. — Вот моя еда.

Отвинтив крышечку, Аврора сделала из пакетика несколько глотков. Молниеносно опередив Ленину мысль, она кивнула.

— Да. Кровь. Я не человек и не ангел. Я хищник. Вампир.

11.19. Не заданные вопросы

— Я отвечу на все твои вопросы, Леночка. Теперь деваться некуда… Для того чтобы быть ангелом, мало иметь белые крылья… Наружность бывает обманчива. Да, детка, я убила много людей. Не думаю, что это меня сколько-нибудь оправдает, но все они были скверными людьми… Среди них не было ни одного ребёнка. Я не трогаю детей, никогда.

Лена не задала вслух ни одного вопроса, но Аврора уже знала их все наперёд.

— Я не боюсь солнечного света, святой воды, распятия, серебра и чеснока, отражаюсь в зеркале. Убить меня можно, лишь отрубив голову. Я когда-то была человеком, я родилась в этом городе: то место, где был мой дом, я тебе показывала. Как я стала

такой? Это был мой сознательный выбор. Впрочем, сейчас я уже не считаю, что он был полностью осознанный… Каяться поздно, я та, кто я есть, и снова человеком мне не стать, хотя теперь я бы всё отдала за эту возможность. Ну, вот и всё… Теперь ты всё обо мне знаешь.

Да, теперь всё встало на свои места… Вжавшись в угол между стеной и оконной рамой, Лена наблюдала за передвижениями Авроры, внутренне сжимаясь и ожидая броска, но Аврора и не думала на неё бросаться. Она выглядела усталой, печальной, угрюмой — какой угодно, но только не опасной.

— Тебя я никогда не трону, — тихо проговорила она. — Я уже давно никого не убиваю, питаюсь донорской кровью. Не веришь мне? — Аврора горько усмехнулась. — Что ж, твоё право. Ну, как считаешь — может между нами быть дружба?

Лена ничего не могла ответить. Её сердце сжалось в комочек и трепыхалось в горле. Аврора, как будто нарочно для того чтобы усугубить произведённое впечатление, обнажила в улыбке не по-человечески длинные окровавленные зубы. Ещё несколько минут назад они казались вполне нормальными, а сейчас клыки так выросли, что стали похожими на волчьи. Лена вздрогнула, и Аврора, почувствовав это, покачала головой.

— Я зря всё это затеяла, — вздохнула она, спрятав оскал и вернув своему лицу человеческое выражение. — Наверно, с моей стороны было ошибкой входить в твою жизнь. Сама не знаю, зачем я это сделала… Зачем привязалась к тебе. Ты ещё маленькая, в твоём возрасте душевные раны легче и быстрее затягиваются… А моя будет ещё долго болеть и кровоточить… В этом плане тебе повезло больше, чем мне. Прости, Леночка, наверно, это была наша последняя встреча.

Тщательно вытерев рукой губы, Аврора подошла и приложилась ими к щеке Лены — кротко, прохладно и едва ощутимо. Выскользнув через балконную дверь, она исчезла.

Лена опомнилась, лишь когда в комнате стало очень холодно. Между серым небом и белой землёй кружился снег, залетая в балконную дверь и тая на ковре. Лена очень замёрзла, за грудиной тупо пульсировала тоска.

Она закрыла балкон и легла в своей комнате на кровать. Через час начинались уроки, но Лене было всё равно. Она не пошла в школу.

11.20. Невидимка

Той же ночью у Лены поднялась температура. Она металась в жару и стонала, её то знобило, то бросало в пот. Ей становилось

всё хуже. Утром вызвали "скорую", и Лену увезли в больницу.

Она стонала в бреду и звала:

— Аврора…

Мама недоумевала:

— Что за Аврора?

Папа хмурил лоб и молчал, но потом сказал:

— Кажется, я знаю.

Он напечатал объявление:

"Аврора! Лене очень плохо, она больна. Пожалуйста, приходите. Вы нужны".

Листки с этим объявлением он расклеил по всему району, так как не знал, где именно жила Аврора. Один листок он наклеил возле продуктового магазина, в котором они обычно делали покупки.

На следующий день в палате у Лены они обнаружили плюшевого мишку, корзину с огромным букетом роз и открыткой:

Леночка!

Хоть ты меня и не видишь, я с тобой. Всё хорошо, не грусти.

Я люблю тебя и думаю о тебе.

Твоя Аврора.

Лена пришла в себя. Она обнимала мишку и спрашивала, еле шевеля бескровными губами:

— Она была здесь? Была?..

Папа подумал и сказал:

— Да, доченька. Она была у тебя, только ты спала. Она не стала тебя будить.

Пока Лена болела, Аврору никто не видел: ни мама, ни папа, ни медперсонал. Но каждый день в палате каким-то непонятным образом появлялись цветы, конфеты, фрукты, мягкие игрушки — утёнок, щенок, кошечка. Появилась даже тарелочка, полная отборной земляники. Кто всё это приносил, не мог уследить решительно никто. Казалось, будто в больнице бывал невидимка. Мама с папой даже пробовали установить круглосуточное дежурство у Лениной палаты, но затея не увенчалась успехом, Аврору они так и не засекли, а она как будто посмеивалась над ними, проскальзывая незамеченной у них прямо под носом. Однажды мама в свою вахту уснула, а когда проснулась, на

коленях у неё была белая роза, а на щеке — след от губной помады в виде поцелуя, а на Лениной тумбочке — маленькая шоколадка и цепочка с кулоном-капелькой на красной шёлковой подушечке в форме сердца. Лена сразу же надела цепочку, а мягкое шёлковое сердце положила себе под щёку и спала на нём.

— Что за невидимка? Как ей это удаётся? — не могли взять в толк родители.

Лене Аврора тоже не показывалась. Пару раз Лена сквозь сон чувствовала на щеке поцелуй холодных губ, но когда открывала глаза, в палате уже никого не было. Неуловимость Авроры огорчала её, но постоянные знаки внимания согревали ей сердце и вселяли в неё уверенность, что Аврора по-прежнему любит её. Но почему она не хотела показаться, почему оставалась невидимой, всё время ускользала? Это озадачивало Лену и печалило её, но, тем не менее, она поправлялась. Проболев три недели, она выздоровела и снова пошла в школу.

11.21. Нож в спину

Морозным вечером двадцать второго февраля Лена возвращалась из школы домой. Уже темнело, и Лена спешила. Она шла быстро, снег скрипел под её ногами.

Она не сразу заметила высокую мужскую фигуру, следовавшую за ней. Сначала она не встревожилась, подумала, что это просто прохожий. Но мужчина не отставал и не обгонял её, никуда не сворачивал — словом, шёл за ней. Лена начала беспокоиться. Она прибавила шаг, и он прибавил шаг. Она пошла медленнее — он тоже замедлился. Сердце Лены заколотилось. Она бросилась бежать, слыша за спиной скрип снега под бегущими ногами. Он бежал быстрее, она была обречена. Лена бежала из последних сил, сколько могла, пытаясь прожить ещё хоть на минуту дольше, пока ноги не подкосились, и она упала в снег, почувствовав резкую боль в правой ноге.

Лена упала, а он уже почти настиг её. Лёжа на снегу, она вдруг увидела большую крылатую тень, слетевшую с ближайшей крыши, которая, приземлившись, стала худощавой фигурой в короткой куртке, с красными огоньками глаз и стройными длинными ногами в сапогах на высоком каблуке. Она схватила преследователя за плечо, тот съёжился и обернулся, а она ударила его кулаком в лицо. Удар был такой силы, что незнакомец отлетел на другую сторону улицы и тряпичной куклой упал в снег. Спасительница склонилась над Леной.

— Леночка! Детка моя, ты цела?

Лена узнала этот голос, и глаза могли быть только её — Авроры. Лена что было сил обняла её за шею.

— Аврора…

— Да, маленькая, я с тобой. Всё хорошо? Нигде не больно?

— Аврора, я соскучилась по тебе, — всхлипнула Лена. — Ты не должна была так поступать… Не должна была уходить! Не тебе было решать за меня! Не тебе! И я не маленькая… Мне больно…

Стискивая плачущую Лену в сильных и нежных, но прохладных объятиях, Аврора прошептала:

— Прости, малыш… Прости меня. Когда-нибудь ты поймёшь… Может быть, потом. Слишком долго и трудно объяснять.

— А ты объясни! Объясни! — рыдая, требовала Лена.

Аврора только гладила её по спине и по шапочке. Мужчина тем временем, полежав, пришёл в себя и начал подползать к ним по-пластунски. В руке у него что-то блестело. В нескольких шагах он поднялся на ноги и бросился сзади на Аврору. Короткий взмах — Лена закричала — Аврора вздрогнула от удара и пошатнулась, но не упала, а стала медленно поворачиваться к нападавшему лицом. В спине у неё торчал нож, вонзённый по самую рукоятку.

— Знаешь, что ты сделал, урод? — сказала она. — Ты испортил мне куртку. А тебе известно, сколько она стоит? Это кожа анаконды! Ты со всеми твоими потрохами стоишь дешевле!

Её рука сжала горло мужчины и приподняла его над землёй. Лена ясно видела: ноги мужчины оторвались от снега.

— Убрался бы подобру-поздорову — остался бы жив, — прорычала Аврора жутким, неузнаваемым голосом, на октаву ниже её обычного. — А теперь тебе конец, ублюдок.

Она утащила его за угол, причём мужчина почти не сопротивлялся, только сучил ногами по снегу, издавая хлюпающие звуки. Они скрылись за углом, и всё стихло. Лена заметила быстро промелькнувшую чёрную тень с холодными жёлтыми огоньками глаз. Это была не человеческая фигура, а силуэт какого-то зверя. Собака? Лена не разглядела, тень мелькнула слишком быстро и исчезла.

А потом из-за угла вышла Аврора. Она шла медленно, но твёрдо, не шатаясь. Зачерпнув горсть снега, она вытерла им рот. Лена хотела вскочить ей навстречу, но резкая боль в щиколотке заставила её вскрикнуть. Надев Ленин ранец себе на плечо, Аврора легко подхватила её на руки, как куклу, и понесла по улице. Хоть она и утёрлась снегом, на её губах и зубах алела кровь, а зрачки тлели красным огнём. Лена прошептала:

— Ты убила его?..

Верхняя губа Авроры приподнялась в кровавом оскале, на её лице горели глаза демона. Такой страшной Лена её никогда не видела. Это было её настоящее лицо.

— Он отморозок, не жалей о нём, — сказала Аврора всё ещё ужасным, низким, рычащим голосом.

Лена изо всех сил обняла её за шею и прильнула к ней, зажмурившись.

— Я тебя не боюсь, — пролепетала она, гладя её холодную щёку и волосы. — Не боюсь… Я всё равно тебя люблю…

Уже почти человеческий, узнаваемый голос Авроры ответил:

— Я знаю, милая. И я тебя люблю.

Лена посмотрела ей в лицо. Аврора уже не была страшная, красный адский огонь в её глазах угас, остались лишь маленькие красные искорки не больше острия иголки. В её спине торчал нож, но она как будто не замечала этого.

— Аврора, ты же ранена, тебе надо в больницу, — всхлипнула Лена, гладя холодное лицо Авроры.

— Да, моя хорошая, как только ты будешь дома, в безопасности, я сразу пойду в больницу, — ответила та ласково.

— Нет, Аврора… Тебе надо в больницу срочно! — возбужденно убеждала Лена. — У тебя нож в спине!

— Пусть он пока там останется, — сказала Аврора спокойно. — Его вынет доктор. Не волнуйся, для меня эта рана — пустяковая. Моей жизни она не угрожает.

— Аврора, поставь меня, я сама пойду! — волновалась Лена.

— Леночка, успокойся, — устало улыбнулась Аврора. — Мне совсем не трудно нести тебя, мне это только в радость.

Мимо плыли жёлтые квадраты окон, с тёмного неба сыпался искристый снег, блестел на плечах и волосах Авроры и скрипел под её каблуками. Обнимая её за шею, Лена с тревогой вслушивалась в этот мерный скрип и с содроганием думала о ноже в спине Авроры.

— Аврора, ты хотя бы отдохни немножко, — предложила она.

Уголок рта Авроры чуть дрогнул в усмешке.

— Не беспокойся, Леночка. Всё нормально.

11.22. Подъём

Вместо того чтобы вызвать лифт, Аврора стала подниматься по лестнице пешком. Каждый её шаг отзывался в сердце Лены болью и содроганием.

— Аврора, есть же лифт, — сказала она.

Аврора только улыбнулась и продолжала подниматься по ступенькам с Леной на руках и ножом в спине. Её лицо было очень усталым и бледным, но глаза смотрели на Лену с нежностью. На площадке между пятым и шестым этажом она остановилась и усадила Лену на подоконник, а сама утомлённо упёрлась в него руками с обеих сторон от Лены.

— Елена…

Раньше Аврора никогда так не называла Лену, и это прозвучало странно, отозвавшись в сердце Лены тревожным эхом. Опустив голову, Аврора заговорила, и каждое её слово падало, как мёртвый осенний лист:

— Елена, будет лучше, если наши пути разойдутся. Я никогда не забуду тебя, ты навсегда останешься в моём сердце.

Лена, похолодев, пробормотала:

— Аврора… Ты что, уходишь? Бросаешь меня?

Аврора устало улыбнулась и покачала головой.

— Не сердись, не обижайся на меня сейчас, милая… Лучше обними.

Обняв её за шею, Лена заплакала.

— Мы что, больше не увидимся? Аврора, пожалуйста, не надо… Не умирай!

Аврора прижала её к себе.

— Ну что ты, детка… Я и не собираюсь. Просто я улетаю отсюда. Думаю, навсегда. Я прощаюсь со своим родным городом, который стал почти чужим. Мне здесь больше нечего делать. Это больше не мой дом.

— Аврора, а как же я? — плакала Лена.

— У тебя всё будет хорошо, детка, — вздохнула Аврора, гладя её по волосам. — И это не обнадёживающие слова. Я это знаю, поверь мне. Спасибо тебе за всё… То, что ты мне дала, бесценно, и этого никто у меня не отнимет. Это навсегда останется со мной. Ну, всё… Я не люблю долгих прощаний. Расстанемся здесь. Беги, малыш, осталось всего два с половиной этажа.

Холодные губы прижались ко лбу Лены.

11.23. Кровь на перилах

Это был самый тяжёлый в её жизни подъём, каждая ступенька давалась ей с трудом, на её ногах как будто висело по гире. Ключ поворачивался в замке туго, а дверь была тяжёлой, как в банковском сейфе. Уронив рюкзак в прихожей, Лена сбросила обувь и куртку, поплелась в комнату и упала ничком на диван.

Мурашки по коже и беспричинное беспокойство заставили её поднять голову и посмотреть в окно. В синих сумерках, на фоне жёлтых окон соседнего дома на балконе стояла Аврора. Лена бросилась к ней, хотела открыть балконную дверь, но она почему-то не поддавалась, сколько она её ни дёргала. Аврора покачала головой, и Лена поняла, что это она не давала ей открыться. Не в силах сдерживать слёзы, Лена приложила к холодному стеклу ладонь, и с той стороны её накрыла ладонь Авроры. Аврора дохнула на стекло, а потом на образовавшемся белом пятне

нарисовала пальцем сердечко и оставила след губ в его центре. Пару секунд она стояла, прислонившись к перилам балкона, и нежно смотрела на Лену, а потом, вскочив на них одним сапогом, оттолкнулась и исчезла ширококрылой тенью.

Едва она исчезла, невидимая сила перестала удерживать балконную дверь, и Лена смогла её открыть. Она выскочила на балкон и крикнула в темнеющее небо:

— Аврора!

Ответом ей были только тишина, свежесть морозного воздуха и уютный жёлтый свет окон. Дрожащими и мокрыми от слёз губами Лена пробормотала:

— Аврора…

На перилах балкона осталось несколько чёрных выпуклых капель — кровь из раны Авроры, с дрожью в сердце догадалась Лена. А в следующую секунду её осенила мысль: заразиться. Да, слизнуть её кровь и стать такой же, как она, обрести крылья и лететь следом за ней. Решение созрело в один миг, идея мощно завладела всем её сердцем без остатка. Она оглянулась назад, на комнату. "Прощай, дом, прощайте, мама и папа, — подумала она. — Я хочу быть с Авророй". Окинув прощальным взглядом мебель, телевизор и пианино, Лена решительно повернулась к перилам. Капли выпукло чернели на них, блестя в свете из комнаты. Лена нагнулась, приоткрывая рот.

Шум больших крыльев заставил её поднять голову, и её лица коснулся поднятый ими вихрь.

— Лена! — прогремело на весь двор. — Нет!

Чёрные капли скрылись под бледной рукой, а другая рука оттолкнула Лену от перил к двери. Аврора, вцепившись в перила, делала мощные взмахи крыльями.

Мама, вернувшись с работы, вошла в комнату и увидела, что Лена стояла в проёме открытой балконной двери, а на балконе что-то происходило. Что-то белое махало там в воздухе, как будто простыня трепетала на ветру. Подойдя поближе, мама увидела существо с огромными белыми крыльями, которое, вцепившись в перила балкона, отрывало их. Ему приходилось так сильно махать крыльями, что от поднимаемого ими ветра колыхались Ленины волосы. Заскрипели выворачиваемые из бетона балконные прутья, и передняя часть ограждения оторвалась, оставшись в руках у крылатого существа.

— Извините за ущерб, — сказало оно, поблёскивая красноватыми искрами в глазах. — Но я не могу это здесь оставить. Милая, — обратилось оно к Лене, — это была плохая идея!

И существо, взмахнув белыми, как у ангела, крыльями, взмыло в небо, унося с собой часть балконного ограждения. Ошеломленная мама стояла столбом, моргая.

— Это что… это кто… Это что сейчас было?

— Аврора, — ответила Лена.

* * *

Она прилетела на фьорд ещё до рассвета. Стояла в холодных утренних сумерках, устремив взгляд на светлеющий край неба — вместе с кошкой, не более подвижная, чем это изваяние.

Рассвет набирал силу. Два силуэта — кошачий и человеческий — молча ждали восхода солнца.

И оно взошло, заблестев на шлифованных изгибах тела каменного животного и отразившись искорками в зрачках его неподвижной соседки.

Она закурила. Выпуская дым по ветру и стряхивая пепел себе под ноги, она смотрела на переливающуюся рассветными красками гладь бухты. Докурив и погладив кошку по каменной спине, сказала:

— Ладно, Эйне. Я попробую. Хотя, если честно, и не знаю. Может, мне и удастся. — И с усмешкой добавила: — Чёрт тебя знает, что ты хотела этим сказать…

Взмах крыльев — и через мгновение её уже не было. Кошка осталась одна — вечно бодрствовать, встречая рассвет за рассветом. И ждать.

10 сентября 2007 — 15 октября 2009 г.